

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

исследования по российской и всеобщей истории

№ 3 (39) 2023

Учредитель

Санкт-Петербургский
институт истории РАН
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98
E-mail: SPbHistoryStudies@mail.ru

Адрес редакции

«Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98

Издатель

Издательство «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
E-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Типография

«Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Издается с 2014 г.
Выходит 4 раза в год
ISSN 2311-603X

Редакционный совет:

д. и. н. *И. П. Медведев* (академик РАН, Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д. и. н., профессор *А. К. Гаврилов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д. и. н., профессор *Иоанна Геровска-Каллаур* (Институт истории им. Тадеуша Мантейфеля Польской академии наук, Варшава)

д. и. н., профессор *А. Х. Даудов* (директор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета)

д. и. н. *О. П. Илюха* (директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск)

д-р, профессор *И. Коэн* (Высшая школа социальных наук, Париж)

д. и. н. *Т. В. Андреева* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

профессор *А. Рабинович* (Индианский университет)

д. и. н., профессор *Н. Н. Смирнов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский государственный университет)

д. и. н. *А. Н. Чистиков* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н. *С. Н. Искюль* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д. и. н., профессор *М. В. Ходяков* (Санкт-Петербургский государственный университет)

д. и. н. *С. Е. Эрлих* (Генеральный директор издательства «Нестор-История»)

к. филол. н. *Д. В. Кейер*

д.и.н., ведущий научный сотрудник
Б. Н. Ковалев (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

№ 3 (39) 2023

Редакционная коллегия:

Главный редактор — д.и.н. А. И. Рупасов
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Professor *Aleksandr Lavrov*, Lettres Sorbonne
Université, UFR Études slaves

Professor *Alexander Martin*
(University of Notre Dame)

Professor *Simon Franklin* (Department
of Slavonic Studies, Clare College)

к.и.н. *В. И. Мажуга* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д.и.н., профессор *А. П. Павлов*
(Институт истории Санкт-Петербургского
государственного университета)

д.и.н., профессор *В. И. Шишкин* (Институт
истории Сибирского отделения РАН)

профессор *Т. Вихавайнен* (Хельсинкский
университет)

профессор *У. Г. Розенберг* (Университет
Мичигана, Европейский университет
в Санкт-Петербурге)

д.и.н., профессор *Т. Г. Леонтьева*
(Тверской государственный университет)

Секретариат

Ответственный секретарь — *М. В. Друзин*
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН)

А. А. Ефимов
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН)

Дата подписания в печать: 06.08.2023

Дата выхода в печать: 07.08.2023

Перепечатка материалов
допускается только с письменного
разрешения редакции журнала.

Тираж 500 экз.

Заказ № 2994

Цена свободная

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации

ПИ № ФС77—64510

от 31.12.2015

© Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук, 2023

© Издательство «Нестор-История», 2023

Содержание

Отечественная история

- *А. В. Дмитриев*
Следственные практики в частях русской регулярной армии в Сибири во второй половине XVIII века 8
A. V. Dmitriev
Investigative practices in the Russian regular army units in Siberia in the 2nd half of the 18th century
- *М. В. Друзин*
Учреждение Совета по горнопромышленным делам: интересы и интересанты.....23
M. V. Druzin
Establishment of the Mining Affairs Council: Interests and stakeholders
- *А. А. Ефимов, В. Б. Ефимова*
Переписка по делу М. Е. Месмахера (к вопросу о невыплате архитектурского гонорара за работы во дворце великого князя Владимира Александровича в 1886–1893 гг.)37
A. A. Yefimov, V. B. Yefimova
Correspondence on the case of M. E. Messmacher (on the issue of non-payment of the architect's fee for work in the palace of Grand Duke Vladimir Alexandrovich in 1886–1893)
- *Е. Е. Юдин*
Аристократия и механизация сельского хозяйства: применение машин в крупных помещичьих имениях Российской империи в 1890–1914 гг.50
E. E. Yudin
Aristocracy and mechanization of agriculture: the use of machines in large landed estates of the Russian Empire in 1890–1914
- *Е. В. Воейков*
Решение проблемы снабжения промтоварами рабочих лесозаготовок 1930-х гг.65
E. V. Voeikov
Solving the problem of supplying industrial goods to logging workers of the 1930s

- *А. В. Жадан*
Органы НКВД Дальнего Востока в борьбе с экономической преступностью (1941–1945)79
A. V. Zhadan
NKVD bodies of the Far East in the fight against economic crime (1941–1945)

Всеобщая история

- *А. В. Бодров*
«Из рациональных побуждений я присоединяюсь к казаку».
Образ России в представлениях Поля Камбона.....91
A. V. Bodrov
“From rational motives, I join the Cossack”. The image of Russia in perception of Paul Cambon
- *С. К. Лебедев*
К вопросу подготовки десантных операций Тихоокеанского флота СССР
в портах Кореи в августе 1945 г. 103
S. K. Lebedev
On the issue of preparing of landing operations of the Pacific Fleet of the USSR
in the ports of Korea in August 1945

Материалы Международной научной конференции «Великий реформатор России: к 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского», Санкт-Петербург, 22–23 сентября 2022 г.

- *И. В. Лукьянов*
М. М. Сперанский и его проекты переустройства государственного строя
России: конституция или защита самодержавия?..... 117
I. V. Lukoyanov
M. M. Speransky and his projects for the reorganization of the state system of Russia:
a constitution or protection of the autocracy?
- *Т. В. Андреева*
Вопрос о независимости Греции во внешней политике России
в первой четверти XIX в. и М. М. Сперанский 126
T. V. Andreeva
The question of Greek independence in Russia’s foreign policy in the first quarter
of the 19th century and M. M. Speransky
- *Т. Н. Жуковская*
Школа для империи: М. М. Сперанский и С. С. Уваров о просвещении
как инструменте реформирования империи 140
T. Zhukovskaya
School for the empire: M. M. Speransky and S. S. Uvarov on education as a tool
for reforming the empire
- *С. А. Исаяев*
Проекты М. М. Сперанского и политический опыт США 149
S. A. Isaev
The projects by Michael M. Speranskiy and the U. S. political experience

- *В. В. Кучурин*
М. М. Сперанский и русский мистицизм: историко-биографические аспекты 156
V. V. Kuchurin
M. M. Speransky and Russian mysticism: historical and biographical aspects
- *И. В. Олимпиева*
М. М. Сперанский и юридическое образование в Российской империи в первой трети XIX века 165
I. V. Olympieva
M. M. Speransky and legal education in the Russian Empire in the first third of the 19th century
- *П. К. Романов*
«Мысль Вашу я понимаю совершенно...»: роль М. М. Сперанского в процессе подготовки денежной реформы 1839–1843 гг. 175
P. K. Romanov
“I understand your idea completely...”: the role of M. M. Speransky in the process of preparing the monetary reform of 1839–1843
- *М. М. Шевченко*
С. С. Уваров и М. М. Сперанский 188
M. M. Shevchenko
S. S. Uvarov and M. M. Speransky
- *Д. Н. Шилов*
Издание документального наследия М. М. Сперанского: опыт и перспективы 198
D. N. Shilov
Publication of the documentary heritage of M. M. Speransky: experience and prospects

Сообщения

- *Е. В. Трепналова*
Собрание арабских текстов на папирусе из коллекции Н. П. Лихачева в ИВР РАН 207
E. V. Trepnalova
Arabic texts on papyrus from the Likhachev collection in the IOM RAS
- *А. Г. Гуменюк*
Кириллическая арифметика в Книге сошного письма 216
A. G. Gumenyuk
Cyrillic arithmetic in the Book of *Soshny* Writing
- *В. Бередникова*
Подготовка личного состава партизанских соединений в Ленинграде и Ленинградской области в 1941–1944 гг. 231
V. Berednikova
Training of personnel of partisan units in Leningrad and Leningrad region in 1941–1944

Рецензии

• *Н. Н. Смирнов*

О новом отражении и осмыслении партийной истории

(Рецензия на публикацию: Петербургский комитет РКП(б) в 1919 году:

Протоколы и материалы заседаний / Сост.: Т. А. Абросимова, Б. Б. Дубенцов,
А. Рабинович, К. А. Тарасов, В. Ю. Черняев. СПб.:

Нестор-История, 2023. 504 с.)..... 243

N. N. Smirnov

On a new reflection and comprehension of party history (Review of the publication:

Petersburg Committee of the RCP(b) in 1919: Minutes and materials of meetings /

T. A. Abrosimova, B. B. Dubentsov, A. Rabinovich, K. A. Tarasov, V. Yu. Chernyaev (comps.).

St. Petersburg: Nestor-Historia, 2023. 504 p.)

Требования к публикации статей и материалов 251

А. В. Дмитриев

Следственные практики в частях русской регулярной армии в Сибири во второй половине XVIII века

История формирования системы судопроизводства и деятельности следственных органов в Российской империи XVIII в. на сегодняшний день активно изучается исследователями. Достаточно назвать в этой связи работы Е. В. Акельева, Д. О. Серова и ряда других авторов¹. Однако до сих пор по большей части остаются в тени вопросы, связанные с функционированием следствия и суда в сфере военной службы, в частях регулярной армии империи, где уже с петровской эпохи применялись свои нормы права, а соответствующие процедуры осуществлялись на практике не гражданскими чиновниками, а армейскими офицерами, подчинявшимися генерал-аудитору Военной коллегии как высшей инстанции. Ни в работах дореволюционных исследователей, ни в современных публикациях мы не находим информации именно о механизмах проведения следствия одними военнослужащими в отношении других². Как правило, основное внимание на сегодняшний день уделяется деятельности собственно судебных учреждений и эволюции норм военного права³. Между тем изучение повседневной практики реализации следственных действий в частях регулярной армии не только позволяет выяснить, насколько полно могла быть установлена истина при расследовании преступлений, совершенных людьми в мундирах, но и показывает степень эффективности использовавшихся военными методов сбора данных, необходимых для вынесения судами приговоров. Поэтому мы сочли необходимым

обратиться к материалам ряда судебно-следственных дел из архива военного ведомства (фонд № 8 «Генерал-аудиторская экспедиция канцелярии Военной коллегии» Российского государственного военно-исторического архива), в которых содержатся сведения о проведении следственных мероприятий в отношении военнослужащих армейских частей на территории Сибири за вторую половину XVIII в.

Пожалуй, самые значительные затруднения встречали армейские офицеры, проводившие следствие по делам, связанным с нанесением материального или финансового ущерба государственной казне. В качестве примера подобного рода можно привести расследование по делу о растратах казенных денежных сумм комендантом Усть-Каменогорской крепости секунд-майором Варфоломеем Веревкиным, которое, начавшись с 1771 г., тянулось более десятка лет и не завершилось еще даже в 1785 г.! Поводом к началу следствия послужил донос купца Шилова, занимавшегося подрядными поставками провианта для войск Сибирского корпуса, на своего «коллегу» по подрядам, тульского купца В. Самсонова, о том, что последний «сам собою забрал» (т. е. самовольно получил) из комендантских канцелярий в нескольких крепостях по Иртышской линии (Ямышевской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской) до 20 или даже до 30 тыс. руб. Прочитав этот донос, тогдашний командующий Сибирским корпусом генерал-майор С. К. Станиславский велел полковнику С. Сумарокову заняться расследованием, для чего привлечь «из штаб или обер афицеров людей к тому способных и надежных, сколко к тому надобность востребует»⁴. Сумароков, затребовав из Усть-Каменогорской крепости ведомости о приходе и расходе денежной казны, обнаружил, что по одному только ведомству Генерального кригс-комиссариата из 27 с лишним тыс. руб., указанных в приходе, записаны в книгах выданными на жалование полкам только 12,5 тыс. руб., а остальные 14 с лишним тыс. «в расход нигде не записаны». Лишь в одном из указов Усть-Каменогорской комендантской канцелярии было упомянуто, «что оная отдана за поставку провианта купцу Василью Самсонову и товарищу ево Шилову, и за тем комисариатцкой суммы в наличности нисколько нет»⁵.

Генерал-майор Станиславский, придя в негодование, повелел произвести полную ревизию всей финансовой документации, находившейся в Усть-Каменогорской крепости: «Приход, расход и остаток рассмотреть, сличить и сообразить... все ли суммы сходны, и столко ли их в приход поступило, сколко поступить надлежало, и остаток прошлогодних сумм и нынешнаго году в книги тот ли занесен в приход, какой прошлого году в книгах значится, и есть ли на то пометныя формалныя ведомости, и расход из оных по законным ли осигнациям и документам употреблялся, и есть ли точныя на выдачу куда и коликого числа денег откуда указы или повелении, или без оных Усть Каменогорская каменданская канцелярия сама собою х какой либо незаконности и указам противной выдаче приступала»⁶. Однако с самого начала эта попытка

встретила непреодолимые затруднения, поскольку даже книг по тем или иным видам казенных сборов (подушному, питейному, соляному, конскому и пр.) в крепостной канцелярии не велось, а вместо них использовалась простая тетрадь, в которую вносились соответствующие записи по приказу командовавшего на линии до 1771 г. генерал-майора А. М. Хераскова (которого теперь уже сменил генерал-майор А. Д. Скалон).

Масла в огонь подлило и то обстоятельство, что при смене Веревкина в должности крепостного коменданта его преемник секунд-майор Алексей Самарин обнаружил, что в 1772 г. сумма сбора подушных денег с населения округа почему-то оказалась на 584 руб. 7,5 коп. меньше, нежели в предыдущем 1771 г., и задался резонным вопросом: «От чего остаток от 771 к 772 году денгам не сходен?»⁷ Получив соответствующее доношение, новый командующий Сибирским корпусом генерал-поручик И. А. Деколонг приказал начальствовавшему над крепостями Иртышской линии генерал-майору А. Д. Скалону распорядиться «о скорейшем сочинении и отсылке в Омскую комендантскую канцелярию о подушном зборе за прошлые годы месячных полугодовых и годовых рапортов»⁸. Однако выполнить это распоряжение оказалось невозможно, поскольку, как донесли Скалону из комендантской канцелярии, «подушного збору повытья здесь в заведении не было, да и дел о том, как подушныя денги вступали и збирались, не находитца, и с чего те отправленные за рукою господина коменданта Веревкина ведомости сочинялись неизвестно, да и тех книг прошлых годов подушного збору в канцелярии нет и от него, Веревкина, не здано»⁹. Пришлось организовывать следственную комиссию «о счислении казенных денежных сумм бытности прежняго господина коменданта Веревкина» во главе с премьер-майором Ф. Жолобовым. Эта следственная комиссия с самого начала своей работы встретила серьезные препятствия.

Уже в октябре 1772 г. Жолобов рапортовал, что «в приведении х концу... щета и образования денежной казны медлительность настоит от неприсылки в ту коммисию от бывшаго коменданта Веревкина асигнацей, по которым денежная казна в Усть Каменогорскую комендантскую канцелярию взошла, а потому и в книги записывана была, бес которых ревизования книг никоим образом производить не можно»¹⁰. На этом основании Скалон заподозрил, «нет ли какой фалши в записке в книги денег или сочинения асигнацей подложных», и приказал Жолобову держать бывшего коменданта и некоторых его подчиненных в канцелярии под стражей до тех пор, пока они не предоставят необходимую документацию. На основании записей в книгах Жолобов обнаружил, что на 1 сентября 1772 г. в Усть-Каменогорской крепости должны были находиться не менее 20 тыс. руб., поступивших от питейного, кригс-комиссариатского и подушного сборов, которые теперь и должен был предъявить следователям новый комендант Самарин. Однако последний был не в силах этого сделать, поскольку «денги разных сумм в приход и расход шли» непрерывно. Для правильного ведения бухгалтерии Самарин просил временно выдать обратно

предоставленные следователям приходно-расходные книги: «Понеже нынешняго году книги и документы всех денежных сумм от щетчиков отобранными и у оного разбирательства на ревизовании состоят, ис коих во многия книги за тем отбором по документам приход и расход не внесен... и для того нынешняго году книги для вноски в них сумм хоть на время, но ныне ж немедленно и персонально отдать, а когда занесены будут, тогда их паки для справок взять сие разбирательство может»¹¹. Поэтому следователи решили сначала заняться выявлением поступлений и расходов за предыдущие годы, но и здесь успеха не имели.

В ответ на попытки добиться от экс-коменданта предоставления комиссии ведомостей и рапортов о поступавших за соответствующие периоды денежных суммах Веревкин, нимало не смущаясь, заявлял в августе 1773 г., что «прежде сочиненные за весь 771 и 772 году по вторую половину рапорты учинены сходственно, и остаток от 771 и 772 году подушных и накладных денег по годам показан правильно... никаких де несходствиев не имеется и денежная казна из году в год остатком поступала сходственно»¹². Наличие же упомянутого выше долга в размере 548 руб. 7,5 коп. он категорически отрицал. Более того, саму финансовую документацию он тоже отказался предоставить: «Что ж де касается до сочинения за весь 771 и 772 годов по вторую половину о том подушном зборе месячных рапортов, то оные де не сочинены за тем, что расход денежной казне происходил тех годов толко в одних первых половинах, ис которых остаток из месячных рапортов видеть можно»¹³. Восстановить же эту документацию, как выяснила комиссия, было уже невозможно «за умертвием бывшего коменданского писаря Кошкарова, которой о том подушном зборе все ведомости и рапорты сочинял, никаких ведомостей и рапортов, кроме одного за 770 год черного годового рапорта, в делах не отыскано, и за тем, яко же и за бывшим пожаром и за згорением дел справитца нечем», так что «из здешней канцелярии всего того за прошлые годы обстоятелства и справки уже возыметь никакого способа не находитца, сколь бы сильное в том оной канцелярии присудствующаго старание не прилагалось»¹⁴.

Обнаружилась также пропажа 8 тыс. руб., которые были «приняты ис правянской суммы привезенныя из омской правянтмейстерской комиссии ис крепости Ямышевской в прошлом 770 году, а в приход записаны не были... должно им у нынешняго настоящаго коменданта быть в наличности, а их нет, и они по видимому все ушли или часть из оных зачотами и заменами в расход»¹⁵. Обращение в тобольскую кригс-комиссариатскую комиссию в поисках документов, которые могли бы пролить свет на судьбу денег, полученных от комиссариатского сбора, также не дало эффекта — комиссия ответила, что «о приходах и расходах дела и определении отосланы к ревизованию в Москву в государственную Ревизион коллегию, а по комиссии толко оставлены входящих и исходящих журналы, и потому в сей комиссии... повеленной ведомости сочинить не ис чево»¹⁶.

В 1774 г. премьер-майора Жолобова сменил во главе следственной комиссии секунд-майор Ф. Шахов. В отправленном последнему в ноябре того же года ордере генерал-поручик Деколонг с раздражением отмечал, что «усматриваетца вместо желаемого конца описываемые разные изнеможения к единственному препровождению времени без всякаго и малейшаго успеха», и грозил, что «за неприлежное старание непременно все находящиеся камисионеры штрафованы будут удержанием жалованья... а дабы и комендант Веревкин по требованиям коммиским без далной проволочки надлежащая объяснению присылал, и естли в чем либо усмотритца напрасное и за одними гулянками продолжение, то по силе прежде посланных ордеров, несмотря на ево старшинство, содержать в коммисии по то время, поколь точнаго по тем коммиским требованиям исполнения учинено не будет»¹⁷.

Продолжая разбираться с нехваткой денег по разным статьям денежных сборов, комиссия Шахова в дальнейшем выявила еще целый ряд других случаев безвозвратной пропажи казенных средств, предназначавшихся для выдач крестьянам-посельщикам на покупку лошадей, за перевозку соли (причем эти деньги были выделены в 1770 г. «за неимением соляной из питейной суммы») и т. д. При этом, судя по всему, некоторые из подчиненных бывшего коменданта просто уничтожали компрометирующие их документы, как произошло, например, с тетрадами, содержащими записи денежных поступлений от раскольнического сбора. Эти тетради хранились у одного из бывших сборщиков, казака Посохова, и при взятии его под караул для проведения следствия были запечатаны «в собственном ево ящике за нутренным замком». Когда же казака пригласили к новому коменданту Самарину, то в присутствии Веревкина он обнаружил, что «у ящика печати нет, и нутреной замок отодран»¹⁸. Между тем в этих тетрадях должны были находиться записи о судьбе 4 тыс. руб., привезенных Веревкину неким раскольником Снигиревым и якобы пущенных на покупку у тобольского купца Шевырина большой партии овса. Однако, как заподозрил генерал-поручик Деколонг, экс-комендант мог просто присвоить себе эти деньги, поскольку «по учиненной имению ево в прошлом 773 году описи не более оказалось, как толко сто дватцать восемь рублей, и так в один год толикой суммы около четырех тысяч рублей издержать на свое содержание неупователно»¹⁹. Кроме того, бывший сборщик показал, что Веревкин в свое время брал «из казны на свои надобности» тысячу рублей серебряной монетой.

Однако расследовать все эти случаи до конца Шахов оказался не в силах, поскольку даже содержать бывшего коменданта под арестом, как того требовало законодательство, у него не было полномочий. Здесь вступала в силу служебная субординация, ибо секунд-майор Шахов не мог отправить под арест равного чином, но превосходившего его «старшинством» (т. е. произведенного в нынешний чин ранее по времени) Веревкина: «Почему бы и принадлежало с ним поступить в силу имевшихся при коммисии главнокомандующих гене-

ралитету повелений о содержании ево, господина Веревкина, безвыходно при комиссии, но как сей комиссии присутствующей старшинством ево моложе, то к содержанию и приступить не может»²⁰. Поэтому Шахов ничего не смог сделать. А уже в 1775 г. в ответ на два рапорта корпусного командира Деколонга, который жаловался, что «ни увещевании, ни другия употребленные способы по затверделой упорности каменданта Веревкина, которой уже в немалом похищении интереса по делу оказывается, не будут желаемого той каммисии успеха достигать»²¹, Военная коллегия предпочла просто умыть руки, переложив решение этого дела на него самого: «Приказали, как из репорта ево, генерал поруччика Деколонга, видно, хотя упоминаемой майор Веревкин в разхищении немалой суммы казенной денег и в утрате приходных и расходных книг и не признается, но по производимому в следственной комиссии о том делу оказывается подозрительным, то ему, генерал поруччику, поступать в том не иначе, как по законам, и о том к нему послать указ»²².

Известны и другие эпизоды, когда служебная субординация оказывалась препятствием для проведения следствия. Так, в 1767 г. командующий Сибирским корпусом генерал-поручик И. И. фон Шпрингер извещал Военную коллегия, что подполковник Селенгинского полевого пехотного полка К. Пекурин «в содержании слабом команды и непристойных поступках доходит к положению штрафа, но толко судяция, быв ниже ево рангом, что с ним учинить, не приступили»²³. Поэтому Шпрингеру пришлось дать специальную санкцию коменданту Селенгинска генерал-майору В. В. Якоби: «По разным доносительствам и показаниям в проследовании с командою чинимых по тракту доволных непорятках определено произвести следствие»²⁴. Тогда следствие действительно было открыто и доведено до логического завершения.

Однако в нашем случае ни Деколонгу, ни его преемнику генерал-поручику Н. П. Огареву не удалось добиться доведения следствия до конца, поскольку за вторую половину 1770-х — первую половину 1780-х гг. открывались все новые хищения, совершенные разными лицами из числа подчиненных коменданта Веревкина. Сам он сказался больным, так что в том же 1775 г. Деколонг предписывал уже сменившему Шахова в следственной комиссии секунд-майору И. Клеитину «коменданта Веревкина, послав подлекаря, при присутствии от комиссии ассесоров велеть освидетельствовать, и буде окажется действительно так жестоко болен, что в комиссию ходить не в состоянии, в таком случае в чем подлежит ответы и объяснении чрез посланных ассесоров и определеннаго за аудитора отбирать в ево квартире»²⁵. Клеитин даже не успел разобраться в порученном ему деле, как был переведен в Бийскую крепость комендантом, а его полномочия переданы секунд-майору Н. Полякову, который опять-таки не смог ничего сделать, поскольку уступал подсудимому «старшинством»: «В той каммисии председатель господин секунд майор Поляков подсудимаго коменданта Веревкина чином моложе, да и в заседании ассесоров кроме капитана Вязмина больше не имеетца»²⁶.

У следующего председателя комиссии, премьер-майора С. Красноперова (уже пятого по счету!), в 1778 г. случился конфликт с назначенным в состав комиссии «за аудитора» прапорщиком Бийского гарнизонного пехотного батальона А. Бабушкиным, который отправил командующему корпусом личное письмо, и «во оном дерзко отважился поносително включить, что комендант Самарин и пример майор Красноперов открыли скрытой яд на беднова Веревкина, что Самарин пресовершенной Веревкину неприятель научает Красноперова к тово погибели, и что Веревкину почти все сущия зла желатели»²⁷. За это прапорщика Бабушкина отрешили от должности, но и сам Красноперов потребовал увольнения, так что генерал-поручик Огарев вынужден был предложить возглавить эту комиссию назначенному вместо Самарина комендантом премьер-майору кн. С. Эривову²⁸. Последний, очевидно, понял, что установить вину самого Веревкина теперь уже не представляется возможным, и предпочел сосредоточиться на поисках и наказаниях «стрелочников» — рядовых подчиненных экс-коменданта, которые, впрочем, точно так же не желали признавать свою вину, даже несмотря на допросы «с пристрастием».

Так, в 1779 г. Огарев требовал применить чрезвычайные меры к казачьему пятидесятнику и капралу: «Пятидесятник Ковшевников и капрал Горшков по следствию в роздаче заимообразно казенных денег винными уже нашлись, и в ыспытуемом от них обстоятельстве о неоказавшейся немалой сумме никакова признания и твердаго показания не делают, в таком случае по настоящим на них подозрениям во изыскание высочайшаго интереса, куда оной ими или кем другим утрачен либо расхищен, пристрастно спрашивать их Ковшевникова и Горшкова дозволяетца. Однако ж наперед еще их старатца к чистосердечному признанию приводить посредством судейскаго и священническаго увещевания, точно при том им внушая, что естли они добросовестно покажут правду, то освободятца от истязания, которому они в случае своего упорства неминуемо при пристрастных распросах подвергнутца. И буде сии последния увещевании желаемого успеха в ызведовании от них правды не возымеют, тогда уже к пристрастным распросам приступить, но с крайним разсмотрением и осторожностью, штоб сколько можно кровопролития уменьшено было»²⁹.

А в мае 1785 г., когда Веревкин уже успел умереть, комендант Семипалатинской крепости полковник И. Титов представил Огареву рапорт ставшего также полковником кн. Эривова относительно еще одного из таких провинившихся — провиант-комиссара Шабанова, который «точно нашолся в незаписке перевезеннова в крепость Устькаменогорскую из крепости Семиполатной фарпоста Шульбинскова и из станца Озернова разнова казеннова хлеба, всего тысячи ста шеснатцати четвертей, пяти четвериков, трех гарнцов, и денег, выданных ему на поупку овса, пятидесят одного рубля»³⁰. Эривов сетовал, что Шабанов пытался «винность свою одними пустыми оправданиями выкрутить или словом заключить», чтобы «тем помешательством обратить во остановку» производимое следствие³¹. Комендант жаловался на то, что подследственный

всеми доступными способами задерживал рассмотрение дела судом и вынесение приговора, и даже в отчаянии заявлял: «Покорно прошу по чинимым правянт камисара Шабанова и еще впредь чаямым на присутствующих доносам утвердитца б прежде произведенное следствие на положении моем судящими или по недоверенности против протестов на суд Шабановских другому суду предастса»³².

Сменивший Огарева в должности корпусного командира как раз летом 1785 г. генерал-майор Н.С. Федцов, отправляя в октябре того же года очередной рапорт Военной коллегии, констатировал: «Как государственная Военная коллегия из обстоятельств онова усмотреть изволит, што расхищение денежной казны последовало из разных сумм, как то ис правянтской камисариатской, подушнова збора, поселщичей, соляной и питейной, по случаю слабаго правления комендантом Веревкиным от точнова за ним ненаблюдения и нетребования по годам подлежащих по званиям тех сумм отчетов бывшей Табольской губернской канцелярии табольскими генерал правянтмейстер лейтенантской и кригс цалмейстерской коммисиями»³³. Таким образом, под его пером часть ответственности перекадывалась с военных на чиновников, ленившихся ежегодно требовать от комендантов крепостей соответствующей отчетности. Впрочем, он также считал необходимым добиваться осуждения бывшего провиант-комиссара, поскольку вина его была доказана, и сам обвиняемый ее признал: «И он, Шабанов, в незаписанном им хлебе и деньгах в приход посылаемыми от нево в Табольскую генерал правянтмейстер лейтенантскую и в Омскую правянтмейстерскую коммисии месячными третными и годовыми ведомостями доказан, и сам при слушании генеральнаго экстракта под признательным в преступлении и незаписке, однако ж не во всем хлебе, пунктом подписался»³⁴.

Попытки же Шабанова представить себя «безвинно угнетенным» следователями Федцов решительно отвергал, оценивая его действия следующим образом: «Не на иной предмет, как единственно, делая об оной материи разнovidныя протесты, к точному продолжению и остановке произведеннаго и уже представленнаго следственнаго дела, которое и ныне не за иным чем представлением останавливалось, как в соображении прописанных в доношении ево, Шабанова, обстоятельств. А по сверке оных отнюдь на ево, Шабанова, такова угнетения, каковое он прописывает, не открылось»³⁵. Подобная тактика со стороны попадавших под следствие была совсем не редкостью: достаточно вспомнить, как еще в начале 1760-х гг. капитан Енисейского гарнизонного пехотного полка Щеголев пытался избежать наказания за свои преступления, выдумывая ложные доносы на якобы пристрастных к нему губернатора Ф.И. Соймонова и сибирского митрополита Павла³⁶. В данном случае, как видим, Шабанов сначала признал предъявленные ему обвинения, хотя и не в полном объеме, а уже после этого стал подавать протесты, «якоб от нево в той следственной коммисии представляемая оправдании не приемлются, и просил защищения»³⁷.

Не редкостью оказывались случаи, когда следователям просто не давали возможности допросить тех или иных подозреваемых, приводя для этого множество разных причин. В 1771 г. в Омской крепости сгорели несколько казенных хлебных магазинов. Расследование этого происшествия начал тогдашний командир корпуса генерал-поручик Деколонт, впоследствии продолжил бригадир А. Клавер, однако даже к 1780 г. оно еще не было завершено «за несобраением всех требуемых к тому следствию от разных мест уведомленей и принадлежащих к допросам людей». Среди тех, кого необходимо было допросить, оказались, в частности, двое офицеров Тобольских гарнизонных батальонов, капитан Барашков и поручик Соколов, однако на предписание об отправке их в Омск тогдашний сибирский губернатор Д. И. Чичерин дал совершенно замечательные ответы: «Капитан Барашков... от службы отставлен и ныне находится монахом в Соловецком монастыре, откудава он ево требовать не может, а поручик Соколов... в прошлом 779 году находился в Тоболской провиантмейстерской коммисии казначеем у немалой суммы, и бытности ево денежная казна не вся еще здана, и по книгам не сочтен, и квитанции не имеет. А в нынешней 780 год выбран он, Соколов, в Тоболской третьей баталион казначеем же и в ту должность вступил, почему ево ис Тоболска отлучить не можно»³⁸.

В 1781 г. в должность временно правящего должность губернатора (после отъезда Чичерина и до прибытия в Тобольск назначенного указом императрицы генерал-губернатором Пермского и Тобольского наместничеств Е. П. Кашкина) вступил обер-штер-кригс-комиссар Г. М. Осипов, который добился возобновления следствия в отношении здешнего провиант-комиссара Некрасова, еще одного из причастных к этому делу. Осипов распорядился отправить Некрасова из Тобольской обер-комендантской канцелярии в Омскую крепость к генерал-майору Огареву, чтобы тот произвел следствие с соблюдением формального порядка. Последний нехотя согласился исполнить его распоряжение, однако относительно возможности взыскать с виновных убыток в казну выразился недвусмысленно: «Желаемого успеха... достигнуть не можно по долгопрошедшему времени за разными выправками и вытребованиями касающихся по оным людей, из коих некоторые находятся в отсудственных командах и в дальних от оных отлучках, а другия уже и померли»³⁹.

А в своем рапорте генерал-аудитору З. Корнееву и Военной коллегии в начале 1782 г. командующий корпусом и вовсе открыто заявил, что не видит никакой возможности провести следствие по этому, а равно и другим подобного рода делам. Огарев ссылался, в частности, на канцелярскую волокиту, «в рассуждении от Таболска неближнаго разстояния, состоящаго около 600 верст, там не толко касающихся людей и выправок, но и на требование уведомления ис тамошних присудственных мест по учрежденной оттуда в неделю одной одинарной почте не скоряе, как в три недели получить можно». Кроме того, ряд фигурантов этих дел уже скончались, а среди них были провиантмейстер полковник Булгаков, штаб-лекарь Гибовский и другие лица, «чрез которых надле-

жало о немаловажных по тому делу обстоятельствах изыскать, но за смертью их теперь принуждено будет то изыскание делать по произшедшим околичностям с немалым неудобством и продолжением времени»⁴⁰. Действительно, расследование так и не увенчалось наказанием сколько-нибудь значительного числа виновных и возмещением казне понесенных убытков⁴¹.

Наконец, в ход следствия могли вмешиваться сослуживцы обвиняемого с целью воспрепятствовать осуществлению правосудия. Когда в партии офицеров, определенных в Селенгинский полевой пехотный полк, следовавшей из Тобольска в Забайкалье, в октябре 1765 г. произошло убийство прапорщиком Ерохиным поручика Чичагова, то командир партии подполковник Пекурин заключил обвиняемого Ерохина под арест и подготовил рапорт о произошедшем на имя генерал-майора В. В. Якоби. Однако конверт, в который этот рапорт, как полагается, был запечатан при отправке из Тобольска, в Томске вскрыл один из офицеров той же партии, поручик Иван Попов, после чего, явившись 5 ноября 1765 г. в кордегарию тюремного острога, где содержался арестованный Ерохин, сначала сообщил ему о том, что документ находится в его руках, а вечером следующего дня, 6 ноября, сам принес ему этот рапорт для прочтения вместе с приложенными к нему протоколами «учиненных матери ево, Ерохина, и того дому, где он в Молчановском погосте на квартире стоял, хозяйке крестьянской жене двух допросов»⁴². Вероятно, поручик полагал, что это поможет арестованному разработать выгодную тактику поведения во время следствия и на суде, тем более что документы он после этого уничтожил («изодрал») своими руками. Правда, сам Ерохин впоследствии донес на Попова, видимо, рассчитывая тем самым смягчить собственную участь. Но поскольку он сделал соответствующее заявление далеко не сразу, то лишь добавил себе обвинение «в умышленном об оном при суде сперва в допросех заpiresательстве и несправедливом разно чинимом показании и тем в наведении военному суду немалого следствию производством утрудения»⁴³.

Сам поручик Попов после этого поначалу отказывался признаваться в содеянном, чем также добавил себе обвинение «в чинимом о том при суде в первом допросе с некоторым заpiresательством умышленно несходственным показании». В дальнейшем, правда, он принес повинную и дал признательные показания. Но даже это признание не спасло его от весьма сурового наказания — «лиша всех чинов, написать в рядовые вечно». Интересно, впрочем, что для вынесения такого приговора военный суд опирался на, казалось бы, не имеющие прямого отношения к делу статьи нескольких законодательных актов. В частности, в соответствующей перечневой выписке фигурировали ст. 259 гл. 10 Соборного уложения, вообще-то посвященная ложным заемным кабалам, и пункты 28 и 35 Артикула воинского (о неисполнении приказов, за что действительно полагалось разжалование в рядовые)⁴⁴. Только ссылка на гл. 50 Генерального регламента вполне соответствовала существу преступления: «1. Когда кто злым образом на время, или вовсе, тайно из коллегийных писем и документов что

унесет <...> 4. Когда кто постороннему, кому не надлежит тайности коллегийны сообщить резолюции, прежде времени объявит протоколы, и потом которого члена голос или мнения покажет»⁴⁵. Нормы «тайности», принятые для учреждений центрального государственного управления, таким образом, оказались применены в военной сфере.

Как видим, лицам, осуществлявшим следствие в отношении военных чинов Сибирского корпуса, далеко не всегда удавалось выполнить стоявшие перед ними задачи. Причинами этого могли выступать недостаток полномочий и невозможность вызова для допросов нужных лиц, канцелярская волокита, утрата необходимых документов, различные ложные доносы, подававшиеся подследственными для затягивания времени, прямое вмешательство посторонних. Все это, среди прочего, помогает понять, почему чрезвычайно суровые нормы имперского законодательства XVIII столетия вообще и действовавшие в военной сфере в частности не оборачивались на практике постоянным вынесением соответствующих приговоров и многочисленными казнями обвиняемых. Таким образом, есть основания полагать, что ключевой принцип юриспруденции с эпохи Нового времени вплоть до наших дней — неотвратимость наказания, мог оставаться в этих условиях лишь на бумаге, не всегда воплощаясь в действительности.

-
- ¹ История следствия в России. М., 2017; *Акельев Е. В., Бабкова Г. О.* 1) Практика розыскного процесса в Сыскном приказе (1730–1750-е гг.) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2011. № 4-1. С. 13–26; 2) «Дабы розыски и пытки могли чинитца порядочно, как указы повелевают»: Эволюция теории и практики «розыскного» процесса в России первой половины XVIII в. // *Cahiers du Monde Russe*. 2012. Т. 53. No. 1. P. 15–39; *Серов Д. О.* 1) Судебная реформа Петра I. Историко-правовое исследование. М., 2009; 2) Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» (Из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // *Lex Rossica*. 2013. № 2 (Т. LXXV). Февраль. С. 113–121; *Калашиников Г. В.* Офицеры под судом и следствием. Из истории офицерского корпуса русской армии (1725–1745) // *Кодекс-инфо*. 2000. № 2. С. 80–87.
- ² *Розенгейм М. П.* Очерки истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878; *Бобровский П. О.* Военное право в России при Петре Великом. М., 1882; *Петухов Н. А.* История военных судов России. М., 2003.
- ³ *Кутафин О. Е.* Судебная власть в России: история и документы: в 6 т. М., 2003. Т. 2; *Григорьев О. В.* Артикул воинский и «Краткое изображение процессов и судебных тяжб» как основа отправления правосудия в русской армии в XVIII в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 1. С. 28–39; *Ковалев К. С.* Развитие военно-уголовного законодательства: от Петра I до Александра I // *Общество: философия, история, культура*. 2016. Вып. 6. С. 46–49; *Мартынов В. Ф.* 1) Развитие военно-дисциплинарного законодательства в период правления Петра I // *Власть*. 2012. № 12. С. 163–166; 2) Развитие военно-дисциплинарного законодательства в период правления Екатерины II // *Армия и общество*. 2012. № 1. С. 82–87.

- 4 Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 8. Оп. 5. Д. 994а. Л. 3.
- 5 Там же. Л. 2 об.
- 6 Там же. Л. 3 об.
- 7 Там же. Д. 143. Л. 17 об.
- 8 Там же. Л. 17.
- 9 Там же. Л. 17 — 17 об.
- 10 Там же. Д. 994а. Л. 424.
- 11 Там же. Л. 582 об., 585.
- 12 Там же. Д. 143. Л. 18 об. — 19.
- 13 Там же. Л. 19.
- 14 Там же. Л. 19 об.
- 15 Там же. Д. 994б. Л. 285 — 285 об.
- 16 Там же. Л. 383.
- 17 Там же. Л. 684 — 684 об.
- 18 Там же. Д. 994в. Л. 2 об.
- 19 Там же. Л. 1 об.
- 20 Там же. Д. 143. Л. 28.
- 21 Там же. Л. 72.
- 22 Там же. Л. 72 — 72 об.
- 23 Там же. Оп. 4. Д. 411. Л. 2.
- 24 Там же.
- 25 Там же. Оп. 5. Д. 994в. Л. 467 об.
- 26 Там же. Д. 994г. Л. 124.
- 27 Там же. Л. 254 об.
- 28 Там же. Л. 293–294.
- 29 Там же. Л. 402 — 402 об.
- 30 Там же. Д. 994. Л. 1 — 1 об.
- 31 Там же. Л. 80.
- 32 Там же. Л. 80 об.
- 33 Там же. Л. 1.
- 34 Там же. Л. 1 об.
- 35 Там же. Л. 2.
- 36 См. об этом: *Дмитриев А. В.* Военное судопроизводство в армейских частях на территории Сибири в XVIII в.: официальный механизм и реальная практика // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 76–78. URL: <http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-1-06.pdf>.
- 37 РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 994. Л. 1 об.
- 38 Там же. Оп. 6. Д. 322. Л. 1.
- 39 Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 248. Оп. 69. Кн. 6082. Л. 923.
- 40 Там же. Л. 923 об. — 924.
- 41 См. подробнее: *Дмитриев А. В.* Конец карьеры сибирского губернатора Д. И. Чичерина: дело о заготовлении провианта для войск Сибирского корпуса // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 2. С. 62–67.
- 42 РГВИА. Ф. 8. Оп. 4. Д. 411. Л. 12 об., 422 об.
- 43 Там же. Л. 423.
- 44 Там же. Л. 424 об. См. также: *Соборное Уложение 1649 г. Текст. Комментарии.* Л., 1987. С. 61; *Российское законодательство X–XX вв.*: в 9 т. М., 1986. Т. 4. С. 333–334.
- 45 Реформы Петра I. Сборник документов. М., 1937. С. 132.

References

- AKELIEV E. V., BABKOVA G. O. "Daby rozyski i pytki mogli chinittsa poryadochno, kak ukazy povelevayut": Evolyutsiya teorii i praktiki "rozysknogo" protsessa v Rossii pervoi poloviny XVIII v. ["So that searches and tortures could be managed decently, as the decrees command": The evolution of the theory and practice of the "search" process in Russia in the 1st half of the 18th century. In Russ.] // Cahiers du Monde Russe. 2012. Vol. 53. No. 1. P. 15–39.
- AKELIEV E. V., BABKOVA G. O. *Praktika rozysknogo protsessa v Sysknom prikaze (1730–1750-e gg.)*. [The practice of the search process in the Sysknoi prikaz (1730s–1750s). In Russ.] // Istoriko-pravovyye problemy: novyi rakurs. 2011. No. 4–1. P. 13–26.
- BOBROVSKY P. O. *Voennoe pravo v Rossii pri Petre Velikom*. [Military law in Russia under Peter the Great. In Russ.]. Moscow, 1882.
- GRIGORYEV O. V. *Artikul voinskii i "Kratkoe izobrazhenie protsessov i sudebnykh tyazhb" kak osnova otpravleniya pravosudiya v russkoi armii v XVIII v.* [Military article and "A brief image of trials and litigation" as the basis for the administration of justice in the Russian army in the 18th century. In Russ.] // Istoricheskaya i sotsial'no obrazovatel'naya mysl'. 2018. Vol. 10. No. 1. P. 28–39.
- DMITRIEV A. V. *Konets kar'ery sibirskogo gubernatora D. I. Chicherina: delo o zagotovlenii provianta dlya voisk Sibirskogo korpusa* [The end of Siberian governor D. I. Chicherin's career: the case of purchasing provision for Siberian corps' troops. In Russ.] // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2016. Vol. 23. No. 2. P. 62–67.
- DMITRIEV A. V. *Voennoe sudoproizvodstvo v armeiskikh chastyakh na territorii Sibiri v XVIII v.: ofitsial'nyi mekhanizm i real'naya praktika* [Military proceedings in the army units at the territory of Siberia in the 18th century: official mechanism and real practice. In Russ.] // Istoricheskii kur'er. 2018. No. 1. P. 74–83. URL: <http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-1-06.pdf> (date of access 05.03.2021).
- Istoriya sledstviya v Rossii*. [The history of the investigation in Russia. In Russ.]. Moscow, 2017.
- KALASHNIKOV G. V. *Ofitsery pod sudom i sledstviem. Iz istorii ofiterskogo korpusa russkoi armii (1725–1745)* [Officers under trial and investigation. From the history of the officer corps of the Russian army (1725–1745). In Russ.] // Kodeks-info. 2000. No. 2. P. 80–87.
- KOVALEV K. S. *Razvitie voenno-ugolovnogo zakonodatel'stva: ot Petra I do Aleksandra I* [Development of military criminal legislation: from Peter I to Alexander I. In Russ.] // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2016. Iss. 6. P. 46–49.
- KUTAFIN O. E. *Sudebnaya vlast' v Rossii: istoriya i dokumenty: v 6 t.* [Judicial power in Russia: history and documents: in 6 vols. In Russ.]. Moscow, 2003. Vol. 2.
- MARTYNOV V. F. *Razvitie voenno-distiplinarnogo zakonodatel'stva v period pravleniya Ekateriny II* [Development of military disciplinary legislation during the reign of Catherine II. In Russ.] // Armiya i obshchestvo. 2012. No. 1. P. 82–87.
- MARTYNOV V. F. *Razvitie voenno-distiplinarnogo zakonodatel'stva v period pravleniya Petra I* [Development of military disciplinary legislation during the reign of Peter I. In Russ.] // Vlast'. 2012. No. 11. P. 163–166.
- PETUKHOV N. A. *Istoriya voennykh sudov Rossii*. [History of Russian military courts. In Russ.]. Moscow, 2003.
- Reformy Petra I. Sbornik dokumentov*. [Reforms of Peter I. Collection of documents. In Russ.]. Moscow, 1937.
- Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t.* [Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 vols. In Russ.]. Moscow, 1986. Vol. 4.
- ROZENGEIM M. P. *Ocherki istorii voenno-sudnykh uchrezhdenii v Rossii do konchiny Petra Velikogo*. [Essays on the history of military court institutions in Russia before the death of Peter the Great. In Russ.]. St. Petersburg, 1878.
- SEROV D. O. *Sudebnaya reforma Petra I. Istoriko-pravovoe issledovanie*. [Judicial reform of Peter I. Historical and legal research. In Russ.]. Moscow, 2009.
- SEROV D. O. *Zabytye redaktsii Artikula voinskogo i "Kratkogo izobrazheniya protsessov ili sudebnykh tyazheb"*. *Iz istorii kodifikatsii voennogo zakonodatel'stva Rossii XVIII v.* [Forgotten editions of the Military article and the "Brief image of trials or lawsuits". From the history of the codification of the military legislation of Russia in the 18th century. In Russ.] // Lex Rossica. 2013. No. 2 (Vol. LXXV). February. P. 113–121.
- Sobornoe Ulozhenie 1649 g. Tekst. Kommentarii*. [The Cathedral Code of 1649. Text. Comments. In Russ.]. Leningrad, 1987.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. В. Дмитриев. Следственные практики в частях русской регулярной армии в Сибири во второй половине XVIII века // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 8–22

Аннотация: Статья посвящена изучению следственных практик при выявлении и подготовке материалов для судебного разбирательства по делам о преступлениях, совершенных военными чинами Сибирского корпуса во второй половине XVIII в. Механизмы проведения следствия в рамках военной юстиции Российской империи для данного периода до сих пор остаются совершенно неисследованным феноменом. Изучение практик реализации следственных действий в частях регулярной армии позволяет оценить, насколько полно и точно могла быть установлена истина при раскрытии преступлений, совершенных военнослужащими, а также показывает степень эффективности действий, применявшихся военными следователями для сбора информации, необходимой для судебного разбирательства.

Основное внимание уделено следствию по делу о растратах коменданта Усть-Каменогорской крепости секунд-майора Веревкина, продолжавшемуся в течение 15 лет. В конечном итоге военному командованию так и не удалось добиться полного осуждения бывшего коменданта и его подчиненных. Причинами такого исхода явились недостаток полномочий следователей, канцелярская волокита, утрата необходимых документов, ложные доносы, подававшиеся подследственными. В других случаях следователям просто не давали возможности допросить кого-либо из подозреваемых. Иногда в ход следствия могли вмешиваться сослуживцы обвиняемых, желая воспрепятствовать осуществлению правосудия. Исследованные казусы наглядно показывают, почему весьма жесткие нормы имперского законодательства XVIII в., действовавшие в военной сфере, не приводили к вынесению соответствующих смертных приговоров и казням обвиняемых. Это дает основания утверждать, что один из ключевых принципов юриспруденции — неотвратимость наказания, в таких условиях не всегда мог воплотиться на практике.

Ключевые слова: русская регулярная армия, Сибирь, XVIII в., следственные практики, судебные дела.

FOR CITATION

A. V. Dmitriev. Investigative practices in the Russian regular army units in Siberia in the 2nd half of the 18th century // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 8–22

Abstract: The paper is devoted to the study of investigative practices, needed for collecting and preparing materials for trial in cases of crimes, committed by military officials of the Siberian corps in the 2nd half of the 18th century. The mechanisms of investigation within the military justice of the Russian Empire for this period still remain a completely unexplored phenomenon. The study of the practices of investigative actions in the units of regular army allows us to assess, how fully and accurately the truth could be established, when solving crimes committed by military personnel. It also shows the degree of effectiveness of the actions, used by military investigators to collect necessary information for the trial.

The main attention is paid to the investigation about the embezzlement of the commandant of the Ust-Kamenogorsk fortress, Major-General Verevkin, which lasted for 15 years. In the end, the military command failed to achieve a full conviction of the former commandant and his subordinates. The reasons for this outcome were the lack of powers of investigators, clerical red tape, loss of necessary documents, false denunciations filed by the defendants. In other cases, investigators were simply not given the opportunity to question any of the suspects. Sometimes the co-servicemen of the accused could interfere in the course of the investigation, wanting to obstruct the administration of justice. The studied cases clearly show why the very strict norms of the imperial legislation of the 18th century, which operated in the military sphere, did not lead to the imposition of appropriate death sentences and executions of the accused. This gives grounds to assert that one of the key principles of jurisprudence — the inevitability of punishment, in such conditions could not always have its incarnation into practice.

Key words: Russian regular army, Siberia, 18th century, investigative practices, court cases.

Автор: Дмитриев, Андрей Владимирович — д. и. н., доцент, и. о. зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета.

Author: Dmitriev, Andrey Vladimirovich — Dr. of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Novosibirsk State University.

E-mail: khaldeus@academ.org

ORCID: 0000-0001-9211-0407

М. В. Друзин

Учреждение Совета по горнопромышленным делам: интересы и интересанты

Положение о Совете по горнопромышленным делам, учреждаемом при Министерстве земледелия и государственных имуществ (далее — МЗиГИ), было утверждено императором Николаем II 7 июня 1904 г. Совет создавался «для обсуждения мер, имеющих целью развитие и усовершенствование горной промышленности вообще и отдельных ее отраслей в частности»¹. В ходе заседаний первой и второй сессии Совета в марте — апреле 1905 и в июле 1906 г. его участники — и горнозаводчики в первом случае, и председатель Совета во втором, он же управляющий Министерством торговли и промышленности А. А. Штоф — характеризовали новую институцию как «высшее и авторитетное в горном деле правительственное учреждение», ведающее «интересы громадной отрасли промышленности»². Но здесь нельзя не отметить семантической разницы, появившейся в формулировке цели работы Совета, которая вышла из-под пера Государственной канцелярии, в сравнении с ее первоначальным вариантом. Авторы проекта Положения о Совете горные инженеры и крупные предприниматели А. А. Ауэрбах и Н. С. Авдаков в качестве цели учреждения указывали: «для обсуждения всех нужд горной промышленности и выработки мер к ее развитию»³. Та же формулировка с незначительными стилистическими исправлениями сохранилась после редактуры Положения Горным департаментом и МЗиГИ и ее согласованием со всеми подлежащими ведомствами. Государственный совет в мае 1904 г. оказался еще не готов к тому, что подданные империи будут заявлять

о своих нуждах и помогать правительству совместно вырабатывать меры к их разрешению, т.е. даже в формулировках не желал отдать часть административной инициативы обществу. Столь пристальное с нашей стороны внимание к формулировке цели учреждения Совета по горнопромышленным делам объясняется теми вопросами, которые мы ставим в настоящем исследовании: в чьих интересах в большей мере был создан этот Совет и кто явился его инициатором — горнозаводчики или министерство?

Институт советов при министре и общих присутствий при департаменте министерства как совещательных учреждений был заложен Общим учреждением министерств 1811 г. Совет министра составлялся из товарища министра и директоров департаментов под председательством министра, а общее присутствие департамента — из начальников отделений под председательством директора департамента. Предмет интереса таких учреждений носил исключительно внутриведомственный характер, служил целям координации и ускорения делопроизводства. В качестве временных участников в совет могли быть приглашаемы «по усмотрению министра и по свойству дел лица посторонние, как то: владельцы заводов по мануфактурам, знаменитое купечество по делам купеческим и подобные», а в общее присутствие, по усмотрению директора, — фабриканты и заводчики, кроме того «особые члены по части ученой, художественной, искусственной, определяемые министром по представлению директора»⁴. Но в этих бюрократических совещательных установлениях представители общественности, по словам Н. М. Коркунова, были «только случайным элементом, не могущим ни в каком случае пользоваться значительным влиянием на обсуждаемые в совете дела»⁵. Великие реформы 1860–1870-х гг., развитие капиталистических отношений, появление новых отраслей промышленности, экономическое и социальное разнообразие российской жизни многократно усложнили управленческие алгоритмы империи. Компетенции одного министерства стало недостаточно для разрешения вопросов, которые требовали внимания сразу нескольких ведомств и специальных предметных знаний. С последней четверти XIX в. в министерствах начинают создаваться советы по разным специальным вопросам, куда входят чиновники от всех заинтересованных ведомств и представители общественности, но уже на правах членов. Советы становятся представительными и смешанными по ведомственной принадлежности участников. По замечанию Н. М. Коркунова, порядок их организации, состав и регламент работы не опирались на какое-либо единое положение, были случайными⁶. Одним словом — совет вызывался к жизни конкретными обстоятельствами социально-экономического, государственного развития и соотносился с ними. Примерами таких советов можно назвать следующие: Совет торговли и мануфактур (1872–1917), Совет по железнодорожным делам (1885–1918), Совет по тарифным делам (1889–1917), Сельскохозяйственный

совет (1894–1922), Совет по делам торгового мореплавания (1898–1917), Совет по делам местного хозяйства (1904–1917), Совет по горнопромышленным делам (1904–1917), Совет по делам страхования рабочих (1912–1917) и др.⁷

Надо отметить, что этот срез административного аппарата Российской империи, включавшего общественные элементы, до сих пор специально не исследовался. У дореволюционного правоведа Н. М. Коркунова совещательным учреждениям при министерствах посвящен целый параграф, но он носит теоретико-правовой характер и хронологически достигает конца XIX в., не переходя в век XX. В заключении автор указывает «на недостаточную самостоятельность этих учреждений, приводящую к тому, что на деле они часто оказываются совершенно лишены влияния». Исключение, по его мнению, составляли советы по железнодорожным и тарифным делам⁸. В советской историографии тему советов лишь затронул Н. П. Ерошкин, отметив, что в пореформенное время царская бюрократия стала чаще прибегать к помощи сведущих лиц из числа промышленной, железнодорожной, банковской и торговой буржуазии⁹. Современная литература упоминает советы в рамках исследования темы межведомственного взаимодействия, ставя их в один ряд с временными и постоянными комиссиями, особыми совещаниями и комитетами. К. А. Соловьев считает, что такие межведомственные учреждения в период конца XIX — начала XX в. мешали работе ведомства, были инструментом межведомственной борьбы и воплощали собой признак неэффективности «регулярных» механизмов законотворчества¹⁰. М. Ф. Флоринский и Д. Г. Янченко, исследуя период 1905–1914 гг., отмечают ключевую роль межведомственных структур, в том числе советов, в подготовке и обработке материалов для Совета министров, который часто утверждал уже подготовленные в комиссиях и совещаниях решения¹¹. Совет по делам местного хозяйства при МВД стал предметом исследования К. И. Могилевского в разрезе столыпинских реформ в период 1908–1910 гг.¹²

Совет по горнопромышленным делам пока не привлекал к себе пристального внимания исследователей. Чаще всего он упоминается как пример взаимодействия правительства с представителями горнозаводской промышленности в государственных учреждениях¹³. В классическом труде Л. Е. Шепелева речь о Совете идет в контексте проектов преобразования горного ведомства в составе Министерства торговли и промышленности¹⁴. Подобная историографическая ситуация объясняется, на наш взгляд, как общим невниманием к совещательным учреждениям при министерствах в период до Первой русской революции, так и временем появления Совета, который заработал в начале 1905 г. В Петербурге 12–14 октября 1906 г. состоялся I Съезд представителей промышленности и торговли. Высокий статус съезда демонстрировали его участники: три министра — финансов, торговли и промышленности и путей сообщения, 11 членов обновленного Государственного совета. Представитель горнопромышленников Царства Польского горный инженер В. В. Жуковский

сравнил вновь созданную организацию с существующим Советом по горнопромышленным делам: «То, чем был совет в малом масштабе, съезды должны быть в большом»¹⁵. Так исторически сложилось, что Совет появился накануне образования всероссийской предпринимательской организации, объединенного правительства и парламента и затерялся за всеми этими масштабными институтами. Но он не был упразднен и работал до конца империи, а значит, занимал свою особую нишу.

В настоящей статье мы исследуем только первый этап истории Совета по горнопромышленным делам в 1903–1904 гг.: возникновение идеи такого учреждения, процесс разработки положения о Совете с межведомственными дискуссиями, его состав.

В начале июля 1903 г. советы съездов разных горнопромышленных районов получили отношение от Горного департамента, в котором сообщалось, что горные инженеры А. А. Ауэрбах (уполномоченный Съезда горнопромышленников Юга России) и Н. С. Авдаков (председатель Совета Съезда горнопромышленников Юга России) представили на усмотрение департамента проект положения о Совете по горнопромышленным делам. К этому времени в России действовало более 10 порайонных отраслевых съездов промышленников, которые в ходе заседаний вырабатывали ходатайства о своих нуждах к правительству и через избранных уполномоченных съездов пытались получить на них отклик. Для рассмотрения ходатайств каждого из съездов каждый раз при Горном департаменте образовывалась особая комиссия, в которую входили чины горного ведомства. Часть ходатайств могла разрешаться властью министра земледелия и государственных имуществ, в ведении которого в 1894–1905 гг. находился Горный департамент. Но часть из них требовала согласования с другими ведомствами, компетенцию которых могли затрагивать ходатайства, — Министерством финансов, внутренних дел, путей сообщения и т. п. На этом этапе возникло бюрократическое затягивание процесса рассмотрения и согласования вопросов, которые ставили перед правительством промышленники. Нередко случалось, что съезды, собиравшиеся регулярно и часто — раз в один-два года, вновь и вновь повторяли ходатайства предыдущих съездов, так как не получали на них каких-либо ответов от курировавшего их Горного департамента. Дело доходило до смешного, вызывая раздражение даже у руководителей горного ведомства. 22 декабря 1895 г. Горный департамент разослал по министерствам проект программы IV съезда горнопромышленников Урала, предлагая скорректировать ее, внося свои предложения и вопросы на рассмотрение съезда, а равно уведомить, будет ли представитель ведомства участвовать в заседаниях съезда. Министерство путей сообщения 4 января 1896 г. сообщило, что командирует в Екатеринбург своего представителя. Ответ был получен в ведомстве 6 января 1896 г. Министерство внутренних дел в отношении от 26 января 1896 г., полученном 28 января, предложило включить в программу съезда четыре вопроса и уведомило о присутствии своего чиновника. Отношение Министерства

финансов от 7 января 1896 г., подписанное министром С. Ю. Витте и директором Департамента торговли и мануфактур В. И. Ковалевским, сообщало, что вопросов для программы не имеется и командировать никого не планируется. Эта последняя министерская бумага и вызвала бурную реакцию, очевидно, К. А. Скальковского, тогда директора Горного департамента. На полях он (?) надписал: «Шло месяц и 1 день!!» — на штампе о получении документа в канцелярии министерства стояло 8 февраля 1896 г.¹⁶ Ирония судьбы заключается в том, что проявивший индифферентность к IV Уральскому съезду В. И. Ковалевский в 1905 г. в Совете по горнопромышленным делам представлял именно Съезд уральских горнопромышленников.

Другой стороной существовавшего порядка рассмотрения ходатайств съездов, затруднявшей и замедлявшей весь процесс, являлось то обстоятельство, что интересы одного промышленного района или отрасли могли противоречить интересам другого. Выяснение этого вопроса требовало согласования с уполномоченными съездов, с советами съездов или же даже ожидания заседаний очередного съезда промышленников того или иного района. Отсутствие объединенного представительства разросшегося количества съездов промышленников с одной стороны и вовлечение в орбиту промышленной жизни компетенций множества ведомств с другой делали крайне неэффективным работавший ранее инструмент взаимодействия власти и крупного бизнеса.

Руководство горного ведомства и МЗиГИ, будучи в эпицентре этого процесса и несшее на себе основную тяжесть бюрократического бремени, искало выход. 4 июня 1902 г. появилась докладная записка Горного департамента «о необходимости объединения начинаний горнопромышленных съездов». Предлагалось учредить Особый комитет горнозаводских съездов при Горном департаменте для ведения дел по ходатайствам. Для этого было собрано особое совещание с участием представителей съездов. Нам пока не удалось обнаружить следов работы совещания в ведомственном делопроизводстве. И комитет, и совещание упоминаются в «Трудах» XII Съезда уральских горнопромышленников¹⁷, а известие о докладной записке дошло в описи бумаг, приложенных к справке Горного департамента о Совете по горнопромышленным делам от 28 декабря 1904 г.¹⁸ От идеи комитета как формы отказались либо за отсутствием примеров действующих комитетов с аналогичными функциями представительства частных интересов и межведомственным взаимодействием, либо из желания расширить полномочия такого совещательного учреждения и повысить его статус, либо вмешался манифест 26 февраля 1903 г. Для министерства, помимо прочего, важна была возможность обсуждения в таком органе законопроектов, проектов правил и инструкций по части горной промышленности, так как все они рассылались по крупным объединениям предпринимателей для получения отзывов и предложений. В итоге 24 марта 1903 г. появился проект Положения о Совете по горнопромышленным делам Н. С. Авдакова и А. А. Ауэрбаха с докладной запиской к нему.

Формально авторство проекта и инициатива создания Совета принадлежат упомянутым представителям Съезда горнопромышленников Юга России. Министр А. С. Ермолов в своей объяснительной записке к проекту для Государственного совета подчеркивал, что это не плод «канцелярского измышления», что идея «возникла в среде самих заинтересованных частных лиц, ясно сознающих практическую пользу и потребность подобного учреждения для интересов горного промысла»¹⁹. Тем не менее ряд фактов и обстоятельств заставляют усомниться в исключительно частной инициативе горнопромышленников.

Во-первых, как выше отмечалось, Горный департамент думал о подобном органе еще в 1902 г. Во-вторых, в прессе, в других источниках, фиксировавших живую речь, в качестве инициатора создания Совета назывались А. С. Ермолов, Горный департамент или МЗиГИ²⁰.

В-третьих, докладная записка Н. С. Авдакова и А. А. Ауэрбаха, уместившаяся на одной печатной страничке, существенно уступает по приводимым аргументам и обоснованиям необходимости учреждения Совета объяснительной записке А. С. Ермолова, которая готовилась при непосредственном участии директора Горного департамента Н. А. Иосса. Последний был глубоко и профессионально погружен во все особенности горнопромышленного развития России, будучи в свое время горным инженером на Урале, консультируя работы по модернизации демидовских и шуваловских горных заводов. Кроме того, авторы проекта ссылаются в записке на успешный опыт работы Сельскохозяйственного совета при МЗиГИ и делают с него кальку проекта Положения о Совете. При этом в Сельскохозяйственном совете ни один из них участия не принимал, в то время как А. А. Ауэрбах входил в состав Совета по железнодорожным делам и Тарифного совета, опыт работы в которых и мог бы привести в качестве живого примера. Сельскохозяйственный же совет был детищем А. С. Ермолова.

В-четвертых, фигуры Н. С. Авдакова и А. А. Ауэрбаха, безусловно авторитетные и известные в промышленном мире России, в то же время отличались безусловной политической благонадежностью и консервативностью. А. А. Ауэрбах 15 лет отработал управляющим Богословскими горными заводами А. А. Половцова, бывшего государственного секретаря, а в 1903–1905 гг. члена Государственного совета. Н. С. Авдаков в ходе первой сессии Совета по горнопромышленным делам в марте – апреле 1905 г. оппонировал В. И. Ковалевскому, предлагавшему отказаться от съездовской организации и перейти к союзам, дабы избавиться от министерской опеки и самостоятельно выбирать себе председателя, принимать решения о времени, месте и программе собраний. Николай Степанович возражал бывшему товарищу министра финансов: «Практика такова, что нас правительство не стесняло. <...> Между правительством и съездами существует столь тесная связь, что съезды представляются по своему характеру как бы полуправительственными учреждениями; ослаблять эту связь, а тем более совершенно порывать представляется нежелательным»²¹.

Осенью 1905 г. С. Ю. Витте без раздумий назвал Н. С. Авдакова первым кандидатом в члены реформированного Государственного совета от промышленности и торговли²². Безусловно, и А. А. Ауэрбах, и Н. С. Авдаков были своими людьми в Горном департаменте, в Министерстве и в правительстве.

Наконец, в-пятых, на торжественном открытии Совета по горнопромышленным делам 30 декабря 1904 г. директор Горного департамента, согласно журналу заседания, сказал следующее: «Н. А. Иосса напомнил присутствующим, что в свое время поданная им мысль об учреждении Конторы железозаводчиков, подобно проекту об учреждении Совета по горнопромышленным делам, была встречена с недоверием»²³. Прочитать это можно двояко. Хотя, конечно, Н. А. Иосса имел в виду, что проект об учреждении Совета вызвал то же недоверие, что и его мысль о создании Конторы железозаводчиков, однако этот текст можно воспринять и как проговаривание Н. А. Иосса о том, что мысль о Совете принадлежала ему, так же как и мысль о Конторе железозаводчиков.

Из вышесказанного видно, что заявители проекта учреждения Совета по горнопромышленным делам были скорее проводниками министерской идеи, а не ее авторами. Для горнозаводчиков не имело особого смысла ломиться в открытую дверь: правительство само успешно учреждало подобные советы без формального запроса от общественности. При МВД 22 марта 1904 г. появился Совет по делам местного хозяйства, разработка и обсуждение положения которого активно шла во второй половине 1903 г. Его автором был вице-директор Хозяйственного департамента МВД С. Е. Крыжановский. Мотивы учреждения, круг обязанностей совета, его состав и права членов совета от общественности как две капли воды похожи на аналогичные части объяснительной записки об учреждении Совета по горнопромышленным делам²⁴. Записка С. Е. Крыжановского появилась раньше объяснительной записки А. С. Ермолова, т. е. последняя могла быть составлена под влиянием первой. Однако сам проект Положения о Совете по горнопромышленным делам был подан 24 марта 1903 г., когда записка С. Е. Крыжановского еще не существовало. Возможно, импульсом к учреждению обоих советов послужил высочайший манифест 26 февраля 1903 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», подготовленный министром внутренних дел В. К. Плеве. Манифест, провозглашавший пересмотр законодательства о сельском состоянии, его разработку и согласование на местах при участии общественных деятелей, стал основой для разработки положения о Совете и Главном управлении по делам местного хозяйства. Связь манифеста и Совета по горнопромышленным делам косвенна и гипотетична. Ни в одном из документов делопроизводства по учреждению Совета манифест 26 февраля 1903 г. не упоминается. Однако Совет по своим целям отвечал чаяниям манифеста: он решал задачи по упрочению народного хозяйства и привлекал к этому делу его представителей в лице горнопромышленников. Оформление идеи появления Совета как частной инициативы давало в руки А. С. Ермолову несколько козырей: он демонстрировал

внимание к запросам деловой общественности; маскировал состязательность с МВД (на местах органы горной и местной гражданской администрации находились в состоянии постоянной конкуренции, доходившей иногда до конфликтов); с практической стороны финансовое обеспечение делопроизводства Совета можно было возложить на съездовские организации, представители которых его инициировали.

Теперь кратко остановимся на сути проекта Положения о Совете и возникших по его поводу дискуссиях в ходе межведомственного обсуждения. Предмет деятельности Совета излагался в § 8: «На рассмотрение Совета по горнопромышленным делам вносятся по усмотрению министра земледелия и государственных имуществ: а) ходатайства горнопромышленных съездов, а также других учреждений и частных лиц, касающиеся правительственных мероприятий в отношении горного дела; б) предположения об издании новых законов, относящихся до горного дела, а также о дополнении, изменении и отмене по этой части узаконений; в) проекты инструкций, касающиеся надзора за частной горной промышленностью, подлежащие затем утверждению и изданию установленным в действующих законоположениях порядком; г) доклады, вносимые в Совет его членами, и д) вообще все вопросы и дела, к горному делу относящиеся, по коим министр земледелия и государственных имуществ признает необходимым выслушать мнение Совета»²⁵. Содержание этой части осталось практически неизменным. Лишь в пункте «в» В. К. Плеве уточнил, что инструкции не просто вносятся в Совет, а подлежат затем утверждению действующим порядком, чтобы не возникло недоразумения, будто сам Совет будет утверждать такие инструкции. Проект Положения с препроводительной запиской за подписью министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова и директора Горного департамента Н. А. Йосса был разослан 3 февраля 1904 г. на усмотрение следующих ведомств: Главного управления торговым мореплаванием и портами, Государственного контроля, министерств внутренних дел, военного, финансов, путей сообщения и юстиции. Главы всех ведомств поддержали инициативу создания Совета, кроме министра внутренних дел. В. К. Плеве в отношении от 12 марта 1904 г. выразил сомнение в необходимости межведомственного учреждения, так как вряд ли удастся найти в других ведомствах компетентных специалистов по вопросам горного дела, следствием чего «явится индифферентное отношение их к делу и отсутствие должного влияния с их стороны на направление деятельности Совета в желательном смысле»²⁶. Далее его беспокоила многочисленность в Совете представителей горнопромышленников, которые помимо общих нужд будут преследовать и свои личные выгоды, и Совет утратит «объективный характер». Отказывался он ставить обсуждаемый Совет по значимости на одну ступень с Сельскохозяйственным советом, так как «развитие и усовершенствование сельского хозяйства по той важности и значению, которое занимает последнее в экономической жизни России, не может идти в сравнение с нуждами горного промысла, захватыва-

ющего лишь немногие местности империи и составляющего предмет деятельности группы промышленников, весьма ограниченной»²⁷.

Однако категорически против Совета В. К. Плеве выступить не стал, отнеся все отмеченные риски на усмотрение А. С. Ермолова. Последний разбил все опасения и сомнения министра внутренних дел на нескольких страницах своей объяснительной записки. Компетентность в Совете относительно обсуждения специальных вопросов горного дела будут обеспечивать чины Горного департамента. Но помимо таких вопросов имеется множество проблем «хозяйственно-экономического значения для горного промысла», в обсуждении которых представители других ведомств будут «исключительно компетентными» — железнодорожное строительство в горнопромышленных районах, тарифы на грузы, земское обложение и оценка предприятий, отношения работодателей и рабочих и т. п. Опасение относительно объективности Совета из-за числа представителей от горнопромышленников также лишено оснований, так как, во-первых, правительственных чинов в Совете будет больше; во-вторых, горный бизнес будет представлен от разных районов и отраслей горнозаводской промышленности, так что скорее встанет вопрос, как согласовать их интересы, а не бояться сговора; и в-третьих, министр патетически замечал, что каждый русский гражданин, облеченный доверием правительства, привлеченного к государственной работе, «приложит усилия к возможной объективности суждений при подаче своих мнений»²⁸. Значение же горного промысла «хотя бы и при сопоставлении с сельским хозяйством, не нуждается вообще в апологических доказательствах», — парировал А. С. Ермолов последнее сомнение В. К. Плеве, расписывая далее доказательства тому на трех страницах²⁹.

Другая дискуссия возникла вокруг порядка назначения членов Совета от съездов горнопромышленников. В проекте Н. С. Авдакова — А. А. Ауэрбаха он не упоминался вовсе. После доработки проекта в Горном департаменте в нем появились два параграфа: § 4 устанавливал, что члены Совета от ведомств назначаются и увольняются высочайшей властью по представлениям подлежащих министров и главноуправляющих; в § 5 говорилось, что избранные горнопромышленными съездами уполномоченные утверждаются в звании членов Совета властью министра земледелия и государственных имуществ. Главноуправляющий торговым мореплаванием и портами великий князь Александр Михайлович, ссылаясь на опыт Совета по делам торгового мореплавания, а также на то, что членство в проектируемом Совете не обусловлено ни классными чинами, ни содержанием, предложил утверждать членов Совета от ведомств властью министра земледелия и государственных имуществ, а представителей съездов оставить без утверждения. Государственный контроль, напротив, отметив равный статус всех членов Совета с одинаковым правом голоса, высказался за однообразный порядок назначения членов Совета, каковой действует в Сельскохозяйственном совете³⁰, т. е. утверждение всех кандидатур императором. А. С. Ермолов на этот счет остался при своем мнении:

высочайшее утверждение правительственных членов должно было повысить авторитет Совета, а равно послужить им моральной компенсацией за отсутствие содержания. Привлечение же в Совет уполномоченных от съездов без утверждения властью министра опасно возможностью проникновения лиц неблагонадежных или нежелательных. О варианте утверждения представителей бизнеса властью императора министр умолчал³¹.

Состав Совета за время прохождения проекта всех стадий согласования изменился существенно. Вариант Н. С. Авдакова — А. А. Ауэрбаха предусматривал участие в Совете только чинов МЗиГИ, а по большей части — Горного департамента под председательством министра с возможностью приглашения в необходимых случаях представителей других ведомств, но не в качестве постоянных членов. Съезды должны были избирать в Совет по три своих представителя. Министерский проект расширил чиновный состав Совета: председатель — министр земледелия и государственных имуществ, его товарищ, председатели Горного совета, Горного ученого комитета, директор и вице-директор Горного департамента, инспектор по горной части и еще четыре лица из чинов МЗиГИ (11 человек); представители от других ведомств: три от Министерства финансов, два от Министерства путей сообщения, по одному от МВД и Главного управления торгового мореплавания и портов (7 человек). Съезды горнозаводчиков могли выдвинуть в Совет до трех уполномоченных, т. е. от 10 до 30 человек. Такое соотношение голосов в Совете настораживало. Государственный контроль предложил не играть в рулетку, а утвердить в качестве правила, что съезды могут избирать в Совет трех членов, но только один из них будет с правом голоса. К тому же участвовать в Совете количеством двух голосов изъявил желание военный министр, а на финальной стадии согласования проекта к чиновной части Совета примкнул представитель Министерства императорского двора и уделов³².

Совет должен был собираться по распоряжению министра периодическими сессиями по потребности, но не реже раза в год. Программа вопросов на рассмотрение сессии Совета утверждалась министром. Для включения в программу того или иного вопроса член Совета должен был подать министру не позже чем за месяц до открытия заседаний письменный доклад. По каждому выслушанному в Совете делу составлялся журнал. Туда вносились в том числе сведения, представленные приглашенными лицами. В случае разногласий в решении вопроса поименно фиксировалось мнение большинства и меньшинства, а также особые мнения. Далее журнал передавался министру для дальнейших распоряжений. По делам, требовавшим заключения Совета, копии журналов направлялись в Государственный совет и Комитет министров. Ежегодно о деятельности Совета должен был составляться публичный отчет.

Торжественное открытие Совета по горнопромышленным делам состоялось 30 декабря 1904 г. в 14:00 в здании Горного департамента. Выслушав приветственные речи представителей ведомств и съездовских организаций, председа-

тель Совета А. С. Ермолов выразил уверенность в том, что Совет по горнопромышленным делам «принесет пользу не одной только горной, но всей русской промышленности», не упустит из виду «интересов общего широкого развития экономической жизни государства», «имеет все элементы для объединения и дружной работы, а это является залогом успеха общего дела»³³.

Совет по горнопромышленным делам венчал собою выстроенную систему взаимодействия правительства и горнозаводчиков империи в начале XX в. Система съездов, созданная не без участия центральной власти, обеспечивала коммуникацию на местном уровне горного управления, других ведомств и горнозаводских предприятий в пределах одного района. Благодаря Совету горнозаводчики получали голос в учреждении министерского уровня, пусть и совещательном. У правительства же появлялся орган, который должен был оптимизировать и ускорить делопроизводство в важной и быстро развивающейся отрасли экономики. Помимо этого, Совет демонстрировал готовность власти вести диалог с обществом, пусть в очень регламентированном виде и в узком сегменте. В этом смысле правительство в условиях политического кризиса начала XX в. было заинтересовано в Совете даже более горнозаводчиков и потому явилось его инициатором в большей степени, чем сами предприниматели. Манифест 17 октября 1905 г. предоставил бизнесу широкие возможности представительства своих интересов во власти. На этом фоне значение Совета для бизнеса должно было снизиться. Но исследование этого вопроса еще впереди.

¹ Мнение Государственного совета об учреждении при Министерстве земледелия и государственных имуществ Совета по горнопромышленным делам. 8 и 31 мая 1904 г. // РГИА. Ф. 1149. Оп. 13. 1904 г. Д. 104. Л. 41.

² Материалы, относящиеся к занятиям Первой сессии Совета по горнопромышленным делам. Харьков, 1905. С. 62; Совет по горнопромышленным делам. Июльская сессия 1906 г. / Изд. редакции журнала «Горнозаводской листок». Харьков, 1907. С. 1.

³ Проект Положения о Совете по горнопромышленным делам. 24 марта 1903 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 2013. Л. 836.

⁴ Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 2. Особенная часть. Изд. 6. СПб., 1909. С. 385.

⁵ Там же. С. 393.

⁶ Там же. С. 404.

⁷ См. об этих и других советах справочно: Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 2, 3: Центральные государственные учреждения. СПб., 2001.

⁸ Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 2. С. 405.

⁹ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 212–213.

¹⁰ Соловьев К. А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М., 2018. С. 234–236.

- ¹¹ Florinskiy M. F., Yanchenko D. G. High rank bureaucracy and a mechanism for coordinating the actions of government agencies during the Duma monarchy in Russia // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 56. Iss. 2. P. 850.
- ¹² Могилевский К. И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М., 2008.
- ¹³ См., например: Шапкин И. Н. Взаимодействие государства и лоббистских бизнес-организаций в эпоху модернизаций (вторая половина XIX — начало XX в.) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 10 (2). С. 15.
- ¹⁴ Шенелев Л. Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг.: Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 63–64, 66, 68.
- ¹⁵ Цит. по.: Там же. С. 91.
- ¹⁶ Отношение министра финансов С. Ю. Витте министру земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолову. 7 января 1896 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 2052. Л. 61.
- ¹⁷ Труды XII съезда уральских горнопромышленников, бывшего 15–22 января 1904 года в Екатеринбурге. Екатеринбург, 1904. Разд. паг. Ч. II. С. 196.
- ¹⁸ Бумаги из дела № 569/1903 года, приложенные к справке Горного департамента от 28 декабря 1904 года // РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 114. Л. 174. В этой же описи значится докладная записка Н. С. Авдакова и А. А. Ауэрбаха, препровождающая проект Положения о Совете. Однако подлинника этой записки найти пока не удалось. В одном из томов дела сохранилась только печатная копия с указанием фамилий авторов, но без их автографов.
- ¹⁹ Записка министра А. С. Ермолова об учреждении при Министерстве земледелия и государственных имуществ Совета по горнопромышленным делам. 24 апреля 1904 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 2013. Л. 6.
- ²⁰ «Биржевые ведомости» 12 ноября 1903 г. сообщали, что «Горным департаментом <...> выработан очень симпатичный проект учреждения совещательного при министерстве органа» (Горный совет и интересы промышленности // Биржевые ведомости. 1903. 12 ноября. С. 1). На открытии I Съезда представителей промышленности и торговли в октябре 1906 г. упомянутый уже В. В. Жуковский инициативу учреждения Совета отдал А. С. Ермолову (Шенелев Л. Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. С. 91).
- ²¹ Цит. по: Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. М.; Л., 1939. С. 90.
- ²² Шенелев Л. Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. С. 98–99. См. также о Н. С. Авдакове: Шапкин И. Н. О роли личности в экономике. Лидер российского бизнеса Н. С. Авдаков (последняя треть XIX — начало XX века) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2013. № 2 (10). С. 44–52.
- ²³ Журнал заседания Совета по горнопромышленным делам 30 декабря 1904 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 72. Д. 114. Л. 75 об.
- ²⁴ См.: Могилевский К. И. Столыпинские реформы и местная элита. С. 24–45.
- ²⁵ Проект Положения о Совете по горнопромышленным делам. 24 апреля 1904 г. // РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 2013. Л. 34 об. — 35.
- ²⁶ Справка с отзывами ведомств на проект Совета по горнопромышленным делам // РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 2013. Л. 239.
- ²⁷ Там же. Л. 239 — 239 об.
- ²⁸ Записка министра А. С. Ермолова... Л. 10 — 10 об.
- ²⁹ См.: Там же. Л. 12–13.
- ³⁰ Справка с отзывами... С. 238 об. — 239, 241.
- ³¹ Записка министра А. С. Ермолова... Л. 20 — 20 об.
- ³² Мнение Государственного совета... Л. 41.
- ³³ Журнал заседания Совета по горнопромышленным делам 30 декабря 1904 г. Л. 77–78.

References

FLORINSKIY M. F., YANCHENKO D. G. *High rank bureaucracy and a mechanism for coordinating the actions of government agencies during the Duma monarchy in Russia.* [In Russ.] // *Bylye Gody.* 2020. Vol. 56. Iss. 2. P. 842–853.

MOGILEVSKIY K. I. *Stolypinskie reformy i mestnaya elita: Sovet po delam mestnogo khoziaystva (1908–1910)* [Stolypin's reforms and the local elite: Council on local economy (1908–1910). In Russ.]. Moscow, 2008.

SHAPKIN I. N. *O roli lichnosti v ekonomike. Lider rossiyskogo biznesa N. S. Avdakov (posledniaya tret' XIX — nachalo XX veka)* [The role of personality in economics. The leader of Russian business N. S. Avdakov (the last third of the 19th — the beginning of the 20th century). In Russ.] // *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta.* 2013. No. 2 (10). P. 44–52.

SHAPKIN I. N. *Vzaimodeystvie gosudarstva i lobbistskikh biznes-organizatsiy v epokhu modernizatsiy (vto- rayya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Interaction of the state and lobbying business organizations in the era of modernisation (the second half of 19th — the beginning of 20th centuries). In Russ.] // *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta.* 2020. № 10 (2). P. 13–17.

SOLOVYOV K. A. *Politicheskaya sistema Rossiyskoy imperii v 1881–1905 gg.: problema zakonotvorchestva* [The political system of the Russian Empire in 1881–1905: the problem of lawmaking. In Russ.]. Moscow, 2018.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. В. Друзин. Учреждение Совета по горнопромышленным делам: интересы и заинтересованные стороны // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 23–36

Аннотация: В конце XIX — начале XX в. в составе министерств возникают постоянные совещательные учреждения — советы по разным специальным вопросам. Туда входят на равных правах министерские чиновники и представители общественности (по большей части бизнеса и местного хозяйства). Институт этих советов пока практически не изучен. В настоящей статье впервые исследуются причины создания Совета по горнопромышленным делам в 1904 г., его инициаторы, дискуссии о компетенциях и составе Совета, его значение в вопросе взаимодействия власти и российской горнозаводской промышленности. Совет по горнопромышленным делам венчал собою выстроенную систему взаимодействия правительства и горнозаводчиков империи в начале XX в. Система съездов, созданная не без участия центральной власти, обеспечивала коммуникацию на местном уровне горного управления, других ведомств и горнозаводских предприятий в пределах одного района. Благодаря Совету горнозаводчики получали голос в учреждении министерского уровня, пусть и совещательном. В условиях политического кризиса начала XX в. в подобных советах с представительскими функциями, но строго контролируемых, в большей степени была заинтересована центральная власть, нежели предприниматели. Поэтому при формально имевшейся инициативе создания Совета по горнопромышленным делам со стороны частных лиц реальным двигателем выступало Министерство земледелия и государственных имуществ.

Ключевые слова: Совет по горнопромышленным делам, Горный департамент, съезды горнопромышленников, власть и общество в начале XX в.

FOR CITATION

M. V. Druzin. Establishment of the Mining Affairs Council: Interests and stakeholders // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 23–36

Abstract: At the end of the 19th and beginning of the 20th century, permanent advisory institutions appeared within the ministries — councils on various special issues. It includes on an equal footing ministerial officials and members of the public (for the most part business and local economy). The institution of these councils has not yet been practically studied. This article for the first time examines the reasons for the creation of the Mining Affairs Council in 1904, its initiators, discussions about the competences and composition of the Council, its significance in the issue of interaction between the authorities and the Russian mining industry.

The Mining Affairs Council crowned the built-up system of interaction between the government and the miners of the empire at the beginning of the 20th century. The system of congresses, created not without the participation of the central government, provided communication at the local level of the mining department, other departments and mining enterprises within the same region. Thanks to the Council, the miners got a voice in a ministerial-level institution, albeit a deliberative one. In the conditions of the political crisis of the beginning of the 20th century the central government was more interested than entrepreneurs in such councils with representative functions, but strictly controlled. Therefore, with the formally existing initiative to create the Mining Affairs Council on the part of private individuals, the real engine was the Ministry of Agriculture and State Property.

Key words: The Mining Affairs Council, Mining Department, congress of miners, authorities and society at the beginning of the 20th century.

Автор: Друзин, Михаил Викторович — к. и. н., научный сотрудник Отдела новой истории России СПбИИ РАН.

Author: Druzin, Mikhail Viktorovich — candidate of historical sciences, researcher at the Department of Modern History of Russia of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: mdruzin@mail.ru

А. А. Ефимов, В. Б. Ефимова

Переписка по делу М. Е. Месмахера (к вопросу о невыплате архитекторского гонорара за работы во дворце великого князя Владимира Александровича в 1886–1893 гг.)

В Российском государственном историческом архиве (далее — РГИА) хранится «Дело Конторы Двора Ее Императорского Высочества великой княгини Марии Павловны по переписке с бывшим архитектором профессором М. Е. Месмахером [о получении вознаграждения за произведенные им работы при строительстве дворца великого князя Владимира Александровича]»¹. На обложке оно имеет делопроизводственный № 26, датировано 1910 г. с отметками «начато 12 мая 1898 г., окончено 19 февраля 1913 г.». Представленные в нем материалы были частично введены в научный оборот Т. Е. Тыжненко в 1984 г.² В своей монографии она приводит отрывок письма профессора М. Е. Месмахера управляющему Конторой двора великого князя Владимира Александровича от 26 декабря 1903 г.³ В представляемой статье это письмо публикуется полностью как наиболее подробно отражающее историю вопроса (см. Приложение).

Из сохранившихся в деле документов следует, что профессор М. Е. Месмахер ранее дважды обращался письменно к управляющему Конторой двора великого князя Владимира Александровича Модесту Феопемптовичу Соловьеву⁴ — в декабре 1896 и в мае 1898 г.⁵ — по вопросу окончательного расчета за труды архитектора во дворце со второй половины 1886 по 1893 г. По подсчетам

самого Максимилиана Егоровича, стоимость выполненных работ составила 98801 руб. 87 коп., из которых ему полагалось получить в вознаграждение 10%⁶, или 9880 руб. Через пять с половиной лет после последнего письма М. Ф. Соловьеву, в конце декабря 1903 г. архитектор обращается к сменившему его на посту управляющего конторой А. И. Абаковскому⁷ и получает от него ответ лишь в марте 1905 г.⁸, причем А. И. Абаковский пишет уже по поручению великой княгини Марии Павловны, к которой зодчий обратился за содействием в решении этого вопроса. В ответном письме тон М. Е. Месмахера меняется: если в первом послании к новому управляющему он использует обращение «Ваше Высокоблагородие» и выражает надежду на справедливость, то, получив ответ, он уже с плохо сдерживаемым гневом пеняет чиновнику, во-первых за то, что «только благодаря оказанной <...> со стороны Ее Высочества великой княгини Марии Павловны содействия⁹ <...> чрез 443 дня удостоили меня краткого ответного письма»¹⁰; во-вторых, не признает ссылки на отсутствие в Конторе ввиду неполноты принятых от предшественника «канцелярских дел» документов по своему вопросу¹¹; и, наконец, с горечью комментирует единственный рассмотренный по существу вопрос об оплате последнего заказа великого князя Владимира Александровича — надгробного памятника няне великих князей Е. И. Струттон¹², по которому чиновник счел возможным «благосклонно открыть <...> перспективу на получение частички гонорара (100 руб.?) от конторы Владимирского дворца»¹³.

В отличие от похожей ситуации с выплатой вознаграждения за строительство дворца великого князя Михаила Михайловича на Адмиралтейской набережной (1885–1890), когда, правда, речь шла о гораздо большей сумме — 56 тыс. руб.¹⁴, но дело дошло до императора и долг архитектору был уплачен¹⁵, в случае с работами во дворце великого князя Владимира Александровича оплаты М. Е. Месмахер так и не дождался — последнее письмо, которое может быть точно атрибутировано как письмо зодчего¹⁶, датировано 6/19 декабря 1905 г.¹⁷, а 4 сентября 1906 г. зодчий умер в Дрездене. Позднее прошения об уплате гонорара покойного профессора продолжала подавать его вдова, Варвара Александровна Месмахер¹⁸, и хотя последние из них наконец были снабжены резолюциями, но их содержание неутешительно: «Приказано оставить без внимания»¹⁹ и «Ее Высочество не соизволи[ла] изъявить согласия»²⁰. В завершающем дело письме и. о. заведующего Двором Ее Высочества великой княгини Марии Павловны от 19 февраля 1913 г. на имя А. А. Мосолова, направленном в рамках рассмотрения поданного на высочайшее имя В. А. Месмахер прошения, в объяснение отказа в удовлетворении просьбы архитектора и его вдовы на получение выплат отмечалось, что работа профессора М. Е. Месмахера ограничивалась составлением различных проектов внутренней отделки Владимирского дворца, а «проекты эти должны были бы поступить в собственность заказчика в том случае, если их автор имел бы претензию на соответствующее вознаграждение, на самом же деле проекты

эти, как труды покойного профессора Месмахера, подлежащие оплате, никогда в Контору Двора не поступали и по имеющимся сведениям принадлежат вдове и находятся у нее^{21»22}.

В составе дела представлены следующие документы:

1. Письмо М. Е. Месмахера М. Ф. Соловьеву от 7 мая 1898 г. с приложением перечня работ, произведенных под руководством зодчего²³;

2. Справка неустановленного авторства²⁴ по «делу Месмахера», напечатанная на машинке, с указанием стоимости выполненных в разные промежутки под руководством М. Е. Месмахера работ²⁵;

3. Копия письма М. Е. Месмахера «Господину Управляющему Канцелярией дворца²⁶ Его Императорского Высочества государя великого князя Владимира Александровича» от 26 декабря 1903 / 8 января 1904 г.²⁷ с приложением к нему перечня выполненных под руководством М. Е. Месмахера работ и стоимости материалов²⁸;

4. Письмо М. Е. Месмахера «Господину Управляющему Конторой дворца великого князя Владимира Александровича»²⁹ с приложением перечня работ, произведенных под руководством зодчего³⁰;

5. «Ведомость выплатам за материал и новые постройки (зачеркнуто) работы и приспособления, произведенные в доме Его Высочества под наблюдением арх[итектора] Месмахера с 1 июля 1886 года по 1 сентября 1888 года»³¹ с приложением справки относительно сути прошения М. Е. Месмахера³²;

6. Копия письма М. Е. Месмахера «Господину Управляющему Канцелярией дворца Его Императорского Высочества государя великого князя Владимира Александровича» от 26 декабря 1903 г. (8 января 1904 г.)³³ с приложением перечня работ, произведенных под руководством зодчего, заверенная самим архитектором³⁴;

7. Копия письма М. Е. Месмахеру от управляющего Конторой двора Его Императорского Высочества великого князя Владимира Александровича от 16 марта 1905 г.³⁵;

8. Две копии письма М. Е. Месмахера управляющему Конторой двора Его Императорского Высочества государя великого князя Владимира Александровича от 7 (20) мая 1905 г.³⁶;

9. Подлинник и копия письма-прошения М. Е. Месмахера великому князю Владимиру Александровичу от 9/22 мая 1905 г.³⁷;

10. Два письма М. Ф. Соловьева А. И. Абаковскому от 24 февраля 1904 г.³⁸ и от 3 июня 1905 г.³⁹ по вопросу о «деле Месмахера»;

11. Письмо А. И. Абаковского М. Е. Месмахеру от 16 марта 1905 г.⁴⁰;

12. Отношение Канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошений министру императорского двора и уделов от 6 января 1906 г.⁴¹ с приложением копии прошения М. Е. Месмахера от 6/19 декабря 1905 г.⁴²;

13. Отношение Канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошений министру императорского двора и уделов от 11 ноября 1906 г.

с приложением копии прошения вдовы М. Е. Месмахера Варвары Александровны от 12 (25) октября 1906 г. и копии прошения самого М. Е. Месмахера от 7 (20) декабря 1905 г.⁴³ с приложением к нему⁴⁴;

14. Прощение вдовы М. Е. Месмахера в Контору двorca великого князя Владимира Александровича от 11 марта 1908 г.⁴⁵;

15. Прощение вдовы М. Е. Месмахера на имя начальника Главного управления уделов князя В. С. Кочубея от 15 (28) марта 1909 г. при отношении В. С. Кочубея к гофмейстеру двorca великого князя Владимира Александровича князю М. М. Голицыну от 19 марта 1909 г.⁴⁶;

16. Прощение вдовы М. Е. Месмахера на имя великой княгини Марии Павловны⁴⁷, направленное в начале мая 1910 г.⁴⁸;

17. Прощение вдовы М. Е. Месмахера, адресованное управляющему Конторой двorca великой княгини Марии Павловны⁴⁹ от 13 мая 1911 г.⁵⁰;

18. Прощение вдовы М. Е. Месмахера на имя великой княгини Марии Павловны от 14 июня 1912 г.⁵¹;

19. Переписка о рассмотрении прошения вдовы М. Е. Месмахера на высочайшее имя, поступившего в февралье 1913 г.⁵²

Приложение

Письмо профессора М. Е. Месмахера управляющему Конторой двора великого князя Владимира Александровича. 26 декабря 1903¹

(л. 8)

Господину управляющему Конторою дворца Его Императорского Высочества государя великого князя Владимира Александровича.

В исполнение воли Его Императорского Высочества государя великого князя Владимира Александровича, я, никогда не состоя штатным дворцовым архитектором, имел честь производить во дворце Его Высочества, с 1880 по 1893 год, целый ряд капитальных художественно-строительных работ. Так, по моим рисункам и под моим руководством, исполнены были: две мраморные лестницы, из которых одна построена в северо-восточном углу главного двора дворца для соединения парадной лестницы с бальным залом, а другая лестница с бронзовыми перилами внутри дворца, возле бального зала, для сообщения бельэтажа с банкетным залом, который был устроен в нижнем этаже из старого помещения // (л. 8 об.) главной кухни. Рядом с бальным залом было устроено новое помещение для библиотеки, с деревянной отделкою. Возле главного вестибюля дворца были переделаны несколько комнат в нижнем этаже, выходящие на Дворцовую набережную, для помещения приезжих гостей. Кухня устроена вновь в одном из надворных флигелей дворца, а также сервизная, кладовая для серебра; поднят, аршина на два, старый железный сарай для дров и устроен под ним каменный ледник; устроены лифты, один для подъема особ Их Высочеств, а другой — для подъема кушанья в столовую; заменены в лицевом флигеле дворца, над залами бельэтажа, истлевшие деревянные балки — новыми железными балками; в надворных флигелях произведены разные переделки и перестройки в помещениях для служащих, в бане Его Высочества и в прачечной; произведены разные переделки в конюшне, с перекрытием ее крыши аспидом²; переделаны подземные трубы, — так, что почти во всех частях дворца, за исключением только флигеля, выходящего на Миллионную улицу, мною произведено было множество строительных работ. Все эти работы уплачивались конторою дворца производителям их по проверенным мною счетам, которые затем сохранялись // (л. 9) в конторе, со внесением, следовательно, итогов счетов в бухгалтерские книги конторы дворца. Что касается моего архитектурского гонорара за эти работы, определявшегося по 10% с общей стоимости произведенных работ и употребленных материалов, то контора дворца, в первые годы моей строительной деятельности во дворце, производила мне разновременные денежные выдачи в разном количестве, без

¹ Письмо на листах бумаги 22 на 29 см без водяных знаков и штампелей, собственноручная пагинация М. Е. Месмахера (с. 1 не пронумерована). На листах одинарная поперечная складка посередине как след от сложения при отправке письма.

² Аспид — род сланца или толстого черного слоистого камня, из которого делают грифельные доски.

чего архитектор, как известно, не может покрывать свои текущие расходы на наем помощников, как для чертежных работ, так и для постоянного надзора за производством строительных работ, на изготовление моделей и т. п. Но так как вслед за работой, едва исполненной, обыкновенно следовало со стороны Его Императорского Высочества поручение новой работы во дворце, к исполнению которой требовалось приступить немедленно; так как строительные работы непрерывной вереницей продолжались годами, то окончательный расчет причитающегося мне гонорара никогда не был произведен конторою дворца, а только произведены были разновременно, как выше упомянуто³, отдельные выдачи в счет моего гонорара. Такая выдача денег в счет моего гонорара была мне произведена конторою дворца в последний // (л. 9 об.) раз в начале 1887 года за работы по 1 июля 1886 года, при чем Модест Феопемптович Соловьев, состоявший в то время управляющим Конторою дворца Его Высочества, любезно признавая, что мне еще причитается получить значительную часть моего гонорара, лично обещал мне произвести в непродолжительном времени окончательный расчет стоимости всех произведенных под моим руководством работ во дворце, чтобы определить в точности остальную часть причитающегося мне тогда гонорара, «ведь мы Вам еще так много должны!». Но, по неизвестным мне причинам, я обещанного расчета и уплаты остальной части моего гонорара не получил, а получил новые поручения Его Высочества на другие перестройки в его дворце. Продолжались такие поручения еще годами и прекратились лишь в 1893 году, когда был окончен, также по приказанию Его Императорского Высочества великого князя Владимира Александровича, надгробный памятник, сооруженный по моему рисунку, модели и исполнительным чертежам, и под моим надзором, на могиле г-жи Струттон, покойной няни Его Высочества и его августейших братьев.

Привыкши всегда аккуратно получать от контор моих высокоуважаемых заказчиков расчет и уплату // (л. 10) моего гонорара в скорости⁴ после окончания произведенных мною строительных работ, без всякого о том с моей стороны напоминания или хождения, я, конечно, ожидал получить такой же расчет и уплату моего гонорара со стороны конторы дворца за произведенные мною для Его Императорского Высочества в продолжение нескольких лет строительные работы по окончании этих работ, т[о] е[сть] по окончании упомянутого надгробного памятника.

По окончании этой моей последней работы по заказу Его Императорского Высочества государя великого князя Владимира Александровича, я ожидал расчета гонорара терпеливо, несколько лет, но совершенно тщетно. Это принудило меня наконец, осенью 1896 года, посетить М. Ф. Соловьева и лично попросить его привести, наконец, в исполнение свое обещание и сделать необходимое распоряжение о составлении расчета израсходованных

³ Так в документе.

⁴ Так в документе.

сумм на произведенные под моим руководством строительные работы, что, по хранящимся в конторе дворца счетам и по бухгалтерским книгам, не могло представить никаких затруднений, и могло быть исполнено в какой-нибудь час времени, а также об уплате причитающегося мне гонорара. На это М. Ф. Соловьев ответил мне, с // (л. 10 об.) явным смущением, что этот расчет будет произведен непременно чрез «недельку», равно и уплата причитающихся мне денег. Но когда и затем прошли не только «недельки», но и месяцы, то я решился составить этот расчет сам, по крайней мере, с 1886 по 1893 год, по сохранившимся у меня данным и сведениям, которые я мог получить от мастеров, производивших по моим рисункам работы во дворце Его Высочества, и поставщиков употребленных материалов. Это была весьма трудная и кропотливая задача для меня вследствие того обстоятельства, что в моем распоряжении не было, как у дворцовой конторы, бухгалтерских книг. Составив с большим трудом и затратой времени перечень израсходованных с 1886 по 1893 год строительных сумм, я переслал ее М. Ф. Соловьеву, при письме от 28-го декабря 1896 года, прося его приказать проверить эту перечень и, если она окажется верною, сделать распоряжение об уплате причитающегося мне по этим работам гонорара, а именно 9830 рублей. Но на это письмо, в получении которого М. Ф. Соловьевым сохраняется у меня его расписка, я по сие время не получил ни просимого расчета, ни причитающихся мне денег, ни даже какого-нибудь ответа от М. Ф. Соловьева. Во внимание к затруднительному, быть может, положению М. Ф. Соловьева, // (л. 11) и не желая сделать ему какой-либо служебной неприятности, я терпеливо ждал, и по сие время остаюсь в ожидании получения расчета и уплаты гонорара.

Изложив в предыдущем⁵ дело об уплате или, вернее, о проволочке уплаты мне вознаграждения за мои многолетние, неустанные, честные труды во дворце Его Высочества, сопряженные с большою затратою собственных моих денег, между прочим на вознаграждение моих помощников, я, в настоящее время, все-таки уверен, что пока управление конторы дворца Его Высочества находится в ведении Вашего Высокоблагородия, подобная затряжка уплаты причитающегося мне гонорара, недостойная ни меня, ни великокняжеской конторы, не будет долее продолжаться. В этом твердом убеждении и рассчитывая на Вашу справедливость, я решаюсь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие сделать необходимое распоряжение об уплате, наконец, причитающегося мне гонорара, хотя бы только в размере 9830 рублей, т[о] е[сть] только за работы, исполненные под моим руководством во дворце Его Высочества с июля месяца 1886 по 1893 год, на которые было израсходовано, согласно представленному мною 28-го декабря 1896 г. М. Ф. Соловьеву перечню, другой экземпляр которого я при сем прилагаю, всего 98301 руб. 87 коп. Я не сомневаюсь, что уплата мне гонорара будет по всей // (л. 11 об.) справедливости, ускорена Вами уже во внимание того, что за время терпеливого

⁵ Так в документе.

ожидания мною уплаты гонорара, законных процентов на него могло нарасти до половинной суммы гонорара.

Находясь, по нездоровью, в Дрездене, я просил бы уплату гонорара произвести посредством чека на какой-либо здешний банк, например, Dresdner Filiale der Deutschen Bank in Dresden⁶, через которую, между прочим, и Главное Управление Уделов производило мне платежи по постройке дворца для Его Величества в Массандре.

Действительный статский советник,
профессор М. Месмахер
Дрезден, 26 декабря 1903 / 8 января 1904

Мой адрес: Dresden — A, Bankstrasse 11, II Etage

// (л. 12)

Перечень
строительных и декоративных работ, произведенных
для Его Императорского Высочества государя великого
князя Владимира Александровича по проектам
и под руководством профессора М. Е. Месмахер⁷ с 1886 по 1893год,
с обозначением сумм, уплаченных за эти работы, а также
за употребленные на них материалы

	руб.	коп.
Альбрехту, за бронзовые работы	1140 ⁸	—
× ⁹ Антонову, за бархат ¹⁰	189	—
×Аравину, за манчестер ¹¹ и пр.	17	68
×Бриго, за обойные работы	517	87
Вельбергу, за газо- и водопроводные работы	5125	—
Гвиди, за гранитные работы ¹²	× 9200	—

⁶ Вероятно, описка. В другой копии письма, адресованной управляющему Канцелярией дворца, — «in Berlin».

⁷ Так в документе.

⁸ Все суммы, за исключением выплаты Гвиди за гранитные работы, отмечены карандашом слева от числа знаком «v».

⁹ Здесь и далее — знак «×» поставлен карандашом слева от фамилии.

¹⁰ В ведомости, подготовленной стороной великого князя, эти работы обозначены как «бархат для поручней лестницы» (Ф. 528. Оп. 1. Д. 782. Л. 13 об.).

¹¹ Манчестер — разновидность ткани с вертикальным ворсом; плотный хлопчатобумажный аналог шелкового бархата.

¹² Гвиди Карл — мраморных дел мастер, в 1891 г. исполнил по проекту М. Е. Месмахера надгробие для няни детей императора Александра II Е. И. Струттон.

Гелевичу, за паркетные работы	1173	04
Генрихсену, за бронзовые работы	16500	–
Гофману, за каменные, плотничные и проч. работы	4469	95
Гоффе, за малярные работы	706	78
×Градусову, за уборку мусора	185	50
Громову, за лесные материалы	3984	45
×Кононову, за войлоки, паклю и проч.	44	05
×Копылову, за песок	87	50
×Косс и Дюр, за цемент и Метлахские плитки	618	98
Ляпину, за лепные работы	6436	31
<hr/>		
×) быть может, что эта сумма, вследствие дополнительных работ, по счету Гвиди увеличилась до 9700 руб. ¹³		
<i>// (л. 12 об.)</i>	руб.	коп.
Перенос	50396	11
Мессинг, за вышивные работы ¹⁴	1080	45
Миттельбергер, за кровельные работы ¹⁵	1434	–
×Никитину, за домовые приборы	1179	02
Патриотической Школе, за вышивные работы	365	70
×Ренненкампу, за кирпич	81	63
Руджия, за мраморные работы ¹⁶	7821	47
Репникову, за известь	378	52
Сабенникову, за рельсы ¹⁷	674	58
Сан-Галли, за чугунные изделия, подъемн[ые] машины, железн[ые] балки	5034	17
Садикову, за живописные работы	9155	87
Семенову, за басонные ¹⁸ работы	106	21
Становому, за земляные работы	45	–
Товариществу обработки строительн[ых] материалов, за кирпич	1015	20

¹³ Авторское примечание М. Е. Месмахера.

¹⁴ В ведомости, подготовленной стороной великого князя, эти работы обозначены как «вышивка портьер» (Ф. 528. Оп. 1. Д. 782. Л. 13).

¹⁵ В ведомости, подготовленной стороной великого князя, эти работы обозначены как «настилка аспидной крыши конюшни» (Там же. Л. 14).

¹⁶ С. Руджия (совместно с Е. Мадерни) — итальянские мастера, работавшие во дворце великого князя Владимира Александровича над созданием парадной лестницы.

¹⁷ Вероятно, речь идет о рельсах для подъемных машин.

¹⁸ Басон — плетеное изделие, служащее украшением одежды, мебели (шнур, тесьма, бахро-ма и т. п.).

Томилову, за печные работы	423	99
Флейшгауеру, за алебастр	439	32
Харламову, за изразцы	95	
Цейшке, за стекла и зеркала	3218	25
Чахотину, за штукатурные работы	1665	78
Чижову ¹⁹ , за скульптурные работы ²⁰	2455	60
×Шрадеру, за столярные работы	10461	
Штейнгольцу, за столярные работы	775	
всего руб.	98301	87

РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 782. Л. 8 — 12 об.

¹⁹ Чижов Матвей Афанасьевич (1838–1916) — скульптор, автор убранства парадной лестницы во дворце великого князя Владимира Александровича. Работы М. А. Чижова представлены в основных экспозициях Государственного Русского музея и Государственной Третьяковской галереи.

²⁰ В ведомости, подготовленной стороной великого князя, эти работы обозначены как «за модель герба, вазы и камина и исполнение их из мрамора» (Ф. 528. Оп. 1. Д. 782. Л. 14).

¹ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 782.

² *Тыжненко Т. Е.* Максимилиан Месмахер. Л., 1984. С. 44.

³ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 782. Л. 8 — 12 об.

⁴ Соловьев Модест Феопемптович — сын надворного советника. В службе и классном чине с 1856 г. (Санкт-Петербургский университет). Действительный статский советник с 1876 г., тайный советник с 1897 г. Служил по Министерству Императорского двора и уделов (*Волков С. В.* Высшее чиновничество Российской империи: краткий словарь. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 627).

⁵ Из них в деле представлено только второе письмо, первое лишь упоминается в других документах дела.

⁶ В письмах М. Е. Месмахера встречается объяснение этой суммы: «Всем имевшим со мною дело известно было, что обычный мой архитектурский гонорар за дворцовые, музейские и т[ому] под[обные] здания были 10 % общей стоимости постройки; это не было секретом ни для кого. Такой гонорар я получал как с меньших, так и с больших построек, которые я исполнял не по служебной обязанности, а как частный архитектор <...> Как всякий садящийся в конку или консультирующий доктора может и обязан справиться, сколько следует заплатить, — а потому и признается обязанным заплатить эту плату, которую без особого предварительного уговора ни та, ни другая сторона не в праве ни увеличивать, ни уменьшать, — точно так же и я и мои уважаемые заказчики всегда соблюдали 10 % норму гонорара и никакого разговора ни об увеличении, ни об уменьшении этой нормы моего гонорара никогда между нами не было» (Письмо М. Е. Месмахера Н. И. Шефферу. 17 ноября 1901 г. // РГИА. Ф. 546. Оп. 1. Д. 33. Л. 43 — 43 об.).

⁷ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 782. Л. 8 — 12 об.

⁸ Там же. Л. 20 — 20 об.

⁹ Так в документе.

- ¹⁰ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 782. Л. 21.
- ¹¹ А. И. Абаковский дважды обращался к М. Ф. Соловьеву по поводу просьб М. Е. Месмахера. При этом в первом письме, направленном 24 февраля 1904 г., М. Ф. Соловьев, не признавая полностью обязательств по выплате вознаграждения зодчему, отмечает, что с учетом настойчивости просителя, вероятно, потребуется заплатить некую сумму, а во втором случае, в письме от 3 июня 1905 г., уже не было и речи о возможности выплаты.
- ¹² Струттон Екатерина Ивановна (Китти; Catherine Strutton) (1809–1891) — няня детей императора Александра II.
- ¹³ Действительно, «в сооружении означенного памятника, кроме великого князя Владимира Александровича, пожертвовавшего 1000 руб., принимали также участие великие князья Павел Александрович (1000 руб.) и ныне в Бозе почивающие: император Александр III (5725 руб.) и великий князь Сергей Александрович (1000 руб.)». Но хотя изготовление памятника было оплачено совместными взносами императора Александра III и его братьев — великих князей, официальный заказ был оформлен конторой великого князя Владимира Александровича, через которую и шло финансирование (РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 782. Л. 21, 21 об.).
- ¹⁴ Великокняжеские резиденции Российской империи в 1826–1917 гг.: экономика строительства: исследование и документы / Сост. А. А. Ефимов. СПб., 2020. С. 68.
- ¹⁵ См. об этом: Там же. С. 69.
- ¹⁶ В деле представлена и копия письма-прошения М. Е. Месмахера на высочайшее имя, в котором со знаком вопроса проставлена дата 7 (20) декабря 1905 г. (РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 782. Л. 52 — 54 об.).
- ¹⁷ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 782. Л. 46.
- ¹⁸ Варвара Александровна Месмахер (урожденная Андрэ; 1865–1918) — ученица и жена М. Е. Месмахера, художница, выпускница Центрального училища технического рисования барона А. Л. Штиглица.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 782. Л. 61.
- ²⁰ Там же. Л. 63.
- ²¹ Чертежи М. Е. Месмахера действительно были увезены зодчим в эмиграцию в Дрезден, а затем находились у его вдовы, которая незадолго до своей кончины передала их в дар в Академию художеств, в музее которой они хранятся и поныне.
- ²² Там же. Л. 68–69.
- ²³ Там же. Л. 1–2.
- ²⁴ Вероятно, подготовлена чиновниками Придворной конторы великого князя Владимира Александровича.
- ²⁵ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 782. Л. 3.
- ²⁶ Здесь и далее М. Е. Месмахер употребляет ошибочно слово «дворца» вместо «двора» («канцелярия дворца», «контора дворца»).
- ²⁷ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 782. Л. 4–6.
- ²⁸ Там же. Л. 7 — 7 об.
- ²⁹ Там же. Л. 8 — 11 об. Можно предположить, что оба письма, практически идентичные (за исключением точечных разночтений) написаны самим М. Е. Месмахером, полагавшим, что он направляет письмо двум разным чиновникам (различия в адресации письма).
- ³⁰ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 782. Л. 12 — 12 об.
- ³¹ Там же. Л. 13–14.
- ³² Там же. Л. 15. Представляет собой рукописный черновик справки (см. л. 3).
- ³³ Там же. Л. 16 — 18 об.
- ³⁴ Там же. Л. 19 — 19 об.
- ³⁵ Внизу собственноручно сделанная архитектором помета: «С подлинным верно. Профессор М. Месмахер» (Там же. Л. 20 — 20 об.).
- ³⁶ Там же. Л. 21 — 26 об., 34–39.
- ³⁷ Там же. Л. 27 — 28 об., 32 — 33 об.

³⁸ Там же. Л. 29, 29 об.

³⁹ Там же. Л. 40–41.

⁴⁰ Там же. Л. 30–31.

⁴¹ Можно предположить, что упомянутые в отношении три копии писем М. Е. Месмахера — это представленные в этом деле вторая копия письма от 26 декабря 1903 г., вторая копия письма от 7/20 мая 1905 г. и копия письма вел. кн. Владимиру Александровичу от 9/22 мая 1905 г.

⁴² РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 782. Л. 42–46.

⁴³ Можно сделать предположение, что это все же не копия, а пересказ прошения от 6 (19) декабря 1905 г., поскольку сомнительно, чтобы М. Е. Месмахер с разницей в один день подал бы два прошения на высочайшее имя по одному и тому же вопросу.

⁴⁴ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 782. Л. 47 — 55 об.

⁴⁵ Там же. Л. 56 — 57 об.

⁴⁶ Там же. Л. 58, 59 — 60 об.

⁴⁷ Там же. Л. 61–62.

⁴⁸ Точное число в прошении не проставлено, штамп о получении — 5 мая 1910 г.; резолюции — «Доложено Ея Императорскому Высочеству. 14/VI 1910»; «Приказано оставить без внимания» (РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 782. Л. 61).

⁴⁹ Резолюция — «Долож[ено]. Ея Высочеств[о] не соизволи[ла] изъявить согласия» (Там же. Л. 63).

⁵⁰ Там же. Л. 63–64.

⁵¹ Там же. Л. 65.

⁵² Там же. Л. 66–70.

References

Strutton Yekaterina Ivanovna ("Kitti") (Catherine Strutton) // Smolenskoye lyuteranskoye kladbishche. URL: <https://spslc.ru/burial-places/strutton-kitti.html> (date of access 04.21.2023).

TYZHNEENKO T. Ye. *Maksimilian Mesmakher* [Maximilian Messmacher]. Leningrad, 1984.

TYZHNEENKO T. Ye. *Tvorchestvo arkhitekтора M. Ye. Mesmakhera* [Creativity of the architect M. E. Messmacher]. Vol. 1, 2. Dis. ... kand. arkhitektury. Leningrad, 1984.

Velikoknyazheskiye rezidentsii Rossiyskoy imperii v 1826–1917 gg.: ekonomika stroitel'stva: issledovaniye i dokumenty [Grand-ducal residences of the Russian Empire in 1826–1917: construction economy: research and documents. In Russ.] / Composed by A. A. Efimov. St. Petersburg, 2020.

VOLKOV S. V. *Vyssheye chinovnichestvo Rossiyskoy imperii: kratkiy slovar'* [The highest bureaucracy of the Russian Empire: a brief dictionary]. Moscow, 2016.

YEFIMOV A. A. *Problema voznagrashdeniya M. Ye. Mesmakhera za vozvedeniye dvortsа velikogo knyazya Mikhaila Mikhailovichа kak primer vzaimodeystviya avgusteyshego zakazchika, chinovnikov i arkhitekтора* [The problem of rewarding M. E. Messmacher for the construction of the palace of Grand Duke Mikhail Mikhailovich as an example of the interaction of the august customer, officials and architect] // *Uchenyye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. 2019. No. 6 (24). DOI: 10.34680/2411–7951.2019.6(24).12

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. А. Ефимов, В. Б. Ефимова. Переписка по делу М. Е. Месмахера (к вопросу о невыплате архитектурного гонорара за работы во дворце великого князя Владимира Александровича в 1886–1893 гг.) // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 37–49

Аннотация: В публикуемом письме содержится обращение архитектора М. Е. Месмахера в Контору двора великого князя Владимира Александровича в конце 1903 г. по вопросу оплаты своих трудов во дворце Его Императорского Высочества в Санкт-Петербурге за 1886–1893 гг. К письму приложен перечень произведенных Конторой оплат за материалы поставщикам и за работы подрядчикам, составленный зодчим собственноручно. Это письмо является частью объемного дела, освещающего историю обращений сначала самого архитектора, а затем его вдовы В. А. Месмахер за получением недоплаченного гонорара. В деле содержатся многочисленные обращения зодчего как к чиновникам великокняжеской конторы, так и к самому великому князю и даже к императору, направлявшиеся им с 1898 г., внутренняя переписка чиновников по этому вопросу, а также немногочисленные ответные послания. После кончины М. Е. Месмахера, так и не получившего никаких денег, за выплатами с 1906 г. вплоть до июня 1912 г. неоднократно обращалась уже его вдова, В. А. Месмахер. Она подавала петиции ко всем возможным адресатам, от канцелярии великой княгини Марии Павловны до самого императора, однако ее письма так не были удостоены ответа ни от одного из адресатов.

Ключевые слова: М. Е. Месмахер, великий князь Владимир Александрович, великая княгиня Мария Павловна, дворец великого князя Владимира Александровича, прошение.

FOR CITATION

A. A. Yefimov, V. B. Yefimova. Correspondence on the case of M. E. Messmacher (on the issue of non-payment of the architect's fee for work in the palace of Grand Duke Vladimir Alexandrovich in 1886–1893) // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 37–49

Abstract: The published letter contains an appeal by the architect M. E. Messmacher to the Office of the Court of Grand Duke Vladimir Alexandrovich at the end of 1903 on the issue of payment for his work in the palace of His Imperial Highness in St. Petersburg for 1886–1893. Attached to the letter is a list of payments made by the Office for materials to suppliers and for work to contractors, compiled by the architect himself. This letter is part of a lengthy case covering the history of appeals, first by the architect himself, and then by his widow V. A. Mesmacher for receiving an underpaid fee. The file contains both numerous appeals of the architect both to officials of the grand ducal office, and to the grand duke himself and even to the emperor, sent to him from 1898 to 1905, internal correspondence of officials on this issue, as well as a few response messages. After the death of M. E. Mesmacher, who never received any money, from 1906 until June 1912, his widow, V. A. Mesmacher, repeatedly applied for payments. She filed petitions to all possible recipients, from the office of the Grand Duchess Maria Pavlovna to the emperor himself, but her letters were never honored with a response from any of the recipients.

Key words: M. E. Mesmacher, Grand Duke Vladimir Alexandrovich, Grand Duchess Maria Pavlovna, Palace of Grand Duke Vladimir Alexandrovich, petition.

Автор: **Ефимов, Андрей Александрович** — к.и. н., старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук.

Author: **Yefimov, Andrey Aleksandrovich** — Candidate of Sciences in History, senior research fellow, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: aefimov5@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9016-1091

Автор: **Ефимова, Валентина Борисовна** — начальник отдела по выполнению государственного задания, Дом ученых им. М. Горького.

Author: **Yefimova, Valentina Borisovna** — Chief of state assignment Department, M. Gorky House of Scientists.

E-mail: arcuscaelestis@mail.ru

Е. Е. Юдин

Аристократия и механизация сельского хозяйства: применение машин в крупных помещичьих имениях Российской империи в 1890–1914 гг.

Аристократия в последние десятилетия Российской империи представляется нашим современникам, как правило, в виде блеклых придворных, гвардейских офицеров и светских дам в окружении последнего русского царя, олицетворявших собой консервативные ценности и отжившие сословные привилегии. На самом деле многие представители этого элитарного класса были не чужды прогрессивному духу времени, что выражалось не только в приобретении ими роскошных личных автомобилей и путешествиях первым классом по железной дороге, но и в большом интересе к сельскохозяйственным машинам и другой технике, которую они покупали для в своих имений. Аграрная революция, под которой обычно понимают смену традиционного землепользования эпохи средневековья новой системой, основанной на отношении к земле как к капиталу и на новых технологических изменениях (многополье, применение машин и искусственных удобрений) началась в России даже по сравнению с центральноевропейским регионом достаточно поздно — в 1860–1870-е гг. Пионерами кардинальных структурных сдвигов в сфере сельскохозяйственного производства стали крупные помещичьи имения, и этот процесс стал преобладающим в 1890–1914 гг.

Прогрессивная роль аристократии в начале аграрной революции на Западе хорошо освещена во многих исследованиях¹. Применительно к России историографическая ситуация несколько иная. В советской историографии в 1970–1980-е гг. была высказана позиция, согласно которой помещичьи хозяйства в России на рубеже XIX–XX вв. были обеспечены «мертвым инвентарем» недостаточно. Более того, эта недостаточная обеспеченность якобы создавалась искусственно, так как большинство помещиков плохо раскупали машины (и это в условиях роста импорта и собственного производства сельскохозяйственной техники), предпочитая им более дешевую мускульную силу окрестных крестьян. Констатировалась чрезвычайно низкая обеспеченность в целом помещичьих хозяйств сельскохозяйственной техникой, но признавалась значительная ее концентрация в «отдельных, очень немногих, хозяйствах»². Так, например, на основе анализа 30 экономий крупных землевладельцев в конце XIX в. И. Д. Ковальченко пришел к выводу, что сельскохозяйственное производство в помещичьих имениях в целом оставалось трудоемким, а не капиталоемким, что опять-таки он объяснял дешевизной крестьянской рабочей силы³.

В действительности кардинальные изменения в крупных помещичьих хозяйствах к началу XX в. были гораздо более глубокими, чем представлялось ранее. Они были вызваны двумя основополагающими причинами — необходимостью реагировать на мировой аграрный кризис конца 1870 — 1880-х гг. и вполне прагматичным интересом крупных землевладельцев к увеличению своих доходов в условиях новой капиталистической экономики. К тому же аристократия обладала возможностью значительных инвестиций в аграрную сферу (доходы имений, продажа части земельной собственности и банковские ипотечные кредиты). Многие помещики предпочитали вообще продавать часть своей земельной собственности, обращая ее в банковские капиталы и необходимые свободные денежные средства для вложения в отдельные крупные экономии. В последних мы видим применение новых форм землепользования: переход к многопольному севообороту, увеличение доли технических культур в посевах, применение искусственных удобрений и активное использование сложных сельскохозяйственных машин.

К началу 1890-х гг. появились имения с современной организацией сельскохозяйственного производства, сложившейся путем повышения производительности труда и перехода к передовой агротехнике. Развитию этих экономий способствовала и благоприятная рыночная конъюнктура. Как отмечает К. Леонард, в период российской индустриализации 1890–1914 гг. наблюдалось широкое использование сельскохозяйственной техники на землях, принадлежавших государству и крупным землевладельцам, а также в тех регионах, где крестьяне имели достаточные финансовые ресурсы для инвестирования⁴. Согласно материалам, подготовленным Министерством земледелия к началу 1900-х гг. и опубликованным в четырех справочных книгах, к числу наиболее выдающихся помещичьих хозяйств на территории Европейской России было

отнесено 2135 владений общей площадью 7810 158 десятин, большей частью принадлежавших дворянам⁵. Критерии, по которым определялись подобные хозяйства, включали в себя использование различных способов агрикультуры, разнообразие возделываемых культур, наличие чистокровных пород скота и применение сложной сельскохозяйственной техники.

В современных исследованиях стала уже общим местом констатация роста в пореформенную эпоху использования сельскохозяйственных машин и усовершенствованных орудий, применение удобрений, улучшение приемов полеводства и пр., притом преимущественно в помещичьих и зажиточных крестьянских хозяйствах⁶. По подсчетам П. Грегори, увеличение единиц сельскохозяйственного оборудования в период между 1891–1893 и 1911–1913 гг. в среднем составляло 9% в год, что опережало рост промышленного оборудования в стране в это время (8%)⁷. Как показывают также подсчеты К. Леонард, чистая стоимость сельскохозяйственного оборудования, как произведенного в России, так и импортированного, за вычетом амортизации между 1876 и 1890 гг. увеличилась вдвое — с 14,4 до 30,6 млн руб. соответственно. К 1913 г. этот показатель увеличился более чем в 20 раз и составил 656,6 млн руб.⁸ По другим оценкам, ежегодное потребление сельскохозяйственных машин в России с 1870 по 1912 г. выросло в 57 раз, а за период 1890–1912 гг. — в 26 раз⁹. Данные, опирающиеся на статистику железнодорожных перевозок, также показывают стабильный рост суммарного потребления сельскохозяйственных машин, который особенно ускорился после начала аграрной реформы 1906 г.¹⁰ За 1908–1912 гг. импорт сельскохозяйственных машин в Россию вырос в 2,6 раза по весу и в 2,3 раза по стоимости. При этом суммарная стоимость отечественных сельскохозяйственных машин и усовершенствованных орудий в руках российских владельцев выросла с 3981 тыс. руб. в 1879 г. до 60 508 тыс. руб. в 1913 г., а импортных — с 4000 тыс. руб. в 1879 г. до 51 113 тыс. руб. в 1913 г.¹¹ В абсолютных цифрах данные сельскохозяйственной переписи 1910 г. показывали следующую картину. Всего в России орудий по обработке почвы было 18,4 млн шт. (8 млн сох и 1 млн косуль деревянных; 6 млн железных плугов и 3 млн деревянных плугов с железными лемехами). Паровых плугов было всего 335, а тракторов — 166. В то же время перепись зафиксировала наличие 811 тыс. жатвенных машин и 200 тыс. сенокосилок. Таким образом, на уборочных работах могло быть использовано более 1 млн специальных машин. Также в 1910 г. в России было 550 тыс. конных и 27 тыс. паровых молотилок и 317 тыс. усовершенствованных веялок¹². По подсчетам И. Д. Ковальченко, доля современной сельскохозяйственной техники, находившейся у помещиков (8,2%), была даже несколько больше, чем доля земли, с которой они получали урожай (около 7%)¹³. Также он полагал, что накануне 1917 г. сельскохозяйственными машинами и усовершенствованными орудиями помещичьи хозяйства были обеспечены в целом лучше, чем крестьянские хозяйства¹⁴.

Земельные владения русской аристократии находились в основном в черноземных, центрально-промышленных и поволжских губерниях. Здесь концентрация сельскохозяйственной техники в руках частных владельцев была весьма наглядна. Так, по данным всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., на частновладельческие хозяйства в 34 губерниях Европейской России приходилось 8,2% всех усовершенствованных сельскохозяйственных орудий. Однако в тех областях, где находилось большое количество крупных экономий, этот процент значительно возрастал: в центрально-промышленном районе — 20,9%, в центрально-нечерноземном районе — 11,3%, в центрально-черноземном районе — 14,5%, в Средне-Волжском районе — 26,4%, в украинских губерниях — 16,7%¹⁵. В еще большей степени преимущество крупных частных хозяйств проявлялось в обеспечении сложной и дорогой сельскохозяйственной техникой. В 1910 г. в северо-черноземном регионе (губернии Воронежская, Курская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тульская) в частных имениях насчитывалось 14 328 сеялок (76% от общего количества у крестьян и частных владельцев), 9209 жаток (55,6%), 9155 молотилок (12,4%), 16 336 веялок (9%), 3217 косилок (92,6%). В южно-черноземных губерниях (Полтавская, Харьковская, Черниговская) у частных землевладельцев было 13 506 сеялок (41,5%), 7423 жаток (35%), 4472 молотилки (16,7%), 10 368 веялок (8%), 1712 косилок (74,4%)¹⁶.

В старинных русских областях черноземного центра с многочисленным общинным крестьянским населением в нескольких сотнях частных хозяйств, занимавших менее четверти всей земельной площади, накануне 1914 г. сосредотачивалась основная масса посевной и уборочной техники. Департамент земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ, опираясь на данные, которые были собраны во второй половине 1890-х — начале 1900-х гг. по 9269 объектам, отмечал в своих отчетах, что сложные плуги составляли принадлежность по большей части исключительно владельческих хозяйств. Сеялки вовсе не встречались в крестьянских хозяйствах и использовались для посевов только в крупных частновладельческих хозяйствах¹⁷. Материалы Дворянского банка и подворной переписи показывали, что у помещиков все виды сельскохозяйственных орудий и машин были совершеннее, разнообразнее и дороже. В крестьянских хозяйствах в большинстве своем применялись дешевые сельскохозяйственные машины кустарного производства или простейшего типа отечественных производителей. У них не могли, например, появиться паровые молотилки стоимостью 2–2,5 тыс. руб., которые приобретали крупные землевладельцы, как и другая сложная дорогая техника (жнейки-сноповязалки, рядовые сеялки, зерносушилки и пр.) в основном зарубежных фирм. Техника у помещиков была разнообразнее. Так, исследователи выделяют применявшиеся в крупных хозяйствах рядовые сеялки, зерносушилки, клеверные терки, сноповязалки, о которых «крестьяне знали только понаслышке»¹⁸. Как отмечали специалисты-агрономы того времени, именно сеялки являлись

теми машинами, использование которых свидетельствовало о дальнейшем прогрессе в механизации сельского хозяйства. Также подчеркивалась очевидная польза жаток — они экономили трудовые затраты¹⁹. Помимо технических специалистов, сельскохозяйственные машины требовали значительного числа постоянных наемных рабочих²⁰. Вполне закономерно, что в течение всего периода 1890–1914 гг. крупные помещичьи хозяйства в России увеличивали использование наемной рабочей силы, так как активное применение машин только ускорило этот процесс.

Крупные помещичьи имения в России были важнейшими потребителями сложной сельскохозяйственной техники как отечественных, так и (в подавляющем большинстве случаев) иностранных производителей. В начале 1900-х гг. правительственная комиссия выяснила, что наибольшую конкуренцию русским сельскохозяйственным машинам составляли уборочные американские машины. Основными поставщиками машин для сельского хозяйства России являлись американские фирмы «Мак-Кормик», «Диринг», «Осборн» и др. В крупных имениях высоко ценились немецкие плуги Сакка с полувинтовым отвалом из знаменитой крупновской стали²¹. Первое место среди ввозимых в Россию сельскохозяйственных машин занимали уборочные, на которые приходилось почти 2/5 стоимости импорта. В эту категорию входили сложные уборочные машины (жнеи-сноповязалки и жнеи-самосброски), которые ввозились до 1913 г. в основном из США, а также простые уборочные машины. Абсолютными лидерами на русском рынке сельскохозяйственных машин были Германия (35,9% импорта) и США (34,1%). Далее шли компании других стран — Великобритании (16%), Австро-Венгрии (7%) и Швеции (3,7%). Из орудий подъема почвы предпочтением пользовались германские (75,3%). Почти 50% сеялок и 3/5 уборочных машин ввозились из США. Английские молотилки составляли 46,6% импорта, а германские — 36%. На австро-венгерские зерноочистительные и сортировочные машины приходилось 47,3% импорта техники этой категории²².

Управляющие имениями, как и сами владельцы, к 1914 г. обладали сложившимися представлениями о рыночной конъюнктуре в этой области и с успехом ее использовали в экономических интересах собственного хозяйства. Мемуары и другие личные материалы владельцев крупных имений показывают, насколько возрос интерес аристократии к применению сложных машин в сельском хозяйстве. Князь М. В. Голицын вспоминал, как его занимала паровая молотба в его имении Бучалки Тульской губ., как впервые он увидел и внимательно изучил жатвенные машины и локомобиль, приобретенные новым управляющим хозяйством²³. В своем имении Осташево Волоколамского уезда Московской губ. великий князь Константин Константинович летом 1912 г. с большим интересом наблюдал, «как сеют сеялками» и «жнут механическими жнейками»²⁴. Граф К. А. Бенкендорф отмечал, что в его имении Сосновка в Тамбовской губ. применялись уборочные машины на конной тяге, земля возделывалась с по-

мощью механизмов, а все молотилки и много другой сельскохозяйственной техники всегда заказывались в британской фирме Рэнсома еще до того, как отец мемуариста стал российским послом в Лондоне²⁵. Князь А. Д. Голицын, создавая свое образцовое хозяйство в имении Должик Харьковской губ., использовал локомобиль от паровой молотилки для работы мельницы, просорушки и маслобойки. И даже мед из пчелиных сот на пасеке извлекался специальной центробежной машиной²⁶. Офицер лейб-гвардии Кирасирского полка Ю. К. Мейер, семье которого принадлежало крупное имение в Орловской губ., с увлечением описывал в своих мемуарах различные виды сельскохозяйственных машин, применявшихся в экономии накануне 1914 г., и даже свой личный опыт управления косилкой американского изобретателя Мак-Кормика²⁷. Княгиня Е. К. Кантакузена-Сперанская вспоминала, как их управляющий имением Буромки в Киевской губ. весной 1907 г. построил управляемую лошадьми молотилку, и это стало притягательным нововведением для окрестных крестьян²⁸. Зинаида Башкирова в юности (1915–1916 гг.) с интересом наблюдала работу конной молотилки в имении Курбатика Сумароковых-Эльстон в Нижегородской губ.²⁹ В апреле 1913 г. главный лесничий сообщал графу С. Д. Шереметеву о своем посещении сельскохозяйственной выставки в Киеве. При этом особое внимание уделялось наблюдению за испытанием моторных плугов в 80 верстах от Киева, где принимали участие пять разных американских фирм³⁰.

Важнейшей новинкой, которая появилась в предвоенные годы в крупных экономиях, стала тракторная техника. По данным бюро по сельскохозяйственной механике, в 1913 г. в России всего применялось 152 трактора и 14 моторных плугов³¹. В Тульской губ., например, накануне 1914 г. два трактора работали в Богородицком имении графов Бобринских и одна подобная машина в имении Тютчевой³². В имении Ново-Воронцовка графини Е. А. Воронцовой-Дашковой в Херсонской губ. действовали, помимо разнообразных сельскохозяйственных машин, два трактора Гарт-Парр с 8-лемешными плугами Дира³³. В хозяйстве Аннинского имения княгини Н. А. Бяратинской в Воронежской губ. в 1916 г. работали трактора международной компании жатвенных машин³⁴.

В марте 1914 г. управляющий Баландинской вотчиной в Саратовской губ. сообщал графу С. Д. Шереметеву о доставке в экономию первых тракторов, наличие которых, по его мнению, «сильно подспорит весенние работы как равно и удешевит их»³⁵. Данные сельскохозяйственные машины прибыли в имение в конце марта. Это были новейшие модели 1914 г., имевшие задний ход, как и автомобили. Речь шла о тракторах компании Штокка. В начале мая управляющий имением уже отмечал, что «тракторы всю весеннюю пахоту исполнили великолепно»³⁶. Поскольку покупка таких современных машин потребовала значительных расходов, управляющий Баландинской вотчиной подробно обосновывал перед владельцами необходимость их использования: «Купленные тракторы работают великолепно. На этой неделе начнем пахать на тракторах и по ночам. Всех тракторов у нас четыре, хотя по бюджету и назначалось купить

три трактора и на 18 тыс. руб. волов, но ввиду небывалой дороговизны на молодой рабочий скот весной я решил из двух зол выбрать наименьшее, то есть купить трактор...»³⁷ В июле графу С. Д. Шереметеву сообщалось о новых результатах использования тракторов, на этот раз при уборочных работах: «Замечательное зрелище представляет уборка ржи тракторами с сноповязалками. Я велел снять фотографию и 24 числа привезу ее Вашему Сиятельству. В данном случае тракторы сыграли большую роль для понижения цен на рабочие руки во время уборки... Тракторы работают превосходно и после пахоты тракторами перепахивать не приходится, так как поля получаются совершенно чистыми»³⁸.

Символом экономического могущества крупнейших землевладельцев Российской империи в период 1890–1914 гг. становились уже не традиционные дворцы и прекрасные парки в сельских усадьбах, а огромные сахарные и прочие заводы, возведенные в имениях, сложная сельскохозяйственная техника, используемая на полях. Во владениях примерно 100 семей крупнейших землевладельцев Российской империи — в основном это были представители титулованной аристократии — уже к началу 1890-х гг. выделялись сельскохозяйственные экономии, полностью перестроенные на новых экономических началах и переоборудованные по последнему слову техники. К их числу относились, например, Ракитянское князей Юсуповых, Баландино графов Шереметевых, Карловка герцогов Мекленбург-Стрелецких, Смела графов Бобринских, Богородицкое другой ветви Бобринских, Ново-Томниковское графов Воронцовых-Дашковых, Аннинское князей Бярятинских, Пады Нарышкиных, Тальное графов Шуваловых и десятки других имений. К этому времени стоимость сложной сельскохозяйственной техники в подобных крупных имениях достигала нескольких десятков тысяч рублей, что могло составлять 10–20% стоимости самого владения. В течение же всего периода 1890–1914 гг. стоимость и количество сельскохозяйственного оборудования и разнообразных машин в крупнейших экономиях продолжали расти высокими темпами, как и общие капиталовложения в сельскохозяйственное производство. Существующие исследования и источники показывают эту тенденцию на примере многих помещичьих хозяйств — Карловского имения Мекленбург-Стрелецких в Полтавской губ.³⁹, имения Ново-Воронцовка графини Е. А. Воронцовой-Дашковой в Херсонской губ.⁴⁰, Аннинского имения княгини Н. А. Бярятинской в Воронежской губ.⁴¹, имения баронов Мейендорфов в Курской губ.⁴² и в десятках других владений русской аристократии.

В экономии баронов Мейендорфов в Курской губ. уже в 1890–1894 гг. считывалось 145 плугов, 212 культиваторов, 33 сеялки, 27 уборочных машин, 2 паровые молотилки с локомотивом, 11 веялок, сортировочных и уборочных машин, 5 котельных установок для приготовления кормов. Стоимость этих сельскохозяйственных машин и другого оборудования оценивалась в 55 тыс. руб. По оценке О. Крисп, в этом отношении имение Мейендорфов опережало

даже знаменитое имение Карловка Мекленбург-Стрелецких в Полтавской губ., где стоимость машин и оборудования в 1893 г. составляла 277 тыс. руб., но при площади имения в 57 155 дес. мертвый инвентарь оценивался в 5 руб. на дес., в то время как в экономии Мейендорфов этот показатель составлял 13,75 руб. на дес.⁴³ К началу XX в. в имении Эртильская Степь князя В. Н. Орлова имелось 233 плуга, 15 сеялок, 11 хлебоуборочных машин, 7 паровых молотилок стоимостью 55 тыс. руб. В имении Рыбушка князя В. С. Кочубея в 1890-х гг. работали 2 паровых плуга, 48 уборочных машин, 330 орудий обработки почвы, в том числе дисковые бороны, 21 сеялка, 5 сортировок, 10 веялок и другая техника на общую сумму 81,3 тыс. руб.⁴⁴ В Ново-Томниковском имении графа И. И. Воронцова-Дашкова в Тамбовской губ. имелся большой запас сельскохозяйственных машин и орудий: 4 локобиля, 4 молотилки Клейтона, около 30 сеялок, свыше 400 борон, свыше 300 разных плугов. Стоимость сельскохозяйственного инвентаря составляла около 54 тыс. руб.⁴⁵ Образцовой экономией являлось и другое имение Воронцовых-Дашковых Ново-Воронцовка в Херсонской губ. В имении применялись разнообразные сельскохозяйственные машины (данные на 1916 г.): 2 трактора Гарт-Парр с 8-лемешными плугами Дира, плуги Сакка, 2-корпусные плуги Аксай, бороны Лина, сеялки Эльворти, косилки Диринга, Мак-Гарриса, паровые молотилки Клейтона, Маршалла, сортировки Клейтона, машина Геда для протравливания посевных семян и др.⁴⁶

А. М. Анфимов, рассматривая развитие хозяйства имений Красные Буйцы и Даниловка в Епифанском уезде Тульской губ., принадлежавших графу Ю. А. Олсуфьеву, констатировал, что значительные капиталовложения в собственное хозяйство активно осуществлялись в 1907–1913 гг. Приобретались сложные сельскохозяйственные орудия и машины, в том числе сеялки, жнейки, сноповязалки, паровая и конная молотилки⁴⁷. В период 1900–1911 гг. в обширных сельскохозяйственных имениях графов Орловых-Давыдовых стоимость мертвого инвентаря увеличилась в 2 раза⁴⁸. В Ново-Покровском имении Орловых-Давыдовых в Тамбовской губ. в 1900–1912 гг. капиталовложения в развитие сельского хозяйства выросли вообще в 15 раз. В 1901–1904 гг. было инвестировано 14 тыс. руб., а в 1909–1912 гг. — уже 189 тыс. руб. При этом наблюдался значительный рост механизации работ на полях в этом имении. За 1904–1913 гг. площадь хлебов и свеклы, убираемой машинами, увеличилась в Ново-Покровской экономии с 1486 дес. до 2355 дес., т. е. с 25 до 41 %⁴⁹.

Одной из самых технически оснащенных экономий было Ракитянское имение князей Юсуповых в Курской губ.⁵⁰ Уже к 1906 г. техническое оснащение Ракитянской экономии было весьма значительным: имелось 402 железных плуга, 330 железных борон, 186 экстирпаторов, 276 распашников, 80 катков, 28 окучников, 10 культиваторов. Причем половина всей техники была куплена за один предшествующий год. Из 52 новых сеялок, приобретенных имением в 1906 г., 42 предназначались для активно развивающегося свекловичного хозяйства. Это были комбинированные многорядные сеялки «Звезда»

и «Универсал», а также машины для внесения в почву удобрительных туков и чилийской селитры. Подавляющая часть приобретенных плугов также предназначалась для глубокой вспашки земли под свеклу⁵¹. Наиболее интенсивный рост употребления машин и других технических средств пришелся на период 1907–1914 гг. За эти годы Юсуповыми было куплено 800 орудий и машин общей стоимостью 126 тыс. руб. В 1910–1913 гг. были куплены три сложные механизированные молотилки Кейс, появившиеся в России только в 1908 г. Это были очень дорогие приспособления. Их стоимость составила 6800 руб. Юсуповы оказались в числе первых владельцев, применявших в своих хозяйствах эти машины. Другой важнейшей инновацией стало применение тракторной техники. В 1910 г. для Ракитянского имения был куплен первый гусеничный трактор Кейса. С этого же года впервые применялась паровая вспашка земли. В 1913 г. куплен второй трактор. Покупка тракторов обошлась Юсуповым в 22 тыс. руб. Помимо двух тракторов, перед войной в имении работали 14 локомотивов и два нефтяных горизонтальных двигателя «Атлант». Показатели по другим видам сельскохозяйственной техники тоже были впечатляющими. За период 1907–1913 гг. количество применяемых в имении плугов выросло с 402 до 618, борон — с 330 до 423, сеялок — с 129 до 198, уборочных машин — с 40 до 90, сенокосилок — с 0 до 14, молотилок — с 9 до 17. Используемые в Ракитянском имении машины (1202 единицы) составляли около половины сельскохозяйственной техники всего Грайворонского уезда Курской губ. (2744)⁵². В 1913 г. в Ракитянском имении применялись 17 паровых молотилок (в том числе три для гороха и одна для клевера), 2 трактора (самоходы), 12 локомотивов, 37 сноповязалок, 40 жнеек, 11 сенокосилок, 39 грабель конных, 70 свекловичных сеялок, 106 хлебных сеялок, 46 сортировок, 235 экстирпаторов, 195 распашников, 618 плугов⁵³. К 1916 г. в имении появились также 3 нефтяных двигателя, 5 динамо-машин и 1 автомобиль⁵⁴. В 1914 г. стоимость так называемого мертвого инвентаря в имении оценивалась в 270 тыс. руб.⁵⁵, что составляло, по подсчетам О. Крипп, 26 рублей на дес. под посевными площадями⁵⁶ (один из самых высоких показателей среди помещичьих экономий). С 1904 по 1913 г. площадь уборки хлебов и свеклы, осуществляемой в Ракитянской экономии машинами, выросла с 24 до 40 %⁵⁷. Постепенная механизация производства осуществлялась в 1890–1914 гг. и в других сельскохозяйственных имениях князей Юсуповых⁵⁸.

Лидирующая роль крупнейших землевладельцев в механизации сельского хозяйства в Российской империи в 1890–1914 гг. вполне сравнима с ситуацией в других европейских странах более раннего времени — Англии, Германии, Австро-Венгрии, где также сохранялись обширные земельные владения аристократии и землевладельческие классы играли важную роль в осуществлении аграрных инноваций. В исследованиях приобретение сельскохозяйственной техники крупными землевладельцами обычно объясняют стремлением расширить производство в собственных экономиях. Процесс механизации позволял получить дополнительную прибыль за счет увеличения производительности

труда, повышения качества работ и улучшения агротехники. Применение машин меняло культурный и агротехнический ландшафт на территории дворянских имений (улучшение почв, новая конфигурация полей, геометрические формы убранных стогов и пр.). Наблюдались и любопытные социальные изменения. Аристократия проникалась идеями технического прогресса, духом предпринимательства, принятием новых внешних форм социального престижа. Менялся социальный облик работников в имении, занятых теперь обслуживанием сложной сельскохозяйственной техники. Следует отметить, что максимальная интенсификация в применении сложной сельскохозяйственной техники в крупных помещичьих хозяйствах Российской империи наблюдалась в 1907–1914 гг. Это, на наш взгляд, определялось не только экономической конъюнктурой, общим подъемом сельского хозяйства, но и теми качественными структурными изменениями, которые произошли к этому времени в организации производства в помещичьих экономиках. Концентрация капиталов в отдельных крупных хозяйствах за счет сокращения общей площади земельных владений и частичного ограничения аренды, повсеместный интерес аристократии к увеличению доходности и прибыльности сельскохозяйственного производства неизбежно вели к техническому переоснащению и более широкому применению машин. Рост капиталовложений в сложную сельскохозяйственную технику, наконец, отражал общую тенденцию в экономической стратегии значительной части крупных землевладельцев Российской империи накануне 1914 г., взявших курс на расширение и увеличение эффективности производства в своих имениях. Несмотря на ускорившийся накануне 1914 г. процесс механизации крестьянских хозяйств, ни одно из них не могло конкурировать в этой сфере с несколькими сотнями крупных экономий, оставшихся в руках владельцев-аристократов.

¹ См., например: *Chambers J. D., Mingay G. E. The Agricultural Revolution, 1750–1880.* London, 1966; *Beckett J. V. The Aristocracy in England. 1660–1914.* Oxford, 1986 (см. особенно главу 5: *The Aristocracy and The Agricultural Revolution*); *Hueckel G. Agriculture during Industrialization // The Economic History of England since 1700. Vol. 1.* Cambridge, 1981; *Allen R. C. Agriculture during the Industrial Revolution, 1700–1850 // The economic history of Britain since 1700.* Cambridge, 1994; *O'Grada C. British agriculture, 1860–1914 // The economic history of Britain since 1700.* Cambridge, 1994; *Wasson E. Aristocracy and the Modern World.* Houndmills; Basingstoke, 2006; *Ливен Д. Аристократия в Европе. 1815–1914.* СПб., 2000; *Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 2. 1870 — наши дни.* М., 2013.

² *Минарик Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России кон. XIX — нач. XX в.* М., 1971. С. 119.

³ *Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: источники и методы изучения.* М., 1982. С. 83–85.

- ⁴ *Леонард К.* Аграрные реформы в России: дорога из рабства. М., 2019. С. 424.
- ⁵ Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. Вып. 1–4. СПб., 1900–1903.
- ⁶ *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX в. и железнодорожная статистика. СПб., 2010. С. 513.
- ⁷ *Gregory P.* Russian national income, 1885–1913. Cambridge, 1982. P. 274.
- ⁸ *Леонард К.* Аграрные реформы в России: дорога из рабства. С. 418–419.
- ⁹ *Тюкавкин В. Г., Скрябин В. И.* Применение машин в сельском хозяйстве России в конце XIX — начале XX века // Аграрная эволюция России и США в XIX — начале XX века. М., 1991. С. 273.
- ¹⁰ *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX в. и железнодорожная статистика. С. 518.
- ¹¹ Там же. С. 541, 546.
- ¹² *Тюкавкин В. Г., Скрябин В. И.* Применение машин в сельском хозяйстве России в конце XIX — начале XX века. С. 276.
- ¹³ *Ковальченко И. Д., Селунская Н. Б., Литваков Б. М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. С. 123.
- ¹⁴ *Ковальченко И. Д.* Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX в. М., 2004. С. 419.
- ¹⁵ Там же. С. 407.
- ¹⁶ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 89.
- ¹⁷ Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. XI. СПб., 1903. С. 120.
- ¹⁸ *Тюкавкин В. Г., Скрябин В. И.* Применение машин в сельском хозяйстве России в конце XIX — начале XX века. С. 287–288.
- ¹⁹ *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX в. и железнодорожная статистика. С. 529.
- ²⁰ *Тюкавкин В. Г., Скрябин В. И.* Применение машин в сельском хозяйстве России в конце XIX — начале XX века. С. 291–292.
- ²¹ Там же. С. 275.
- ²² *Давыдов М. А.* Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX в. и железнодорожная статистика. С. 541, 544.
- ²³ *Голицын М. В., кн.* Мои воспоминания (1873–1917). М., 2007. С. 80–81.
- ²⁴ *Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.).* 1911–1915. М., 2013. С. 195, 199.
- ²⁵ *Бенкендорф К. А.* Половина жизни. Воспоминания русского дворянина. М., 2014. С. 104–106.
- ²⁶ *Голицын А. Д., кн.* Воспоминания. М., 2008. С. 241–243.
- ²⁷ *Мейер Ю. К.* Записки последнего кирасира // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. VI. М., 1995. С. 556–557.
- ²⁸ *Кантакузен-Сперанский М. С.* Saga о Кантакузенах-Сперанских. М., 2004. С. 154–155.
- ²⁹ *Bashkiroff Z.* La faucille et la moisson. Paris, 1993. P. 43–44.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ед. хр. 5980. Л. 144.
- ³¹ *Кочетков Г. Н.* Российские землевладельцы в 1917 году. Ярославль, 1994. С. 23.
- ³² *Тюкавкин В. Г., Скрябин В. И.* Применение машин в сельском хозяйстве России в конце XIX — начале XX века. С. 289.
- ³³ Справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. Вып. 1. Губернии центрально-земледельческие, средне-нижне-волжские и новороссийские. Пг., 1916. С. 287–288.
- ³⁴ Там же. С. 149–150.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ед. хр. 5981. Л. 47–48.
- ³⁶ Там же. Л. 75.
- ³⁷ Там же. Л. 92 — 92 об.
- ³⁸ Там же. Л. 143–144.

- ³⁹ *Анфимов А. М.* Карловское имение Мекленбург-Стрелецких в кон. XIX — нач. XX в. // *Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР.* Сб. V. М., 1962. С. 352–354.
- ⁴⁰ *Справочные сведения о некоторых русских хозяйствах.* Вып. 1. Губернии центрально-земледельческие, средне-нижне-волжские и новороссийские. Пг., 1916. С. 287–288.
- ⁴¹ *Аннинская экономия ее сиятельства княгини Надежды Александровны Барятинской.* Описание ученого управителя В. Е. Уварова. Воронеж, 1890. С. 1–3, 58; *Справочные сведения о некоторых русских хозяйствах.* Вып. 1. Губернии центрально-земледельческие, средне-нижне-волжские и новороссийские. Пг., 1916. С. 149–150.
- ⁴² *Crisp O.* Management of agricultural estates in Tsarist Russia // *Conference on Entrepreneurship and Economic Innovation in Russia / Soviet Union.* No. 58. Washington, 1978. P. 59–60.
- ⁴³ *Ibid.* P. 60–61.
- ⁴⁴ *Минарик Л. П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России кон. XIX — нач. XX в. С. 118.
- ⁴⁵ *Пенькова О. П.* Тамбовские имения графа И. И. Воронцова-Дашкова (кон. XIX — начало XX века) // *Воронцовы — два века в истории России: Труды Воронцовского общества.* Вып. 4. Петушки, 1999. С. 86–87.
- ⁴⁶ *Справочные сведения о некоторых русских хозяйствах.* Вып. 1. Губернии центрально-земледельческие, средне-нижне-волжские и новороссийские. Пг., 1916. С. 287–288.
- ⁴⁷ *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М., 1962. С. 178–183.
- ⁴⁸ Там же. С. 58.
- ⁴⁹ *Житин Р. М.* Экономическая характеристика хозяйственных комплексов крупных имений на микроуровне (по материалам Ново-Покровского имения Орловых-Давыдовых и Ракитянского имения Юсуповых) // *Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки.* 2014. Вып. 11 (139). С. 258–266.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 368. Л. 8 — 9 об.
- ⁵¹ *Житин Р. М.* Экономическая характеристика хозяйственных комплексов крупных имений на микроуровне. С. 259.
- ⁵² *Минарик Л. П.* Система помещичьего хозяйства в Ракитянском имении Юсуповых (1900–1913 гг.) // *Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР.* М., 1962. Сб. 5. С. 377–388; *Тюкавкин В. Г., Скрабин В. И.* Применение машин в сельском хозяйстве России в конце XIX — начале XX века. С. 287–291.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Ед. хр. 1751. Л. 10.
- ⁵⁴ Там же. Ед. хр. 1867. Л. 3.
- ⁵⁵ *Минарик Л. П.* Система помещичьего хозяйства в Ракитянском имении Юсуповых. С. 377–388; *Тюкавкин В. Г., Скрабин В. И.* Применение машин в сельском хозяйстве России в конце XIX — начале XX века. С. 287–291.
- ⁵⁶ *Crisp O.* Management of agricultural estates in Tsarist Russia. P. 60.
- ⁵⁷ *Житин Р. М.* Некоторые особенности экономики крупного помещичьего хозяйства в конце XIX — начале XX в. (по материалам Ракитянского имения Юсуповых и Ново-Покровского имения Орловых-Давыдовых) // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.* 2018 год: Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв. М.; Брянск, 2018. С. 161.
- ⁵⁸ *Анфимов А. М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России кон. XIX — нач. XX в. М., 1969. С. 166.

References

- ANFIMOV A. M. *Rossijskaya derevnya v gody pervoj mirovoj vojny (1914 – fevral' 1917 g.)*. [Russian village during the First World War (1914 – February 1917). In Russ.]. Moscow, 1962.
- ANFIMOV A. M. *Karlovsкое имение Мекленбург-Стрелецких в кон. XIX – нач. XX в.* [Karlovsкое estate of Mecklenburg-Strelitskys in 19th – beginning 20th century] // *Materialy' po istorii sel'skogo hoz'yajstva i krest'yanstva SSSR*. Col. V. 1962. P. 348–376.
- ANFIMOV A. M. *Kрупное помешчичье хозяйство Европейской России кон. XIX – нач. XX в.* [Large landlord economy of European Russia at the end of the 19th – early 20th century. In Russ.]. Moscow, 1969.
- DAVYDOV M. A. *Vserossijskij ryнок в конце XIX – начале XX в. и железнодорожная статистика*. [The All-Russian market in the late 19th – early 20th centuries and railway statistics. In Russ.]. St. Petersburg, 2010.
- Kембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 2. 1870 – наши дни*. [Cambridge Economic History of Europe of Modern Times. Vol. 2. 1870 – our days. In Russ.]. Moscow, 2013.
- KOCHETKOV G. N. *Rossijskie zemlevладельцы в 1917 году*. [Russian landowners in 1917. In Russ.]. Yaroslavl', 1994.
- KOVAL'CHENKO I. D. *Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в.* [The agrarian system of Russia in the second half of the 19th – early 20th century. In Russ.]. Moscow, 2004.
- KOVAL'CHENKO I. D., SELUNSKAYA N. B., LITVAKOV B. M. *Socialno-экономический строй помешчичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: источники и методы изучения*. [The socio-economic system of the landlord economy of European Russia in the era of capitalism: sources and methods of study. In Russ.]. Moscow, 1982.
- LEONARD K. *Аграрные реформы в России: дорога из рабства*. [Agrarian reforms in Russia: the road out of slavery. In Russ.]. Moscow, 2019.
- LIVEN D. *Аристократия в Европе. 1815–1914*. [Aristocracy in Europe. 1815–1914. In Russ.]. St. Petersburg, 2000.
- MINARIK L. P. *Sistema помешчичьего хозяйства в Ракитянском имении Юсуповых (1900–1913 гг.)* [The system of landlord economy in the Rakityansky estate of the Yusupovs (1900–1913). In Russ.] // *Materialy' po istorii sel'skogo hoz'yajstva i krest'yanstva SSSR*. 1962. Col. 5. P. 377–397.
- MINARIK L. P. *Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России кон. XIX – нач. XX в.* [Economic characteristics of the largest land owners of Russia in the end of the 19th – beginning of the 20th century. In Russ.]. Moscow, 1971.
- PEN'KOVA O. P. *Tambovskie имения графа И. И. Воронцова-Дашкова (кон. XIX – начало XX века)* [Tambov estates of Count I. I. Vorontsov-Dashkov (late 19th – early 20th century). In Russ.] // *Voroncovy – dva veka v istorii Rossii. Trudy Voroncovskogo obshhestva*. 1999. Iss. 4. P. 84–97.
- Rossiya. 1913 god. Statistiko-dokumental'nyj spravochnik*. [Russia. 1913. Statistical and documentary reference. In Russ.]. St. Petersburg, 1995.
- TYUKAVKIN V. G., SKRYABIN V. I. *Применение машин в сельском хозяйстве России в конце XIX – начале XX века* [The use of machines in agriculture in Russia at the end of the 19th – early 20th century] // *Аграрная эволюция России и SShA в XIX – начале XX века*. Moscow, 1991. P. 271–292.
- ZHITIN R. M. *Экономическая характеристика хозяйственных комплексов крупных имений на микроуровне (по материалам Ново-Покровского имения Орловых-Давыдовых и Ракитянского имения Юсуповых)*. [Economic characteristics of economic complexes of large estates at the micro level (based on the materials of the Novo-Pokrovsky estate of the Orlov-Davydovs and the Rakityansky estate of the Yusupovs). In Russ.] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*. 2014. Iss. 11 (139). P. 258–266.
- ZHITIN R. M. *Некоторые особенности экономики крупного помешчичьего хозяйства в конце XIX – начале XX в. (по материалам Ракитянского имения Юсуповых и Ново-Покровского имения Орловых-Давыдовых)* [Some features of the economy of a large landlord economy in the late nineteenth and early twentieth centuries (based on the materials of the Rakityansky estate of the Yusupovs and the Novo-Pokrovsky estate of the Orlov-Davydovs). In Russ.] // *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*. 2018 god: Itogi i perspektivy' issledovaniya agrarnoj istorii Rossii XX–XXI vv. Bryansk, 2018. P. 153–161.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Е. Е. Юдин. Аристократия и механизация сельского хозяйства: применение машин в крупных помещичьих имениях Российской империи в 1890–1914 гг. // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 50–64

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с ролью крупнейших землевладельцев Российской империи в процессе механизации сельского хозяйства в 1890–1914 гг. Главное внимание уделяется факторам, повлиявшим на масштаб и характер применения сельскохозяйственной техники в крупных помещичьих хозяйствах. На основании различных источников, в том числе неопубликованных, анализируются значительные изменения в техническом оснащении крупнейших помещичьих хозяйств, объем капиталовложений в сельскохозяйственную технику, а также представления самих владельцев и управляющих имениями относительно экономической обоснованности применения машин в сельскохозяйственном производстве. Как представляется, лидирующая роль крупнейших землевладельцев в механизации сельского хозяйства в Российской империи в 1890–1914 гг. была вполне сопоставима с ситуацией в других европейских странах более раннего времени — Англии, Германии, Австро-Венгрии, где также сохранялись обширные земельные владения аристократии и землевладельческие классы играли важную роль в осуществлении аграрных инноваций. В течение всего периода 1890–1914 гг. стоимость и количество сельскохозяйственного оборудования и разнообразных машин в крупнейших помещичьих хозяйствах Российской империи продолжали расти высокими темпами, как и общие капиталовложения в сельскохозяйственное производство. Максимальная интенсификация в применении сложной сельскохозяйственной техники в крупных помещичьих хозяйствах Российской империи наблюдалась в 1907–1914 гг. Это, на наш взгляд, определялось не только экономической конъюнктурой, общим подъемом сельского хозяйства, но и теми качественными структурными изменениями, которые произошли к этому времени в организации производства в помещичьих хозяйствах. Концентрация капиталов в отдельных крупных хозяйствах за счет сокращения общей площади земельных владений и частичного ограничения аренды, повсеместный интерес аристократии к увеличению доходности и прибыльности сельскохозяйственного производства неизбежно вели к техническому переоснащению и более широкому применению машин. Наконец, рост капиталовложений в сложную сельскохозяйственную технику в целом отражал общую тенденцию в экономической стратегии значительной части крупных землевладельцев Российской империи накануне 1914 г., взявших курс на расширение и на увеличение эффективности производства в своих имениях.

Ключевые слова: русская аристократия, крупное помещичье хозяйство Российской империи, сельскохозяйственная техника, механизация сельскохозяйственного производства, экономическая стратегия крупнейших землевладельцев.

FOR CITATION

E. E. Yudin. Aristocracy and mechanization of agriculture: the use of machines in large landed estates of the Russian Empire in 1890–1914 // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 50–64

Abstract: The article discusses some aspects related to the role of the largest landowners of the Russian Empire in the process of mechanization of agriculture in 1890–1914. The main attention is paid to the factors that influenced the scale and nature of the use of agricultural machinery in large landowners' farms. Based on various sources, including unpublished ones, significant changes in the technical equipment of the largest landowners' farms, the volume of investments in agricultural machinery, as well as the views of the owners and managers of the estates themselves regarding the economic feasibility of using machines in agricultural production are analyzed. It seems that the leading role of the largest landowners in the mechanization of agriculture in the Russian Empire in 1890–1914 was quite comparable to the situation in other European countries of earlier times — in England, Germany, Austria-Hungary, where the vast land holdings of the aristocracy were also preserved and the landowning classes played an important role in the implementation of agrarian innovations. During the entire period of 1890–1914, the cost and quantity of agricultural equipment and various machines in the largest landlord economies of the Russian Empire continued to grow at a high

rate, as did total investments in agricultural production. The maximum intensification in the use of complex agricultural machinery in large landed estates of the Russian Empire was observed in 1907–1914. This, according to our opinion, was determined not only by the economic situation, the general rise of agriculture, but also by the qualitative structural changes that had occurred by that time in the organization of production in the landlord economies. The concentration of capital in individual large farms due to the reduction of the total area of land holdings and partial restrictions on rent, the widespread interest of the aristocracy in increasing the profitability of agricultural production inevitably led to technical re-equipment and wider use of machines. The growth of investments in complex agricultural machinery, finally, generally reflected the general trend in the economic strategy of a significant part of the large landowners of the Russian Empire on the eve of 1914, who took a course to expand and increase the efficiency of production in their estates.

Key words: Russian aristocracy, large landowners' economy of the Russian Empire, agricultural machinery, mechanization of agricultural production, economic strategy of the largest landowners.

Автор: Юдин, Евгений Евгеньевич — к. и. н., доцент кафедры истории Московского педагогического государственного университета.

Author: Yudin, Evgeny E. — PhD (History), docent, Historical department, Moscow Pedagogical State University.

E-mail: evgeny_yudin@mail.ru

Е. В. Воейков

Решение проблемы снабжения промтоварами рабочих лесозаготовок 1930-х гг.

Лес на протяжении многих столетий играл огромную роль в жизни русского народа, давая убежище от врагов, дополнительные пищевые ресурсы, дрова и строительные материалы. В годы предвоенной модернизации русскому лесу снова было суждено выполнить важнейшую задачу подготовки страны к будущей войне. Лесоэкспорт давал драгоценную для СССР иностранную валюту¹, на которую закупались лицензии для производства американских автомобилей и тракторов, оборудование для машиностроительных и металлургических заводов, образцы зарубежных танков и артиллерийских орудий, ставшие основой для отечественных разработок. Заготавливаемые на лесосеках наряду с другими видами древесины так называемые «спецсортименты» шли для предприятий военной промышленности, широко использовались при производстве самолетов. Лесозаготовки также давали материал для строительства, шпалы для железных дорог, рудничную стойку для шахт, сырье для производства бумаги. Кроме того, в условиях увеличившегося количества предприятий и роста населения городов обострился топливный вопрос. Дрова в 1930-е гг. стали заметной альтернативой основному угольному топливу; доля дров в топливном балансе СССР в конце второй пятилетки достигала 28%². Таким образом, именно для периода предвоенных пятилеток значение лесной промышленности трудно переоценить, в первую очередь в силу ее тесной взаимосвязи с военным и топливным секторами экономики.

В имеющихся научных работах именно бытовой сфере рабочих лесозаготовок 1930-х гг. уделяется неоправданно мало внимания. Так, в монографии С. П. Постникова и М. А. Фельдмана о промышленных рабочих России 1900–1941 гг. бытовые вопросы рассматриваются, но материал о лесных рабочих отсутствует³. В монографии по истории лесопромышленного комплекса Республики Коми в XX веке есть только краткая информация о состоянии жилья, продовольственном снабжении и медицинском обслуживании рабочих лесозаготовок 1930-х гг.⁴ В монографиях И. В. Зыкина исследуются питание, зарплата, жилищные условия рабочих лесной промышленности, но вопросы приобретения необходимых для нормальной жизнедеятельности непродовольственных товаров не рассматриваются⁵.

В наибольшей степени вопросы снабжения промтоварами представлены в научных работах историков, специализирующихся на исследовании различных аспектов организации торговли и истории повседневности⁶. Но большинство авторов рассматривают снабжение промтоварами в целом всего городского или сельского населения.

В результате в современной отечественной историографии экономического развития предвоенного СССР применительно к лесной промышленности образовалась существенная лакуна. В рамках промышленной истории авторы обобщающих трудов обычно игнорируют лесную индустрию или уделяют ей мало внимания. В свою очередь историки, специализирующиеся именно на лесной промышленности, не любят заниматься подробной реконструкцией бытовых аспектов, ограничиваясь обычно кратким описанием преимущественно вопросов питания и жилищных условий. Исследователи же истории повседневности 1930-х гг. вопросам обеспечения населения непродовольственными товарами легкой промышленности уделяют значительное место, но не ставят перед собой задачу более детального выявления специфики снабжения социальных групп в соответствии с отдельными отраслями индустрии.

Между тем, как вполне аргументированно отмечали еще основоположники французской школы «Анналов», история — это наука о людях в прошлом со всем многообразием их отношений⁷. При реконструкции развития лесной промышленности СССР исключение из ткани исторического процесса вопросов условий труда и быта рабочих приводит к упрощению и искажению многогранной исторической картины развернувшихся в 1930-е гг. от Бреста до Владивостока крупномасштабных лесозаготовок. Перефразируя ироническую мысль Л. Февра о средневековых крестьянах, которые в работах некоторых историков занимались не сельским хозяйством, а составлением грамот с перечнем прав и повинностей⁸, можно констатировать, что в современной отечественной историографии лесной промышленности периода первых пятилеток рубку и вывозку леса осуществляли не лесорубы и возчики с их естественными потребностями в еде, жилье, одежде, обуви и культурном досуге, а лесные тресты и наркоматы.

Применительно к развитию лесной промышленности СССР 1930-х гг. необходимо учитывать региональную специфику, поскольку размещение лесных массивов по территории страны отличалось крайней неравномерностью. Кроме того, основными заготовителями лесных материалов периода первой и второй пятилеток были лесопромышленные тресты Наркомата лесной промышленности СССР, лесохозяйственные тресты Наркомата земледелия, соответствующие структуры наркоматов тяжелой промышленности и железных дорог⁹. Фонды Наркомлеса, Наркомтяжпрома, Наркомзема и Наркомата путей сообщения СССР Российского государственного архива экономики о лесозаготовках 1930-х гг. содержат отрывочную и бессистемную информацию, не дающую возможности реконструировать целостную и систематизированную историю лесной промышленности данного периода. Между тем в региональных архивохранилищах сохранился гораздо больший массив информации о деятельности лесопромышленных и лесохозяйственных трестов¹⁰.

Ограниченные рамки журнальной статьи обусловили рассмотрение быта рабочих лесной промышленности на примере Среднего Поволжья. Территориальные границы исследования включают Средне-Волжский край (далее — СВК) первой половины 1930-х гг. и Куйбышевскую, Пензенскую области второй половины 1930-х гг. На данной территории в настоящее время расположены Пензенская, Самарская и Ульяновская области. Не рассматриваются в статье вышедшие из состава СВК и Куйбышевской области, соответственно, Оренбургская область и Мордовская АССР.

Основными лесозаготовителями СВК в первой половине 1930-х гг. были Средне-Волжский лесной трест «Средлес» Наркомтяжпрома СССР и Средне-Волжский лесохозяйственный трест (лесхозтрест) Наркомзема СССР. Вместо лесхозтреста в 1936 г. были созданы трест «Куйбышевлес» Наркомлеса СССР и Средне-Волжское территориальное управление лесоохраны и лесонасаждений Главлесоохраны при СНК СССР. «Средлес» в 1939 г. преобразовали в трест «Волгостройлес» Наркомата промышленности строительных материалов. Этот трест являлся самой крупной лесозаготовительной организацией в регионе, в 1938 г. он включал 18 леспромхозов и два лесокомбината; для сравнения, в том же году трест «Куйбышевлес» состоял из 9 леспромхозов¹¹. В архивохранилищах отложились материалы по лесозаготовкам преимущественно «Средлеса», «Куйбышевлеса» и управления лесоохраны.

Необходимо уточнить основные термины по теме исследования. Продовольственное и промтоварное снабжение леспромхозов треста «Средлес» осуществлял особый отдел Наркомата тяжелой промышленности — леспродтяж; его структуры на местах обозначались как межрайонные конторы (МРК). Так, в начале 1939 г. функционировали Барышская, Инзенская, Кузнецкая, Кузоватовская¹², Куйбышевская, Ульяновская МРК¹³. Производственные структуры лесопромышленных трестов назывались лесопромысловыми хозяйствами — леспромхозами (далее — ЛПХ). В свою очередь, они состояли из участков —

лесопунктов. Для непродовольственных товаров легкой промышленности в данной статье используется термин той эпохи — «промтовары».

Ассортимент непродовольственных товаров, реализуемых в 1930-е гг. для лесорубов через сеть ларьков и магазинов, включал одежду, ткань (по терминологии тех лет мануфактуру), обувь, табак, спички, мыло, посуду и кухонные принадлежности, керосин. Именно возможность приобретения одежды и обуви, которые трудно было найти в свободной продаже, зачастую являлась для рабочих лесозаготовок более привлекательным стимулом для найма именно на данный участок, чем получение традиционно низкой зарплаты. Например, для женской бригады, работающей на заготовках в Сызранском ЛПХ¹⁴ в ноябре 1931 г., был организован «особый премиальный фонд» из трех «дамских полупальто», пяти кофточек, пяти пар ботинок, семи пар перчаток и пяти шерстяных фуфаяк¹⁵. На совещании работников лесной промышленности Куйбышевской области 3 января 1939 г. начальник Новобуяновского лесопункта Куйбышевского леспромхоза «Куйбышевлеса» поделился с присутствующими собственным опытом по привлечению на лесозаготовки людей из колхозов. В конце декабря данный руководитель договорился с райпотребсоюзом, и в магазин лесопункта поступило 40 теплых брюк, еще 40 обычных хлопчатобумажных брюк и несколько пар ботинок. Сразу же количество колхозников, желающих поработать в качестве рабочих на лесозаготовках, заметно увеличилось¹⁶. Также различные виды дефицитных тканей, одежды и бытовой техники в третьей пятилетке были одним из вариантов премирования стахановцев лесной промышленности Куйбышевской области¹⁷.

Система промтоварного снабжения лесозаготовок Средней Волги формировалась постепенно. На пленуме крайкома профсоюза лесдреврабочих СВК 20–22 мая 1932 г. председатель правления озвучил информацию, что если «по хлебофуражу мы были обеспечены на 100%», то по промтоварам — на 54%¹⁸. Представляет интерес отложившийся в фонде первичной парторганизации Черемшанского ЛПХ¹⁹ треста «Средлес» акт обследования промтоваров в ларьке производственного участка № 2 от 23 февраля 1931 г. Помимо продовольствия, на момент обследования имелись: мануфактура (ткань), сукно, «головные платки ситцевые» (114 шт.), фуфайки (2 шт.), шерстяные свитера (4 шт.), «нательные фуфайки» (7 шт.), кальсоны (2 пары), чулки шерстяные (3 пары), шарфы шерстяные (5 шт.), «пиджак ватный» (1 шт.), «пиджак летний шерстяной» (1 шт.). «Совершенно не оказалось при ларьке следующего: 1) чайников, 2) ведер, 3) кружек, 4) котелков, 5) ложек, 6) соли, 7) керосину, 8) спичек, 9) ламп керосиновых»²⁰. На участке № 3 того же леспромхоза комиссия отметила, что в ларьке «совершенно нет металлических кружек, ножей и ложек, на что особенно большой спрос», «из имеющихся жестяных чайников большой процент подтекает»²¹. Как видно из приведенного перечня, в относительно достаточном количестве присутствовали в продаже ткань и головные платки; пользующиеся спросом фуфайки и пиджаки имелись только в количестве одного-двух

экземпляров. Полностью отсутствовали в продаже спички, керосин и кухонные принадлежности.

Ситуация с промтоварным снабжением в начале 1930-х гг. была неблагополучной по всей стране. Е. А. Осокина приводит данные, что в Москве потребность в одежде и обуви удовлетворялась на треть, в нитках — на 20 %, спички выдавали по два коробка в одни руки²². Газета профсоюза рабочих леса и сплава сообщала о ситуации на одном из лесопунктов Северного края в начале 1930 г.: «Нет теплых носков, готовой одежды, мануфактуры, нет металлических кружек»²³.

В постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 марта 1933 г. в обязанности администрации лесозаготовок входило наряду с продовольственным обеспечением снабжение рабочих промтоварами²⁴. Решить проблему промтоварного снабжения лесозаготовок сразу одним постановлением Совнаркома не удалось. На Гурьевском участке Барышского ЛПХ, как сообщала в начале февраля 1934 г. районная газета, «продовольственные и промтовары не выдавались»²⁵. Газета Ставропольского²⁶ района в 1935 г. указывала, что на Бахилловском участке Жигулёвского леспромхоза²⁷ «Средлеса» мануфактуры и других промтоваров нет²⁸.

Но определенные результаты по созданию системы торговых точек были достигнуты. В двух докладных записках руководителя леспродтяжа, направленных в Куйбышевский обком ВКП(б), содержались количественные показатели наличия торговых точек по МРК треста «Средлес». Согласно документу от 15 января 1939 г., стационарных пунктов торговли леспродтяжа в Куйбышевской области было 111, по данным 26 января их число выросло до 114²⁹. В конце 1938 г. в тресте «Средлес» было 15 леспромхозов, из них 12 — в Куйбышевской области³⁰. Можно подсчитать, что в конце января в среднем на каждую производственную единицу (леспромхоз) в Куйбышевской области приходилось 9,5 магазина. Обычно в леспромхозах треста насчитывалось 4–5 участков. Следовательно, по количеству ларьков (магазинов) ситуацию следует признать благополучной, можно утверждать, что они были в каждом лесопункте.

Представляется важным выделить некоторые факторы, влиявшие на дефицит промтоваров на лесозаготовках Средней Волги, помимо общего недостаточного их количества в стране.

Важным аспектом промтоварного снабжения лесозаготовок в 1930-е гг. был человеческий фактор. Дефицит товаров усугублялся злоупотреблениями при их распределении по торговым точкам, до которых они зачастую просто не доходили. На совещании работников леспромхозов треста «Средлес» в ноябре 1938 г. представитель торговой организации леспродтяж Куйбышевской области откровенно говорил, что дефицитные ткань и обувь «расходятся по рукам», представители рабочего контроля появлялись в торговых точках только «чтобы сказать, оставь и мне». Кроме того, как признался работник торговли, «иногда и просто жулик попадает за прилавком»³¹.

Подобное явление, по мнению современных исследователей, было типичным для торговли в СССР 1930-х гг.: «Поступавшие с баз дефицитные товары зачастую даже не попадали на полки магазинов, а реализовывались заведующими отделов и администрацией по собственному усмотрению»³².

Сохранились сведения о махинациях работников торговли с велосипедами, предназначенными для работников лесной промышленности. На первой областной конференции Куйбышевского обкома профсоюзов рабочих леса и сплава 5–10 октября 1937 г. прозвучала информация: «Трест МРК прислал велосипеды для стахановцев, в результате они попали кому? — управляющему леспродтяжа, его заместителю»³³. В Карсунском ЛПХ³⁴ треста «Средлес» в 1937 г. полученные для стахановцев два велосипеда местные руководители торговли взяли себе³⁵. Стахановец Ульяновского леспромхоза Д. Г. Зайцев на совещании работников треста «Средлес» 10–12 ноября 1938 г. рассказал присутствующим: «Прислали к нам один велосипед, он был предназначен для стахановца, а фактически он ушел... Соколову, завбазой». Далее в стенограмме записана реплика из президиума: «У вас должно быть 9 велосипедов, проверьте»³⁶. Работником Куйбышевского леспродтяжа на том же совещании был озвучен показательный факт: в течение двух кварталов 1938 г. было получено для торговых точек леспромхозов 100 велосипедов, которые до стахановцев так и не дошли³⁷.

О широком распространении злоупотреблений свидетельствует выступление руководителя Кузнецкой МРК леспродтяжа на совещании хозяйственного и профсоюзного актива лесной промышленности в октябре 1937 г.: «По распоряжению тов. Глухова³⁸ мы ввели штат ревизоров, ввели практику внезапных ревизий и стали, к нашему удивлению, выявлять еще больше растрат»³⁹. В протоколе Лунинского ЛПХ⁴⁰ от 22 июня 1940 г. упоминается «подбор негодных кадров торговых точек, занимавшихся систематическим хищением, разбазариванием промтоваров»⁴¹.

Злоупотребления работников торговли были системным явлением в леспроме СССР. Так, во всяком случае, считали авторы заметки в газете «Лесная промышленность»: «Огромные материальные ценности доверены случайным, непроверенным, людям, часто с уголовным прошлым, растратчикам со “стажем”»⁴².

Помимо леспромхозов «Средлеса» леспродтяж в Куйбышевской области снабжал товарами и рабочих лесхозов лесоохраны. В годовом отчете Средне-Волжского управления лесоохраны за 1937 г. в качестве серьезного препятствия в ходе работ отмечалось проблемное снабжение промтоварами рабочих, связанное с бесконтрольной деятельностью торгующей организации Союзлеспродтяж⁴³. Руководитель управления лесоохраны Г. И. Харламов на первой областной конференции Куйбышевского обкома профсоюзов рабочих леса и сплава 1937 г. обвинил руководство леспродтяжа и «Средлеса» в сознательной дискриминации работников лесхозов, которым зачастую не продавали

товары в торговых точках⁴⁴. Другой выступающий подтвердил: «Промтовары не получают лесхозовские рабочие»⁴⁵. В последующие годы проблема продолжала сохраняться. На второй областной конференции Куйбышевского профсоюза рабочих леса и сплава 26 октября 1939 г. работник Барышского районного профсоюзного комитета обратил внимание на то, что все промтовары уходят в леспромхозы, лесхозы ими почти не снабжаются⁴⁶.

Еще одним фактором, обусловившим проблемы с промтоварным снабжением, стало отсутствие своей ведомственной торговой сети у треста «Куйбышевлес». На совещании партторгов леспромхозов при Куйбышевском обкоме ВКП(б) 15 июня 1939 г. главный инженер треста «Куйбышевлес» в своем выступлении дал системе снабжения следующую характеристику: «Своего промторга “Куйбышевлес” не имеет, он снабжается облпотребсоюзом, который нам достаточного внимания не уделяет, и на сегодняшний день мы имеем сигналы о перебоях в промтоварах...»⁴⁷ Заявление руководителя подтверждается сведениями по отдельным леспромхозам. Например, директор Черемшанского ЛПХ на совещании хозяйственного и профсоюзного актива лесной промышленности в октябре 1937 г. заявил, что рабочие уже 2–3 года не получали мануфактуру⁴⁸.

В числе проблем промтоварного снабжения лесозаготовок 1930-х гг. следует отметить случаи, когда ассортимент завозимых промтоваров не соответствовал потребностям рабочих лесной промышленности. Так, в Шенталинском ЛПХ «Средлеса» в торговые точки в конце 1931 г. поступили женские пальто по 235 руб., шелковые платья по 90 руб.⁴⁹ Данные товары являлись для колхозников и постоянных лесных рабочих слишком дорогими. Зарплата директора леспромхоза треста «Средлес» в середине 1930-х гг. была 360 рублей, специалиста по лесоэксплуатации — 275 рублей, заведующих участками — 250 рублей⁵⁰. Рабочие получали зарплату в зависимости от количества выработки; обычно она не превышала несколько сотен рублей в месяц. Поэтому цена за пальто в размере месячной зарплаты или сторублевое платье являлись для основной массы работников леспромхозов непопустительной роскошью.

В постановлении Средне-Волжского крайисполкома от 3 февраля 1932 г. «О выполнении программы лесозаготовок по Инзенскому и Мелекесскому⁵¹ леспромхозам» четвертым пунктом в перечне причин неудовлетворительного результата лесозаготовок четвертого квартала 1931 г. отмечалось: «На лесозаготовки забрасываются неходовые товары, не отвечающие спросу рабочих и недоступные им по цене»⁵².

Завоз в торговые точки не пользующихся спросом товаров не был спецификой только лесозаготовок Средне-Волжского края. В граничащей с рассматриваемым в статье регионом Татарской АССР в декабре 1932 г. в акте обследования Мамадышского лесхоза Татлесхозтреста отмечалось: «...ассортимент товаров совершенно не соответствует потребности и запросам лесоруба (шелковые чулки, кружева, зимой — ботинки). Крайне необходимые теплые вещи — валенки, фуфайки, шаровары — совершенно отсутствуют»⁵³.

Как представляется автору статьи, отправка на лесозаготовки товаров, которые больше подходили жителям крупных городов, чем постоянным и сезонным рабочим в сельской местности, свидетельствует больше о профнепригодности чиновников системы торговли, чем об общем дефиците промтоваров в стране. Проблема постепенно решалась. Так, относительно периода конца второй — третьей пятилеток в протоколах совещаний и профсоюзных конференций, где обсуждались многочисленные проблемы лесозаготовок, не удалось обнаружить упоминаний о засылке в торговые точки леспромхозов Куйбышевской области дорогих и неходовых товаров.

Среди сезонных рабочих лесной промышленности Среднего Поволжья периодически возникало недовольство многочисленными проблемами в сфере торговли промтоварами. В докладной записке обследовавшей Николо-Пестровский леспромхоз⁵⁴ «Средлеса» бригады культпросветотдела Куйбышевского крайкома ВКП(б) от 3 марта 1937 г. приводился пример такого протестного настроения: «На Сабановском участке один из рабочих, увидев плакат со стахановцем леса, заявил: “Тоже рисуют, будто бы наш рабочий человек-лесоруб ходит в полушубке, а не во всяком рванье. Такая-то (нецензурно) жизнь, такое-то (нецензурно) правительство”»⁵⁵.

Парторг Шенталинского леспромхоза «Куйбышевлеса» на совещании 15 июня 1939 г. привел в пример эпизод, когда на собрании, посвященном проработке решений XVIII партсъезда, один из лесорубов задал вопрос: «Почему мы перегнали капиталистические страны, а у нас недостаток мануфактуры?» Показательна реакция приезжего пропагандиста: «Агитатор ответил, что такие вопросы задают только враги народа»⁵⁶.

Аналогичные высказывания рабочих лесозаготовок фиксировались и в других регионах страны. Так, в примыкавшей с севера к Куйбышевской области Чувашской АССР в декабре 1935 г. на собрании в Вурнарском леспромхозе «Чувашлеса» рабочий Иван Васильев заявил, что «раньше товаров было больше, в магазинах были полные полки, и что хочешь, а сейчас нет»⁵⁷.

Интересно отметить, что работники леспромхозов иногда пытались бороться со злоупотреблениями работников торговли. На партсобрании Карсунского леспромхоза 25 октября 1937 г. работник МРК И. Н. Бочкарев вынужден был объяснять присутствующим, куда делись предназначенные для стахановцев велосипеды: «Они поступили без всякого указания, кому их продать. Я лично сам велосипед не брал. У меня он находился, потому что мы его взяли для организации, а бухгалтерия без меня из моей зарплаты за него вычла и оставила его за мной»⁵⁸. Один велосипед после начавшегося разбирательства в Карсунском ЛПХ был все же передан стахановцу. И. Н. Бочкареву был объявлен строгий выговор.

Стахановец Ульяновского ЛПХ Д. Г. Зайцев на уже упоминавшемся ноябрьском 1938 г. совещании работников «Средлеса» поделился с присутствующими следующим эпизодом: накануне ноябрьских праздников в леспромхоз

завезли промтовары. Продавец отрезал по пять метров своим знакомым. «Мы на него составили акт... обсудили этот вопрос... вынесли продавцу по профсоюзной линии строгий выговор и сняли с работы»⁵⁹.

На отдельных участках администрация леспромхозов пыталась решить вопрос снабжения промтоварами. Выступавший на совещании леспромхозов при Куйбышевском обкоме ВКП(б) 15 июня 1939 г. парторг Шенталинского ЛПХ⁶⁰ «Куйбышевлес» рассказал, что рабочие жаловались на отсутствие товаров, особенно мануфактуры. Поэтому пришлось несколько раз ездить вместе с председателем райпотребсоюза в райком ВКП(б). В конечном итоге «райком заставил торговать мануфактурой в наших лесопунктах»⁶¹.

В рамках исследования можно проследить определенную эволюцию решения проблемы дефицита промтоваров на лесозаготовках. В проработанных автором данной статьи сохранившихся в архиве протоколах партсобраний Пензенского леспромхоза за 1934–1936 гг. и Лунинского леспромхоза «Средлес» за 1933–1941 гг. упоминания о серьезных проблемах в снабжении промтоварами отсутствуют⁶². При этом перебои с поступлением продовольствия и недостатки жилищной сферы в указанных документах фиксировались. В докладной записке уполномоченного Куйбышевского обкома ВКП(б), командированного в Барышский леспромхоз «Средлес» в январе 1939 г., давалась характеристика бытовых условий рабочих лесозаготовок с указанием недостатков, но в отношении промтоваров никаких проблем отмечено не было⁶³. Исходя из приведенных данных, можно утверждать, что проблема дефицита промтоваров в отдельных леспромхозах в конце второй — начале третьей пятилетки утратила прежнюю остроту, характерную для первой половины 1930-х гг.

В некоторых леспромхозах перебои в поступлении фиксировались уже только для отдельных видов товаров. На Труслейском участке Инзенского леспромхоза «Средлес» осенью 1935 г. был недостаток керосина⁶⁴. На партсобрании Кузоватовского ЛПХ «Средлес» 14 декабря 1936 г. отмечалось отсутствие спичек и керосина⁶⁵. В протоколе партсобрания Карсунского ЛПХ «Средлес» 24 декабря 1936 г. имеется упоминание о перебоях в поступлении папирос и махорки⁶⁶. Отсутствие спичек, папирос или являвшегося основным топливом для керогазов и примусов керосина в торговых точках леспромхозов, безусловно, создавало существенные неудобства в быту рабочих. Но гораздо более серьезные проблемы возникли бы у лесорубов при отсутствии в продаже одежды и обуви. Тем более что в других регионах страны фиксировались именно такие явления. Например, в докладе руководителя леспродторга расположенного в соседнем регионе треста «Чувашлес» Наркомлеса СССР в апреле 1938 г. подчеркивалось: «Такие товары, как галоши, трикотаж, мануфактура, готовое платье, в наших магазинах можно очень редко встретить»⁶⁷. Обращает на себя внимание, что на совещаниях и профсоюзных конференциях лесозаготовителей Куйбышевской области 1937–1939 гг. преобладали упоминания о перебоях с мануфактурой и махинациях с велосипедами. Сведения о дефиците других

промтоваров в источниках периода третьей пятилетки становятся редкими. На совещании партторгов леспромхозов при Куйбышевском обкоме ВКП(б) 15 июня 1939 г. упоминались поступившие в продажу такие редкие товары, как велосипеды, швейные машины, патефоны⁶⁸.

Интересную закономерность подметил руководящий работник Куйбышевского леспродтяжа на совещании работников ЛПХ «Средлеса» 1938 г. По его мнению, очень многое зависело от личных контактов директора леспромхоза с работниками леспродтяжа в данном районе. Например, в Майнском, Сентилеевском ЛПХ товары почти не попадали к рабочим лесозаготовок, в то время как в Кузнецком леспромхозе большая часть товаров дошла до рабочих⁶⁹.

Подводя итоги, следует также учесть, что в годовых отчетах лесных трестов и управлений лесоохраны приведение сведений по промтоварному снабжению рабочих не предусматривалось. На совещаниях и партсобраниях не избалованные высоким уровнем жизни люди жаловались в первую очередь на самые острые проблемы с питанием и жильем. Поэтому обычно краткие упоминания о поступлении в торговые точки на лесозаготовках промтоваров встречаются в архивных материалах не так часто. Настоящее исследование стало результатом длительного кропотливого процесса поиска материалов в архивах и библиотеках и менее длительной, но тоже весьма сложной работы по обработке и систематизации полученной отрывочной и зачастую малопонятной информации. Данная статья не закрывает окончательно тему промтоварного снабжения лесозаготовок в Средневолжском регионе, многие аспекты нуждаются в уточнении и детализации. Но определенные выводы можно сделать.

Следует констатировать, что ситуация с обеспечением непродовольственных промтоваров лесозаготовок Куйбышевской области заметно улучшилась к началу третьей пятилетки. Эта тенденция прослеживается преимущественно по леспромхозам наиболее крупного регионального лесозаготовителя треста «Средлес». Наибольший объем проблем со снабжением промтоварами наблюдался на лесозаготовках треста «Куйбышевлес», у которого отсутствовала ведомственная торговая сеть. Местнические интриги руководителей треста «Средлес» привели к дискриминации в обеспечении промтоварами работников местного территориального управления лесоохраны.

Во многом проблемы со снабжением промтоварами работников лесной промышленности в рассматриваемом в статье регионе были обусловлены не столько общим их дефицитом по стране, сколько человеческим фактором работников торговли, которые отдельным товарам не позволяли дойти до прилавка. Проблемы промтоварного снабжения лесозаготовок Средней Волги были типичными для ряда других регионов страны.

- ¹ Подробнее см.: *Рутасов А. И.* Лесной экспорт СССР в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и конкуренция на европейском рынке // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 1. С. 82–98.
- ² Подробнее см.: *Воейков Е. В.* Стахановцы лесозаготовок Пензенского края в 1930-е гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2019. Т. 1. № 2. С. 56.
- ³ *Постников С. П., Фельдман М. А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. С. 156–158.
- ⁴ *Бондаренко О. Е., Князева Г. А., Турубанов А. Н.* Лесной комплекс Республики Коми в XX веке. Сыктывкар, 2004. С. 42–43, 47–49, 50–52.
- ⁵ См., например: *Зыкин И. В.* «Зеленое золото» индустриализации: Лесопромышленный комплекс Уральского региона в конце 1929 г. — первой половине 1941 г. Екатеринбург, 2021.
- ⁶ См., например: *Кладова К. Ю.* «Дефицитные товары — злоба дня»: к вопросу об обеспеченности курганцев товарами легкой промышленности в 1920–1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 123–128; *Макарова Н. Н.* «Не снабжают, а издеваются над нами...»: система снабжения Магнитогорска (1929–1935) // Вестник Пермского университета. История. 2010. Вып. 1 (12). С. 90–99.
- ⁷ *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 18.
- ⁸ *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 12.
- ⁹ *Николаев С. А.* Лесозаготовки во втором пятилетии // Лесная индустрия. 1934. № 11. С. 14.
- ¹⁰ Подробнее см.: *Воейков Е. В.* История лесной промышленности Поволжья предвоенных пятилеток в материалах архивных фондов: проблема исчезнувших документов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2022. Т. 4. № 1. С. 32–38.
- ¹¹ Государственный архив Ульяновской области (далее — ГАУО). Ф. Р-1810. Оп. 3. Д. 16. Л. 144; Центральный государственный архив Самарской области (далее — ЦГАСО). Ф. Р-3386. Оп. 1. Д. 13. Л. 198.
- ¹² Барыш, Инза, Кузоватово — райцентры современной Ульяновской области, город Кузнецк — райцентр современной Пензенской области.
- ¹³ Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее — СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 30. Д. 468. Л. 43.
- ¹⁴ Город Сызрань — райцентр современной Самарской области.
- ¹⁵ *Степанов.* Женская бригада лесорубов // Борьба за лес. 1931. 21 ноября.
- ¹⁶ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 30. Д. 474. Л. 47–48.
- ¹⁷ *Воейков Е. В.* Стахановцы лесозаготовок Пензенского края в 1930-е гг. С. 61.
- ¹⁸ Обеспечить выполнение планов и полное снабжение заводов лесоматериалами. Доклад председателя правления союза лесдреврабочих Щепетова на 4 пленуме // Борьба за лес. 1932. 5 июня.
- ¹⁹ Населенный пункт Новочеремшанск расположен в Новомалыклинском районе современной Ульяновской области.
- ²⁰ СОГАСПИ. Ф. 2274. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 — 6 об.
- ²¹ Там же. Л. 9.
- ²² *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999. С. 78.
- ²³ Товарный голод в лесу // Лесной рабочий. 1930. 8 января.
- ²⁴ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1933. № 18. Ст. 100 (пункт 10).
- ²⁵ *Логинова.* Колхозы стоят в стороне от лесозаготовок // Коммунист (Барыш). 1934. 5 февраля.
- ²⁶ Город Ставрополь (на Волге) был в 1964 г. переименован в Тольятти.
- ²⁷ Контора леспромхоза находилась в селе Рождествено, населенный пункт в Волжском районе современной Самарской области.
- ²⁸ Лесоруб-колхозник. Бесконечные ссылки на «завтра» // Большевицкая трибуна (Ставрополь). 1935. 2 февраля.

- 29 СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 30. Д. 468. Л. 43–44, 67.
- 30 ГАУО. Ф. Р. 1810. Оп. 3. Д. 16. Л. 144.
- 31 СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 29. Д. 23. Л. 58 об.
- 32 *Ногина Е. В., Ушмаева К. А.* Механизмы хищения государственной собственности в условиях плановой экономики 1930-х годов // Преподаватель XXI век. 2020. № 4. С. 326.
- 33 СОГАСПИ. Ф. 9452. Оп. 1. Д. 1. Л. Л. 137.
- 34 Карсун — райцентр современной Ульяновской области.
- 35 Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (далее — ГАНИУО). Ф. 1672. Оп. 1. Д. 5. Л. 55 об. — 56.
- 36 СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 29. Д. 23. Л. 67.
- 37 Там же. Л. 104.
- 38 Н. П. Глухов — руководитель областной конторы леспродтяжа.
- 39 СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 28. Д. 258. Л. 55.
- 40 Лунино — райцентр современной Пензенской области.
- 41 Государственный архив Пензенской области (далее — ГАПО). Ф. П-1202. Оп. 1. Д. 22. Л. 24.
- 42 *Миров Д., Горский В.* Болезни Союзлеспродторга // Лесная промышленность. 1938. 27 мая.
- 43 Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 9449. Оп. 1. Д. 323. Л. 45.
- 44 СОГАСПИ. Ф. 9452. Оп. 1. Д. 1. Л. 162.
- 45 Там же. Л. 170.
- 46 Там же. Д. 10. Л. 153.
- 47 СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 30. Д. 107. Л. 19.
- 48 Там же. Оп. 28. Д. 258. Л. 53.
- 49 Из леса пишут. Шубин одевает лесорубов // Борьба за лес. 1931. 23 декабря.
- 50 ГАНИУО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.
- 51 Город Мелекес был в 1972 г. переименован в Димитровград, райцентр современной Ульяновской области.
- 52 ГАПО. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 689. Л. 93 об.
- 53 Государственный архив Республики Татарстан (далее — ГАРТ). Ф. Р. 1435. Оп. 1. Д. 118. Л. 39.
- 54 Никольская Пестровка — в настоящее время город Никольск, райцентр современной Пензенской области.
- 55 СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 28. Д. 294. Л. 10.
- 56 Там же. Оп. 30. Д. 107. Л. 47.
- 57 Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее — ГАСИЧР). Ф. 848. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- 58 ГАНИУО. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 5. Л. 55 об. — 56.
- 59 СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 29. Д. 23. Л. 66–67.
- 60 Шентала — райцентр современной Самарской области.
- 61 СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 30. Д. 107. Л. 45.
- 62 ГАПО. Ф. П-1202. Оп. 1. Д. 6, 7, 9, 15, 17, 18, 20, 22, 23, 24; Ф. П-2803. Оп. 1. Д. 3, 4, 5.
- 63 СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 30. Д. 468. Л. 65.
- 64 ГАНИУО. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 5. Л. 109.
- 65 ГАНИУО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 12. Л. 40 об.
- 66 ГАНИУО. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.
- 67 ГАСИЧР. Ф. 1. Оп. 19. Д. 205. Л. 18.
- 68 СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 30. Д. 107. Л. 36.
- 69 Там же. Оп. 29. Д. 23. Л. 58 об.

References

- BLOK M. *Apologiia istorii, ili Remeslo istorika*. [The apology of history, or the Craft of the historian. In Russ.]. Moscow, 1986.
- BONDARENKO O. E. *Lesnoi kompleks Respubliki Komi v 20 veke*. [The forest complex of the Komi Republic in the 20th century. In Russ.]. Syktyvkar, 2004.
- FEVR L. *Boi za istoriiu*. [Battles for History. In Russ.]. Moscow, 1991.
- KLADOVA K. Iu. “Defitsitnye tovary — zloba dnia”: k voprosu ob obespechennosti kurgantsev tovarami legkoi promyshlennosti v 1920–1930-kh gg. [“Scarce goods are the rage of the day”: on the issue of the provision of Kurgan residents with light industry goods in the 1920s–1930s. In Russ.] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. No. 413. P. 123–128.
- MAKAROVA N. N. “Ne snabzhaiut, a izdevaiutsia nad nami...”: sistema snabzheniia Magnitogorska (1929–1935). [“They do not supply us, but mock us...”: Magnitogorsk supply system (1929–1935). In Russ.] // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriiia. 2010. No. 1 (12). P. 90–99.
- NOGINA E. V., USHMAEVA K. A. *Mekhanizmy khishcheniia gosudarstvennoi sobstvennosti v usloviakh planovoi ekonomiki 1930-kh godov* [Mechanisms of theft of state property in the conditions of the planned economy of the 1930s. In Russ.] // Prepodavatel' XXI vek. 2020. No. 4. P. 322–334.
- OSOKINA E. A. *Za fasadom “stalinskogo izobiliiia”*: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniia v gody industrializatsii. 1927–1941. [Behind the facade of “Stalin’s abundance”: Distribution and market in the supply of the population during the years of industrialization. 1927–1941. In Russ.]. Moscow, 1999.
- POSTNIKOV S. P., FEL'DMAN M. A. *Sotsiokul'turnyi oblik promyshlennykh rabochikh Rossii v 1900–1941 gg.* [The socio-cultural image of the industrial workers of Russia in 1900–1941. In Russ.]. Moscow, 2009.
- RUPASOV A. I. *Lesnoi eksport SSSR v kontse 1920-kh — nachale 1930-kh gg. i konkurentsiia na evropeiskom rynke* [Timber exports of the USSR in the late 1920s — early 1930s and competition in the European market. In Russ.] // Noveishaia istoriia Rossii. 2018. Vol. 8. No. 1. P. 82–98.
- VOEIKOV E. V. *Istoriia lesnoi promyshlennosti Povolzh'ia predvoennykh piatiletok v materialakh arkhivnykh fondov: problema ischeznuvshikh dokumentov*. [The history of the forest industry of the Volga region of the pre-war five-year plans in the materials of archival funds: the problem of missing documents. In Russ.] // Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Istoricheskie nauki. 2022. Vol. 4. No. 1. P. 32–38.
- VOEIKOV E. V. *Stakhanovtsy lesozagotovok Penzenskogo kraia v 1930-e gg.* [Stakhanovites logging Penza region in the 1930s. In Russ.] // Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Istoricheskie nauki. 2019. Vol. 1. No. 2. P. 55–63.
- ZYKIN I. V. “Zelenoe zoloto” industrializatsii: Lesopromyshlennyi kompleks Ural'skogo regiona v kontse 1929 g. — pervoi polovine 1941 g. Ekaterinburg. [The “green gold” of industrialization: The timber industry of the Ural region at the end of 1929 — the first half of 1941. In Russ.]. Yekaterinburg, 2021.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Е. В. Воейков. Решение проблемы снабжения промтоварами рабочих лесозаготовок 1930-х гг. // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 65–78

Аннотация: Лесозаготовки в 1930-е гг. имели особое значение, так как были связаны с оборонной промышленностью и преодолением топливного дефицита. В статье рассматривается важный аспект быта рабочих лесозаготовок. Продажа в торговых точках на местах работ дефицитных промтоваров в годы предвоенных пятилеток оказывала серьезное влияние на производственный процесс. В научной исторической литературе бытовая сфера рабочих лесозаготовок недостаточно изучена. Снабжение непродовольственными промтоварами населения в 1930-е гг. исследуется учеными в рамках истории повседневности, но без дифференциации по отраслям промышленности. Тема статьи рассмотрена на материалах лесозаготовок Среднего Поволжья в контексте общей ситуации по стране. Источниковой базой статьи стали фонды региональных архивохранилищ Пензенской, Самарской, Ульяновской областей и материалы периодической печати предвоенных пятилеток. В тресте «Средлес» существовала ведомственная система промтоварного снабжения, что позволило создать приемлемую инфраструктуру торговли для лесорубов. Во второй половине 1930-х гг. катастрофический дефицит промтоваров на лесозаготовках этого треста был в основном преодолен. Трест «Куйбышевлес» и Средне-Волжское управление лесоохраны своей ведомственной торговой системы не имели, что привело к нерегулярному снабжению

промтоварами его лесозаготовок в годы второй и третьей пятилеток. Серьезной проблемой в 1930-е гг. стали злоупотребления работников торговли, из-за которых многие дефицитные товары не доходили до прилавка. Иногда на лесозаготовки завозились товары, не пользующиеся спросом. Проблемы снабжения лесозаготовок Средне-Волжского края и Куйбышевской области были типичны для многих регионов СССР.

Ключевые слова: промтовары, лесозаготовки, Средне-Волжский край, трест «Средлес», трест «Куйбышевлес», мануфактура, велосипеды.

FOT CITATION

E. V. Voikov. Solving the problem of supplying industrial goods to logging workers of the 1930s // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 65–78

Abstract: Logging in the 1930s was of particular importance, as it was associated with the defense industry and overcoming the fuel shortage. The article discusses an important aspect of the life of logging workers. The sale of scarce manufactured goods in retail outlets at the places of work during the pre-war five-year plans had a serious impact on the production process. In the scientific historical literature, the household sphere of logging workers is insufficiently studied. Supply of non-food manufactured goods to the population in the 1930s is studied by scientists within the framework of the history of everyday life, but without differentiation by industry. The topic of the article is considered on the materials of logging in the Middle Volga region in the context of the general situation in the country. The source base of the article was the funds of the regional archives of the Penza, Samara, Ulyanovsk regions and the materials of the periodical press of the pre-war five-year plans. The Sredles Trust had a departmental system of industrial supply, which made it possible to create an acceptable trade infrastructure for loggers. In the second half of the 1930s the catastrophic shortage of manufactured goods in its logging operations was mostly overcome. The Kuibyshevles Trust and the Middle Volga Forest Protection Department did not have their own departmental trading system, which led to an irregular supply of industrial goods to its logging operations during the second and third five-year plans. A serious problem in the 1930s was the abuse of trade workers, because of which many scarce goods did not reach the counter. Sometimes goods that were not in demand were imported for logging. The problems of logging supply in the Middle Volga Region and Kuibyshev region were typical for many regions of the USSR.

Key words: industrial goods, logging, Sredne-Volzhsy Krai, Sredles Trust, Kuibyshevles Trust, manufactory, bicycles.

Автор: Воейков, Евгений Владимирович — д. и. н., доц., проф. кафедры «История России и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета.

Author: Voikov, Evgeniy V. — Dr. of historical sciences, docent, professor at the department History of Russia and methods of teaching history.

E-mail: evgenijvoeikov@yandex.ru

А. В. Жадан

Органы НКВД Дальнего Востока в борьбе с экономической преступностью (1941–1945)

Введение

Годы Великой Отечественной войны стали периодом чрезвычайного напряжения экономики СССР. Ущерб, причиненный боевыми действиями, переориентация производства на нужды обороны, дефицит рабочих рук и ряд других обусловленных чрезвычайной обстановкой факторов привел к серьезным проблемам в обеспечении населения товарами повседневного спроса. В данных условиях расхищение государственного имущества, спекуляция, иные преступления экономической направленности приобретали особую общественную опасность. Злоупотребления должностных лиц, ответственных за распределение продовольствия и предметов первой необходимости подрывали авторитет советской государственности, грозили социальными эксцессами в тылу. «Рабочие это видят и этим создается почва для плохого настроения и враждебной агитации», — писал по данному поводу Е. С. Варга И. В. Сталину в декабре 1942 г.¹ Фактически такие деяния подрывали общие ресурсы экономики, ее способность обеспечивать работу фронта и тыла, снижали обороноспособность страны перед лицом экзистенциальной опасности.

Данная ситуация объективно требовала от органов НКВД активизации работы по обеспечению экономической безопасности тыла. В условиях Дальнего Востока, ставшего одним из основных логистических коридоров поставок стра-

тегически важных товаров от стран-союзников, особую актуальность получила необходимость обеспечить защиту грузов от преступных посягательств в портах и на железных дорогах региона.

Проблематика экономической преступности в годы войны и противодействия ей со стороны правоохранительных органов достаточно широко представлена в историографии². Однако, несмотря на растущий интерес исследователей к истории органов внутренних дел Дальневосточного региона³, тема борьбы с экономическими преступлениями в период 1941–1945 гг. освещена еще достаточно слабо. Указанный аспект обусловил цель и задачи данной публикации, для решения которых были задействованы: документы центральных аппаратов НКВД, НКЮ и Прокуратуры СССР; внутренние распорядительные документы управлений НКВД Хабаровского (далее – УНКВД по ХК) и Приморского краев (далее – УНКВД по ПК); делопроизводственные документы комсомольских и первичных парторганизаций органов НКВД Дальнего Востока.

Анализ криминологической ситуации в экономической сфере на Дальнем Востоке

По оценкам исследователей, посягательства на социалистическую собственность и спекуляция составляли значительную долю в общем объеме преступности периода Великой Отечественной войны, а их абсолютное число существенно выросло в эти годы, вслед за общим ростом преступности⁴. Наряду с количественным ростом, военная обстановка обусловила качественные изменения в характере преступлений. В годы войны интерес преступников переместился с денег на товары, в особенности – продовольственные.

В условиях Дальнего Востока обоснованным будет выделить две основные группы предметов преступных посягательств на государственное имущество:

1. Продукты питания и товары первой необходимости, находящиеся на балансе предприятий и организаций региона. Местом таких хищений становились: магазины, столовые, склады, пекарни, колхозы, мясокомбинаты, рыбокооперативы, рыбозаводы, мелькомбинаты и т.п.⁵ Масштаб посягательств на колхозное имущество приобрел к 1943 г. характер настолько серьезной проблемы, что в местной периодической печати появился ряд острых публикаций на данную тему⁶.
2. Грузы, следовавшие транзитом через порты и железнодорожную инфраструктуру Дальнего Востока. Предметами таких посягательств часто становились товары, поставляемые странами-союзницами⁷.

Общий масштаб хищений, происходивших в рассматриваемый период в портах и на железных дорогах Дальнего Востока, трудноисчислим. В служебной документации региональных органов НКВД напрямую отмечалось, что большая часть происходящих хищений остается невыявленной, а размеры декла-

рируемых транспортными организациями потерь и недостач свидетельствуют о большом размахе криминальной активности⁸. Безусловно, часть грузов приходила в негодность по естественным причинам и в силу халатности работников⁹, однако синхронные оценочные суждения руководства дальневосточных органов НКВД позволяют с высокой долей вероятности говорить о весьма значительных масштабах латентных хищений на транспорте.

В годы войны существенным образом изменились способы посягательства на социалистическую собственность.

Большой размах приобрело снабжение знакомых и близких по разного рода запискам, спискам и т. д.¹⁰ В отдельных случаях практика распределения социалистического имущества посредством записок была обусловлена достаточно широкой сферой неформальных, нерыночных отношений между руководителями хозяйствующих субъектов, свойственной советскому социуму.

Серьезный масштаб в Дальневосточном регионе приняли обсчет, обвешивание и обмеривание потребителей в сфере торговли¹¹.

Переход к нормированному распределению продуктов и товаров первой необходимости обусловил широкое распространение различного рода махинаций с карточками и талонами, используя которые, преступники незаконно получали дефицитные товары или документально прикрывали совершенные хищения. Широкое распространение получила практика хищения и последующего фиктивного списания невыданных населению остатков промтоварных и продовольственных карточек. В сферу махинаций с карточками и талонами втягивались работники контрольно-учетных бюро, в том числе важные должностные лица, члены ВКП(б)¹².

Существенная часть посягательств на социалистическую собственность совершалась в форме присвоений и растрат со стороны должностных лиц хозяйствующих субъектов¹³.

В военные годы получила широкое распространение незаконная частная торговля товарами по завышенным ценам в условиях повышенного спроса (дефицита). По оценке С. М. Емелина, от 20 до 30 % от всех экономических преступлений в стране, имевших место в военный период, занимали факты спекуляции¹⁴. Наибольшее число осужденных по данной статье (ст. 107 УК РСФСР) пришлось на 1941–1942 гг.¹⁵ Данная тенденция затронула и Дальний Восток¹⁶; имели место случаи, когда спекулятивной торговлей занимались сами сотрудники дальневосточных органов НКВД¹⁷. Помимо прочего, спекуляция служила основным каналом сбыта похищенных товаров¹⁸, становясь одним из условий для осуществления посягательств на государственное имущество.

Анализируя криминологические портреты лиц, причастных к вышеописанным видам преступлений, можно с известной долей условности выделить типы таких преступников, характерные для дальневосточного региона в рассматриваемый нами исторический период.

1. Лица, не связанные трудовыми отношениями с предприятиями (организациями), на имущество которых осуществлялось посягательство. Это могли быть как профессиональные преступники — уголовники-рецидивисты, так и ситуативные. В числе последних часто выступали несовершеннолетние и военнослужащие¹⁹. При этом действовали как преступники-одиночки, так и «воровские группы» — устойчивые группировки, регулярно совершавшие хищения государственного имущества.
2. Граждане, непосредственно связанные с работой предприятий (организаций), на имущество которых осуществлялось посягательство. В некоторых случаях речь шла о крупных организованных группах, в состав которых входило руководство хозяйствующих субъектов и лица, привлекаемые к охране имущества²⁰. В ряде случаев к уголовной ответственности привлекались почти в полном составе целые судовые экипажи²¹. Однако часто хищения совершались работниками, материальное положение которых ставило их самих и их семьи на грань выживания. Примером могут служить случаи привлечения к уголовной ответственности колхозников, выносивших после рабочей смены зерно в карманах²².

Особенно большой размах хищений наблюдался среди работников портовой инфраструктуры²³, железных дорог²⁴, предприятий и организаций, связанных с производством и распределением продуктов питания²⁵. В частности, по данным Прокуратуры СССР, в 1-м квартале 1943 г. сумма хищений во Владивостокском порту превысила более чем в 5 раз данный показатель всех остальных портов страны вместе взятых²⁶.

3. Спекулянты, часто напрямую или косвенно связанные с деятельностью расхитителей социалистической собственности.
4. Должностные лица и работники, причастные к разного рода корыстным злоупотреблениям, не носящим характер хищения (в частности, к нарушениям правил торговли и (или) распределения товаров повышенного спроса).
5. Должностные лица и работники предприятий и организаций, преступная небрежность или умышленное вредительство которых наносили серьезный ущерб народному хозяйству. Исследованный массив документов не позволил выявить доказанные случаи диверсий или саботажа на предприятиях Дальнего Востока в годы войны. Однако имели место многочисленные факты причинения существенного экономического ущерба в силу принятия неверных управленческих решений, плохой организации работ, халатного отношения к своим обязанностям²⁷. В ряде случаев речь шла не просто о срыве выполнения производственных планов, но и о полном хозяйственном «развале» отдельных предприятий²⁸.

Организационный механизм, формы и методы деятельности органов НКВД по противодействию посягательствам на социалистическую собственность

В борьбу с преступлениями в сфере экономики были в той или иной степени включены почти все силы территориальных органов НКВД.

В период деятельности единого Комиссариата внутренних дел (июль 1941 — апрель 1943 г.) оперативным обслуживанием промышленных и сельскохозяйственных предприятий, сбором сведений об их экономическом положении, а также выявлением фактов антисоветской агитации на производствах, саботажа, диверсий и вредительства занимались экономические отделы при региональных управлениях НКВД. Деятельность данных подразделений была в большей степени ориентирована на задачи обеспечения государственной безопасности, однако они занимались и выявлением чисто уголовных посягательств на государственное имущество.

При краевых и областных управлениях милиции Дальнего Востока действовали отделы по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (БХСС), включавшие отделения (группы) по борьбе со спекуляцией, контрабандой, фальшивомонетчиками, хищениями в госторговле, потребкооперации, легкой промышленности, заготовительных и финансовых организациях. На уровне городских и районных отделов милиции аппарат БХСС был представлен соответствующими отделениями (группами) общей специализации. При поселковых отделениях милиции отдельные структурные подразделения БХСС, как правило, не формировались, но были сотрудники на должностях оперативного состава, подчиненные непосредственно начальнику отделения. Также своя структура БХСС действовала при органах милиции на транспорте.

Аппарат уголовного розыска, в сравнении с БХСС, был в большей степени сосредоточен на противодействии внешним преступным посягательствам на социалистическое имущество. Как правило, уголовные элементы, причастные к такого рода преступлениям, одновременно занимались и квалифицированными кражами частного имущества граждан, а также могли иметь сообщников среди работников и охраны предприятий²⁹.

В целом при наличии определенной специализации все три вышеуказанные оперативные службы в некоторой степени дублировали задачи друг друга.

Существенную часть работы по противодействию спекуляции и хищениям социалистической собственности выполняли участковые уполномоченные. Особенно высока их роль была в сельской местности, где в отсутствие развитого аппарата БХСС и уголовного розыска на участковых возлагался существенный объем оперативной и следственной работы по данным направлениям. В отдельных случаях ими выявлялись и обезвреживались достаточно крупные группы расхитителей государственного имущества³⁰.

Большое значение имели также бдительность и инициатива нарядов, несущих наружную службу или задействованных в охране отдельных производственных объектов. Своевременная проверка подозрительных лиц, перемещающих большое количество дефицитных товаров, а также осуществляющих торговлю таковыми, нередко позволяла выявлять существенные хищения государственного имущества, дополняя работу оперативных служб³¹.

Основная нагрузка по защите от преступных посягательств перевозимых по железной дороге и водным путем грузов ложилась на органы транспортной милиции, в состав которой входили как оперативно-следственные, так и ответственные за охрану общественного порядка подразделения.

Стоит отметить вклад активной общественности, содействовавшей органам правопорядка индивидуально или в составе объединений правоохранительной направленности. Среди последних следует упомянуть формируемые из активистов предприятий производственные бригады содействия милиции (бригады-мил), в задачи которых входило пресечение посягательств на социалистическую собственность³².

Всю совокупность приемов и способов, используемых для противодействия посягательствам на социалистическую собственность, можно разделить на две группы.

1. Методы охраны и контроля. Со стороны органов НКВД задачи предупреждения и пресечения посягательств на социалистическую собственность требовали привлечения максимально возможного количества сил к охране потенциальных объектов преступного посягательства. Вместе с тем имел место и целый комплекс системных проблем, связанных с организацией охраны мест хранения, транспортировки материальных ценностей и учета последних. В условиях дефицита трудовых ресурсов на работу, связанную с грузовыми операциями, нередко принимались люди с криминальным прошлым и аналогичными связями. При этом сторожевая охрана на товарных дворах, пакгаузах, платформах часто состояла из инвалидов и иных лиц, неспособных эту охрану обеспечить³³. Налаживанию эффективной системы охраны грузов органам НКВД региона в ряде случаев мешал недостаток материально-технических средств, в частности отсутствие плавсредств не позволяло органам водной милиции эффективно бороться с хищениями в порту Владивостока³⁴.
2. Методы следственно-оперативной деятельности, предполагавшие выявление и регистрацию преступлений, сбор и анализ оперативной информации, ведение оперативного учета, производство следственных действий и т. д. Работа по данному направлению требовала от сотрудников НКВД особого профессионализма и наличия специальных знаний в сфере экономики. Выявление крупных, разветвленных группировок расхитителей, хорошо маскирующих свою преступную деятельность, было невозможно без привлечения квалифицированной агентуры, грамотно спланирован-

ных засад, реализации сложных оперативных комбинаций. Особую эффективность в выявлении всей преступной цепочки сообщников показывали внутрикамерные оперативные разработки³⁵.

Изучение внутренней документации дальневосточных органов НКВД позволило установить, что период с лета 1941 по 1943 г. характеризовался слабостью агентурно-осведомительной сети, обусловленной факторами военной мобилизации и частых реорганизаций органов правопорядка. Текучка личного состава и недостаточный профессионализм нового пополнения замедляли работу оперативных служб по вербовке работоспособного негласного аппарата. Острой проблемой была нехватка квалифицированной агентуры среди работников карточных бюро, сферы торговли и транспорта³⁶. Ряд важных хозяйственных объектов региона вообще не обслуживался в оперативном отношении, т. е. органы НКВД не имели представления о возможно происходящих там хищениях и злоупотреблениях³⁷.

Недостаточное агентурно-осведомительское обеспечение и кадровая слабость оперативных служб³⁸ не позволяли эффективно реализовывать тактические комбинации, работать на предотвращение посягательств на государственное имущество. До 1943 г. удавалось вскрывать относительно небольшое количество крупных групп расхитителей, преобладали дела по одиночкам и мелким группам, преимущественно возбуждаемые по заявлениям организаций. Особенно плохо была организована работа по выявлению хищений и злоупотреблений в сфере торговли, в портах и на железной дороге³⁹.

Недостаточный профессионализм личного состава отражался и на качестве следственной работы: имели место факты необоснованного возбуждения уголовных дел, неудовлетворительной проработки доказательной базы, затягивания сроков расследования и др. В результате процент прекращенных судом и органами прокуратуры дел по линии БХСС в ряде регионов Дальнего Востока достигал 25%⁴⁰.

В ряде случаев эффективной оперативно-следственной работе препятствовало отсутствие должного уровня взаимодействия милиции с оперативными подразделениями исправительно-трудовых учреждений⁴¹, таможенной и военной прокуратурой⁴².

Периодически расследование преступлений, совершенных советскими и партийными руководящими работниками, осложнялось политическими факторами. В условиях советской социально-политической реальности наличие партийного билета, по замечанию Е. В. Туфанова, нередко становилось охранной грамотой от судебного преследования и являлось своего рода неофициальной номенклатурной привилегией⁴³. Так, материалы переписки А. А. Закусило (начальника УНКВД по ПК) и Н. М. Пегова (первого секретаря Приморского краевого комитета ВКП(б)) свидетельствуют об отдельных фактах прекращения уголовных дел в отношении номенклатурных персон, подозреваемых в крупных хищениях и злоупотреблениях, по ходатайству партийных органов⁴⁴.

Имели место случаи, когда судьи отказывались принимать уже расследованные уголовные дела в отношении высокопоставленных коммунистов к рассмотрению, получая негласные указания районных комитетов ВКП(б)⁴⁵. В такого рода случаях виновные в хищениях и злоупотреблениях представители номенклатуры избегали уголовной ответственности и подвергались взысканию по партийной линии⁴⁶.

Вызовы военного времени обусловили проработку и внедрение в практическую деятельность органов НКВД целого комплекса мер организационного, проверочного, оперативно-розыскного и иного характера, направленных на оптимизацию работы по рассматриваемому направлению с учетом местной специфики:

- большое внимание было уделено изучению новых форм и методов деятельности преступников, выработке соответствующих способов агентурно-оперативного противодействия им, обобщению положительного и негативного опыта оперативно-служебной деятельности. На основе анализа поступавшей с мест информации центральным аппаратом НКВД СССР был издан целый ряд директив и указаний по совершенствованию работы органов БХСС⁴⁷;
- повышение оперативно-служебных показателей в деле противодействия спекуляции и хищениям социалистической собственности стало одним из важных направлений политико-идеологического воздействия на личный состав органов милиции⁴⁸;
- с сотрудниками органов БХСС были организованы занятия, направленные на изучение техники бухгалтерского учета и порядка документального оформления движения продовольственных и промышленных товаров, их выдачи и расходования⁴⁹;
- большое внимание было уделено формированию работоспособной, целевой агентурно-осведомительной сети на объектах торговли, промышленности, сельского хозяйства, транспорта, очистке ее от двурушников и дезинформаторов⁵⁰;
- расширилась практика профилактических оперативных проверок трудоустраивающихся граждан с целью недопущения к работе с материальными ценностями лиц, ранее судимых за растраты и хищения⁵¹;
- для оказания периферийным органам практической помощи в организации оперативно-следственной работы формировались оперативные группы (бригады) из числа наиболее опытных, квалифицированных сотрудников краевых аппаратов НКВД⁵².

Заключение

Анализируя результативность предпринятых органами НКВД Дальнего Востока мер по противодействию экономической преступности, следует отметить ее неоднозначность.

С одной стороны, криминогенные факторы, провоцирующие корыстную преступность, в особенности тяжелое социально-экономическое положение населения, продолжали оказывать неослабевающий негативный эффект все военные годы. В отдельных территориальных органах сохранялись и перечисленные выше недостатки следственно-оперативной работы⁵³, трудно искоренимые в условиях кадрового голода и материально-технической слабости.

Однако в целом к 1944–1945 гг. органам НКВД Дальнего Востока удалось добиться заметных успехов в данном направлении. Существенно укрепилась агентурно-осведомительская сеть, следствием чего стал рост как общих показателей раскрываемости, так и раскрытия преступлений по агентурным данным⁵⁴. Укрепление негласного аппарата позволило не просто задерживать по случаю отдельных расхитителей, а выявлять цепочки соучастников преступной деятельности⁵⁵. В 1944 г. деятельность дальневосточных аппаратов БХСС получила в целом положительную оценку руководства. При наличии определенных недостатков хорошие в целом темпы работы сохранялись и в 1945 г.⁵⁶ Определенных успехов в борьбе с посягательствами на грузы достигли органы транспортной милиции⁵⁷.

Таким образом, работа органов внутренних дел Дальнего Востока по противодействию экономической преступности внесла свой весомый вклад в поддержание безопасности тыла в стратегически важном регионе и обеспечение материальной основы победы Советского Союза во Второй мировой войне. В сложившихся чрезвычайных условиях органам НКВД удалось существенно оптимизировать свою деятельность по рассматриваемому направлению, прежде всего за счет повышения требований к качеству следственно-оперативной работы, количественному и качественному росту агентурно-осведомительской сети, усилению оперативного обслуживания хозяйственных объектов, наиболее подверженных преступным посягательствам. Важным условием успешной работы стало повышение профессиональной квалификации сотрудников, непосредственно задействованных в борьбе с экономической преступностью, а также соответствующее идеолого-воспитательное сопровождение их деятельности.

¹ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 58. Д. 191. Л. 94.

² Пасс А. А. Русскоязычная историография об экономической преступности в СССР в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 3. С. 26–45.

³ Милежик А. В. Становление научной школы по истории правоохранительных органов на Дальнем Востоке России // Клио. 2019. № 1 (145). С. 128–135; Шабельникова Н. А. На страже правопорядка: история органов внутренних дел России в современной дальневосточной историографии // Клио. 2020. № 5 (161). С. 20–27.

⁴ Емелин С. М. Борьба со спекуляцией как одно из основных направлений деятельности органов внутренних дел в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 30–33.

- ⁵ Архив УМВД по Приморскому краю (далее — АУМВД по ПК). Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 121 об. — 122; Архив УМВД по Хабаровскому краю (далее — АУМВД по ХК). Ф. 40. Оп. 1. Д. 132. Л. 95, 125.
- ⁶ Например: За расхищение колхозного имущества осужден // Большевицкий труд. 1943. 28 апреля; Расхитители семян // Большевик. 1944. 6 мая.
- ⁷ АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 43 об.
- ⁸ АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 27; АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 75. Л. 146–147.
- ⁹ Брак — враг // Красное знамя: в порту. 9 октября 1942. № 8.
- ¹⁰ АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 2.
- ¹¹ Государственный архив РФ (далее — ГА РФ). Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 91. Л. 78; Д. 92. Л. 16. Государственный архив Хабаровского края (далее — ГА ХК). Ф. П-513. Оп. 1. Д. 22. Л. 14 об.
- ¹² АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 133–134.
- ¹³ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 21. Д. 178. Л. 12–17.
- ¹⁴ *Емелин С. М.* Борьба со спекуляцией как одно из основных направлений деятельности органов внутренних дел в годы Великой Отечественной войны. С. 30.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-9492. Оп. 3. Д. 41. Л. 257.
- ¹⁶ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 83. Л. 25.
- ¹⁷ Там же. Д. 84. Л. 172, 253.
- ¹⁸ ГА РФ. Р-9478. Оп. 1. Д. 278. Л. 3.
- ¹⁹ АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 50 об., 51.
- ²⁰ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 91. Л. 214–218.
- ²¹ АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 43 об.
- ²² Там же. Л. 50 — 50 об.
- ²³ Там же. Л. 31, 45 об.
- ²⁴ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 114. Л. 55.
- ²⁵ Там же. Д. 100. Л. 219, 246.
- ²⁶ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 21. Д. 178. Л. 9.
- ²⁷ АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 59, 62 об.
- ²⁸ Там же. Л. 105.
- ²⁹ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 114. Л. 102.
- ³⁰ Там же. Д. 62. Л. 135–136.
- ³¹ Там же. Д. 100. Л. 219, 246.
- ³² ГА ХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.
- ³³ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 75. Л. 148.
- ³⁴ АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 45 об.
- ³⁵ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 124. Л. 95 — 95 об.
- ³⁶ Там же. Д. 75. Л. 147, 287–290, 299–300.
- ³⁷ Там же. Д. 91. Л. 215, 280–281.
- ³⁸ Там же. Д. 76. Л. 61.
- ³⁹ Там же. Д. 77. Л. 166–167.
- ⁴⁰ Там же. Д. 111. Л. 34.
- ⁴¹ Там же. Д. 75. Л. 147–148.
- ⁴² АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 45 об.
- ⁴³ *Туфанов Е. В.* Становление и развитие советской региональной партийно-государственной номенклатуры в 1921–1939 гг.: на материалах Северного Кавказа: дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2018. С. 359.
- ⁴⁴ АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 105.
- ⁴⁵ Там же. Л. 8.
- ⁴⁶ Там же. Л. 1 об. — 2.
- ⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 91. Л. 5, 116–170.
- ⁴⁸ ГА ХК. Ф. П-207. Оп. 1. Д. 35. Л. 6–7.
- ⁴⁹ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 91. Л. 217.

- ⁵⁰ Там же. Л. 214–218.
⁵¹ АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 47. Л. 77 об.
⁵² АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 75. Л. 299–300.
⁵³ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 92. Л. 6, 23.
⁵⁴ АУМВД по ПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 52. Л. 46.
⁵⁵ Там же. Л. 61, 139–140.
⁵⁶ ГА ХК. Ф. П-513. Оп. 1. Д. 22. Л. 14 – 15 об.
⁵⁷ АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 124. Л. 95.

References

- EMELIN S. M. *Bor'ba so spekulyatsiei kak odno iz osnovnykh napravlenii deyatel'nosti organov vnutrennikh del v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The fight against speculation as one of the main activities of the internal affairs bodies during the Great Patriotic War. In Russ.] // *Istoriya gosudarstva i prava*. 2010. No. 9. P. 30–33.
- MILEZHNIK A. V. *Stanovlenie nauchnoi shkoly po istorii pravookhranitel'nykh organov na Dal'nem Vostoke Rossii* [Formation of a scientific school on the history of law enforcement agencies in the Russian Far East. In Russ.] // *Klio*. 2019. No. 1 (145). P. 128–135.
- PASS A. A. *Russkoyazychnaya istoriografiya ob ekonomicheskoi prestupnosti v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Russian-language historiography about economic crime in the USSR during the Great Patriotic War. In Russ.] // *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*. 2019. T. 3, no. 3. P. 26–45.
- SHABEL'NIKOVA N. A. *Na strazhe pravoporyadka: istoriya organov vnutrennikh del Rossii v sovremennoi dal'nevostochnoi istoriografii* [On guard of law and order: the history of the internal affairs bodies of Russia in modern Far Eastern historiography. In Russ.] // *Klio*. 2020. No. 5 (161). P. 20–27.
- TUFANOV E. V. *Stanovlenie i razvitiye sovetskoj regional'noi partiino-gosudarstvennoi nomenklatury v 1921–1939 gg.: na materialakh Severnogo Kavkaza* [Formation and development of the Soviet regional party-state nomenclature in 1921–1939: on the materials of the North Caucasus. In Russ.]: Dis. ... d-ra ist. nauk. Stavropol', 2018.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. В. Жадан. Органы НКВД Дальнего Востока в борьбе с экономической преступностью (1941–1945) // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 79–90

Аннотация: В публикации, основанной на документальных источниках, значительная часть которых вводится в научный оборот впервые, преследуется цель проанализировать развитие криминологической ситуации в сфере экономической преступности в Дальневосточном регионе в годы Великой Отечественной войны и обобщить исторический опыт противодействия данному виду преступности со стороны территориальных органов НКВД. Исследование опирается на принципы объективности, историзма и системности, автор использовал общенаучный, историко-типологический, историко-сравнительный и историко-системный методы. Делается вывод о том, что дальневосточные органы НКВД смогли добиться к 1944–1945 гг. существенных успехов в противодействии исследуемому виду преступности, внесли весомый вклад в поддержание экономической безопасности тыла в стратегически важном регионе и обеспечение материальной основы победы Советского Союза во Второй мировой войне. Однако в силу ряда объективных причин не удалось полностью нейтрализовать негативное воздействие кризисных явлений военного периода.

Ключевые слова: Дальний Восток, органы НКВД, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, экономическая преступность, хищения социалистической собственности.

FOR CITATION

A. V. Zhadan. NKVD bodies of the Far East in the fight against economic crime (1941–1945) // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 79–90

Abstract: The publication, based on documentary sources, a significant part of which is being introduced into scientific circulation for the first time, aims to analyze the development of the criminological situation in the field of economic crime in the Far Eastern region during the Great Patriotic War and summarize the historical experience of countering this type of crime by the territorial bodies of the NKVD. The research is based on the principles of objectivity, historicism and consistency, the author used general scientific, historical-typological, historical-comparative and historical-systemic methods. It is concluded that by 1944–1945 the Far Eastern NKVD bodies were able to achieve significant success in countering the type of crime under study, made a significant contribution to maintaining the economic security of the rear in a strategically important region and providing the material basis for the victory of the Soviet Union in World War II. However, due to a number of objective reasons, it was not possible to completely neutralize the negative impact of the crisis phenomena of the war period.

Key words: The Far East, NKVD organs, World War II, the Great Patriotic War, economic crime, theft of socialist property.

Автор: **Жадан Александр Владимирович** — к. и. н., старший преподаватель Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России.

Author: **Zhadan Aleksandr Vladimirovich** — PhD (History), senior lecturer of the Vladivostok branch of the Far Eastern law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia.

E-mail: awzhadan252@mail.ru

А. В. Бодров

«Из рациональных побуждений я присоединяюсь к казаку». Образ России в представлениях Поля Камбона*

Изучение восприятия России у представителей политической и дипломатической элиты французской Третьей республики имеет немаловажное значение с учетом всех политических, экономических и культурных связей, установившихся между двумя странами в последней трети XIX в. Известно, что путь России и Франции к союзу 1891–1894 гг. был долог и тернист. Своими трудностями было отмечено и развитие последующих союзнических отношений. Как и в случае других подобных национальных сближений, трудности эти были вызваны не только объективными расхождениями государственных интересов и приоритетов, но также и представлениями, предубеждениями и предрассудками конкретных творцов национальной политики о своем партнере.

Автор статьи ставит своей целью определить основные черты образа России, сформировавшиеся у Поля Камбона (1843–1924) — видного французского дипломата, посла в Мадриде (1886–1891), Константинополе (1891–1898) и Лондоне (1898–1920). Выбор обусловлен тем значительным влиянием, которое П. Камбон оказывал на выработку французской внешней политики в 1890–1910-х гг., давшим британскому историку М. Хэйну основание говорить о нем

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта РНФ № 23-28-00090 «Образ российского панславизма в Западной Европе в последней трети XIX века».

как о «сером кардинале Кэ д'Орсе»¹. В частности, П. Камбон сыграл важную роль в оформлении Тройственной Антанты и наряду с Камиллом Баррером (послом в Италии) и младшим братом Жюлем Камбоном (послом в Берлине) входил в число друзей и ближайших сотрудников «творца» Антанты — французского министра иностранных дел Теофиля Делькассе.

Значение воззрений П. Камбона на Россию и русскую политику не только в этом. В его лице мы имеем дело с представителем целой политической традиции. Благодаря знакомству с журналистом К. Пельтаном братья Камбоны еще в конце 1860-х гг. сблизились со многими видными представителями либеральной и республиканской оппозиции Второй империи: А. Тьером, Ж. Симоном, Ж. Казимиром-Перье, Л. Гамбеттой и Ж. Ферри. Особенно тесно Поль Камбон сдружился с Жюлем Ферри, который после установления Третьей республики способствовал продвижению своего протеже по службе. Старший из Камбонов в полной мере унаследовал «центристские» позиции своего покровителя и наставника, равно как и склонность поддерживать активную колониальную политику, считая при этом ее совместимой с тесными связями с Великобританией. Ориентация на Великобританию имела немало сторонников в рамках всего политического спектра Третьей республики, и ее корни восходили ко временам франко-британской «либеральной» Антанты, сложившейся в 1820–1830-х гг. в противовес консервативному союзу «трех черных орлов» — России, Австрии и Пруссии.

Лучшим источником для реконструкции представлений П. Камбона является его личная переписка. Французский историк и социолог Андре Зигфрид в свое время называл эпистолярное наследие П. Камбона «неисчислимой по своему богатству сокровищницей»², и эта оценка выглядит справедливой. Именно в своих частных письмах Камбон-дипломат позволял себе ту степень свободы оценок, которая была немислима для его официальных донесений. Несмотря на то что трехтомное издание писем П. Камбона увидело свет во Франции еще в 1940-х гг., этот источник не попал в поле зрения отечественных исследователей русско-французских отношений последней трети XIX в., включая таких мэтров, как А. З. Манфред и И. С. Рыбаченок. В рамках отечественной историографии существует лишь небольшая статья П. А. Гостенкова, посвященная внешнеполитическим воззрениям П. Камбона. Однако в ней эти воззрения реконструировались по цитатам из зарубежных работ и в отрыве от общего массива переписки Камбона, что привело к ряду неточностей³. В зарубежной историографии П. Камбону-дипломату посвящено несколько монографий, наиболее значимая из которых принадлежит перу французского исследователя Лорана Вийята⁴. Однако и в ней представления П. Камбона о России изложены довольно сжато. Попытка собрать их воедино в более или менее целостный образ, таким образом, предпринимается впервые.

Данная статья отсылает преимущественно к первому тому «Переписки» П. Камбона, охватывающему период 1870–1890-х гг. Именно в этот период

сформировалось мировоззрение нашего героя, а также его образ России, в немалой степени окрашенный опытом пребывания на посту посла Франции в Константинополе (1891–1898). На указанный период пришлось также оформление русско-французского союза и первые шаги в союзном взаимодействии двух стран. В силу всего вышесказанного именно в 1890-е гг. «русская тема» занимала одно из центральных мест в личной переписке П. Камбона.

У многих французов симпатии к России и взрывной интерес к ее культуре были продиктованы возникшим после 1871 г. франко-германским антагонизмом. Острота германской угрозы побуждала многих «славофилов» во Франции видеть в России желанного союзника⁵. Поражение во франко-германской войне 1870–1871 гг. глубоко отразилось и на мировоззрении братьев Камбонов. Поль Камбон видел в этом поражении, оставившем на его поколении «ожог, который никак не может зарубцеваться», «врожденный порок» Третьей республики. По прошествии четверти века он опасался, что «юные французы сегодня ничего такого не ощущают», и гордился тем, что привил своему сыну представление о чести и жажду национальной славы⁶. При этом он не демонстрировал особой германофобии и, например, не чурался возможности неформально отужинать в Париже с Гербертом Бисмарком — старшим сыном и доверенным сотрудником германского канцлера. Но П. Камбон вполне разделял предубеждения своих соотечественников против «пруссаков», отзываясь, к примеру, о германских дипломатах так: «...эти люди перенимают наши манеры и остаются в глубине души настоящими уланами, готовыми нас истребить»⁷.

Перед лицом частых в 1870-е гг. обострений франко-германских отношений П. Камбон был в равной мере далек как от воинственности, так и от чрезмерного алармизма. Военную тревогу 1875 г. он объяснял желанием О. фон Бисмарка переключить внимание Европы со своих неудач в Бельгии и Италии, помноженным на заинтересованность французских правых в раздувании внешних угроз ради сохранения власти⁸. Комментируя новые тревожные слухи на фоне обострения Восточного кризиса, тогдашний 34-летний префект департамента Ду писал брату Жюлю в апреле 1877 г.: «Я не верю, что нас ждет война <...> Бисмарк заботится лишь о том, чтобы не дать нам заключить с Россией какой-нибудь союз. При малейшем проявлении симпатий к России он на нас набросится, но зачем нам кому-то симпатизировать? Останемся в стороне. И нас никто не станет задирать»⁹.

Дебют П. Камбона на дипломатическом поприще совпал с новым обострением обстановки, вызванным оформлением Тройственного союза и всеми сопутствующими опасениями. В марте 1882 г. он комментировал ситуацию так: «Русские подзуживают немцев и воображают, что мы обнажим шпагу вместе с ними. Эти несчастные находятся ровно в том же положении, что и мы в 1870 году, и они накликают на себя разгром ровно так же, как были сокрушены мы. Чтобы создать нам сложности и помешать занять сторону русских, немцы науськивают на нас турок... <...> Мы, таким образом, оказались бы сильно

заняты защитой наших африканских владений: в этот самый момент Италия и Германия разорвали бы Францию на части»¹⁰.

Таким образом, П. Камбон не сбрасывал со счетов угрозу войны со стороны Германии, но вполне разделял точку зрения Ж. Ферри о том, что осмотрительная политика позволит ее избежать. Очевидно также, что Камбон с самого начала был далек от реваншизма, сторонников «твердого тона» с Берлином и солидарности с Россией на антигерманской основе. Все вышесказанное сделало Камбона во второй половине 1880-х гг. непримиримым противником буланжизма. Стоит отметить, что П. Камбон был хорошо знаком с Жоржем Буланже: их пути пересеклись еще в его бытность префектом департамента Ду, а затем в Тунисе, где Камбон возглавлял французскую гражданскую администрацию, а Буланже — военную. Здесь личная антипатия Камбона к честолюбивому генералу переросла в открытый конфликт из-за полномочий¹¹.

Важно учитывать, что буланжизм пользовался поддержкой правых республиканцев и монархистов, многие из которых являлись давними сторонниками заключения союза с Россией. Эти группы влияния, сформировавшиеся вокруг Ж. Адан, А. Рошфора, П. Деруледи, Э. Флуранса и Л. Мильвуа, сумели установить прямой контакт с российским послом в Париже бароном А. П. Моренгеймом. Во второй половине 1880-х гг. Дерулед, Мильвуа и Флуранс неоднократно бывали в России и заручились поддержкой влиятельного редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова¹². Связанные с этими кругами издания: *La Nouvelle Revue*, *L'Intransigeant*, равно как и орган «Лиги патриотов» *Le Drapeau*, клеймили политику умеренных республиканцев, делавших ставку на колониальную экспансию, а не на союз с Россией и реванш¹³.

Несмотря на весь свой консерватизм в социальных вопросах и критику пороков политической системы Третьей республики, П. Камбон оставался убежден в добродетелях республиканизма. В своих письмах он неоднократно выражал отвращение перед угрозой восстановления во Франции «цезаризма» и признавался в ноябре 1877 г.: «...бонапартисты остаются моим вечным кошмаром»¹⁴. Появление на политической сцене генерала Буланже заставило его вновь вспомнить об обстоятельствах установления Второй империи. В апреле 1888 г. он писал жене: «...чем больше мы с Жюлем обдумываем положение, тем вернее Франция нам кажется загнанной в диктатуру более или менее в духе бонапартизма, которая приведет к триумфу демагогии внутри страны и войне вовне»¹⁵. Эти процессы также влияли на восприятие П. Камбоном русско-французского сближения, представавшего во французском внутривосточном измерении во многом как проект правых.

Что касается внешнеполитического идеала П. Камбона, то наиболее обстоятельно он описал его в марте 1889 г. в личном письме Эжену Споллеру, тогдашнему французскому министру иностранных дел. Полагая Италию «главным кольцом скованной вокруг нас цепи», Камбон высказывался за примирение с соседкой и тройственное согласие Франции, Великобритании и Италии. Он впол-

не справедливо подчеркивал, что «Франция не может жить под двойной угрозой со стороны Вогезов и Альп. Тем более невозможно для нее осуществлять свои колониальные проекты и оберегаться от водворения немцев в Средиземноморье в условиях враждебности или даже нерасположения Англии»¹⁶.

Куда более спорным выглядел тезис дипломата о том, что сближение с Италией дало бы Франции необходимое равенство сил с Германией. Здесь П. Камбон явно выдавал желаемое за действительное в силу отсутствия у него особого энтузиазма по поводу франко-русского сближения: «О России я совсем не хочу говорить. Когда не можешь обладать тем, что любишь, нужно любить то, что имеешь, и сегодня нашим единственным активом является надежда на помощь (России. — А. Б.) и беспокойство, которое эта простая надежда вызывает у г-на Бисмарка. Совместная с Россией политика — политика эмпирическая, общая с Англией и Италией политика является единственно рациональной и плодотворной»¹⁷. Посол в Мадриде явно опасался, что союз с Россией закроет дорогу к согласию с Великобританией в силу всей остроты тогдашних англо-русских противоречий.

И все же Камбон высоко ставил приоритет выхода Франции из дипломатической изоляции, неизменно мысля в категориях альянсов и союзов. Камбон признавал ценность русско-французского союза и приветствовал его оформление, но скорее как основу для восстановления статуса Франции как великой державы и залог более активной и независимой политики. В своем письме министру иностранных дел Александру Рибо в ноябре 1891 г. он писал: «Вам принадлежит честь оформить антанту, которая позволила нам выйти из нашей изоляции. Надо извлечь выгоду из новой ситуации, нужно сказать, что между нынешней политикой и политикой прошлого лежит пропасть и, в особенности, взять подобающий нам тон»¹⁸. Однако очень скоро в восприятии Камбона на первый план стали выходить отрицательные последствия новой дипломатической комбинации. Он, в частности, опасался, что союз с Россией потребует от Франции уступок в «восточном вопросе». Эти опасения могли подпитываться тем, что предшествовавшее союзу сближение во многом стало возможным благодаря отказу Парижа от ряда прежних внешнеполитических установок (в «польском вопросе», например).

Свои тревоги П. Камбон изложил в июле 1891 г. в письме к Морису Бомпару в момент своего назначения послом в Турцию: «...наша традиционная политика в Константинополе базируется на согласии с Англией и противодействии посягательствам России, однако сейчас мы холодны с англичанами и крутим бурный роман с русскими. Дипломатический представитель, который пожертвует подлинными принципами нашей восточной политики и подлинными интересами Франции в Сирии в угоду русскому наваждению, в скором времени покроет себя позором. Тот же, кто попытается сохранить свою независимость от русских, сейчас же будет обвинен недалекими умами в Париже в недостатке патриотизма и продаже родины англичанам»¹⁹.

Не менее примечательным было его саркастичное замечание о том, что «больше нельзя быть французом и не быть сперва добрым русским, и любой министр иностранных дел, который не находится в зависимости от посла России, тотчас станет мишенью для газет и объектом парламентских запросов»²⁰. Камбон очевидным образом ощущал себя лоцманом, прокладывавшим курс поперек бурного потока общественных настроений. Частые отсылки к «всесильному» под пером Камбона русскому послу в Париже А. П. Моренгейму, в реальности большого авторитета в Петербурге не имевшему²¹, требуют своего объяснения. Во-первых, Моренгейм лишь олицетворял собой «диктат» Петербурга для склонного к такой персонификации Камбона. Во-вторых, стоит учитывать связи российского посла с французскими правыми, о которых говорилось выше. Оформление союза с Россией играло на руку тем консервативным и националистическим кругам во Франции, что критиковали парламентский режим Третьей республики и призывали к ревизии конституции, примером чего могла служить программа «Лиги патриотов» тех лет.

Республиканизм Поля Камбона, однако, не отменял его приверженности дипломатии как достоянию узкой когорты профессионалов, огражденному от всякого внешнего влияния как депутатов Национального Собрания, так и общественного мнения. В силу этого он вместе с братом Жюлем критиковал излишне демонстративные проявления русско-французской дружбы. Откликаясь на оказанный парижанами в октябре 1893 г. восторженный прием русским морякам, он досадовал на берегах Босфора: «Издали Париж кажется охваченным огромной по масштабам гулянкой. Я не думаю, что этот избыток энтузиазма и эти сумасбродства произведут положительное впечатление в Петербурге. Там хотели бы немного больше сдержанности. Что до меня, то я хотел бы немного больше достоинства. Мы буквально валяемся в ногах у царя»²². Несколько дней спустя он развивал свою мысль: «Я знаю, что любовь не терпит доводов рассудка, но именно это меня и беспокоит. Политика — я имею в виду подлинную политику, политику, которая дает долгосрочные результаты, — это дело разума, а не безрассудства. Наша внутренняя политика делается на улице, и вот теперь на мостовой и наша внешняя политика»²³.

В схожем ключе Камбон реагировал и на визит президента Феликса Фора в Россию летом 1897 г., главным итогом которого стало слово «союз», впервые публично произнесенное Николаем II. Французское руководство давно добивалось открытой декларации о связывавших две страны союзных узах и вполне оправданно расценивало ее как успех²⁴. Однако Камбон и тут шел вразрез с общими настроениями и не был склонен придавать публичным декларациям большого значения. Напротив, излишний энтузиазм во Франции по этому поводу, полагал он, «укажет всему миру и русским в частности, что мы видим в их дружбе наш единственный якорь спасения», «будто Франция в одиночку ничего собой не представляет». Камбон резюмировал: «...решительно, демократии ничего не понимают во внешней политике»²⁵.

Свои претензии к реализации русско-французского союза Поль Камбон наиболее полно изложил в письме, адресованном через своего сына Альберу Вандаю. Французский дипломат спешил заверить именитого историка в своей приверженности союзу: «Когда имеешь лишь 20 армейских корпусов против 60, нужно их как-то пополнить, и этим пополнением мы располагаем лишь в России». Но «первородный грех союза» заключался в отсутствии подлинного равноправия: французы, по мнению Камбона, оказывали услуги России безо всяких условий, и она это принимала как должное. «Наши министры, <...> не сумев поставить себя рядом или даже перед Россией, оказываются позади нее»²⁶.

Другой проблемой союза, по мнению Камбона, была его непрочность: «Союз рожден из обиды покойного императора (Александра III. — А. Б.) на Германию, и он единственный все решил. Народ последовал за ним в силу антипатии москвиты к германцу, но официальный мир остался немецким», и «робкий и неопытный» Николай II в любой момент мог подпасть под влияние прогерманских сил. Взорвать союз изнутри могли и русско-французские противоречия на Востоке: «...они сталкиваются в особенности вокруг Святых мест, и Святая Русь поднимется в едином порыве по первому слову по этому предмету»²⁷.

Лучшим средством укрепить русско-французский союз, по мысли Камбона, было сделать его взаимовыгодным. Какие же французские интересы не находили должной поддержки Петербурга? В первую очередь, речь шла об экономических и политических интересах Франции в Средиземноморье. Камбон и в Мадриде, и в Константинополе по мере сил боролся с усилением германского влияния в регионе. В столице Османской империи Камбон, по его собственным словам, вел «отчаянное сражение» с немцами за экономическое преобладание, исход которого должен был решить, «являются ли они здесь единственными хозяевами»²⁸. Он пытался заинтересовать французский капитал в новых инвестициях в регионе, но союз с Россией мало чем мог в этом отношении помочь: «...русские позволят немцам доминировать здесь, поскольку экономическое доминирование их мало заботит. Они прекрасно знают, что немцы не могут приобрести Проливы», — сетовал французский дипломат²⁹.

Во-вторых, П. Камбон резко критиковал русскую дипломатию за нежелание подтолкнуть Османскую империю к разрешению своих самых острых национальных вопросов: македонского, армянского, критского, и, тем самым, продлить свои дни. По мысли Камбона, это явственно продемонстрировало новое обострение «восточного вопроса» в конце 1890-х гг. Эгоизм великих держав потворствовал, по его мнению, кровавым межнациональным и религиозным столкновениям в Турции, непосредственным свидетелем которых он стал и жестокостью которых оказался искренне потрясен³⁰. Не менее едкой критике в его личных письмах подвергалась безыдейность и пассивность французской политики в «восточном вопросе». Впрочем, сопоставляя французскую и русскую внешнюю политику в конце 1890-х гг., И. С. Рыбаченок оценивает линию Парижа как гораздо более последовательную и настойчивую³¹.

Надо отметить, что в своих инвективах французский дипломат был не одинок. К примеру, в российском министерстве иностранных дел к 1898 г. также констатировали ограниченный характер сотрудничества с Францией: «...достигая наибольшей силы и крепости в вопросах собственно европейских, дружеские узы, связующие Россию и Францию, по мере удаления от центра нашего материка, постепенно ослабевают, на Ближнем Востоке встречая препятствия в унаследованных от прошлого несогласиях, а на Крайнем — оставляя Францию совершенно равнодушной к нашим интересам...»³² Хватало сдержанной критики союза и во Франции³³.

Суммируя представления Поля Камбона о России, следует согласиться с Л. Вийятом, что этот влиятельнейший французский дипломат рубежа веков остался совершенно чужд интересу к России и всяких прорусских симпатий, охвативших значительную часть французского общества с середины 1870-х гг.³⁴ Он довольно редко упоминал о России в своей частной переписке, и эти упоминания были окрашены преимущественно негативно. Очевидно также, что число «русских» знакомств П. Камбона было невелико и, похоже, ограничивалось преимущественно профессиональным кругом. Ярким следствием этого стало то, что русский национальный характер персонифицировался у Камбона в некоторых лучше всего ему знакомых российских коллегах. Можно также отметить, что оценки России выносились Камбоном через призму внешнеполитических интересов Франции, что было вполне естественно для дипломата.

Стоит при этом учитывать, что вся дипломатическая деятельность Камбона до его назначения в Лондон была связана со средиземноморским направлением. В этом регионе Франция и Россия имели давнюю традицию соперничества. Восприятие Камбона также окрашивало его представление о «естественном» характере колониальной экспансии европейских империй. В равной мере экспансионизм, по его представлению, был присущ и России. Если перекрыть России путь к Константинополю, полагал Камбон, то она найдет себе дорогу в азиатской части Турции. Он вполне допускал мысль о простирающемся вплоть до Сирии российском господстве в Малой Азии в случае распада Османской империи, что явно не соответствовало французским интересам³⁵.

Эпоха Александра III оставила также у Камбона представление об особой роли российских самодержцев в формировании внешнеполитического курса страны. Это открывало некоторые возможности. Камбон верил, что один «ясный и откровенный разговор» с молодым, «полным благих намерений, робким, скромным, миролюбивым» Николаем II мог помочь Франции уйти от положения «младшего партнера» и «ведомого» в русско-французском союзе³⁶. Обратной стороной медали была опасность того, что российский император, как уже отмечалось выше, мог подпасть под пагубное влияние неких петербургских прогерманских «высших сфер». Режим личной власти, таким образом, оставлял судьбу русско-французского союза на долю случая или монаршей прихоти.

Можно ли согласиться с тезисом одного отечественного историка о русофобии Поля Камбона?³⁷ С одной стороны, стоит учитывать, что Камбон не был чужд клишированных образов и других наций: англичан, немцев и турок. Кроме того, рассудочный подход к внешней политике ослаблял значение всех его национальных симпатий и антипатий. На посту французского посла в Константинополе он успешно ладил со своим русским визави А.И. Нелидовым, с которым у него сложились вполне доверительные и дружеские отношения. Но столь же всецело П. Камбон порицал образ действий сменщика Нелидова — И.А. Зиновьева, известного своей дружбой с М.Н. Катковым. Камбон видел в Зиновьеве не только выразителя курса Азиатского департамента российского МИД на развал Османской империи³⁸, но и «природного русского». Следует учитывать этот личный подтекст ряда наиболее одиозных высказываний в переписке француза, но, несомненно, Камбон по части России и русских разделял ряд предрассудков, некоторые из которых для конца XIX столетия даже выглядели явным анахронизмом.

В числе этих предрассудков был «ориенталистский» взгляд на русских с традиционным отождествлением «Востока» с инертностью, фатализмом, созерцательностью и отсталостью. Характерно следующее высказывание Камбона, сделанное по прошествии четырех лет пребывания в Османской империи: «...от русских зависит примириться с болгарами и восстановить свое влияние у ворот Константинополя. Но поскольку они сами люди Востока, они, вероятно, благополучно упустят эту возможность. У русского мозги столь же отличаются от наших, что и у турка. Эти люди признают только силу обстоятельств»³⁹. Камбон также полагал, что «русский состоит из воображения и эмоций, замешанных на еще более сильном национальном тщеславии, чем у англичан. С ним нужно обращаться так же бережно, как с динамитом в каучуковых перчатках»⁴⁰. В следующий раз, негодуя против козней «этого русского варвара, этого скифа, этого татарина» Зиновьева, он шел еще дальше: «...истинный русский, а этот (Зиновьев. — А. Б.) как раз из таких, еще более далек от нас, чем турок или китаец. Мы судим о России по цивилизованной наружности ее немногочисленной аристократии, но сколь много разочарований готовит нам наше увлечение ею!»⁴¹

В этих высказываниях отражалось далеко не только разочарование П. Камбона бесплодностью многих своих усилий в турецкой столице. Официальный визит Николая II во Францию в 1896 г. заставил его вспомнить в письме к матери, как сорок лет назад она укладывала его спать, грозя казаком за непослушание. Говоря о своей позиции, он констатировал: «Из рациональных побуждений я присоединяюсь к казаку, и полагаю, что к нему нужно присоединиться, поскольку нет иной альтернативы, но сердцем я не с ним. Я слишком большой европеец и латинянин, чтобы с легким сердцем допустить вмешательство в наши дела азиатов»⁴². Иными словами, Камбон отказывал русским и французам в какой-либо культурной общности, что хорошо согласовывалось с его верой в значение такой общности Франции с ее «латинскими сестрами»

Испанией и Италией. Большое значение для убежденного католика Камбона имело также наличие или отсутствие религиозной общности.

Таким образом, Россия не могла снискать симпатии П. Камбона ни прежней историей взаимоотношений с Францией, ни своим укладом, ни ролью славянского «антипода» Германии. Однако следует избегать бинарных оценок. Далекий от всякого русофильства, Камбон все же не был явным русофобом и оставался прагматиком, способным на лояльное сотрудничество с российскими дипломатами, коль скоро оно отвечало и французским интересам. Редкая откровенность личной переписки Камбона, как представляется, проливает также свет на настроения определенной части политического истеблишмента Третьей республики. Можно сказать, что формирование в дальнейшем Тройственной Антанты не только лучше всего примиряло сердце и разум П. Камбона, но и сторонников разной внешнеполитической ориентации Франции.

¹ *Hayne M. B.* The French Foreign Office and the origins of the First World War, 1898–1914. Oxford, 1993. P. 78.

² *Siegfried A.* La leçon politique de Paul Cambon // *Revue des Deux Mondes.* 1954. 15 Juin. P. 605.

³ *Гостенков П. А.* Французская внешнеполитическая ориентация в конце XIX в. Поль Камбон // *Известия СПбГАУ.* 2015. № 38. С. 354–357.

⁴ *Eubank K.* Paul Cambon. Master diplomatist. Norman, 1960; *Villate L.* La République des diplomats: Paul et Jules Cambon, 1843–1935. Paris, 2002.

⁵ *Deiningner H.* Frankreich – Russland – Deutschland, 1871–1891: Die Interdependenz von Außenpolitik, Wirtschaftsinteresse und Kulturbeziehungen im Vorfeld der russ. – fr. Bündnisses. München, 1983. S. 10; *Манфред А. З.* Образование русско-французского союза. М., 1975. С. 35.

⁶ Письмо жене, 27 сентября 1897 г.: *Cambon P.* Correspondance, 1870–1924. T. I. Paris, 1940. P. 430.

⁷ Письмо жене, 24 марта 1883 г.: *Ibid.* P. 191.

⁸ Письмо Ж. Камбону, 24 мая 1875 г.: *Ibid.* P. 64–65.

⁹ Письмо Ж. Камбону, 22 апреля 1877 г.: *Ibid.* P. 79–80.

¹⁰ Письмо жене, 1 марта 1882 г.: *Ibid.* P. 162.

¹¹ См.: *Hallmann H.* Paul Cambon und General Boulanger // *Historische Zeitschrift.* 1943. Bd. 168. Hf. 2. P. 280–301; *Ling D. L.* Paul Cambon, Coordinator of Tunisia // *The Historian.* 1957. Vol. 19. No. 4. P. 436–455.

¹² *Манфред А. З.* Образование русско-французского союза... С. 228–229, 278–279.

¹³ См. подробнее: *Hillis F.* The “Franco-Russian Marseillaise”: International Exchange and the Making of Antiliberal Politics in Fin de Siècle France // *The Journal of Modern History.* 2017. Vol. 89. P. 60–66.

¹⁴ Письмо Ж. Казимиру-Перье, 15 ноября 1877 г.: *Cambon P.* Correspondance... T. I. P. 87.

¹⁵ Письмо жене, 1 апреля 1888 г.: *Ibid.* P. 319.

¹⁶ Письмо Споллеру, 11 марта 1889 г.: *Ibid.* P. 331–332.

¹⁷ Письмо Споллеру, 11 марта 1889 г.: *Ibid.* P. 333.

¹⁸ Письмо Рибо, 16 ноября 1891 г.: *Ibid.* P. 351.

¹⁹ Письмо Бомпару, 1 июля 1891 г.: *Ibid.* P. 344.

²⁰ Письмо Бомпару, 1 июля 1891 г.: *Ibid.* P. 344.

- ²¹ Рыбаченок И. С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 28.
- ²² Письмо Девелю, 25 октября 1893 г.: *Cambon P. Correspondance...* Т. I. P. 362.
- ²³ Письмо Девелю, 31 октября 1893 г.: *Ibid.* P. 362.
- ²⁴ Рыбаченок И. С. Союз с Францией... С. 29–30.
- ²⁵ Письмо жене, 2 сентября 1897 г.: *Cambon P. Correspondance...* Т. I. P. 429.
- ²⁶ Письмо сыну, 16 декабря 1896 г.: *Ibid.* P. 421–423.
- ²⁷ Письмо сыну, 16 декабря 1896 г.: *Ibid.* P. 423.
- ²⁸ Письмо д'Этурнель де Констану, 27 февраля 1893 г.: *Ibid.* P. 357.
- ²⁹ Письмо жене, 16 января 1898 г.: *Ibid.* P. 432–433.
- ³⁰ См.: *Ibid.* P. 394–398.
- ³¹ Рыбаченок И. С. Союз с Францией... С. 311.
- ³² Цит. по: Там же. С. 215.
- ³³ Романова Е. В. Франко-русский союз в системе международных отношений конца XIX — начала XX в. // 130 лет франко-русскому альянсу: проблемы и вызовы двустороннего сотрудничества / Под ред. Ю. М. Галкиной (отв. ред.), А. А. Вершинина, К. А. Беспаловой. СПб., 2022. С. 25–26.
- ³⁴ Villate L. La République des diplomates... P. 137.
- ³⁵ *Cambon P. Correspondance...* Т. I. P. 181, 414–417.
- ³⁶ Письмо матери, 12 октября 1896 г.: *Ibid.* P. 419.
- ³⁷ Гостенков П. А. Французская внешнеполитическая ориентация... С. 356–357.
- ³⁸ Письмо Делькассе, 13 октября 1898 г.: *Cambon P. Correspondance...* Т. I. P. 442.
- ³⁹ Письмо матери, 19 августа 1895 г.: *Ibid.* P. 392–393.
- ⁴⁰ Письмо сыну, 16 декабря 1896 г.: *Ibid.* P. 421–423.
- ⁴¹ Письмо матери, 3 ноября 1898 г.: *Ibid.* P. 446.
- ⁴² Письмо матери, 8 октября 1896 г.: *Ibid.* P. 418.

References

- 130 let franko-russkomu al'yansu: problemy i vyzovy dvustoronnego sotrudnichestva. [130 years to the Franco-Russian alliance: problems and challenges of bilateral cooperation. In Russ.] / Eds. Yu. M. Galkina (editor-in-chief), A. A. Vershinin, K. A. Bepalova. St. Petersburg, 2022.
- CAMBON P. *Correspondance, 1870–1924*. T. I–III. T.I. Paris, 1940.
- DEININGER H. *Frankreich – Russland – Deutschland, 1871–1891: Die Interdependenz von Außenpolitik, Wirtschaftsinteresse und Kulturbeziehungen im Vorfeld der russ. – fr. Bündnisses*. München, 1983.
- EUBANK K. *Paul Cambon: Master diplomatist*. Norman, 1960.
- GOSTENKOV P. A. *Francuzskaya vneshnepoliticheskaya orientaciya v konce XIX v. Pol' Kambon*. [Positioning of the French foreign policy in the late 19th century. Paul Cambon. In Russ.] // *Izvestiya SPbGAU*. 2015. No. 38. P. 354–357.
- HALLMANN H. *Paul Cambon und General Boulanger* // *Historische Zeitschrift*. 1943. Bd. 168. Hf. 2. S. 280–301.
- HAYNE M. B. *The French Foreign Office and the origins of the First World War 1898–1914*. Oxford, 2001.
- HILLIS F. *The “Franco-Russian Marseillaise”: International Exchange and the Making of Antiliberal Politics in Fin de Siècle France* // *The Journal of Modern History*. 2017. Vol. 89. P. 39–78.
- LING D. L. *Paul Cambon, Coordinator of Tunisia* // *The Historian*. 1957. Vol. 19. No. 4. P. 436–455.
- MANFRED A. Z. *Obrazovanie russko-francuzskogo soyuza*. [Formation of the Franco-Russian alliance. In Russ.]. Moscow, 1975.
- RYBACHENOK I. S. *Soyuz s Franciej vo vneshnej politike Rossii v konce XIX v.* [Alliance with France in Russian foreign policy in the late 19th century. In Russ.]. Moscow, 1993.
- SIEGFRIED A. *La leçon politique de Paul Cambon* // *Revue des Deux Mondes*. 1954. 15 Juin. P. 590–607.
- VILLATE L. *La République des diplomats: Paul et Jules Cambon, 1843–1935*. Paris, 2002.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. В. Бодров. «Из рациональных побуждений я присоединяюсь к казаку». Образ России в представлениях Поля Камбона // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 91–102

Аннотация: Автор статьи впервые предпринимает попытку собрать целостный образ России, сформировавшийся у Поля Камбона — одного из влиятельнейших дипломатов Третьей республики рубежа XIX–XX вв. Реконструкция представлений Камбона о России и русской политике особенно значима с учетом его роли в оформлении в 1904–1907 гг. Тройственной Антанты. Основой для реконструкции этих представлений выступает опубликованная личная переписка П. Камбона, предельная откровенность которой делает ее особенно ценным историческим источником.

Дабы объяснить отношение П. Камбона к России, автор описывает мировоззрение, а также внешнеполитические ориентиры французского дипломата. Принимается во внимание французское внутриполитическое измерение проблемы сближения с Россией, в пользу которого высказывались преимущественно правые. Все это объясняет критику П. Камбоном реализации русско-французского союза. В его представлении Франция играла роль младшего партнера в союзе, непрочном в силу самодержавного строя в России, наличия в ней прогерманских сил и расхождения русско-французских интересов в «восточном вопросе». Автор приходит к выводу, что П. Камбон был далек от русофильства, но оставался прагматиком, способным на лояльное сотрудничество с российскими дипломатами. Тем не менее П. Камбон разделял целый ряд предрассудков в отношении союзницы Франции. Он сохранял «ориенталистский» взгляд на Россию и был склонен преувеличивать культурные различия между русскими и французами. Как представляется, в своих воззрениях на Россию П. Камбон был не одинок и выражал настроения определенной части политического истеблишмента Третьей республики.

Ключевые слова: Третья республика, русско-французский союз, дипломатия, образ России, русофильство, русофобия, Поль Камбон.

FOR CITATION

A. V. Bodrov. “From rational motives, I join the Cossack”. The image of Russia in perception of Paul Cambon // Peterburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 91–102

Abstract: The author of the article for the first time makes an attempt to collect a holistic image of Russia in perception of Paul Cambon, one of the most influential diplomats of the Third Republic at the turn of the 19th and 20th centuries. The reconstruction of Cambon’s ideas about Russia and Russian politics is especially significant given his role in the formation in 1904–1907 of the Triple Entente. The author reconstructs these ideas on basis of the published personal correspondence of P. Cambon, the utmost frankness of which makes it a particularly valuable historical source.

In order to explain P. Cambon’s attitude towards Russia, the author describes the worldview, as well as the foreign policy preferences of the French diplomat. The French internal political dimension of the problem of rapprochement with Russia is also taken into account, in favor of which the “rightists” spoke out mainly. All this explains P. Cambon’s criticism of the implementation of the Franco-Russian alliance. In his view, France played the role of a “junior partner” in an alliance that was fragile due to the autocratic system in Russia, the presence of pro-German forces in it, and the divergence of Russian-French interests in the “Eastern question”.

The author comes to the conclusion that P. Cambon was far from Russophilia, but remained a pragmatist capable of loyal cooperation with Russian diplomats. Nevertheless, P. Cambon shared a number of prejudices against France’s ally. He maintained an “orientalist” view of Russia and was inclined to exaggerate the cultural differences between Russians and French. It seems that P. Cambon was not alone in his views on Russia and expressed the mood of a certain part of the political establishment of the Third Republic.

Key words: The French Third Republic, The Franco-Russian alliance, diplomacy, image of Russia, Russophilia, Russophobia, Paul Cambon.

Автор: **Бодров, Андрей Владимирович** — к. и. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет.

Author: **Bodrov, Andrei Vladimirovich** — Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Saint Petersburg State University.

E-mail: bodrovandrew@yandex.ru; a.bodrov@spbu.ru

С. К. Лебедев

К вопросу подготовки десантных операций Тихоокеанского флота СССР в портах Кореи в августе 1945 г.

О советско-японской войне 1945 г. существует значительная литература, опирающаяся в том числе на документы Центрального архива Министерства обороны РФ (далее — ЦАМО)¹, воспоминания военачальников и свидетельства участников боевых действий. Мемуаристы не всегда совпадают в оценках операций с авторами официальных публикаций. Так, вывод, содержащийся в работе Г. Гельфонда «Советский флот в войне с Японией» о решающей роли авиации Тихоокеанского флота (ТОФ), а не морской пехоты и кораблей, в овладении портом и городом Сейсин — ключевой позицией японцев в их обороне Северной Кореи, бои за которую носили особенно ожесточенный характер, оспорен В. Д. Успенским в его книге воспоминаний². Тот же автор стал свидетелем ошибочного поражения его сторожевым кораблем «Вьюга» своего же большого охотника № 306 на подходе к Сейсину³.

В настоящей статье использованы оперативные материалы по десантам в порты Северной Кореи, которые содержатся в Центральном архиве ВМФ (Филиал ЦАМО в Гатчине), в фондах Главного штаба ВМФ и Штаба ТОФ. Отчеты командования ТОФ проверялись в более высоких штабах. Имеется, таким образом, возможность сопоставить сведения источников и уточнить некоторые оценки в литературе. Весьма информативны документы разведывательного отдела штаба ТОФ, которые свидетельствуют о систематическом

изучении будущего театра военных действий с 1930-х гг. Разведкой выявлялись цели в метрополии Японской империи и на континенте, что позволяет понять, как военные моряки оценивали военное и экономическое значение портовых городов на севере Корейского полуострова. Были подготовлены точные целеуказания с обозначением конкретных зданий в пунктах Северной Кореи и Маньчжурии — индустриального ядра Японской империи на континенте, которые подлежали уничтожению или захвату. И хотя ход боевых действий выявил неполноту данных, добытых до войны, а также негативные элементы в исполнении планов операций, аналитические материалы разведки, дополненные аэрофотосъемкой и другими способами получения информации, представляют интерес не только для военной, но и для экономической истории Северо-Восточной Азии.

Специально отметим, что еще до войны было выявлено и нанесено на карту расположение химико-бактериологического предприятия вблизи Харбина, где японцы готовили биологическое оружие. Завод располагался на территории авиамастерских (близ станции Пинфан) и вырабатывал химико-бактериологические средства борьбы. На производстве было занято 500 рабочих. Завод имел хранилище артиллерийских снарядов и авиабомб, снаряженных отравляющими веществами и бактериями. В официальных адресах Маньчжурии это предприятие именуется «Завод особого назначения»⁴.

С советской стороны в войне против Японии в августе 1945 г. приняли участие действовавшая в Маньчжурии 35-я армия, а также 25-я армия, продвигавшаяся в Корею, а также авиация, корабли, части и подразделения морской пехоты ТОФ. Советское командование разработало с марта по июнь 1945 г. план стратегической наступательной операции силами трех фронтов — двух Дальневосточных и Забайкальского, который наносил главный удар. Важной частью тактики Красной армии и ТОФ стали десантные операции. Воздушные десанты по 200–300 чел. играли важную роль в разведке и в качестве передовых отрядов Красной армии при оккупации главных городов Маньчжурии (Харбина, Чаньчуня, Мукдена). В Корею Тихоокеанский флот при поддержке авиации осуществил десантные операции в портах Юки, Расин, Сейсин, а также в Гензане, сведения об экономическом и военном значении которых представим ниже.

Находившийся недалеко от границы с СССР порт Юки (Унгый, Онгей) до 1932 г., не связанный железными дорогами с богатыми экспортными районами Маньчжурии, обслуживал только прилегающие районы Северной Кореи. Построенная в 1932 г. Восточно-Туманцзянская (Туманганская) железная дорога связала Юки с Маньчжурией, и в соответствии с этим его экономическая и военная роль значительно возросла. Шоссейные и грунтовые дороги связывали порт с прилегающими пунктами Северной Кореи — Сейсином, Кенхыном (а через него — с Хойреном и другими городами). Довоенный грузооборот порта выражался примерно в 200 тыс. т ежегодно. Из Юки вывозили: бобы, чумизу, рыбу, древесные материалы. Ввозили: ткани, цемент, машины, галантерею, ке-

росин, табак, рис и другие товары. В конце 1935 г. вступила в эксплуатацию новая железная дорога, соединившая порт Расин с Юки и через него с Маньчжурией. К 1938 г. в основном было закончено строительство порта Расин, и Юки в экономическом отношении стал вспомогательным для порта Расин, грузооборот которого во много раз превышал грузооборот Юки.

Советская разведка отмечала, что общее число построек в городе примерно 5 тыс., с сараями, складами и хозяйственными постройками. Население в 1933 г. — около 25 тыс. чел. Промышленных предприятий в Юки нет. Имеется только конный завод. Занятия жителей — рыболовство, земледелие, скотоводство и лесной промысел⁵.

Порт во время русско-японской войны использовался для перевозки японских войск в Маньчжурию. В 1930-х — начале 1940-х гг. порт Юки также частично использовался для переброски воинских частей и грузов, прибывавших в Маньчжурию и Корею. Порт Юки входил в состав Расинской крепостной зоны и являлся закрытым. Важнейшими объектами порта и города были причалы и склады на них, склады в районе порта, железнодорожная станция, депо, водонапорная башня, электростанция, железнодорожные мосты.

Сеисура (Сесуре) — мелководная и самая северная гавань на востоке Кореи. Японцами был составлен трехлетний план по устройству гавани, к выполнению которого приступили с 1931 г. Три судоремонтных мастерских могли ремонтировать моторные катера, а также деревянные рыболовные суда. За год в эту гавань заходили до 15 пароходов небольшого водоизмещения и до 5 тыс. парусных судов. Между Юки и Сеисура срочное сообщение обслуживалось моторными катерами. В гавань Сеисура нерегулярно заходили пароходы линии Юки — Осака и регулярно — пароходы линии Цондзин — Юки. Между Юки и Сеисура существовало автомобильное сообщение. Из гавани шло несколько дорог, одна из них шла в СССР. Эта дорога через реку Томан-кан (Туманган, Тюмень — Ула) имела паромную переправу. В селении Сеисура была почтовая контора с приемом телеграмм. Телефонных линий здесь было две — одна официальная, другая — смешанная.

Порт Расин, в северной части побережья Кореи, в бухте Назин (Расин хо, Корнилова) отделен примерно 100 милями морем от Владивостока. Разведка ТОФ имела основания полагать, что к пирсам возможен подход кораблей типа крейсеров. Основная же экономическая цель Японии при развитии порта Расин состояла в создании и обеспечении кратчайшего морского пути между метрополией и Маньчжурией, разгрузки порта Дайрен на Желтом море, являвшегося основным портом по вывозу маньчжурского сырья и ввозу японской продукции в Маньчжурию.

В 1935 г. около 80 % всего ввоза в порт Расин шло на нужды строительства самого порта, остальные 20 % — на нужды местного населения. Но постепенно Расин начал приобретать все большее экономическое значение. 1936 г., после открытия порта, стал переломным для Расина (табл. 1).

Таблица 1. Количество судов, посетивших порт Расин и их общий тоннаж

Годы	Количество судов	Их общий тоннаж, т
1935	185	421 304
1936	557	1 412 912
1937	570	1 619 386
1938 (до ноября)	420	1 374 121

Источник: Корея. Некоторые сведения по объекту порта Расин. Разведывательный отдел ТОФ. 1940 // ЦА ВМФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 939. Л. 139 об.

По мере роста экономического значения порта Расин одновременно падала экономическая активность порта Сейсин, который все более приобретал военное значение (табл. 2).

Таблица 2. Вывоз соевых бобов в Европу через порты Северной Кореи

Годы	Всего через порты Северной Кореи		Через Расин		Через Сейсин		Через Юки	
	кол-во судов	вес груза в т	кол-во судов	вес груза в т	кол-во судов	вес груза в т	кол-во судов	вес груза в т
1935	4	26 025	–	–	4	26 025	–	–
1936	33	244 382	18	135 786	15	108 596	–	–
1937	53	377 665	48	356 955	5	21 610	–	–
1938 (по ноябрь)	41	314 720	41	314 720	–	–	–	–

Источник: Корея. Некоторые сведения по объекту порта Расин. Разведывательный отдел ТОФ. 1940. Л. 139 об.

В течение 1938–1939 гг. большое место, если не основное, в вывозе в Маньчжурию через порт Расин заняли предметы вооружения и строительные материалы: лес, цемент, фанера.

Официальных данных о грузообороте портов Кореи не было. Разведка ТОФ пользовалась материалами книги «Экономика Японского моря», где общий грузооборот внешней и внутренней торговли трех северокорейских портов в 1936 г. был равен около 1300 тыс. т. Из них: на вывоз приходилось 820 тыс. т, а на ввоз 480 тыс. т. В 1937 г. грузооборот был равен около 1420 тыс. т. Из них вывоз составил около 1 млн т, ввоз — 420 тыс. т.

По отдельным портам грузооборот распределялся следующим образом: Сейсин — 620 тыс. т; Расин — 480 тыс. т; Юки — 320 тыс. т.

По данным 1937 г., соотношение вывоза и ввоза для порта Расин было 75 к 25, соотношение транзитных и местных грузов — 80 к 20. Учитывая, что основным и решающим предметом вывоза были соевые бобы, Расин, наряду с военным стратегическим назначением, являлся торговым портом, который обслуживал северо-восточную Маньчжурию. К 1940 г. грузооборот порта Расин вырос абсолютно и относительно. В целом грузооборот северокорейских портов также сильно повысился.

Вместе с тем Расин, будучи все еще слабо загруженным, уступал по грузообороту портам, значительно хуже оборудованным (табл. 3).

Таблица 3. План строительства порта Расин

Конец периодов	Приемная способность порта			Всего судов	Годовая перевалочная способность порта в метр. т
	судов в 8 тыс. регистр. т	судов в 7 тыс. регистр. т	Судов в 4 тыс. регистр. т		
1-го — в 1937 г.	4	8	4	16	3 000 000
2-го — в 1940 г.	8	16	8	32	6 000 000
3-го — в 1947 г.	12	24	12	48	9 000 000

Источник: Корея. Некоторые сведения по объекту порта Расин. Разведывательный отдел ТОФ. 1940. Л. 140.

Политическое значение порта Расин однажды было выражено в японской печати таким образом: «Расинская бухта предназначена служить воротами, связывающими Японию с Маньчжурией» и эта бухта «есть сердце Японии и основная портовая база жизненной линии Японской империи». Далее Разведывательный отдел ТОФ отмечал, что с постройкой порта Расин японцами мыслилась эпоха, когда должен быть осуществлен лозунг «Превратим Японское море в наше внутреннее озеро; порт Расин должен способствовать Японии к достижению хозяйственной автаркии»⁶.

Уже в конце 1930-х гг. порт мог считаться наиболее оборудованным на побережье Северной Кореи и одним из главных выходных портов корейско-маньчжурской железнодорожной магистрали. Избрание порта Расин опорным пунктом в этой части азиатского материка поставило новые задачи перед портами западного побережья Японии: Ниигата, Фусики, Нанао, Цуруга, Фукагава, Набецу, Абаси, Сакаи, Майдзуру и др.

Под влиянием изменения направления транспортных связей с материком, т. е. с открытием северных портов Кореи, эти порты переживали значительное оживление. Велись работы по их расширению и оборудованию.

Японскими властями был также поставлен вопрос об оборудовании одного из этих портов специально для связи с Расином. Таким пунктом, предположительно, мог стать порт Цуруга, на оборудование которого уже в 1930-х гг. японцы обращали особое внимание.

Еще в 1927 г. во время пребывания в Северной Корее и при обследовании бухты Назин военный министр Японии дал следующее заключение о возможностях использования бухты Назин: «Бухта Назин будет играть большую роль в деле переброски и питания войск, она будет иметь также большое значение для эксплуатации естественных богатств Маньчжурии и укрепления связи с материком».

Разведка ТОФ отмечала, что в период подготовки военных действий Японии против СССР и, по крайней мере, в начале военных действий, порт Расин будет использован для переброски войск с Японских островов непосредственно на Приморское направление по кратчайшим морским коммуникациям; как операционная база легких сил японского флота против южного Советского Приморья, при осуществлении ближней блокады залива Петра Великого и охраняющего коммуникации восточного побережья Кореи.

Для перевозки войск порт Расин имел ряд преимуществ перед остальными портами. Не только железная дорога Расин — Юки — Тумынь, но и шоссейная дорога Расин — Юки могли быть использованы японцами для дальнейшей переброски войск к границам СССР, так как по шоссе могли идти танки и тяжелые орудия. Кроме того, часть войск могла быть направлена в районы сосредоточения по грунтовым дорогам походным порядком⁷ (табл. 4).

Таблица 4. Рост населения Расина

Год	Число жителей	Из них японцев
1931	4320	62
1933	15 260	Из них японцев 3374
1934	30 324	Из них японцев 7175
1938	До 40 000	Нет данных

Источник: Корея. Некоторые сведения по объекту порта Расин. Разведывательный отдел ТОФ. 1940. Л. 140.

Основное занятие коренного населения — сельское хозяйство и рыболовство. 80 % земли в Расинском районе находилось в руках японцев. В их же руках почти все рыболовные суда и принадлежности. Рост населения шел в основном за счет наплыва переселенцев из Японии, а также прибытия рабочих для производства строительных работ, служащих, мелких торговцев.

Сейсин, второй по величине после Пхеньяна порт на севере Кореи, был военно-морской базой императорского флота Японии и связывал Северную Корею с Маньчжурией и Японией. В укрепленных гаванях Юки, Расина и Сей-

сина имели базы до 40 японских кораблей, включая миноносцы и подводные лодки. Гарнизоны Юки и Расина располагали резервами до 1 тыс. солдат и офицеров, Сейсин — до 4 тыс. В Сейсине было две линии обороны с минными полями, 180 долговременными огневыми точками с ходами сообщения. С полуострова Камацу артиллерия защищала подступы к городу⁸.

Порт Сейсин, один из выходов портов Корейско-Маньчжурской железнодорожной магистрали, играл значительную роль в торговых оборотах Японии, Кореи и Маньчжурии. Город Сейсин имел ряд промышленных предприятий: химический, лесопильные, маслобойный и туковаренный заводы; конфетные, спичечные и другие фабрики и ряд мелких промышленных предприятий. В конце 1930-х гг. строился железодельательный и сталелитейный завод, и разведка ТОФ предполагала, что в ближайшем будущем в этом районе возможно строительство и других предприятий тяжелой промышленности. На подступах к порту с севера в 1,2 милях на берегу была большая радиостанция.

Сейсин был связан железной дорогой через Гензан с Сеулом, Фузаном (Бусаном) и через Тумынь (Туманган) — с центральной, северной и северо-восточной частями Маньчжурии. Кроме того, хорошие шоссеыные дороги соединяли его с Юки, Рананом и Кайней. Пропускная способность железной дороги, отходившей от порта, определялась в 18–20 пар поездов до линии Сейсин — Тумынь. Станция Сейсин имела шесть путей, локомотивное депо, поворотный круг, водоснабжение, ремонтные мастерские.

Город имел регулярное воздушное сообщение по линии Сейсин — Лунзинцунь — Синьцин. На аэродроме была оборудована стартовая дорожка, предполагалось забетонировать весь аэродром. Порт поддерживал пароходное сообщение с Японией — портами Цуруга, Ниигата, Сасебо и др. В среднем Сейсин ежегодно посещали до 800 судов тоннажем от 500 до 6000 т, большое количество судов до 500 тонн и небольших парусных рыболовных судов. Пропускная способность порта определялась в 1,5–1,7 млн т грузов в год. Основные статьи экспорта: соевые бобы, рыба и рыбий жир, туковые удобрения и лесоматериалы. Ввозились в порт хлопчатобумажные ткани, пищевые продукты, напитки, стройматериалы и рыболовное оборудование.

Население города Сейсин до войны насчитывало около 40 тыс. человек, из них до 11 тыс. японцев. Преобладающее большинство населения (около 64 %) составляли мелкие торговцы, ремесленники, огородники, рабочие и рыбаки.

В военном отношении порт Сейсин — один из наиболее важных стратегических пунктов на северо-восточном побережье Кореи; его военная роль усилилась с окончанием постройки в 1934 г. железной дороги Гири — Хойрен и в 1935 г. — Тумынь — Линькоучжан⁹.

Через Сейсин производилась частичная перевозка японских войск с Японских островов в Маньчжурию, снабжение и питание их. Советская разведка до войны предполагала, что в военное время Сейсин явится одним из основных

портов для переброски войск и военных грузов из Японии по кратчайшей коммуникации, особенно при первом броске, с дальнейшим движением на Приморское, Хабаровское и Сунгарийское направления. Причем в первом случае будет использована также и шоссейная дорога. Неоднократное посещение Сейсина гидросамолетами обеспечивало, по предположению разведки ТОФ, чтобы в порту также было возможно базирование гидросамолетов и летающих лодок морской авиации¹⁰.

Город Ранан расположен к юго-западу от порта Сейсин. К северу и югу от Ранана местность гориста, горы достигают 115–120 м и подступают к городу вплотную. Ранан связан железнодорожной линией и шоссейными дорогами с теми же пунктами, что и Сейсин.

Ранан был военным центром Северной Кореи, в нем располагались японские штабы: 19-й пехотной дивизии, 38-й пехотной бригады, 73-го и 76-го пехотного полка, 27-го кавалерийского полка, 25-го артиллерийского полка, 19-го обозного полка. В городе были оружейные и пороховые, интендантские склады и военный госпиталь.

Посадочная площадка для военных самолетов в Ранане в военное время могла быть развернута в аэродром, а 12 зенитных пулеметов и, предположительно, зенитные орудия составляли зенитную оборону города¹¹.

Порт Гензан расположен в заливе Броутона в южной части залива Юнхунг (Эйкован) в бухте Гензан (Ван-Сан-Син) на полпути между портами Фузан (Бусан) и Владивосток. Экономическое и военное значение порта и города Гензан определялось тем, что это был узел трех железнодорожных магистралей Корейского полуострова: Сеул — Гензан, Хейдзио — Коген, Фузан — Гензан (в процессе строительства), и здесь начиналась железнодорожная магистраль Гензан — Хойрен — Тумынь. Большое значение порт имел для Канко с его крупным химическим комбинатом и для промышленности привлекающих к порту районов Кореи, богатых залежами антрацита, руды, меди, золота и серебра.

За год в Гензан заходило не менее 840 пароходов и 700 парусных судов. Основные статьи вывоза: рыба, графит, хлопчатобумажные ткани, рогатый скот, нефтепродукты. Ввозился рис, соевые бобы, пшеничная мука, нефть, рельсы, стройматериалы. Город разделяется рекой Дек-ден-чен (Секиден) на две части. Южная часть была заселена преимущественно корейцами, северная, центральная часть города — японцами. В 1938 г. жителей в Гензане насчитывалось 60 734 чел., из которых 30 % составляли японцы.

В связи с окончанием строительства железнодорожной ветки от Центрально-Маньчжурской магистрали (Хейдзио — Коген) — ожидался значительный рост грузооборота порта Гензан. Пропускная способность железнодорожной магистрали Гензан — Хойрен — Тумынь составляла 20 пар поездов в сутки.

И после завершения железнодорожного строительства наличие такого разветвленного узла позволяло японским войскам маневрировать в трех направ-

лениях: на северо-восток, на запад и на юг¹². На рейде Гензана одновременно можно было разгружать 10 транспортов по 4 тыс. т водоизмещения каждый и у причалов не более 4–6 транспортов, из них два по 4 тыс. т, а остальные — по 1 тыс. т. 20 июля — 3 августа 1945 г. разведотделом штаба ТОФ была послана шхуна, прошедшая дважды вдоль побережья Кореи. В частности, у Сейсина была выявлена база гидропланов, и там же, на мысе Колокольцева, были выявлены предположительно японские радиолокаторы.

В первый день боевых действий, 9 августа, соединения советской 25-й армии продвинулись в Маньчжурии и Корею до 12 км. С 2 до 4 часов 9 августа по портам Юки, Расин и Сейсин были нанесены авиаудары силами 2-й минно-торпедной авиадивизии, 10-й дивизии пикирующих бомбардировщиков и 12-й дивизии штурмовиков. В тот же день штурмовики Ил-2 под прикрытием истребителей нанесли два удара по порту Юки. Расин также несколько раз в этот день подвергался атакам советской авиации.

В ходе упорных и кровопролитных боев Сейсин как центр японского сопротивления на восточном побережье Северной Кореи был взят тремя эшелонами десанта морской пехоты с частями усиления ТОФ. Подошедшие с севера войска 25-й армии закрепили успех и быстро заняли определенную соглашением с американцами зону на севере Корейского полуострова.

Ход войны на Тихоокеанском театре позволял командованию ТОФ сделать выводы, что «организованного сопротивления противник не оказывал», и что «быстрое движение Красной армии на главных направлениях свидетельствовало о значительном превосходстве советских сухопутных войск»¹³.

По окончании войны во Владивостоке подготовили отчет об успехах подготовки и проведения боевых действий. Однако выводы об эффективности действий ТОФ в Северной Корею, которые сделали во Владивостоке, отличались от критических замечаний центральных ведомств в Москве. Это относилось как к довоенной разведывательной деятельности ТОФ, так и к работе тыловых органов (а значит, к организации операций в целом). Отметим доклады представителей Наркомата Государственного контроля (НКГК), проверявшего по своей линии деятельность ТОФ как структуры Наркомата Военно-морского флота (НКВМФ). В них было обращено внимание на проблему трофейного имущества, которое «без учета и контроля (что неизбежно сопровождает все войны. — С. Л.) вывозится кораблями и частями из занятых у противника портов и без всякого на то разрешения расходуется этими частями и растаскивается отдельными лицами»¹⁴. Речь шла о продовольствии, тканях, мебели, бумаге. Как правило, это имущество не было оформлено, и значительная часть его была расхищена. Так, два генерал-майора, капитан 1-го ранга и другие офицеры отправили из порта Юки чемоданы и тюки с тканями («мануфактурой») и другим имуществом, которое было доставлено во Владивосток 22 августа кораблем «Казак Хабаров» со специальными сопровождающими. До двадцати мест, прибывших с этим

кораблем, было развезено по квартирам офицерского состава. А 24 августа на корабле «Лейтенант Краскин» из порта Юки вместе с другим имуществом прибыло продовольствие, которое растаскивали команда корабля, офицеры и руководящие работники инженерного отдела ТОФ. Тогда было «похищено и бесплатно роздано» более 1,5 т риса и свыше 2,2 т сои. Вследствие плохой охраны трофейного имущества и отсутствия надлежащей борьбы с его расхищителями рынки Владивостока наводнились японскими товарами и продуктами. К цитируемому здесь документу ведомства Госконтроля приложен проект приказа командующего ТОФ адмирала И. С. Юмашева со ссылкой на постановление СНК СССР № 67-31 от 10 января 1945 г. и установленные проверкой факты. Приказом по флоту предписывалось строго наказывать виновных в расхищении трофейного имущества, а в вопросах выявления и учета трофейного народнохозяйственного имущества руководствоваться приказом НКВМФ № 049 1945 г.¹⁵

В тот же день, 30 августа 1945 г., адмиралу И. С. Юмашеву было направлено более строгое отношение ведомства Госконтроля «Об оставлении без надзора и охраны имущества и боевой техники и продовольствия частями Артемовского сектора береговой обороны, ушедшими на фронт, и расхищении части этого имущества»¹⁶. Отмечалось, что отсутствие должного руководства со стороны командования Артемовского сектора привело к тому, что выход частей на фронт больше напоминал «не выступление организованных воинских подразделений, а бегство, при котором бросалось оружие, боеприпасы, снаряжение, имущество связи, продовольствие, медикаменты, автомашины, лошади и другое. Оружие и имущество частично присваивалось отдельными лицами и бесследно исчезало. Подобная картина повторялась и с частями Артемовского сектора и на острове Русский перед выходом на десантную операцию. Бойцы бросали все, что, по их мнению, считалось излишним или ненужным. Дорогостоящее имущество и боевая техника выбрасывались в кустарники, на дорогу, на причалы, оставались на десантных кораблях»¹⁷.

Особо отмечалось, что при убытии 13-й бригады морской пехоты на фронт было оставлено в помещении штаба бригады, без передачи ответственному лицу, 11 мешков секретных топографических карт, более 500 штук секретных топографических карт россыпью, 25 книг с грифом «ДСП» и другие разбросанные документы. Помещение опечатано не было и никем не охранялось. Ключ от помещения находился у старшего сержанта, который не был допущен к ведению секретного делопроизводства. Аналогичное положение было и в 13-м отдельном пулеметном батальоне, где секретные документы были также оставлены в бесхозном состоянии. Были «брошены 2 противотанковые пушки с боекомплектом, 3 пулемета ДШК с боекомплектами, винтовок 3, автоматов ПППШ 2, мины, патроны, ручных гранат 657, и так далее»¹⁸. Автор доклада считал необходимым «предать судебной ответственности начальника Артемов-

ского отдела тыла и начальника тыла 13-й бригады морской пехоты, а также наложить строгое дисциплинарное взыскание на обоих генерал-майоров (один из них был командиром 13-й бригады морской пехоты, отличившейся при штурме Сейсина — см. выше. — С. Л.)»¹⁹.

Замеченные в вышеприведенных документах дисциплинарные нарушения имели последствия для отдельных лиц. Однако, безусловно, Тихоокеанский флот и Краснознаменная Амурская флотилия внесли существенный вклад в разгром Квантунской армии и вооруженных сил Японии в Корее, несмотря на то что Императорский японский флот к началу военных действий имел количественное и качественное превосходство над Тихоокеанским флотом СССР²⁰ (табл. 5).

Таблица 5. ТОФ и ВМФ Японии к августу 1945 г.

Классы кораблей	Тихоокеанский флот, кол-во кораблей	Военно-морской флот Японии, кол-во кораблей
Линкоры	–	5
Авианосцы	–	6
Тяжелые крейсера	–	16
Крейсера и легкие крейсера	2	12
Эскадренные миноносцы	8	40
Миноносцы	2	19
Фрегаты	10	Данных нет
Торпедные катера	223	–
Десантные суда	34	–
Подводные лодки	78	60

Источник: Отчет по подготовке и развертыванию ТОФ // ЦА ВМФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1001. Л. 7.

По данным разведки США, Япония имела в июле 1945 г. в Корее, на Тайване, в Маньчжурии и в других частях Китая 2 млн чел., а также 2 млн в метрополии²¹. Но только в ходе боевых действий в Маньчжурии Япония потеряла свыше 80 тыс. солдат и офицеров убитыми; советские потери составили на порядок меньше: 8219 убитых и 22 264 раненых²².

Сотни военнослужащих разных родов войск были награждены. Среди моряков высокое звание Героя Советского Союза получили 49 человек, двадцать четыре корабля, части ТОФ и Амурской флотилии были преобразованы в гвардейские²³.

- ¹ Отметим в этой связи выдержавшую два издания книгу военного историка Л.Н. Внотченко «Победа на Дальнем Востоке» (М.: Воениздат, 1966; 1971).
- ² Глазами матроса. М.: Воениздат, 1964. С. 89.
- ³ Там же. С. 45–47.
- ⁴ Маньчжурия. Провинция Биньцзян. Описание г. Харбин и окрестностей. Разведывательное управление Генштаба Красной Армии. М., 1941. (Типогр. брошюра) // Центральный архив Военно-морского флота (Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ – ЦА ВМФ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 939. Л. 218 об.
- ⁵ Восточное побережье Кореи. Объект № 01. Порт Юки. Разведывательный отдел Тихоокеанского флота. 1938. (Типогр. брошюра) // Там же. Л. 89, 125–126.
- ⁶ Корея. Некоторые сведения по объекту порта Расин. Разведывательный отдел ТОФ. 1940 // Там же. Л. 140.
- ⁷ Там же. Л. 140.
- ⁸ *Ливенцев Д. В.* Морская война, которой не было (август 1945 г.). Воронеж: Рос. академия гос. службы при президенте РФ, 2005. С. 14–15.
- ⁹ Восточное побережье Кореи. Объект № 03. Порт Сейсин и город Ранан. Разведывательный отдел ТОФ. 1938 г. (Типогр. брошюра) // ЦА ВМФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 939. Л. 98–100.
- ¹⁰ Там же. Л. 102.
- ¹¹ Там же. Л. 103.
- ¹² Корея. Объект № 043. «Порт Гензан». Разведывательный отдел ТОФ. 1939 г. (Типогр. брошюра) // Там же. Л. 190, 192.
- ¹³ ЦА ВМФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1006. Л. 1–2.
- ¹⁴ Отношение заместителя главного контролера НКГК Союза ССР по НКВМФ подполковника В. Сидоркина командующему Тихоокеанским флотом адмиралу Юмашеву И. С. «О расхищении трофейного имущества», 30 августа 1945 г. // ЦА ВМФ. Ф. 2450. Оп. 1. Д. 64. Л. 149.
- ¹⁵ Там же. Л. 149.
- ¹⁶ Отношение подполковника В. Сидоркина – командующему ТОФ адмиралу И. С. Юмашеву // Там же. Л. 150–155.
- ¹⁷ Там же. Л. 152.
- ¹⁸ Там же. Л. 153, 154.
- ¹⁹ Там же. Л. 155.
- ²⁰ Отчет по подготовке и развертыванию ТОФ // ЦА ВМФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1001. Л. 7.
- ²¹ *Почтарёв А. Н.* Морские секреты Второй мировой. Военно-морское сотрудничество СССР и США. М.: Вече, 2016. С. 368.
- ²² *Такэси Томита.* Японо-Советская война августа 1945 года: новые документы и взгляды // Уроки Второй мировой войны и современность: материалы III Международной научной конференции, посвященной 75-летию окончания Второй мировой войны, Южно-Сахалинск, 2 сентября 2020 г. Южно-Сахалинск; Владивосток: Дальпресс, 2021. С. 272–275.
- ²³ Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. IV. Тихоокеанский флот. Флотилии. / Под общ. ред. адмирала флота В. И. Куроедова. 2-е изд. СПб.: Морской Петербург, 2006. С. 6.

References

- CHERNYSHEV A. A. *Triumf Tihookeanskogo flota SSSR. Revansh za Cusimu.* Moscow: E; Yauza, 2015.
- CIRULNIKOV N. I. *Desantnye operacii Tihookeanskogo flota v porty Severnoj Korei v 1945 godu:* Referat / Akademicheskie kursy oficerskogo sostava pri Voенно-морской ordena Lenina Akademii imeni K. E. Voroshilova. [Leningrad: b. i.], 1947.

LIVENZEV D. V. *Morskaja vojna, kotoroj ne bylo (avgust 1945 g.)*. Voronezh: Ross. Akademia gos. sluzhby pri prezidente RF, 2005.

POCHTAREV A. N. *Morskie sekrety Vtoroi mirovoi. Voenno-morskoje sotrudnichestvo SSSR I SShA*. Moscow: Veche, 2016.

TAKESI TOMITA. *Yapono-Sovetskaya vojna avgusta 1945 goda: novye dokumenty i vzglyady* // Uroki Vtoroj mirovoj vojny i sovremennost': materialy III mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 75-letiyu okonchaniya Vtoroj mirovoj vojny, Yuzhno-Sahalinsk, 2 sentyabrya 2020 g. Yuzhno-Sahalinsk; Vladivostok: Dal'press, 2021. S. 272–275.

USPENSKII V. D. *Glazami matrosa*. Moscow: Voenizdat, 1964.

Voenno-morskoj flot Sovetskogo Sojuza v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945. T. IV. Tikhoookeanskij flot. Flotilii. 2-e izd. / Pod obsch. red. admirala flota V. I. Kurojedova. St. Petersburg: Morskoj Peterburg, 2006.

VNOTCHENKO L. N. *Pobeda na Dal'nem Vostoke*. Moscow: Voenizdat, 1971.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

С. К. Лебедев. К вопросу подготовки десантных операций Тихоокеанского флота СССР в портах Кореи в августе 1945 г. // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 103–116

Аннотация: Статья написана в основном на материалах Центрального архива Военно-морского флота России. Автор сосредоточил внимание на изучении театра военных действий на побережье северной части Корейского полуострова структурами Тихоокеанского флота до вступления СССР в войну с Японией в августе 1945 г. Военно-морская разведка представила ценный материал для понимания военного и экономического значения портов и городов, инфраструктуры и связи двух индустриализованных в 1930-х гг. частей Японской империи на континенте (Маньчжурии и Северной Кореи) с метрополией. Недостатки подготовки и проведения десантной операции подверглись критике, но не снизили значения действий всех частей и соединений флота на заключительном этапе Второй мировой войны, окончание которой стало началом противоречивого периода в истории Кореи. Использование разведывательных и оперативных документов ТОФ, документов столичных ведомств, а также воспоминаний участников десантов в порты Северной Кореи позволяют уточнить характер и детали этого эпизода Второй мировой войны, оказывающего влияние на военно-политическую ситуацию в Северо-Восточной Азии вплоть до сегодняшнего дня.

Ключевые слова: советско-японская война 1945 г., экономическое и военное значение портов Северной Кореи, десантные операции Тихоокеанского флота СССР.

FOR CITATION

S. K. Lebedev. To the issue of preparing of landing operations of the Pacific Fleet of the USSR in the ports of Korea in August 1945 // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 103–116

Abstract: The article is written mainly on the materials of the Central Archive of the Russian Navy. The author focused on the study of the theater of operations on the coast of the northern part of the Korean Peninsula by the structures of the Soviet Pacific Fleet before the USSR entered the war with Japan in August 1945. Naval intelligence provided valuable material for understanding the military and economic significance of ports and cities, infrastructure and communications between the two industrialized in the 1930s parts of the Japanese Empire on the continent (Manchuria and North Korea) with the mother country. The shortcomings in the preparation and conduct of the landing operation were criticized, but did not reduce the significance of the actions of all units and formations of the fleet at the final stage of World War II, the end of which marked the beginning of a controversial period in the history of Korea. The use of intelligence and operational documents of the Soviet Pacific Fleet, documents of metropolitan departments, as well as the memoirs of participants in the landings in the ports of North Korea, make it possible to clarify the nature and details of this episode of the Second World War, which has an impact on the military-political situation in Northeast Asia up to the present day.

Key words: Soviet-Japanese War 1945, economic and military importance of North Korean ports, landing operations of the Pacific Fleet of the USSR.

Автор: Лебедев, Сергей Константинович — д. и. н., ведущий научный сотрудник, зав. отделом новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН.

Author: Lebedev, Sergei Konstantinovich — Dr. Sci. (History), Leading Researcher and the Head of the Department of Modern History of Russia at St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: lebsk@yandex.ru

И. В. Лукоянов

М. М. Сперанский и его проекты переустройства государственного строения России: конституция или защита самодержавия?

Хотя деятельность М. М. Сперанского по подготовке проекта преобразования государственного строя России неоднократно становилась предметом изучения историков, попыток ее серьезного анализа было предпринято немного. Можно отметить существование в историографии нескольких точек зрения на его реформы, которые почти одинаково уязвимы для критики и содержат ряд противоречий. Разногласия среди историков значительны, несмотря на общее согласие в том, что это были реформы с учетом опыта Французской революции и ее итогов. Но конкретные оценки заметно расходятся.

Еще в начале XX в. наметились основные точки зрения. А. Е. Пресняков, автор исторических портретов нескольких царей, назвал планы Сперанского, согласованные с Александром I, «проектом русской конституции»¹. В некотором противоречии с такой оценкой он также отметил, что, несмотря на стремление к конституции, царь был против устранения «из практики самодержавного государства приемов личного управления»². У Преснякова получается, что именно это и стало причиной конфликта между монархом и бюрократом: Александр I объявил, что Сперанский «вовлек меня в глупость», и уклонился от того, чтобы реализовать весь его план. Именно с прерогативами самодержавной власти Пресняков связывает отказ от расширения круга полномочий

Сената, а также подчинение Комитета министров царю. Историк нигде не утверждал, что Россия не была готова к конституции, но идее нового порядка следовало выдержать схватку с охранением монарших prerogatives, в которой традиция победила. В целом логичная конструкция Преснякова, хорошо согласующаяся с известными характеристиками царя, однако, вступает в противоречие с дальнейшим ходом событий. Если конституция для России была «глупостью», то почему самодержец практически ввел ее в Польше и обещал сделать то же в Финляндии?

Развитием идей Преснякова (колебания царя при изначальном желании установить в России конституцию, сохраняя prerogatives самодержавия) можно считать оценку деятельности Сперанского А. Н. Цамутали³. Соглашаясь с тем, что бюрократ действовал в рамках договоренности с монархом, историк признавал за ним большую самостоятельность, чем простая реализация конкретных царских повелений⁴. С этим согласуется другое представление исследователя — о цельности поиска общего направления реформ. Он даже склонен рассматривать преобразования, проведенные согласно проектам Сперанского, не как часть его более широких замыслов, а как законченную и воплощенную в жизнь реформу⁵. Различия в документах Цамутали объясняет отступлениями по отношению к первоначальному замыслу, т. е. расценивает их как динамично менявшийся, но при этом единый план. Парадокс этой оценки состоит в том, что одновременно историк пытается показать, что осуществленная реформа была не такой, какой ее задумывал Сперанский. Неизбежно возникает вопрос: какие вообще элементы следует отнести к «плану» Сперанского? Цельность также контрастирует с некоторыми общими оценками проектов чиновника: Цамутали резюмировал, что реформатор так и не смог обеспечить для России монархию по типу английской⁶, что, по-видимому, и является показателем цельности. Детально взгляды и предложения Сперанского историк не анализировал, но его общие оценки (о подчеркнуто важной роли Сената или о стремлении императора подчинить исполнительную власть себе) перекликаются с оценками Преснякова.

Иным путем пошел С. В. Мироненко, поместив черновики Сперанского в контекст европейской мысли и параллельно в ряд схожих по содержанию проектов ограничения самодержавия⁷. Подчеркнув созвучность идей чиновника мыслям Александра I об ограничении самодержавия (речь идет прежде всего о представительном институте законодательной власти в виде Государственной думы, реально ограничивающей монарха), историк таким образом отодвигает на второй план известные суждения Александра I о сохранении царских prerogatives. Несмотря на краткий анализ проектируемого изменения государственного строя, из книги Мироненко однозначно следует, что Сперанский — западник, конституционалист, сторонник введения парламента в России и отказа от самодержавия, а император — его единомышленник.

Наиболее обстоятельное и аргументированное исследование проектов Сперанского принадлежит Т. В. Андреевой⁸. Она расширила изучение их содержания до более общих проблем: какие цели преследовал Сперанский и была ли Россия готова к его реформам? Другая ее важная инициатива — рассматривать целый комплекс текстов Сперанского, куда Т. В. Андреева наряду с уже опубликованными и хорошо известными исследователям проектами включила также рукописи. Это позволило ей сделать ряд новых и аргументированных выводов и наблюдений. Так, оказалось, что преимущественное внимание Сперанский уделял представительству сословных интересов (что плохо сочетается с идеалами Просвещения), но параллельно с этим также постоянно писал о важности комплекса прав. Рассматривая идеи Сперанского по преобразованию как центральной, так и местной власти, Т. В. Андреева, соглашаясь с тем, что они были согласованы с Александром I, одновременно показывает, что в них были расхождения (например, роль Сената)⁹. Несмотря на то что Т. В. Андреева, как и большинство ее предшественников, рассматривает законодательные проекты Сперанского как конституцию, она подчеркивает их незавершенность, а в ряде случаев и прямые противоречия. Например, в 1803 г. чиновник соглашался с тем, что самодержавная конституция в России может быть «без всякого раздела власти законодательной от власти исполнительной»¹⁰. Это очевидно свидетельствует о шаткости даже принципиальных понятий конституционной монархии Сперанского, не говоря уже о деталях.

Поэтому совершенно справедливой выглядит характеристика, данная Андреевой всей правовой конструкции Сперанского, — как противоречивой и неоконченной в 1802 г. (не во всем определенная и слишком значительная роль Сената, отсутствие четких разграничений между ветвями власти), что заставило вернуться к ее доработке в 1808 г., разумеется, по инициативе Александра I¹¹. В появившемся осенью 1809 г. комплексе из четырех уже лучше продуманных текстов Андреева первой заметила некоторое смещение вектора законодательских усилий Сперанского с декларации принципов, заимствованных прежде всего из симпатичного лично Александру I опыта послереволюционной Франции и Наполеона, на укрепление в этой системе прерогатив монарха. Правда, аргументы для такого наблюдения неочевидны. Мне представляется, что сохранение за Государственным советом лишь законосовещательной роли, при том что за Государственной думой, пусть и не в очень ясных выражениях, но как будто сохранялись законодательные функции¹², следовало бы трактовать как введение многоступенчатости законодательного процесса, в котором Дума стала бы играть лишь роль одного из фильтров, но не решающей инстанции. Отсюда же, кстати, проистекает сравнение веса палаты депутатов с министром или Сенатом — насколько малозначительнее это полномочий императора. Констатируя понизившуюся конституционную решимость Александра I и Сперанского через анализ деталей проектов, Андреева одновременно пришла к общему пессимистическому выводу: для конституции в России не было условий, прежде

всего отсутствовали гражданское общество и средний класс¹³. Последний вывод, не проистекающий прямо из анализа текстов Сперанского, представляется спорным. Да, действительно, участие населения в законодательной работе требует известного уровня общественной готовности (в Европе парламентские структуры создавались как представительство интересов собственников), но каким образом его определить? Путь опережающего развития имперских институтов по отношению к социальному строю, заданный Петром I, неоднократно показывал, что и в таких условиях возможно получить положительные результаты. Разве у России имелись все условия для создания Сената? Академии наук? Системы городского выборного управления (ратуши)? Гражданское же общество и формируется как раз через участие населения в выборных институтах. Поэтому представляется, что сама по себе идея создания конституции в России в начале XIX в. с опорой на лучшие европейские традиции не была чистой утопией. Но как эти принципы следовало приспособить к российским реалиям?

Идея данной статьи состоит в анализе планов Сперанского с другой позиции. Что доминировало в них: заимствованные принципы европейского конституционализма, наиболее передовые для XVIII в., либо защита прерогатив неограниченного самодержавия, прозвучавшая еще в «Наказе» для Уложенной комиссии Екатерины II, в новых исторических условиях?

Если Петр I сформировал в созданной им Российской империи самую современную на тот момент для Европы политическую систему абсолютизма, то столетие спустя тенденция уже решительно поменялась и на повестку дня вышли конституция, разделение властей, создание представительных учреждений и ограничение самодержавия. Разумеется, нет оснований утверждать, что к царствованию Александра I в России сложились все внутренние социальные предпосылки для такого преобразования политического строя. Но это не мешало действовать «на опережение». Как бы ни объясняли впоследствии намерение Екатерины II созвать Уложенную комиссию, в которой можно усмотреть ряд черт как Учредительного собрания, так и парламента, факт остается фактом: комиссия из депутатов от всех свободных сословий была избрана и созвана и перед ней были поставлены законотворческие задачи. Разумеется, общество оказалось не готово к полноценному участию в законодательной деятельности, но это не отменяет саму попытку, включая весьма передовой «Наказ», составленный лично Екатериной II с опорой на достижения исключительно европейской мысли¹⁴. Спустя менее чем 40 лет ее внук опять вернулся к этому вопросу — разве в таком случае нельзя говорить о преемственности? Более того, идеи молодого императора представляли собой развитие все тех же идеалов века Просвещения, т. е. отражали достижения прежде всего французской философии и правоведения. Вероятно, именно эта проблема — желание заимствовать передовой опыт с одновременным пониманием сложности задачи (нужна серьезная адаптация!) — и находилась в основе всех рассуждений и правовых конструкций Сперанского.

Можно отметить преемственность с екатерининской комиссией: если императрица полагала необходимым сохранить неограниченное самодержавие, то Сперанский с первых своих опытов обозначил императора источником всего в России, в том числе и реформ, что неоднократно повторял. Это сразу шло вразрез с идеологией Просвещения, но парадоксальным образом укладывалось в российскую специфику: заниматься опережающим реформированием можно было только с опорой на неограниченную монархию. Параллельно чиновник весьма скептически отнесся к трудам предшественников. В незаконченном сочинении «Отрывок о комиссии уложения» он иронично оценил усилия Уложенной комиссии и других, бравшихся за переработку отечественного законодательства: «...хотела заставить черемис и остяков размышлять и умствовать»¹⁵. Насмешливое отношение к идее «допустить» русский народ «к великому делу законодательства», по-видимому, отражало понимание того, что надеяться на инициативу обывателя не приходится, т. е. что в России нет гражданского общества, заинтересованного в участии в законодательном процессе. В дальнейшем Сперанский эту тему не развивал, тем не менее для себя жанр нового документа он сразу определил как конституцию (а не новое уложение, которое не давало гражданам прав)¹⁶. В более поздней терминологии это звучит как октроированная конституция. Он понимал неизбежность связки «граждане — права», знал, что в Европе источником власти монарха является воля народа («Во всех правильных монархических системах все коренные законы должны быть творение народа, а в правлениях законных права граждан непоколебимы»)¹⁷. Сперанского также очень интересовал вопрос, как защитить основы нового строя от любого произвола: «Каким образом коренные законы государства соделать столько неподвижными и непеременимыми, чтобы никакая власть преступить их не могла и чтобы сила, в монархии вседействующая, над ними единственно никакого действия не имела?»¹⁸ Эти идеи — правосубъектности народа и отношения к нему как к источнику права у Сперанского встречаются неоднократно в разных его текстах, что абсолютно созвучно передовой европейской политической мысли XVIII в. Эта же правосубъектность признавалась де-факто Екатериной II в ее «Наказе» Уложенной комиссии. Важно отметить, что правовое государство в России по Сперанскому стоит в его планах на первом месте, монархическое правление должно быть ему «сколь можно близко», но все-таки ему отведено второе место. Законодательство (то, что Сперанский называет «коренными законами», сейчас бы определили как основные законы) у чиновника, по сути, отделено от самодержавия. Царь не имеет возможности вмешаться в его содержание, даже защиту «коренных законов» он возлагает не на монархию, а на «две силы... охраняющие закон в его исполнении: 1) сила общего мнения; 2) власть сословия, особенно для сего установленного»¹⁹. Суть отношений министров и монарха также базируется на законе. Действительно, таким порядком монарх сознательно ограничивает свою власть, и это полностью соответствует тогдашним европейским представлениям.

Однако, сообразуясь с отечественными реалиями, Сперанский ставит перед собой задачу, совершенно не вытекающую из идеологии эпохи Просвещения: «...установить свойства, какие должно иметь управление в России, чтобы оно было сколь можно близко к монархическому и не разрушало бы, однако же, настоящего порядка»²⁰. В деталях это оказывается передачей в высшую компетенцию самодержца всего остального, начиная с утверждения законов и принятия важнейших распорядительных решений. Он прямо признает полную неограниченность царских прерогатив как объединение законодательной и исполнительной власти. Например, рассуждая о взаимоотношениях Сената, Совета и Комитета министров, он сразу утверждает, что «ни одно из сих мест собственной политической силы не имеет: все они зависят и в начале, и в конце... от единой воли и мановения силы самодержавной»²¹. То есть один из краеугольных камней европейской политической мысли, заключающийся в разделении властей, Сперанский сохраняет лишь формально, проговариваясь, что «различия существенного... между собою они не имеют»²². Законодательная и исполнительная власть «в существе своем суть два отдельных внутреннего государева кабинета; но в мнении народном представляют места внешние и умеряют собою самодержавие»²³. Похоже, что это суть подхода Сперанского: не меняя ничего по существу в самодержавном устройстве власти, создать видимость ограничения самодержавия по европейским рецептам. Сенат в этой системе никакой роли не играет, он вводится Сперанским как дань традициям²⁴.

В 1809 г. эта система сохранилась в основных своих чертах в прежнем виде. Сперанский по-прежнему возводил источник трех властных сил — законодательной, исполнительной и судной — к народу, также он настаивал на неразрывности и неотъемлемости гражданских и политических прав, обещая в противном случае рабство²⁵. Однако при попытке уточнить детали чиновник вдруг то признает это право, то отвергает его вообще, то пытается связать его с ответственностью, не уточняя, какой именно²⁶. В этих колебаниях можно усмотреть сомнение в правосубъектности народа, и, соответственно, конституция уже не станет рассматриваться как результат общественного договора. Но все это неочевидно и очень противоречиво. Видно, что идейная конструкция, которая призвана быть фундаментом реформ, далека от завершения. В остальном у него остается неограниченное самодержавие. И судебная, и законодательная власти свободны лишь в своем мнении, но «на самом деле» должны были находиться «под влиянием и в совершенной зависимости от власти самодержавной»²⁷. Каких-то новых мер по защите его прерогатив незаметно, поэтому предположение Т. В. Андреевой о некотором изменении вектора мысли реформатора в сторону обеспечения прерогатив царской власти не находит подтверждений.

Резюмируя сказанное, следует признать, что проект реформ Сперанского, который сохранился в его бумагах 1802–1809 гг., отразил конструкцию, фундаментом которой являлась конституция — основной и неизменяемый закон, основанный на признании политических и гражданских прав народа

и исключаящий самодержавие как их источник и как ничем не ограниченную власть. На этот фундамент чиновник попытался водрузить российскую монархию, которая, несмотря на все заявления, не теряла своей полновластности. Все же оговорки о разделении властей, о создании выборной законодательной Государственной думы нивелировались тем, что все ветви власти, формально независимые, по-прежнему восходили к царю, а Дума по своему статусу напоминала не настоящий парламент, а лишь фильтр в целой цепочке законодательных действий. Внутренняя противоречивость всей конструкции существовала с самого начала и сохранялась примерно в тех же пропорциях все время разработки реформ. Тем не менее в российской практике государственного реформирования это был лишь второй, вслед за екатерининской Уложенной комиссией, случай, когда в основе реформы лежали идеалы эпохи Просвещения, а не защита полновластного самодержавия. Мы не знаем, о чем совещались Александр I и Сперанский во время их частых и длительных встреч в те годы, но можно полагать, что столь противоречивая конструкция была плодом фантазии монарха. О его настойчивом конституционализме свидетельствуют открытие польского Сейма и планы даровать конституцию Финляндии. Но о крайней противоречивости царских представлений одновременно говорит оставшаяся в проекте Уставная грамота Российской империи. Несмотря на то что изменение государственного строя свелось к учреждению законосовещательного Государственного совета, для того времени это был шаг вперед, хотя и незначительный, приучающий общество к мысли о публичности законодательного процесса. Не обращаясь здесь к вопросу, почему Александр I отказался от большинства преобразований, им же задуманных и согласованных, очевидно, что реальное движение по конституционному пути уже в начале XIX в. оказалось сильно ограниченным, а при Николае I — и вовсе невозможным.

¹ Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 181.

² Там же. С. 184.

³ Цамутали А. Н. Начало кризиса империи. Самодержавие Александра I и Николая I // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 213–221.

⁴ Там же. С. 213–214.

⁵ Там же. С. 220–222.

⁶ Там же. С. 219.

⁷ Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в первой четверти XIX в. М., 1989. С. 28–31.

⁸ Андреева Т. В. Александр I и М. М. Сперанский: еще раз о «Плане всеобщего государственного образования» 1809 года // Английская набережная, 4. СПб., 2001. С. 42–45.

⁹ Там же. С. 51.

¹⁰ Там же. С. 58.

¹¹ Там же. С. 60–61.

- ¹² Там же. С. 64–67. Автор признала за Государственной думой лишь законосовещательный статус (с. 67), но для такого утверждения нет достаточных оснований.
- ¹³ Там же. С. 69.
- ¹⁴ Это признал и М. М. Сперанский, в 1809 г. весьма высоко оценив результаты Уложенной комиссии: «...все то, что в политических писателях того времени предполагалось наилучшего для успехов свободы» — все использовано в комиссии (*Сперанский М. М.* Введение к Уложению государственных законов (1809 г.) // Проекты и записки / Ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1961. С. 157–158).
- ¹⁵ *Сперанский М. М.* Отрывок о комиссии уложения (1802 г.) // Там же. С. 18.
- ¹⁶ Там же. С. 22.
- ¹⁷ Там же. С. 21.
- ¹⁸ *Сперанский М. М.* О коренных законах государства (1802 г.) // Там же. С. 28.
- ¹⁹ *Сперанский М. М.* Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России (1803 г.) // Там же. С. 109.
- ²⁰ Там же. С. 87.
- ²¹ Там же. С. 117.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 126.
- ²⁴ Там же. С. 117–118.
- ²⁵ *Сперанский М. М.* Введение к Уложению государственных законов (1809 г.) // Там же. С. 145, 147–148.
- ²⁶ Там же. С. 178, 186–187.
- ²⁷ Там же. С. 164, 166.

References

- ANDREEVA T. V. *Alexander I i M. M. Speranskii: echshie raz o "Plane vseobshhego gosudarstvennogo obrazovaniia" 1809 goda* [Alexander I and M. M. Speransky: once again about the "Plan for a General State System" of 1809. In Russ.] // *Angliiskaia naberezhnaia*, 4. St. Petersburg, 2001. P. 41–74.
- MIRONENKO S. V. *Samoderzhavie i reformy: politicheskaia bor'ba v Rossii v pervoi chetverti XIX veka* [Autocracy and reforms: Political struggle in Russia in the first quarter of the 19th century. In Russ.]. Moscow, 1989.
- PRESNIAKOV A. Ye. *Rossiiskie samoderzhtsy* [Russian autocrats. In Russ.]. Moscow, 1990.
- SPERANSKII M. M. *Proekty i zapiski* [Projects and notes. In Russ.] / Red. S. N. Valk. Moscow; Leningrad, 1961.
- TSAMUTALI A. N. *Nachalo krizisa imperii. Samoderzhavie Alexandra I i Nikolai I* [The beginning of the crisis of the empire. Autocracy of Alexander I and Nicholas I. In Russ.] // *Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoi k sovetskoi Rossii*. St. Petersburg, 1996. S. 199–282.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. В. Лукоянов. М. М. Сперанский и его проекты переустройства государственного строя России: конституция или защита самодержавия? // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 117–125

Аннотация: Статья посвящена планам М. М. Сперанского — Александра I по введению в России начала XIX в. конституции и одновременному сохранению самодержавия. Рассматриваемые в контексте проектов реформирования государственного строя Российской империи в XVIII–XIX вв., эти планы представляют собой оригинальную попытку сочетать европейские конституционные порядки, вызванные к жизни эпохой Просвещения, и неизменное стремление к охранению неограниченной монархии. Особенность проектов Сперанского заключается в попытке найти своеобразную точку равновесия двух этих начал.

Ключевые слова: самодержавие, конституция, реформы, неограниченная монархия.

FOR CITATION

I. V. Lukoyanov. M. M. Speransky and his projects for the reorganization of the state system of Russia: a constitution or protection of the autocracy? // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 117–125

Abstract: The article deals to the plans of M.M. Speransky — Alexander I on the introduction of a constitution in Russia at the beginning of the 19th century and the simultaneous preservation of autocracy. Considered in the context of the projects for reforming the political system of the Russian Empire in the 18th–19th centuries, these plans represent an original attempt to combine the European constitutional orders, brought to life by the Enlightenment, and the unchanging desire to protect an unlimited monarchy. The peculiarity of Speransky's projects lies in an attempt to find a kind of balance between these two principles.

Key words: autocracy, constitution, reforms, unlimited monarchy.

Автор: Лукоянов, Игорь Владимирович — д. и. н., заместитель директора по научной работе СПбИИ РАН.

Author: Lukoyanov, Igor Vladimirovich — Doctor of Historical Sciences, Deputy Director in Science, SPbII RAN.

E-mail: lukoianov@yandex.ru

Т. В. Андреева

Вопрос о независимости Греции во внешней политике России в первой четверти XIX в. и М. М. Сперанский*

Вопрос о независимости Греции был одним из важнейших в европейской балканской политике всю вторую половину XVIII — первую треть XIX в. Греческая революция 1821–1829 гг. стала заключительным этапом долговременного процесса национального возрождения Эллады, тесно связанного с борьбой геополитических и экономических интересов ведущих европейских стран — Англии, Франции, России и Австрии. Активную и сильную позицию в греческом вопросе занимала Россия, стремившаяся не только реализовать национально-освободительные устремления греков, но прежде всего решить свои государственные задачи. Стратегической целью российского правительства во внешней политике на Балканском полуострове всегда было укрепление державного могущества империи, а проект освобождения греков от турецкого ига и создания независимого греческого государства являлся составной частью программы решения в целом Восточного вопроса. Однако в разные эпохи тактические инструменты ее достижения были различными. В начале 1820-х гг. произошла очередная смена официальной концепции реализации «греческого дела», в формировании которой принимал участие М. М. Сперанский.

* Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 23–28–00769 «Документальная память российской государственности: кейс Сперанского. Новые подходы к изучению рукописного наследия».

Победные условия русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг., прочно связавшие историческую судьбу Греции с Россией, а также необходимость усиления российских позиций на Ближнем Востоке путем выхода к Средиземному морю предопределили покровительственную политику Екатерины II в отношении греков, вероисповедную и социальную поддержку христианского населения Оттоманской Порты. В огромной мере это было связано с масштабным и долгосрочным Греческим проектом императрицы, направленным на полную ликвидацию османского господства в Европе. В конце 1760-х — начале 1780-х гг. проект обусловил не только дипломатическую подготовку реализации идеи создания независимого греческого православного государства, но и первую Средиземноморскую, или Архипелагскую экспедицию российского флота 1769–1774 гг. во главе с А. Г. Орловым, способствовавшую эскалации антитурецкого восстания в Пелопоннесе в 1770 г. По меморандуму 1782 г. предполагалось, что Греческая империя, помимо Греции, будет включать Болгарию, Македонию, Молдавию, Валахию и Бессарабию. Изменившаяся международная ситуация конца 1780-х — начала 1790-х гг. демпфировала проект Екатерины II, отодвинув греческий вопрос на второй план внешней политики России¹, но принципы наследственной монархии сохранили его актуальность в царствования Павла I и Александра I. При этом как на «границах веков», так и в первой четверти XIX в. решение данного вопроса определялось изменениями внешнеполитической доктрины, прежде всего ее идеологической составляющей.

В контексте второго периода внешней политики Павла I, основанной на концепции самодостаточности России и ее независимости от Западной Европы, доминирования национальных интересов над европейскими и направленной на нейтралитет в международных отношениях на Востоке, можно рассматривать совместное участие Российской и Османской империй во второй антифранцузской коалиции 1798–1799 гг. Третий период (1800–1801 гг.) характеризуется кризисом коалиции в силу внутренних противоречий и разногласий геополитических интересов ее субъектов, а также новым внешнеполитическим курсом России, связанным с поисками восстановления союзнических отношений с Францией в противовес агрессивной Англии. Меморандум Ф. В. Ростопчина, лежащий в его основании, предполагал кардинальное решение Восточного вопроса путем раздела владений Османской империи между Россией, Францией, Пруссией и Австрией. Греция с ее островами была бы объявлена под защитой всех четырех указанных держав².

В царствование Александра I происходила постоянная трансформация политики в отношении Греции, существовало несколько ее моделей, исходя из подвижности идеологической концепции и социально-политической доктрины решения греческого вопроса, связанных с международной ситуацией и характером отношений с западными партнерами. Наибольший вклад в изучение в целом балканской составляющей во внешней политике России первой четверти XIX в. и ее роли в освободительной борьбе греков внесли классические

работы советских историков О. Б. Шпаро, А. В. Фадеева, И. С. Достян, а главное — труды выдающегося эллиниста Г. Л. Арша³. Однако тема включенности М. М. Сперанского после его возвращения из Сибири в решение проблемы освобождения Греции до сих пор не была предметом специального исследования. В данной статье предпринята попытка выявить объективные и субъективные факторы, идеологические и внешнеполитические причины неустойчивой позиции Александра I применительно к Греции, изучить отношение к греческому вопросу М. М. Сперанского и определить роль реформатора в создании программных документов, направленных на его решение.

После Венского конгресса, стремясь реализовать идею «объединенной Европы», Александр I инициировал создание 14 сентября 1815 г. Священного союза, важнейшими принципами которого определялись объединение европейских народов на основе христианской веры⁴ и утверждение приоритета общеевропейских и общехристианских ценностей по сравнению с национальными⁵. Для российского императора, смотревшего на себя, по словам австрийского дипломата Ф. Гёнтца, «как на основателя Европейской федерации» и желавшего, «чтобы на него смотрели как на ее вождя»⁶, политическая философия Союза, а также изменившиеся после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. геополитические условия, согласно которым Российская империя получила право покровительства над турецкими христианскими подданными, ставили вопрос о вероисповедной и социальной поддержке греческого населения Оттоманской Порты. Однако связанный союзными легитимистскими обязательствами и опасавшийся вмешательства европейских держав в российско-турецкие взаимоотношения Александр I не мог оказывать поддержку открыто и одобрил предложение своего статс-секретаря по иностранным делам, «поверенного в делах греков» при Российском дворе И. А. Каподистрии производить политическую и финансовую помощь греческому освободительному движению в завуалированной форме посредством эмиссаров, денежного и административного содействия деятельности тайного общества «Филики Этерия»⁷. Согласно «Записке о служебной деятельности», составленной И. А. Каподистрией в 1826 г. для Николая I, в 1818 и 1820 гг. он встречался с видными членами общества⁸, которые получили от правительства России внушительные суммы для покупки оружия. Содействовали подготовке антитурецкого восстания в Дунайских княжествах, вероятно с ведома верховной власти, южные военачальники и администраторы. 4 марта 1821 г. новороссийский генерал-губернатор А. Ф. Ланжерон сообщал начальнику штаба 2-й армии П. Д. Киселеву, что «выдал более 300 паспортов тем, которые отправляются выступить в отрядах Ипсиланти»⁹.

Но уже в начале 1820-х гг. изменение идеологической парадигмы внешнеполитического курса России, связанное с европейскими революциями и «натиском» Европы, обусловило смену покровительственной греческой политики России на нейтральную позицию. Известие о восстании в Молдавии Александр I получил 25 февраля 1821 г. на конгрессе Священного союза в Лайбахе

(Любляне) из всеподданнейшего письма от 24 февраля того же года самого руководителя восставших и своего бывшего флигель-адъютанта А. К. Ипсиланти. Греческий патриот призывал российского императора стать «Освободителем Греции» и просил о военной помощи, т. е. о начале военных действий против Турции. Однако, хотя общественное мнение России было на стороне греков, этого не произошло. Российское правительство заявило о своем намерении соблюдать нейтралитет в отношении греческих событий. В письме к А. К. Ипсиланти от 2 марта 1821 г., составленном И. А. Каподистрией, от имени Александра I подтверждалось право греков на освобождение, но отвергались насильственные, революционные методы его достижения. Вождь греческой освободительной борьбы был уволен с военной службы Российской империи, а вскоре, 7 июня 1821 г., его отряд разбили турки, вторгшиеся в Дунайские княжества. А. К. Ипсиланти бежал в Австрию, где был схвачен и заключен в крепость. Освобожденный в 1827 г. благодаря вмешательству Николая I, он скончался 31 января 1828 г. в Вене. Само же восстание послужило толчком для революции в Греции, которая длилась восемь лет, с 1821 по 1829 г., имела четыре этапа и завершилась в 1831 г. утверждением международно-правового независимого статуса греческого государства¹⁰.

Что же касается Александра I, то, имея два альтернативных пути выхода из греческой ситуации — либо помочь единоверцам и тем самым содействовать революции против «законной» власти в лице султана Махмуда II, либо в обще-европейских интересах предоставить греков их собственной участи и таким образом стабилизировать социально-политическую обстановку на Балканах, он выбрал второй путь, который вполне отвечал политической идеологии Священного союза. Не вызывает сомнений, что нейтральная позиция российского императора явилась реакцией на эскалацию революционного процесса в Европе. Военные революции в Испании, Португалии, Пьемонте, Неаполе, греческое восстание, дестабилизирующие систему европейского равновесия, все больше превращали Священный союз в важнейший инструмент борьбы с антимонархическими и национально-освободительными движениями, утверждали в сознании монархов-союзников и прежде всего Александра I мифологему «всеевропейского заговора революционеров»¹¹. В письме А. Н. Голицыну из Лайбаха от 10 марта 1821 г. по поводу восстания под руководством А. К. Ипсиланти император писал: «Нет никаких сомнений, что побуждение к этому возмущению было дано тем же самым центральным распорядительным комитетом <...> в Париже с намерением устроить диверсию в пользу Неаполя и помешать нам разрушить одну из этих синагог Сатаны, устроенную с единственной целью: проповедовать и распространять антихристианское учение. Ипсиланти сам пишет в письме, обращенном ко мне, что принадлежит к секретному обществу, основанному для освобождения и возрождения Греции. Но все эти тайные общества примыкают к парижскому центральному комитету»¹². Именно на Лайбахском конгрессе были подписаны новые¹³ секретные протоколы, которые

санкционировали право вмешательства субъектов Священного союза во внутренние дела стран, в которых возникла революционная ситуация, хотя для интервенции требовался официальный «призыв о помощи»¹⁴.

Однако усиление геноцида православного населения в Османской империи, убийство в первый день православной Пасхи, 10 апреля 1821 г., патриарха Григория V и всего Синода греческой Константинопольской церкви способствовали радикализации российской политики в отношении Греции, очередной смене тактических установок, дали веский аргумент в пользу решения «греческого дела» военным путем. Через посла в Константинополе Г. А. Строгонова 16 июня 1821 г. Александр I послал ультиматум Порте, 4 июля того же года российское посольство покинуло турецкую столицу, 8 августа дипломатические отношения между Россией и Турцией были прерваны. При этом российский император рассчитывал, что секретные протоколы конгрессов Священного союза в Ахене и Лайбахе обеспечат общую санкцию европейских союзников на российское вмешательство во внутренние дела Порты в защиту ее православных подданных, т. е. на войну России против Турции. Но такой санкции он не получил. Более того, английский премьер-министр Дж. Каннинг, выражая точку зрения главных членов Союза, подчеркивал, что предполагаемое русское вмешательство в конфликт между Турцией и Грецией противоречит союзным принципам¹⁵.

Здесь следует подчеркнуть, что официальные документы и источники личного происхождения свидетельствуют, что греческий вопрос был одним из важнейших в политическом мировоззрении М. М. Сперанского. В описи бумаг, переданных Александром I реформатору после его возвращения из Сибири 24 марта 1821 г., значатся две утраченные записки «Записка о делах в Турции» и «Записка о военных, политических и коммерческих выгодах России перед Турцией»¹⁶. Судя по дневнику «возвращения» М. М. Сперанского, после приезда 26 мая 1821 г. Александра I в Петербург с конгресса в Лайбахе, уже с 9 июня того же года начинается их постоянная совместная работа по поиску решений внутренних и внешнеполитических проблем. Весной, летом и ранней осенью это происходило в Царском Селе или на Каменном острове, а осенью и зимой — в Зимнем дворце. О востребованности М. М. Сперанского Министерством иностранных дел свидетельствует повеление Александра I К. В. Нессельроде, чтобы он постоянно консультировался с реформатором. В дневнике М. М. Сперанского 31 августа 1821 г. записано: «О сношениях с Нессельродом по делам рекомендовано продолжать сии сношения», а в записи от 8 сентября того же года сказано: «После обеда разговор с гр. Нессельродом. На вопрос мой он дал мне разъяснение, что сносится со мною по выс[очайшему] повелению». Тогда же, в процессе обсуждения с министром иностранных дел депеши К. Меттерниха о греческих делах, «было установлено две истины: 1) что Порта сама причиною затруднений, ибо она простое смятение превратила в войну религиозную^a и угрожает людям полным уничтожением из-за их эмиграции^a

^{a-a} Перевод с фр. С. К. Лебедева.

<...> 2) Здесь же обнаружено, что было от Австрии, действительно, предложено учредить конгресс в Вене. Наш ответ состоял в том, что ^а-император не может доверить столь высокий интерес полномочному представителю и не может сам при теперешних обстоятельствах приехать, предложено вследствие этого открыть конгресс в России^а»¹⁷. Как известно, союзники отказались от проведения конгресса Священного союза в Петербурге, что было вполне предсказуемо.

Тем не менее, поскольку вопрос об освободительном движении в Греции задевал геополитические и экономические интересы ведущих стран — членов Союза, прежде всего Австрии и формально не входящей в него Англии, то Греция стала предметом их особого внимания на конгрессе в Ганновере (20–29 октября 1821 г.), но без участия России, скорее всего, намеренного. Итогом форума стала единодушная установка союзников не допустить русско-турецкой войны. Пытаясь сдерживать усиление российского влияния на Балканах, правительства ведущих европейских держав опасались появления независимого греческого государства, что могло привести к доминированию России в регионе Восточного Средиземноморья и усилению торговой конкуренции греков и россиян, желали сохранить status quo. Эти проблемы являлись, вероятно, предметом постоянных бесед М. М. Сперанского с И. А. Каподистрией в сентябре — октябре 1821 г. во время прогулок или обедов в Царском Селе. Как указывал реформатор в дневнике, разговоры были «одного и того же цвета» — внешняя политика России, «дела турецкие», диссонанс между интересами российской промышленности и торговли и ее внешнеполитическими приоритетами. Статс-секретарь по иностранным делам был недоволен «демонстрацией давления» России в восточных делах в контексте российско-персидского противостояния, а также «возражениями» на его мнение М. М. Сперанского¹⁸.

Последний Веронский конгресс Священного союза (20 октября — 14 декабря 1822 г.) формально был посвящен испанским делам. 19 ноября 1822 г. в Вероне союзными государствами, кроме Англии, были подписаны новые секретные протоколы. Однако «греческое дело» оставалось в зоне пристального внимания европейских монархов и политиков. К этому времени революция, полыхающая в самой Греции, увеличила пропасть, существующую между освободительными мечтами Александра I и революционной реальностью. Ведь война с Турцией из-за «мятежных греков» означала бы нанести удар по легитимистским принципам Союза. Во время конгресса, в октябре 1822 г., на вопрос полномочного представителя Франции Ф. Шатобриана о греках Александр I сказал: «Я должен был первым показать свою приверженность принципам, на которых я основал Союз. Случай представился: греческое восстание. Ничто, казалось бы, не могло более быть в моих интересах, в интересах моего народа, в соответствии с мнением моей страны, чем религиозная война против Турции, но я заметил в волнениях, которые происходили на Пелопоннесе, знак революции. Итак, я остался в стороне»¹⁹. Подобный выбор российского императора,

^{а-а} Перевод с фр. С. К. Лебедева.

т. е. отказ от тактики военного решения греческого вопроса, вполне отвечал интересам союзников, особенно Австрии. Поэтому неудивительно, что его подержал К. Меттерних. В меморандуме 1822 г. по поводу Греческой революции австрийский канцлер подчеркивал: «Решение России направлено на поддержание в неприкосновенности политической системы, чья единственная предпосылка сегодня — спокойствие Европы и сохранение социального порядка»²⁰.

Что же касается М. М. Сперанского, то он, как и большинство соотечественников, надеялся, что Россия встанет на защиту единоверцев и начнет войну с Турцией, и с сожалением констатировал в письме от 19 декабря 1822 г. своему зятю А. А. Фролову-Багрееву: «Мы ожидаем государя не прежде как к концу января. Дела греческие, кажется, останутся в прежнем положении так, как и вообще значительных перемен в Европе, по-видимому, не будет. Слухи о войне были пустые»²¹. Подобная позиция реформатора вполне отвечала его западническим культурным приоритетам. Ведь для всей Европы Греция являлась колыбелью западной цивилизации, европейцы считали греков прежде всего христианами. Под давлением филэллинизма европейского общественного мнения с 1824 г. Франция стала помогать революционной Греции, субсидируя ее армию, а Англия с 1825 г. финансово поддерживала и контролировала греческий флот.

В это же время очередной раз изменилась российская тактика решения греческого вопроса, направленная на урегулирование греко-турецких отношений и установление мира в регионе дипломатическими средствами. Смена тактической установки греческой политики во многом была обусловлена усилением негативного отношения к ней российского общества, утратой Россией социально-экономического и торгового влияния на Балканах, а также кризисом Священного союза как инструмента борьбы с революционным и национально-освободительным движением в Европе. Еще в 1822–1823 гг. началась дипломатическая подготовка «греческого возрождения», с Лондоном, Парижем, Веней, Берлином велась переписка о «будущей судьбе греков» и давлении на Порту. 8 мая 1822 г. М. М. Сперанский зафиксировал в своем дневнике, что во время работы с императором на Каменном острове пришло «известие из Константиноп[оля] от аглинского посла о податливости Порты»²². Умеренная линия России в отношении Греции после встречи Александра I и Франца I 16 октября 1823 г. в Черновцах была закреплена возобновлением дипломатических отношений с Турцией и территориальными уступками ей в Дунайских княжествах.

9 января 1824 г. союзным дворам была разослана «Записка об умиротворении Греции» (*Mémoire sur la pacification de la Grèce*), так называемый «Мемуар», явившийся первым конкретным планом достижения автономии Греции. Есть документальные основания предположить, что в его подготовке в 1822 г. принимали участие И. А. Каподистрия и М. М. Сперанский. Это находит подтверждение в дневнике реформатора. Во-первых, согласно записи от 4 ноября

1821 г., Александр I, вероятно, чтобы связать их политическое мировоззрение еще крепче, повелел реформатору «перейти в комнаты Каподистрии» в Зимнем дворце. Во-вторых, 21 января 1822 г. М. М. Сперанский записал: «Отослана к Каподистрии бумага le memoire sur l'interpretation de Partie du Traité du Gand»²³. Речь шла о знаменитом Гентском мирном договоре между Британской империей и США, подписанном Георгом V и Дж. Адамсом 24 декабря 1814 г. в Генте, положившем конец англо-американской войне 1812 г. и восстановившем довоенные границы. Что касается бумаги об интерпретации части договора, которую реформатор отправил статс-секретарю, то, вероятно, она касалась признания Англией экономической независимости США. Надо думать, данный договор был необходим как модель для создания схожего дипломатического документа, исходящего от Российского правительства относительно греко-турецкого конфликта.

Но главное — о участии И. А. Каподистрии и М. М. Сперанского к созданию «Мемуара» свидетельствует документ на французском языке под названием «Conversation d'adieu de Capodistria. Прощальная беседа Каподистрии, касающаяся урегулирования греко-турецких отношений» от 7 августа 1822 г. Причем от этого же числа в дневнике реформатора на полях записано: «Прощание с Каподистрия у меня. Краткая история его увольнения», хотя сама история не представлена²⁴. Можно только предположить, что аудиенция Александра I И. А. Каподистрии, которая состоялась накануне, и отставка статс-секретаря были связаны с реализацией «Мемуара», в связи с чем возникла необходимость его нахождения в Греции. Компромиссный, предлагающий несколько вариантов урегулирования греко-турецких отношений и предназначенный, вероятно, для императора, проект И. А. Каподистрии в отдельных частях, вероятно, лег в основу «Мемуара». Привожу полную запись М. М. Сперанского в переводе с французского языка Н. В. Кирющенко:

«На полях: Прощальная беседа Каподистрии 7 августа 1822.

Положение Турции. Разместить на Дунае внушительную силу и выступить посредником между греками и турками: сказать первым успокоиться, я добьюсь для вас существования не свободного и независимого, но удобного под защитой притеснителей и благоприятного для развития ваших просвещения и промышленности. Если через переговоры не удастся, я добьюсь это оружием, и тогда вы будете действовать со мной. Того же языка придерживались бы и чиновники. Сказать туркам, что я не хочу расчленения вашей империи, но не позволю нарушать мои соглашения и достигнутые ценою крови и пятидесятилетней войны выгоды. Согласовать с греками терпимое существование и восстановить отношения с вами на прежних правах, и будем дружить, или я вас заставлю моим оружием. Сказать европейским державам: я хочу поддержать турок потому, что их соседство меня устраивает, но не позволю, чтобы вмешивались в мои отношения с Портой. Если я возьму на дюйм территории больше, чем у меня есть: рассматривать это как объявление войны всей Европе.

Антитеза. Первая часть. Я ничего не хочу предпринимать против турок, кроме как с общего согласия. Ведите переговоры и, если вы добьетесь успеха, я был бы вам в этом благодарен — вот основа переговоров.

Вторая часть. Поскольку переговоры ничего не дают, нужно действовать: какой позиции вы будете придерживаться в случае войны — нейтралитет, но мы будем изменять ваши основы, и после того, как их изменим, мы завладеем вопросом, а вы останетесь смиренным наблюдателем наших действий.

На полях: предложение Австрии согласно переговорам Татищева.

Третья часть. С этим нельзя согласиться. Вот мои предположения: чтобы Англия действовала со мной, и мы ограничим турок. Эта империя уже рушится, нужна, действительно, жертва. Я предлагаю также действовать с ней для ограничения Испании. С этими последними предложениями не согласится Англия. Осталось узнать, что из этого получится»²⁵.

В самом «Мемуаре» от имени Александра I также предлагалось компромиссное решение греческого вопроса, которое удовлетворяло бы интересам «турок, греков и Европейского союза». Как подчеркивалось в документе, борьба между турками и греками, т. е. Греческая революция, «может иметь два исхода: либо греки сохранят в будущем ту своеобразную независимость, какую они уже обрели, либо будут покорены оружием». Но, поскольку Турция никогда не признает в каком-либо формате политическую независимость Греции, а «греки в свою очередь не согласятся вернуться в то состояние, в каком они находились по отношению к Порте до войны»²⁶, то на данном этапе «решение проблемы может быть лишь промежуточным», «компромиссным», возможен только промежуточный вариант греческой независимости. Предполагалось разделить материковую Грецию на три самоуправляющихся княжества, подобно Дунайским, при сохранении сюзеренитета Порты над греческой территорией с уплатой ей ежегодно дани. Первое княжество включало бы Восточную Грецию (Фессалию, Беотику, Аттику), второе «состояло бы из бывшего Венецианского побережья, не отошедшего к Австрии, а также из Эпира и Акарнании», т. е. Западной Греции. В состав третьего княжества должны были войти территории Южной Греции — Морея и остров Кандия (Крит). Имеющие вероисповедную независимость, не зависящие от Турции в своей экономической и торговой деятельности, а также административном управлении, княжества должны были находиться под защитой международного права. В завершении подчеркивалось: «Таковы принципы, руководствуясь которыми, как полагает Российский кабинет, можно было бы приступить к делу умиротворения Греции»²⁷.

«Мемуар», разосланный европейским дворам, должен был стать предметом обсуждения союзников на Петербургской конференции. В разъяснительных письмах указывалось на настоятельную необходимость принять предложения России, а также признать возможными совместные «демарши, имеющие целью заставить турецкое правительство согласиться с принципами коллективного вмешательства в дела Греции», согласно секретным протоколам Веронско-

го конгресса Священного союза. Между тем Англия потребовала обнародовать «Мемуар» и переслать его греческому правительству. В июне 1824 г. это было сделано, что вызвало бурное неудовольствие греков, а греческие власти выступили с протестом. С февраля по апрель 1825 г. длилась конференция в российской столице послов Франции, Австрии и Пруссии (Англия отказалась участвовать), которые, вероятно, получили инструкции лишь затягивать дело. Затяжные бесплодные петербургские переговоры продемонстрировали не только нежелание европейских кабинетов «умиротворить Грецию» и создать греческую государственность «руками» России, но главное — отражали крах императорской утопии «объединенной Европы» и кризис Священного союза. В результате Александр I отказался от общеевропейской политики. В инструкции К. В. Нессельроде российским послам в европейских столицах от 6 августа 1825 г. объявлялось о прекращении обсуждения с правительствами греческого вопроса, «что впредь бесполезно будет вступать в новые объяснения с союзниками о турецких делах» и подчеркивалось, что отныне Россия более не станет обращаться «к совету Европы», а будет действовать в соответствии только со своими национальными интересами, «исключительно следовать своим собственным видам»²⁸. Начались прямые переговоры с Портой, которые вел в Константинополе назначенный 28 августа 1825 г. послом в Турцию гр. А. И. Рибопьер.

Однако, разорвав узы Священного союза, Александр I вскоре пришел к убеждению, что Российская империя не сможет действовать самостоятельно. Это обусловило сепаратные переговоры по «греческому делу» летом — осенью 1825 г. с новым английским послом лордом А. Стратфордом-Каннингом и новое сближение с Англией. Постоянные колебания и изменение тактики в александровское царствование затягивали решение греческого вопроса. И только в правление Николая I российская политика в отношении Греции приобрела устойчиво самостоятельный характер и была направлена на создание греческой государственности, которая стала геополитическим итогом русско-турецкой войны 1828–1829 гг. По Адрианопольскому мирному договору от 2 сентября 1829 г. Греция получала автономию, Оттоманская Порта признавала ее как государство, хотя вопрос о том, вассальное оно или независимое, со стороны Турции оставался еще открытым²⁹.

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Вопрос о независимости Греции во внешней политике России первой четверти XIX в. был подчинен стратегической цели укрепления державного могущества Российской империи и решения в целом Восточного вопроса.
2. При всех особенностях и отличительных чертах тактики реализации «греческого дела» в царствования Екатерины II, Павла I и Александра I прослеживается определенная преемственность в балканской политике, направленной на вероисповедную и торговую экспансию на Балканы.

В этом контексте освобождение греков от турецкого ига и возрождение греческого государства являлось составной частью программы политического и социально-экономического развития Балканского региона как форпоста России на юго-востоке Европы.

3. Неустойчивая позиция Александра I в отношении Греции была обусловлена как объективными, так и субъективными факторами, при доминировании первых. В ее основе лежали идеологические и внешнеполитические причины. Однако это не было «греческим фиаско» российского императора, постоянную смену официальных тактических установок решения греческого вопроса определяли изменения в международной ситуации, сложности дипломатической конъюнктуры, а главное — объективные задачи государственной политики.
4. Определенное влияние на непоследовательность греческой политики России в первой четверти XIX в. оказал субъективный фактор, т. е. неоднозначность личности Александра I, склонного к неожиданной и резкой смене политического курса.
5. Греческий вопрос сыграл важную роль в процессе возвращения М. М. Сперанского на правительственный Олимп России в начале 1820-х гг., что нашло отражение в возможном участии реформатора в создании программного документа, направленного на его решение.

¹ *Ари Г. Л.* Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М., 2013. С. 19–32, 35–53.

² *Мецержякова А. О.* Внешняя политика Павла I и идея «Русского Константинополя» // Русско-византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 39–44.

³ *Шпаро О. Б.* Освобождение Греции и Россия. 1821–1829. М., 1965; *Фадеев А. В.* Россия и восточный кризис 20-х гг. XIX века. М., 1958; *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972; *Ари Г. Л.* 1) Иоанн Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809–1822. М., 1976; 2) Греческий вопрос во внешней политике России (1814–1820 гг.) // История СССР. 1978. № 3. С. 144–168; 3) Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М., 2013.

⁴ В первоначальном варианте акта Священного союза стояло выражение «единая христианская нация», но под воздействием Франца I и Фридриха-Вильгельма III, а главное — К. Меттерниха оно было заменено на «единый народ христианский». См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. первая. Т. 8. Май 1814 г. — ноябрь 1815 г. М., 1972. С. 504–505.

⁵ *Орлик О. В.* «Европейская идея» Александра I // Новая и новейшая история. 1997. № 4. С. 44–68.

⁶ Цит. по: *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: Опыт исторического исследования: в 2 т. Т. 1. СПб., 1912. С. 219–220.

⁷ Сам И. А. Каподистрия как умеренный либерал дважды отвергал предложения членов «Филики Этерия» стать во главе общества и в целом греческого освободительного движения, считая, что революционные действия приведут Грецию к бедствиям. См.: *Шпаро О. Б.* Освобождение Греции и Россия. С. 116, 294.

- ⁸ И. Каподистрия. Записка о служебной деятельности // Сборник ИРИО. Т. 3. СПб., 1868. С. 225–226; *Шпаро О. Б.* Освобождение Греции и Россия. С. 44–46.
- ⁹ Цит. по: *Шпаро О. Б.* Освобождение Греции и Россия. С. 51.
- ¹⁰ *Арш Г. Л.* Греческая революция 1821–1829 гг.: люди и судьбы // Россия и Греция: История и современность. М., 2008. С. 27–28.
- ¹¹ *Андреева Т. В.* Александр I и мифологема «всеевропейского заговора революционеров» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 2. История. Вып. 4. С. 25–34.
- ¹² Цит. по: *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Т. 1. С. 558.
- ¹³ Первые секретные протоколы о праве вмешательства союзников во внутренние дела европейских стран в случае возникновения там революционной ситуации были подписаны главами России, Франции, Австрии, Пруссии в 1818 г. на конгрессе в Ахене. См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. 1815–1830 гг. Т. 2 (10). М., 1979. С. 431–432.
- ¹⁴ Там же. Т. 4 (12). М., 1981. С. 591.
- ¹⁵ *Арш Г. Л.* Греческий вопрос во внешней политике России (1814–1820 гг.). С. 144–168.
- ¹⁶ Опись документам, возвращенным М. М. Сперанскому из кабинета Александра I. Писарская копия // ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанский). Д. 47. Л. 60 – 60 об.
- ¹⁷ *Сперанский М. М.* Дневник, веденный с момента возвращения в Петербург после опалы. 24 марта 1821 г. – 21 апреля 1828 г. Автограф чернилами // Там же. Д. 42. Л. 2 – 7 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 10, 11 об., 13 – 13 об., 16.
- ¹⁹ Цит. по: *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Т. 1. С. 295–296.
- ²⁰ Цит. по: *Рахмиров П. Ю.* Князь Меттерних: человек и политик. Пермь, 2005. С. 206.
- ²¹ Письма (14) черниговскому гражданскому губернатору, сенатору, зятю М. М. Сперанского А. А. Фролову-Багрееву. 18 марта 1822 г. – 17 февраля 1823 г. Автографы чернилами // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 1962. Л. 17 – 17 об.
- ²² *Сперанский М. М.* Дневник, веденный с момента возвращения в Петербург после опалы. Л. 53 об.
- ²³ Там же. Л. 21 об., 39 об.
- ²⁴ Там же. Л. 62 об.
- ²⁵ Conversation d'adieu de Capodistria. Прощальная беседа Каподистрии, касающаяся урегулирования греко-турецких отношений. 7 августа 1822 г. // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 888. Л. 1 – 2 об.
- ²⁶ В дневнике М. М. Сперанского есть почти дословное воспроизведение этой мысли. В записи от 17 ноября 1823 г. сказано: «Предмет миссии константинопольской есть negotiation между турками и греками. Турок уговорить не трудно, но греки едва ли согласятся быть полусвободными без гарантии» (*Сперанский М. М.* Дневник, веденный с момента возвращения в Петербург после опалы. Л. 91 об.).
- ²⁷ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Январь 1823 г. – декабрь 1824 г. Т. 5 (13). М., 1982. С. 314–319.
- ²⁸ *Гуткина И. Г.* Противоречия европейских держав в первые годы греческой войны за национальную независимость (1823–1826 гг.) // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Т. 288. Л., 1966. С. 158.
- ²⁹ *Выскочков Л. В.* Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2018. С. 503–508.

References

ANDREEVA T.V. *Aleksandr I i mifologema "vseevropetskogo zagovora revolyutsionerov"* [Alexander I and the mythologeme of the "All-European conspiracy of revolutionaries". In Russ.] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2008. Ser. 2. Istoriya. Vyp. 4. S 25–34.

ARSH G. L. *Grecheskaya revolyutsiya 1821–1829 gg.: lyudi i sud'by* [The Greek Revolution of 1821–1829: people and destinies. In Russ.] // *Rossiya i Gretsia: Istoriya i sovremennost'*. Moscow, 2008. S. 27–28.

ARSH G. L. *Grecheskii vopros vo vneshnei politike Rossii (1814–1820 gg.)* [The Greek question in Russia's foreign policy (1814–1820). In Russ.] // *Istoriya SSSR*. 1978. No. 3. P. 144–168.

ARSH G. L. *Ioann Kapodistriya i grecheskoe natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie. 1809–1822*. Moscow, 1976. (In Russ.).

ARSH G. L. *Rossiya i bor'ba Gretsii za osvobodzhdenie: ot Ekateriny II do Nikolaya I. Ocherki* [Russia and Greece's struggle for liberation: from Catherine II to Nicholas I. Essays. In Russ.]. Moscow, 2013.

DOSTYAN I. S. *Rossiya i balkanskii vopros: Iz istorii russko-balkanskikh politicheskikh svyazei v pervoi treti XIX v.* [Russia and the Balkan Question: From the history of Russian-Balkan political relations in the first third of the 19th century. In Russ.]. Moscow, 1972.

FADEEV A. V. *Rossiya i vostochnyi krizis 20-kh gg. XIX veka.* [Russia and the Eastern crisis of the 20s of the 19th century. In Russ.]. Moscow, 1958.

MESHCHERYAKOVA A. O. *Vneshnyaya politika Pavla I i ideya "Russkogo Konstantinopolya"* [Foreign policy of Paul I and the idea of "Russian Constantinople". In Russ.] // *Russko-vizantiiskii vestnik*. 2020. No. 1 (3). P. 39–44.

NIKOLAI MIKHAILOVICH, vel. kn. *Imperator Aleksandr I: Opyt istoricheskogo issledovaniya: v 2 t. T. 1*. St. Petersburg, 1912. (In Russ.).

SHPARO O. B. *Osvobodzhdenie Gretsii i Rossiya. 1821–1829* [Liberation of Greece and Russia. 1821–1829. In Russ.]. Moscow, 1965.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Т. В. Андреева. Вопрос о независимости Греции во внешней политике России в первой четверти XIX в. и М. М. Сперанский // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 126–139

Аннотация: В статье анализируется процесс трансформации российской политики в отношении Греции в 1821–1825 гг. Позиция Александра I применительно к восстанию под руководством А. К. Ипсиланти в Молдавии и революции в самой Греции исследуется в динамике, контексте революционных событий в Европе и тесной связи с усилением либеральной парадигмы в России. Особое внимание уделено выявлению объективных и субъективных факторов, определению идеологических и внешнеполитических причин неустойчивой позиции российского императора в отношении Греции, рассмотрению внутри- и внешнеполитических аспектов оформления компромиссного проекта решения греко-турецкого конфликта в виде «Мемуара» 1824 г., предполагавшего раздел Греции на Восточную, Западную и Южную и создание особых княжеств наподобие Дунайских, а также выявлению роли И. А. Каподистрии и М. М. Сперанского в его создании.

Ключевые слова: Российская империя, первая четверть XIX в., внешняя политика, греческий вопрос, Александр I, И. А. Каподистрия, М. М. Сперанский.

FOR CITATION

T. V. Andreeva. The question of Greek independence in Russia's foreign policy in the first quarter of the 19th century and M. M. Speransky // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, P. 126–139

Abstract: The article analyzes the process of transformation of Russian policy towards Greece in 1821–1825. The position of Alexander I in relation to the uprising led by A. K. Ypsilanti in Moldova and the Revolution in Greece itself is studied in the dynamics, context of revolutionary events in Europe and in close connection with the strengthening of the liberal paradigm in Russia. Special attention is paid to the identification of objective and subjective factors, the definition of ideological and foreign policy reasons for the unstable position of the Russian emperor in relation to Greece, consideration of domestic and foreign policy aspects of the design of a compromise draft solution to the Greek-Turkish conflict in the form of a "Memorandum" of 1824, which assumed the division of Greece into Eastern, Western and Southern and the creation of special principalities

like the Danube, identifying the role of I. A. Kapodistrias and M. M. Speransky in its creation.

Key words: the Russian Empire, the first quarter of the 19th century, foreign policy, the Greek question, Alexander I, I. A. Kapodistrias, M. M. Speransky.

Автор: **Андреева, Татьяна Васильевна** — д. и. н., ведущий научный сотрудник отдела новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН.

Author: **Andreeva, Tatiana Vasilyevna** — doctor of historical sciences, leading researcher of the Department of Modern History of Russia at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: ta-a.andreeva2014@yandex.ru

Т. Н. Жуковская

Школа для империи: М. М. Сперанский и С. С. Уваров о просвещении как инструменте реформирования империи

Один из первых западных биографов С. С. Уварова Цинтия Виттекер отмечала близость воззрений, а также взаимную приязнь двух выдающихся реформаторов первой половины века — М. М. Сперанского и С. С. Уварова. При этом американская исследовательница допускала, что Уваров разделял основные идеи М. М. Сперанского, воплощенные в его проектах 1809–1811 гг., которые, при условии их осуществления, позволили бы России войти в лоно просвещенных европейских государств, основанных на «фундаментальных» законах. «Кажется, нет сомнений в том, что они были единомышленниками, — писала Ц. Виттекер, — Сперанский, признавая в Уварове первоклассный ум, не без преувеличения утверждал, что они с Карамзиным — самые выдающиеся русские ученые»¹.

В настоящей статье мы попытаемся показать, что Сперанский разделял в том числе и представления Уварова о центральной роли школы и просвещения в изменении социального облика многонациональной страны, в ее культурной и политической европеизации. С этими воззрениями молодой С. С. Уваров вступил в должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа 31 декабря 1810 г., их он последовательно отстаивал в течение 10 с лишним лет, до вынужденной отставки, облекая свои идеи в систему

кадровых, административных, научно-педагогических реформ. Достаточно сказать, что за это время ему удалось апробировать новую программу преподавания для гимназий, преобразовать существовавший в столице Педагогический институт в университет, укрепить его в кадровом, научном и хозяйственном отношении, открыть при университете Учительский институт для подготовки народных учителей². В дальнейшем, когда Уваров возглавил Министерство народного просвещения, идеология школьных реформ и их механизмы были скорректированы, облечены в привлекательную для императора Николая I риторичку так называемой «теории официальной народности», но в целом политика МНП в «уваровские» 1830–1840-е гг. демонстрировала преемственность в отношении целей образовательных реформ начала века.

Результатом этих реформ, независимо от их идеологического обрамления, стало выстраивание национальной системы просвещения, которая учитывала культурно-национальную неоднородность Российской империи и при этом была ориентирована на европейские, преимущественно немецкие, стандарты научного знания, формы организации преподавания и исследований. Более того, российская наука в годы управления С. С. Уварова как министра и президента Петербургской академии наук встраивалась в европейскую не посредством приглашения в Россию готовых специалистов, как ранее, а в форме подготовки нового поколения российских ученых непосредственно в европейских научных центрах. Те же, в свою очередь, транслировали с университетских кафедр передовое знание (в том числе в области истории, права, политических наук) будущим специалистам: юристам, учителям, журналистам, государственным чиновникам.

Личные отношения между двумя реформаторами установились, по видимому, в 1810–1811 гг., т. е. еще до ссылки М. М. Сперанского, когда он находился на вершине своего влияния, а 24-летний Уваров возглавил столичный учебный округ. После того как Сперанский был «прощен» и возвращен на службу, отношения двух «просвещенных бюрократов» стали более доверительными, несмотря на различия в возрасте, воспитании, статусе. В 1817 г., во время своего отпуска, Уваров встречался со Сперанским в Пензе, где тот 2,5 года пребывал в должности гражданского губернатора. Разумеется, он занимался тогда и сферой образования. Среди других дел Сперанский успел рассмотреть и удовлетворить прошение дворянства Чембарского и Нижнеломовского уездов об открытии двух уездных училищ. Уже отправившись в Сибирь согласно новому назначению, М. М. Сперанский пишет Уварову: «Я почитаю себя весьма счастливым, что видел вас в Пензе. В Иркутске вряд нам увидаться». С момента встречи в Пензе между двумя интеллектуалами на государственной службе возникла доверительная переписка, отражающая их взаимное уважение, приверженность активной преобразовательной деятельности, любовь к науке и знанию.

В фонде Сперанского в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки сохранились два письма Уварова за 1819 г.³, одно из которых опубликовано; известно также ответное письмо Сперанского Уварову. Сквозной темой писем является состояние народного просвещения и науки, в прямой связи с назначением Уварова в 1818 г. президентом Петербургской академии наук.

К тому времени уже можно было оценить и успешность либеральных реформ 1800-х гг. по устройству сети школ и университетов, и успехи Уварова в управлении столичным учебным округом, наглядным выражением которых стало преобразование Главного педагогического института в Санкт-Петербургский университет.

Школа, как и армия, в многонациональной империи является площадкой национальной и культурной унификации, а в значительной мере и политической мобилизации. Уваров на всех этапах своей карьеры был последовательным сторонником наилучшего европейского образования для элиты, создания каналов рекрутирования в элиту из низов (не исключая сословия государственных крестьян), смягчения народных нравов посредством массового обучения (отсюда — увлечение в конце 1810-х гг. идеями и практикой ланкастерских школ). Через систему университетов и высших специальных учебных заведений формировалась новая элита, которая по своему происхождению являлась преимущественно дворянской и полиэтничной, но превращалась в группу носителей универсальных ценностей: интеллектуальных, культурных, профессиональных. Одновременно создание школьной сети с тремя уровнями обучения (начальная, средняя, высшая школа) решало кадровые проблемы государственной службы, бюрократические задачи стандартизации и контроля, культурной и территориальной унификации империи, и, что особенно важно, задачи ненасильственного воспитания лояльности элит вновь присоединенных территорий. Это движение представлялось постепенным, избегающим ограничений и репрессий, предполагающим действие «мягкой силой». О роли школы и образования в развитии Российской империи два талантливейших бюрократа своего времени мыслили во многом сходно.

М. М. Сперанский в своем проекте 1809 г. представлял администрирование школы как часть социальной инженерии, подчиненную Министерству внутренних дел, как важную отрасль «народного хозяйства». Он полагал, что «департамент просвещения» может существовать в составе МВД достаточно самостоятельно, и притом не предполагает «другого надзора, кроме охранения от злоупотреблений»⁴. В трактате «Руководство к познанию законов», написанном в последние годы жизни для наследника Александра Николаевича, Сперанский описывает круг действий отдельного министерства, целью которого является «главное управление училищных заведений»⁵. Так или иначе, данная сфера управления была предметом его постоянного внимания.

Сперанского, так же как Уварова, волновала необходимость сочетать принцип сословности с распространением просвещения как основной целью ре-

форм. В 1800–1830-х гг. образование быстро превращалось в главный социальный регулятор и инструмент модернизации. Как известно, Сперанский был творцом указа 6 августа 1809 г. об экзаменах на чин, предписывавшего не определять никого спустя пять лет после устройства в том или ином учебном округе «училищной части» — к «гражданской должности, требующей юридических и других познаний». Чиновникам, желающим занять такие должности, предписывалось пройти курс наук «в общественном или частном училище» и сдать соответствующие экзамены установленным порядком. Вскоре во всех действующих университетах, а также в Петербургском педагогическом институте были организованы из профессоров «комитеты испытаний», удостоверяющие познания чиновников⁶. С. С. Уваров стал главным адептом и проводником данного указа, поскольку в столичном учебном округе масса чиновников, под него подпадавших, была наибольшей. Желавшие получить чин VIII класса и, соответственно, потомственное дворянство слушали профессорские лекции на «внешнем» курсе как вольнослушатели, сдавали экзамены «комитету испытаний» по предметам университетского курса. Сохранившиеся протоколы «комитета испытаний» Педагогического института в Петербурге говорят об интенсивности заседаний данного комитета, точнее нескольких предметных комиссий, через которые в течение года проходили десятки статских и военных чиновников.

Однако к концу первого десятилетия реформ Александра I Сперанский еще оценивал успехи российского просвещения весьма пессимистично. Пока «великие издержки, сделанные на сию часть правительством, есть совершенная потеря времени и денег», — констатировал он в записке «О силе правительства» (1810)⁷.

В связи с этим сохранившаяся переписка Уварова и Сперанского 1819 г. интересна как неформальный обмен мнениями по предмету, интересующему обоих корреспондентов. По форме она напоминает утешительную беседу двух интеллектуалов, которые прекрасно понимают друг друга и общаются без церемоний. Уваров называет Сперанского не иначе как «любимый и почтенный Михайло Михайлович». В письмах обсуждается и тема просвещения Сибири как неизбежное следствие миссии Сперанского и ее задач. Уваров пишет Сперанскому 23 апреля 1819 г.: «Новое ваше назначение открывает вам обширное поприще делать добро как государственный чиновник и как просвещенный христианин. Я уверен впредь, что... миссии добра с трудом пробьются сквозь мрак, покрывший несчастную Сибирь, <...> я радуюсь душевно при мысли, что свет правосудия и человечества озарит сей огромный и прекрасный край нашего Отечества»⁸. Вслед за тем Уваров сообщает об избрании Сперанского почетным членом Академии наук. Избрание Сперанского, кстати, произошло вскоре после избрания в почетные члены Академии Александра фон Гумбольдта и задолго до наделения этим статусом тогдашнего министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына. Это говорит о сознательных попытках Уварова поднять авторитет российской науки, опираясь на влиятельных

соотечественников и европейцев, но в отношении Сперанского этот акт предвосхищал полную реабилитацию последнего в глазах власти.

В финале указанного письма, которое было написано Уваровым накануне обсуждения составленного им обширного проекта устава Санкт-Петербургского университета, он намекает на противодействие враждебной «партии» в Министерстве народного просвещения, но пишет об этом иронически: «В Пензе вряд ли нам увидеться, воспрепятствует Святая Инквизиция, а бедных *pois libéaux* отправит для исправления под вашу опеку (т.е. в Сибирь. — Т. Ж.); но я сего не опасюсь: Инквизиция наша более скучна нежели зла, а Либералисты так рассеяны и так слабы, что и опасаться их нельзя. За тем примите, любимый и почтенный Михайло Михайлович, будьте здоровы, бодрствуйте духом и телом. Преданный Вам Ув[аров]»⁹.

О своей миссии в Сибири Сперанский много размышлял, имея в виду не только управление, но и просвещение края, которому следовало придать новый вид. Он пишет дочери 15 апреля 1819 г.: «Одна разлука с тобою составляет всю мрачную сторону моего нового назначения... Думаю, впрочем, что и без расчетов самолюбия путешествие мое для образования сего края будет не бесполезно. Может быть, Жуковские и Мерзляковы из рода тунгусов и остяков воспоют некогда мое имя, как греки воспевали своего Кадма или скандинавцы Одина. Само собою разумеется, что в сих песнях и ты не будешь забыта, и имя Елизаветы... займет несколько полустихий в их гексаметрах»¹⁰.

Однако, занимаясь администрированием Сибири и народов, ее населяющих, Сперанский порой сомневался, нужно ли дикарям европейское просвещение. В июле 1819 г., он наблюдает и так описывает киргизский национальный праздник. «Были в Омске, на границе Европейского образования. Дикие Киргизы придвинувшись с своими юртами давали мне праздник, то есть давали нам видеть, как они жрут почти сырых баранов и пьют кумыс (кобылье молоко). После сего было ристалище. Оно состояло в скачке. Молодые люди один после другого старались тут нагнать верхом скачущую девицу, одну из лучших невест; а она отбивалась от женихов плетью. Нет ничего отвратительнее дикой природы, если в самом деле это есть природа, а не одичавшее ее произведение»¹¹. Из приведенного описания видно, что Сперанскому чуждо отвлеченно-возвышающее отношение сентименталистов к туземцам как детям природы, не испорченным цивилизацией. Тем сложнее представлялось ему распространение среди народов Сибири элементов европейской цивилизации.

Уварову же Сперанский 18 сентября 1819 г. отвечал из Иркутска благодарностью за причисление к Академии наук. «Я действительно ему благодарен», — поясняет он, пересылая свое письмо Уварову с А. А. Столыпиным, с просьбой вручить лично¹². Сперанский не хочет отрываться от общественных и литературных новостей и просит Уварова прислать ожидаемый из печати IX том «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, а также другие книги, с «оказией», которая предоставлялась в лице Пекинской миссии. Он от-

кровенно делится с Уваровым впечатлением от своей трудной, на пределе сил, миссии в Сибири, осмысляя ее философски и представляя как странствование: «Не заключите из сего, что я сожалею о сем странствовании. Не я выбрал его сам собою, но рад, что оно для меня выбрано. Нравственная или лучше сказать, политическая сторона сего края, местное управление его и род дел, на меня возложенных, превышают почти все мое терпение». Сперанский понимает, что оказался «на последней почти границе европейского образования. В 60-ти верстах отсюда, за Байкалом, оно кончится, там начнется другое образование, другое чувство изящного, другая религия»¹³.

С. С. Уваров отвечает Сперанскому отправлением новых книг, среди которых «первый свод тома нового собрания академических путешествий», дополняющих «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова. «Первая часть путешествия Лепехина скоро выходит из печати, — сообщает он. — Сверх того, найдете вы еще несколько новостей как то записки (здесь запрещенные) аббата Жоржеля о России. Вообще литература беднеет каждый день. Политика все поглощает, все умы устремлены к предметам, входящим в ее круг».

При этом Уваров не огорчает корреспондента сообщением о том, что сам он потерпел неудачу при обсуждении в Главном правлении училищ своего главного «детища», проекта либерального устава для Санкт-Петербургского университета. Наоборот, он пытается поддержать Сперанского на его реформаторском поприще: «Бороться со всем и даже с самим собой есть девиз человека на поприще жизни гражданской и даже моральной. Конечно, борьба не всегда удачная, но для совести своей всегда необходимая. Даже и отдыхать слаще после бурной службы гражданской, — отдыхать с друзьями всех столетий, живыми и мертвыми, с Вами, с Цицероном, с Монтенем...» Миссия Сперанского видится Уварову знаковой эпохой в истории Сибири. «Говоря недавно о Сибири, случилось мне сказать, что история Сибири делится на две только Эпохи: 1-я от Ермака до Пестеля, 2-я от Сперанского до... ХХХ. Это моя мысль и мое убеждение! Я смею ласкаться надеждою, что я, некоторым образом, содействую вам в великом предприятии вашем. Основание и распространение восточных языков должно произвести и распространение здравых понятий об Азии в ее отношениях к России. Вот поприще огромное, еще не озаренное лучами разума, новое поле славы неприкосновенной, — источник новой национальной политики, долженствующей спасти нас от дряхлости преждевременной и от Европейской заразы...»¹⁴

При комментировании этого высказывания, прозвучавшего в письме Уварова Сперанскому от 1 декабря 1819 г., есть соблазн усмотреть в позиции Уварова 1819 г. боязнь «европейской заразы» и уже на этом этапе карьеры вписать его в число консерваторов-антизападников. Такую прямолинейную трактовку идейной эволюции Уварова допускают его современные биографы М. М. Шевченко, А. Ю. Минаков, С. В. Удалов и др.¹⁵, что не позволяет различить «линию Уварова» 1817–1824 гг. на фоне генерального курса министерства

А. Н. Голицына. Однако анализ всего комплекса высказываний Уварова того времени и, в частности, контекст его переписки со Сперанским свидетельствуют в пользу того, что слова о «европейской заразе» сказаны им иронически, в форме троллинга ее тогдашних разоблачителей, прежде всего М. Л. Магницкого, главного оппонента Уварова в Министерстве народного просвещения.

Что касается собственно миссии М. М. Сперанского как сибирского генерал-губернатора, то дневник его перемещений по пути в Сибирь и по Сибири — это хроника именно просветительских усилий, прилагаемых там, где это было только возможно. Достаточно сказать, что Сперанский дважды посетил Казанский университет — на пути в Сибирь и на возвратном пути, оценил его проблемы и состояние, посетил Иркутскую гимназию, единственную в Сибири, созданную в 1805 г. на базе Главного народного училища. Во время визита старший учитель гимназии в приветственной речи выразил Сперанскому благодарность за то, что он своим отношением дал «прочность» и приходским училищам, оживил их «на долгое время»¹⁶.

Сперанский на своем пути осматривает существующие уездные училища и частные школы, приводит в действие уже подготовленные меры по открытию новых школ. 23 сентября 1819 г. он сообщает дочери из Иркутска: «Учредили и на сих днях открыли Ланкастерскую школу; по счастью со мною была книжка о сей методе, и все вскипело. <...> Таким образом все в порядке, и зима наша пройдет не бесплодно». Через А. И. Тургенева он запрашивает из Петербурга «с первую почтою таблицы, к методе сей принадлежащие и верно уже напечатанные»¹⁷. 17 февраля 1820 г. Сперанский посещает уездное училище в Селенгинске, открывает здесь отделение Библейского общества¹⁸, 29 февраля 1820 г. открывает еще одно отделение в Нерчинском уездном училище, поощряет благотворителей училищ, 29 июня 1819 г. была открыта казачья школа в Омске, 3 октября 1820 г. (уже на возвратном пути) реформатор обозревает Омскую инженерную школу, 7 февраля 1820 г. Тобольскую духовную семинарию. 4–5 марта в Верхнеудинске он рассматривает правила управления бурятских родов, принимает присягу старейшин в присутствии лам. То есть административное упорядочение территорий и племен, населявших просторы Сибири, которое создало Сперанскому репутацию ее реформатора, было развернуто им одновременно с активностью просветительской в широком, миссионерском смысле.

Результаты этих усилий не могли проявиться сразу, но через поколение стали очевидны. Символичным можно считать тот факт, что в 1845 г. сибирский юноша Дмитрий Менделеев, младший сын директора училищ Тобольской губернии Ивана Менделеева, питомца «уваровского» Педагогического института, прибыл учиться в Петербург. Уже в 1840-х гг. в столичном университете формируется сибирское студенческое землячество, представителем которого был, например, педагог и этнограф Д. И. Белов.

- ¹ *Виттекер Ц. Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. С. 66–67.
- ² *Жуковская Т. Н., Пустовойт И. С.* С. С. Уваров и его проекты 1811–1821 годов (к 200-летию преобразования Главного Педагогического института в Санкт-Петербургский университет) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Т. 10. № 7 (17). С. 113–129.
- ³ См.: ОР РНБ. Ф. 731. Д. 2185. Л. 1–5: Переписка С. С. Уварова и М. М. Сперанского. 1819. Одно из писем Уварова было опубликовано дважды, в том числе в 1896 г. А. Ф. Бычковым: Собственноручное письмо С. С. Уварова М. М. Сперанскому 1 декабря 1819 г. / Сообщ. академик А. Ф. Бычков // Русская старина. 1896. Т. LXXXVIII. Октябрь. С. 158. Первое письмо Уварова, от 23 апреля 1819 г. не публиковалось. Известно ответное письмо М. М. Сперанского от 18 сентября 1819 г. (Опубл.: *Сперанский М. М.* Путешествие в Сибирь. С 31 марта 1819 по 8 февраля 1821 года. Дневник графа Михаила Михайловича Сперанского. СПб.: изд. Императорской Публичной библиотеки, 1872. С. 231–232).
- ⁴ *Сперанский М. М.* Введение к уложению государственных законов // Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 384.
- ⁵ Руководство к познанию законов. С. 401.
- ⁶ *Феребов А. Н.* Развитие норм указа 6 августа 1809 года в ходе его реализации в первой трети XIX в. // Российская история. 2018. № 6. С. 103–120.
- ⁷ Руководство к познанию законов. С. 413.
- ⁸ ОР РНБ. Ф. 731. Д. 2185. Л. 3. Благодарю И. С. Пустовойта за указание на этот документ.
- ⁹ Там же. Л. 4.
- ¹⁰ *Сперанский М. М.* Путешествие в Сибирь. С. 144.
- ¹¹ Там же. С. 197–198.
- ¹² Там же. С. 252.
- ¹³ Там же. С. 231.
- ¹⁴ Там же. С. 233–234.
- ¹⁵ См. посвященный С. С. Уварову выпуск журнала: Тетради по консерватизму: альманах. 2018. № 1.
- ¹⁶ *Сперанский М. М.* Путешествие в Сибирь. С. 64.
- ¹⁷ Там же. С. 254.
- ¹⁸ Там же. С. 46.

References

FEREBOV A. N. *Razvitie norm ukaza 6 avgusta 1809 goda v khode ego realizatsii v pervoi tretii XIX v.* [The development of the norms of the decree of August 6, 1809 in the course of its implementation in the first third of the 19th century. In Russ.] // Rossiyskaya istoriya. 2018. No. 6. P. 103–120.

Sobstvennоручное pis'mo S. S. Uvarova M. M. Speranskomu 1 dekabrya 1819 g. [A handwritten letter from S. S. Uvarov to M. M. Speransky on December 1, 1819. In Russ.]. Soobshch. akademik A. F. Bychkov // Russkaya starina. 1896. T. LXXXVIII. Oktyabr'. P. 158.

SPERANSKII M. M. *Puteshestvie v Sibir'. S 31 marta 1819 po 8 fevralya 1821 goda. Dnevnik grafa Mikhaila Mikhailovicha Speranskogo.* [Travel to Siberia. From March 31, 1819 to February 8, 1821. Diary of Count Mikhail Mikhailovich Speransky. In Russ.]. St. Petersburg: izd. Imp. Publichnoi biblioteki, 1872.

SPERANSKII M. M. *Vvedenie k Ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov.* [Introduction to the Code of State Laws. In Russ.] // Speranskii M. M. Rukovodstvo k poznaniyu zakonov. St. Petersburg: Nauka, 2002. P. 335–394.

WITTEKER Ts. Kh. *Graf Sergei Semenovich Uvarov i ego vremena.* [Count Sergei Semenovich Uvarov and his time. In Russ.]. St. Petersburg: Akademicheskii projekt, 1999.

ZHUKOVSKAYA T. N., PUSTOVOIT I. S. *S. S. Uvarov i ego proekty 1811–1821 godov (k 200-letiyu preobrazovaniya Glavnogo Pedagogicheskogo instituta v Sankt-Peterburgskii universitet).* [S. S. Uvarov and his

projects of 1811–1821 (to the 200th anniversary of the transformation of the Main Pedagogical Institute into St. Petersburg University). In Russ.] // Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Gumanitarnye issledovaniya. 2019. T. 10. No. 7 (17). S. 113–129.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Т. Н. Жуковская. Школа для империи: М. М. Сперанский и С. С. Уваров о просвещении как инструменте реформирования империи // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 140–148

Аннотация: Статья анализирует отражение в переписке М. М. Сперанского и С. С. Уварова 1819 г. основных проблем, стоявших в тот момент перед реформаторами просвещения в Российской империи. Среди них — противодействие со стороны «инквизиции», одерживающей верх в Министерстве народного просвещения, культурная инородность всего российского Востока, лежавшего за Уралом, одиночество реформаторов, колоссальный размах стоявших перед ними задач. Тем не менее подвижническая деятельность М. М. Сперанского во время его миссии по ревизии и управлению Сибирью дала ощутимые результаты не только в сфере административной унификации территорий и народов Сибири, но и в направлении устройства учебных заведений: гимназий, уездных и приходских училищ, ланкастерских школ. Общий культурный багаж и взаимоуважение корреспондентов сближают их позиции в оценке перспектив просвещения России и ее восточных окраин.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, С. С. Уваров, реформы просвещения при Александре I, Сибирское генерал-губернаторство, народные училища, просвещение инородцев.

FOR CITATION

T. Zhukovskaya. School for the empire: M. M. Speransky and S. S. Uvarov on education as a tool for reforming the empire // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 140–148

Abstract: The article analyzes the reflection in the correspondence of M. M. Speransky and S. S. Uvarov in 1819 of the main problems facing the reformers of education in the Russian Empire at that time. Among them are opposition from the “Inquisition”, which is gaining the upper hand in the Ministry of Public Education, the cultural heterogeneity of the entire Russian East, which lies beyond the Urals, the loneliness of the reformers, the colossal scope of the tasks they faced. Nevertheless, the selfless activity of M. M. Speransky during his mission to revise and manage Siberia gave tangible results not only in the field of administrative unification of the territories and peoples of Siberia, but also in the direction of organizing educational institutions: gymnasiums, county and parish schools, Lancaster schools. The common cultural baggage and mutual respect of the correspondents bring their positions closer in assessing the prospects for education in Russia and its eastern outskirts.

Key words: M. M. Speransky, S. S. Uvarov, education reforms under Alexander I, Siberian Governor General, public schools, education of aliens.

Автор: Жуковская, Татьяна Николаевна — к. и. н., старший научный сотрудник Отдела новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН.

Author: Zhukovskaya, Tatiana Nikolaevna — Candidate of Sciences in History, Senior Researcher, Division of New History of Russia of St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences

E-mail: tzhukovskaya@yandex.ru

С. А. Исаев

Проекты М. М. Сперанского и политический опыт США

Цели, к которым стремился М. М. Сперанский, предлагая проекты реформирования политического устройства Российской империи, он сформулировал в записке «О силе правительства» (1811) следующим образом: «Во всех временах первое правило правительства есть быть *справедливым*, но в наше время первая нужда есть быть *сильным* и *богатым*»¹.

М. М. Сперанский считал, что для достижения этой цели государственная власть должна быть организована в соответствии с принципами, которые он в 1802 г. описал так: «Весьма важный во всяком самодержавном правлении вопрос: каким образом, не разделяя власти в существе ее, так распределить действие по разным частям государственного управления, чтоб каждая из них имела свое постоянное движение и все бы соединялись в одном средоточии, в особе государя»².

В 1809 г., во «Введении к Уложению государственных законов», Сперанский описывает в качестве обязательной нормы эту же триаду властей: «Три силы движут и управляют государством: сила законодательная, исполнительная и судная. Начало и источник сих сил в народе»³.

М. М. Сперанский считал, что именно таким образом устроена современная ему Франция, т. е. империя Наполеона I⁴. Однако в это время не Франция, а Соединенные Штаты Америки пользовались репутацией страны, где принцип разделения властей на три перечисленные ветви был положен в основу государственного устройства. Более того: в 1788 г. один из составителей Конституции США — Джеймс Мэдисон — в статье, написанной, чтобы убедить штаты

ратифицировать Конституцию, подчеркивал, что предлагаемый основной закон страны предусматривает, строго говоря, не разделение (division), а распределение (distribution) властей. Мэдисон соглашался с Монтескье, что сосредоточение всей полноты законодательной, исполнительной и судебной власти в одних руках было бы тиранией и потому недопустимо. Но и модель такого строгого разделения властей, в которой вся полнота законодательной власти находилась бы в руках, условно говоря, Конгресса, вся полнота исполнительной власти — в руках президента, а вся полнота судебной власти — у Верховного Суда, представлялась ему нереалистичной, да и нежелательной. Мэдисон констатировал, что в Конституции США основные, но не все, законодательные полномочия вручены Конгрессу США; исполнительная власть — в основном, но не исключительно — президенту США; судебная власть — в основном, но не вся — Верховному Суду. При этом создатели Конституции США вручили судебному органу — Верховному Суду — право судить о конституционности законов (законодательную функцию), а Сенату — право импичмента президента (серьезный рычаг воздействия на исполнительную власть)⁵. Эти и прочие отступления от строгого разделения властей американцы назвали «системой сдержек и противовесов» (system of checks and counterbalances). В обиходе для обозначения этого принципа государственного устройства закрепилось выражение «разделение властей», хотя точнее было бы «распределение», как у Сперанского.

Таким образом, у М. М. Сперанского были основания интересоваться политическим опытом США и ссылаться на него. Фактически же упоминания о США в основном корпусе опубликованных текстов Сперанского немногочисленны.

1. Во «Введении к Уложению государственных законов» (1809) М. М. Сперанский пишет: «Три великие системы издревле разделяли политический мир: система республик, система феодальная и система деспотическая»⁶.

В древних античных республиках граждане участвовали в выработке законов и тем самым ограничивали «власть державную». Феодальная система — это власть самодержавная, но ограниченная, причем ограниченная не законом, а, как выражается Сперанский, «вещественным или, так сказать, материальным ее разделением». Сперанский тут выражается туманно, что для него необычно. Вероятно, он имеет в виду то обстоятельство, что при плохом развитии путей сообщения в феодальной Европе и слабом бюрократическом аппарате короли имели мало возможностей вмешиваться в жизнь сколько-нибудь отдаленных частей своих владений. Деспотизм никаких законов не соблюдает, но деспотизма, по Сперанскому, в Европе не может быть — деспотизм только на Востоке. В истории же средневековой Европы Сперанский видит «борьбу системы республик с системою феодальною». Сначала эта борьба приводит не к победе республиканского принципа, а лишь к трансформации феодальной системы. Трансформируется она в то, что мы привыкли называть абсолютизмом. Правда,

Сперанский этим термином не пользуется: он пишет, что во время и после крестовых походов «установление регулярных войск и первое образование порядка в государственных сборах» привели к трансформации «первой феодальной системы» во «вторую феодальную систему». «Вторую феодальную систему» Сперанский предлагает назвать «феодальным самодержавием»: «Ни политической, ни гражданской свободы еще не было, но в той и другой положены уже были основания».

Далее он описывает трансформацию, которую для основной части Европы мы можем датировать XVII — началом XIX в.: «Время, просвещение и промышленность предприняли воздвигнуть новый вещей порядок». При этом «достижение политической свободы», в изображении Сперанского, было то ли средством созидания этого порядка, то ли обязательным атрибутом этого нового порядка. Этот «третий переход от феодального правления к республиканскому» привел к тому, что начался «третий период политического состояния государств. Англия первая открыла сей новый круг вещей; за нею последовали другие государства: Швейцария, Голландия, Швеция, Венгрия, Соединенные Американские области и, наконец, Франция.

Во всех сих превращениях время и состояние гражданского образования были главным действующим началом. Тщетно власть державная силилась удержать его напряжение; сопротивление ее воспалило только страсти, произвело волнение, но не остановило перелома. ...Сколько крови можно было бы сберечь, если бы правители держав, точнее наблюдая движение общественного духа, сообразовались ему в началах политических систем и не народ приспособляли к правлению, но правление к состоянию народа. Тот же самый ряд происшествий представляет нам история нашего отечества...»⁷

После обзора российской истории под таким углом зрения следует вывод: «Государство наше стоит ныне во второй эпохе феодальной системы, то есть в эпохе самодержавия, и, без сомнения, имеет прямое направление к свободе». К этим своим словам Сперанский сделал примечание, которое могло и испугать консервативного читателя: «В общем счете времени успехи в России идут несравненно быстрее, нежели шли они в те же эпохи в других государствах»⁸.

2. В той же работе, в связи со своим проектом учреждения в России «законодательного сословия», Сперанский бросает взгляд на современный ему Запад: есть ли в передовых европейских странах сословия? Во Франции революция упразднила сословия; Наполеон начал их восстанавливать — Сперанский считал, что неудачно. В Англии и США сословий нет — «но заметить должно, что там земли обрабатываются большею частью наймом и крестьяне не имеют твердой оседлости. В России распорядок сей был бы невозможен»⁹.

Итак, разделение на сословия, по М. М. Сперанскому, скорее благо, чем зло. Отсутствие такого разделения в США оправданно и объясняется особыми историческими обстоятельствами, но не может служить аргументом против проекта создания нового сословия, предлагаемого для России.

3. Наконец, в последней своей работе — «Руководство к познанию законов» (1838) — после констатации недостатков республиканского устройства, из-за которых республики, как правило, охватывали своей властью лишь небольшие территории, Сперанский указывает, что для преодоления этих недостатков республики иногда объединяются в федерации. Опять-таки я использую привычное для нас слово, при том что в тексте Сперанского фигурирует другое: «Отсюда произошел особенный вид смешанных республик, известных под именем соединенных штатов (NB: со строчной буквы! — *С. И.*), как то некогда было в Голландии и ныне есть в Северной Америке и в Швейцарском Союзе»¹⁰.

Кроме того, в опубликованных текстах Сперанского есть многочисленные отсылки к истории финансовой системы США. Однако факты финансовой истории США Сперанский всегда ставит в ряд с фактами из истории французских и британских финансов, не указывая ни на какие американские особенности.

И ведь нельзя сказать, будто для Сперанского США были настолько другой цивилизацией, что опыт ее не мог иметь для России никакого значения. В маловажных аспектах — мог. Почему же только в маловажных?

Мой ответ на этот вопрос — не категорическое утверждение, но лишь предположение, подлежащее проверке.

М. М. Сперанский был настоящим романтиком бюрократии. Поле его реформ — это многолюдный, рационально и сложно организованный государственный аппарат, который собирает налоги и распоряжается накапливаемыми средствами, а в военной обстановке — и людьми. Распоряжается на общее благо.

Такой государственный аппарат во времена Сперанского был во Франции, Пруссии, в меньшей мере — в Великобритании. Но в США численность федеральных служащих во времена Сперанского не превышала 20 тыс. человек (при населении США в 1820 г. 9638 тыс.), причем в большинстве своем это были работники почтового ведомства, а не чиновники в привычном для нас смысле этого слова¹¹. В США до Гражданской войны не было регулярного федерального налогообложения бизнеса и частных лиц: федеральная казна пополнялась через продажу западных земель и взимание пошлин с импортируемых товаров¹². Не было и системы государственного долга. Точнее говоря, в 1790-х гг. такую систему попытался создать министр финансов Александр Гамильтон, но уже администрация президента Томаса Джефферсона в 1801–1809 гг. ее демонтировала, а в 1835 г. правительство США — в первый и в последний раз в истории страны — полностью погасило государственный долг¹³.

Даже профессиональные историки США нередко превозносили раннюю американскую государственность (1787–1860 гг.) — как нечто уникальное и едва ли не чудесное: регулярно, как часы, проводимые выборы; мирный переход власти от одной партии к другой; довольно независимая судебная система;

строгое соблюдение прав личности. В континентальной Европе такого не было почти нигде. Ореол «американского чуда» начал рассеиваться в 1991 г., когда Ричард Франклин Бензел (р. 1949) — профессор Корнелльского университета — выпустил фундаментальную монографию «Левиафан янки: происхождение авторитета центральной власти в Америке, 1859–1877». Еще в 1968 г. С. Хантингтон предложил следующий обобщающий алгоритм формирования современной государственности в странах Европы в XVIII–XIX вв.: сначала абсолютистское государство, затем специализация и профессионализация бюрократического управления, и наконец демократизация власти через установление контроля парламентов над государственным аппаратом. Бензел, принимая схему Хантингтона, тем не менее описал развитие США как аномалию: вторая и третья позиция поменялись местами: после избавления от британской власти в США на федеральном уровне осуществилась демократизация, тогда как профессиональная бюрократия появилась только во время и после Гражданской войны. Объясняя, как такое стало возможно, Бензел констатировал, что в США в период 1789–1860 гг. обычные для основных государств Европы функции — налогового пресса, распределения расходных статей бюджета, воинского призыва — выполняли власти отдельных штатов. До 1860 г. функционал федеральной власти США был очень скромным. И Бензел предположил, что стабильность американской демократии до 1860 г. объяснялась просто-напросто тем, что «цена вопроса» на любых федеральных выборах в США была невелика¹⁴.

Российским современникам М. М. Сперанского эта особенность американской государственности была отлично известна. Например, русский посланник Андрей Яковлевич Дашков в донесении канцлеру Н. П. Румянцеву от 26 июля / 7 августа 1813 г. упоминал федеральное правительство во главе с президентом Мэдисоном как «администрацию, которая здесь мало что значит»¹⁵. И подобных высказываний в донесениях российских дипломатов можно насчитать десятки.

Так надо ли удивляться, что опыт деятельности такой куцей власти Сперанскому был просто неинтересен, априори не представлялся сколько-нибудь поучительным? М. М. Сперанский не дожил до времен, когда и в США сформировалась сильная федеральная бюрократическая вертикаль и когда американцам пришлось решать проблемы, похожие на те, которыми занимался он. В частности, «закон Пендлттона», вводивший экзамены для соискателей должностей и ряд запретов для чиновников, был принят в 1883 г. Федеральное регулирование бизнеса началось, когда в 1887 г. Конгресс США учредил Комиссию по торговле между штатами.

Впрочем, многие тексты М. М. Сперанского пока не опубликованы и известны только специалистам, работающим с ними в архивах. Не исключено, что упоминания о политическом опыте США имеются также и в них и они подтвердят или опровергнут мое предположение.

- ¹ *Сперанский М. М.* Избранное / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. В. С. Парсамов. М.: РОССПЭН, 2010. С. 385.
- ² Там же. С. 229. («Примечания о Сенате», 1802, 3 мая).
- ³ Там же. С. 307.
- ⁴ Там же. С. 321.
- ⁵ Федералист: Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея. М.: Прогресс, 1993. С. 323–330. (№ 47).
- ⁶ *Сперанский М. М.* Избранное. С. 313.
- ⁷ Там же. С. 314–315. («Введение к Уложению государственных законов», 1809).
- ⁸ Там же. С. 318.
- ⁹ Там же. С. 335.
- ¹⁰ Там же. С. 581.
- ¹¹ Численность федеральных государственных служащих США в 1821 г. составляла 6914 чел., из них в столице работали 603 чел.; в 1841 г. — 18 038 чел., в столице — 1014 (The Statistical History of the U. S. Stamford (Conn.), 1965. P. 710).
- ¹² Как сообщил министр финансов США Леви Вудбери в своем докладе Конгрессу 8 декабря 1835 г., в 1833 г. доходная часть бюджета США составила 33 млн долл., в том числе доход от таможенных сборов — 29 033 тыс. долл., а от продажи земель — 3967 тыс. (American State Papers. Documents of the Congress of the U. S. in relation to the Public Lands, from the 1st Session of the 24th to the 2nd Session of the 24th Congress. Vol. VIII. Washington, 1861. P. 2–3).
- ¹³ Президент Эндрю Джексон с гордостью объявил об этом 8 января 1835 г. Сколько длилось пребывание США в таком состоянии, мнения историков расходятся. К 1 января 1836 г. долг составлял скромную сумму в 37 тыс. долл. Астрономический рост государственного долга США приходится на годы Гражданской войны.
- ¹⁴ *Bensel R. F.* Yankee Leviathan. The Origins of Central State Authority in America, 1859–1877. Cambridge, 2003. P. 5, 94–105.
- ¹⁵ Россия и США: Становление отношений. 1765–1815 / Сост. Н. Н. Башкина и др. М.: Наука, 1980. С. 609.

References

- American State Papers. Documents of the Congress of the U.S. in relation to the Public Lands, from the 1st Session of the 24th to the 2nd Session of the 24th Congress. Vol. 8. Washington, 1861.
- BENSEL R. F. *Yankee Leviathan. The Origins of Central State Authority in America, 1859–1877.* Cambridge, 2003.
- Federalist. Politicheskie esse Aleksandra Gamil'tona, Dzhejmsa Medisona i Dziona Dzheya.* [Federalist. Political essays by A. Hamilton, D. Madison, and D. Jay. In Russ.]. Moscow, 1993.
- Rossiya i SSHA: Stanovlenie otnoshenij, 1765–1815.* [Russia and the USA: Formation of relations. In Russ.] / Sost.: N. N. Bashkina i dr. Moscow, 1980.
- SPERANSKIY M. M. *Izbrannoe* [Selected writings. In Russ.] / Sost., avtor vstupitel'noj stat'i i komment. V. S. Parsamov. Moscow, 2010.
- The Statistical History of the U. S.* Stamford (Conn.), 1965.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

С. А. Исаев. Проекты М. М. Сперанского и политический опыт США // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 149–155

Аннотация: В своих проектах М. М. Сперанский весьма последовательно придерживался принципа необходимости разделения властей на классические три ветви: законодательную, исполнительную и судебную (или распределения властей между законодательными, исполнительными и судебными структурами). Однако для обоснования пользы от такого разделения он никогда не ссылался на опыт США: страны, где в Конституции такое разделение было проведено наиболее последовательным образом. В статье высказана рабочая гипотеза, призванная объяснить это противоречие. Предметом реформирования в проектах Сперанского был бюрократический аппарат, способный собирать весьма внушительные налоги и использовать их на нужды страны. В США на федеральном уровне такой аппарат отсутствовал до начала Гражданской войны в 1861 г. Не было ни подоходного налога, ни налога с оборота, а доходы бюджета формировались из таможенных сборов и поступлений от продажи земель. Многие функции, которые в Европе выполнялись властями соответствующих стран, в США выполнялись властями штатов. Подробно динамику развития федеральной государственности США в этом аспекте впервые описал Ричард Бензел в монографии «Левиафан янки». Бензел проследил последовательность этапов политической модернизации в Европе, открытую Сэмюэлем Хантингтоном: 1. Укрепление и консолидация центральной власти в государстве; 2. Профессионализация бюрократического аппарата; 3. Участие народа в политике — и показал, что в США 2-й и 3-й процессы имели место в обратной последовательности. Проблемы, над которыми работал Сперанский, в США возникли уже после кончины Сперанского.

Ключевые слова: абсолютизм, Бензел, Ричард Франклин (р. 1949), бюрократия, Конституция США 1787 г., модернизация, Мэдисон, Джеймс (1751–1836), принципы политического устройства, разделение властей, распределение властей, Сперанский М. М. (1772–1839).

FOR CITATION

S. A. Isaev. The projects by Michael M. Speranskiy and the U. S. political experience // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 149–155

Abstract: M. M. Speranskiy was consistent in upholding the principle of necessity to divide power into three classical branches: legislative, executive, and judicial (or, rather of necessary distribution of powers between legislative, executive, and judicial bodies). But he did never refer to the experience of the USA, as to the proof that such division was useful. The article proposes a hypothesis explaining this point. The subject of reforming, in Speranskiy's plans, was bureaucratic apparatus, collecting taxes and re-distributing incomes for the common interests of the Empire. But such type of bureaucratic apparatus was almost absent in the U. S., on federal level, till the beginning of the Civil War in 1861. There were neither income tax nor turnover tax: the bulk of income was from customs, and from selling public lands. Many functions provided in Europe by the authorities of national states, were provided, in the U.S., by the authorities of the States of the USA. The development of American Federal statehood in this aspect was originally described by Richard Bensele in his "Yankee Leviathan" (1991). Bensele traced the sequence of political modernization discovered by Samuel Huntington for Europe: 1st, the extension and consolidation of central state power; 2nd, bureaucratic specialization; and 3rd, popular political participation — demonstrating that in the U.S. the 2nd and the 3rd stages changed places. The subjects of Speranskiy's concern emerged in the U. S. only after Speranskiy's decease.

Key words: absolutism, Bensele, Richard Franklin (b. 1949), bureaucracy, distribution of powers, division of powers, Madison, James (1751–1836), modernization, principles of statehood, the U. S. Constitution, 1787, Speranskiy, Michael M. (1772–1839).

Автор: Исаев, Сергей Александрович — к. и. н., старший научный сотрудник, и. о. заведующего отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН.

Автор: Isaev, Sergei Aleksandrovich — the candidate of sciences in history, senior research worker, acting chairman of the Department of General History, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: isayevsviir@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9491-3510

В. В. Кучурин

М. М. Сперанский и русский мистицизм: историко-биографические аспекты

Цель статьи — рассмотреть процесс формирования религиозных взглядов Михаила Михайловича Сперанского в контексте сложной конфигурации личных и социальных взаимосвязей с адептами русского и европейского мистицизма и эзотеризма начала XIX в. Реконструкция этих связей Сперанского с мистико-эзотерическим сообществом поможет раскрыть роль личного выбора, инициативы и внешней среды в формировании его религиозно-мистического или эзотерического мировоззрения.

Известно, что Сперанский заинтересовался всякого рода мистическими, а точнее теософскими и эзотерическими учениями, между 1803 и 1804 гг. и, по собственному признанию, десять лет провел в их изучении¹. Указание на это имеется в письме Сперанского Ф. И. Цейеру (1813 или 1814 г.), в котором он писал: «Вся наша духовность собственно сводилась к теософии. К ней же относятся творения Бема, С. Мартена, Сведенборга и т. п. Это лишь азбука. Десять лет провел я в ее изучении...»² Кроме того, особый интерес представляют письма Сперанского к Феофилакту Калужскому (1804–1806 гг.), П. А. Слобцову (1808–1809 гг.) и письма И. В. Лопухина к Сперанскому (1804–1806 гг.)³.

Многие исследователи жизни и творчества Сперанского с трудом находили объяснение такому странному, на их взгляд, интересу к мистике и эзотерике. Но если вслед за Ельчаниновым принять во внимание религиозное воспитание Сперанского в детстве, богословское образование в семинарии и распространенность мистических и эзотерических идей в российском обществе начала XIX в., добавить к этому влияние, которое имела смерть жены, приведшая его

в полное отчаяние, то эта странная духовная эволюция становится вполне ясной и понятной⁴.

Поскольку масонство было запрещено в Российской империи, Сперанский, как и другие искатели эзотерической мудрости, действовал в обстановке вынужденной секретности и для знакомства с адептами эзотерических знаний, приобщения к тайным масонским обществам использовал разные способы, в том числе служебные и дружеские связи, и таким образом постепенно расширял эзотерический круг своего общения.

Впрочем, прилагать значительные усилия в поисках масонов и адептов эзотеризма Сперанскому не пришлось. В министерстве внутренних дел, где он служил с 1802 г., было немало тех, кто тем или иным образом имел отношение к масонским ложам, в том числе его непосредственный начальник министр внутренних дел В. П. Кочубей. Но особую роль в эзотерическом развитии Сперанского сыграл поступивший на службу в министерство внутренних дел в конце 1802 г. Федор Петрович Лубяновский, который благодаря своему дяде масону-розенкрейцеру XVIII в. З. Я. Карнееву еще в университетские годы познакомился со многими представителями эзотерического сообщества, прежде всего масонами-розенкрейцерами, и попал под их значительное духовное и нравственное влияние.

Между Лубяновским и Сперанским сложились теплые, по сути дружеские отношения. В мемуарах Лубяновский так вспоминал общение со Сперанским: «В продолжении семи лет редкий день проходил без того, чтоб мы не виделись и не говорили о всем — о земном и неземном»⁵. Характер бесед, на содержание которых намекает Лубяновский, дает основания предполагать, что именно он, а не Иван Владимирович Лопухин, один из руководителей масонов-розенкрейцеров XVIII в., который в начале XIX в. окончательно отошел от масонства, но тем не менее продолжал свои духовные мистико-эзотерические искания, стал первым проводником Сперанского в незнакомое ему эзотерическое сообщество, с представителями которого он активно искал общения.

В частности, есть свидетельства, что поначалу Сперанский, возможно, не без участия Лубяновского, обратился к великому мастеру санкт-петербургской масонской ложи Умирающего сфинкса А. Ф. Лабзину и попросил ввести его в масонское братство. Однако скрытный и недоверчивый Лабзин отказал новоявленному искателю масонских тайн, о чем в 1810 г. в письме к Д. П. Руничу писал: «Во время оно он у меня их (масонских градусов. — В. К.) добивался: но я ни лоскута бумаги ему не дал; а у него потом явились и Пастырское послание и Пордечь...»⁶

Как же Сперанский узнал об этих важных для масонов-розенкрейцеров книгах? Ответ известен. Благодаря знакомству в 1804 г. с И. В. Лопухиным, состоявшемуся с учетом вышеприведенных фактов при непосредственном участии и под влиянием Лубяновского⁷.

В течение нескольких лет Лопухин, ставший духовным учителем Сперанского в масонских и эзотерических таинствах, регулярно наставлял своего ученика и «прелюбезного друга», высылая ему для чтения и перевода разнообразную эзотерическую литературу, в том числе книги Дж. Пордеча и Пастырское послание Хр. А. Гаутвица⁸. Среди рекомендуемых книг были также сочинения Ж. М. Гюйон, И. Таулера, Фомы Кемпийского, Ф. Фенелона, Я. Беме, И. Г. Юнга-Штиллинга, К. Эккартсгаузена и др.⁹

Сперанский, надо заметить, осваивал новые мистико-эзотерические идеи на удивление быстро и столь же быстро переходил от ученической роли к роли учителя и наставника, горячо проповедовавшего свое новое мировоззрение. В частности, в письмах к Феофилакту Калужскому 1804 г. его риторика уже отражала очевидное влияние эзотерической литературы, которую ему рекомендовал Лопухин вплоть до 1806 г.

К 1803 г. относится также знакомство Сперанского с Александром Николаевичем Голицыным, ставшим обер-прокурором Св. синода. Здесь мы уже видим зарождение еще одной линии взаимоотношений, которая связана с религиозно-мистическими интересами Сперанского и которая хорошо изучена итальянской исследовательницей Р. Фаджионато¹⁰. Впрочем, в это время Голицын еще не был вовлечен в эзотерические искания.

Таким образом, в 1803–1806 гг. Сперанский весьма интенсивно интересовался мистицизмом и эзотеризмом. И у него постепенно начал складываться собственный круг эзотерического общения, наиболее значимыми фигурами которого были Лубяновский и Лопухин. Но, затем, как заметил еще Ельчанинов: «Точные указания на новое мировоззрение обрываются... Но ошибочно было бы думать, что выработка мировоззрения была приостановлена в это время»¹¹.

Действительно, Сперанский продолжал свои духовные искания и круг его эзотерических контактов только расширился, при этом опять не без помощи и Лубяновского, и Лопухина, с которыми он сохранил дружеские отношения. Отрывочные сведения об этом имеются в нескольких источниках: письмах А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу, воспоминаниях Ф. П. Лубяновского и записке М. Л. Магницкого¹².

При этом особого внимания заслуживает вопрос об отношении Сперанского к хилиастическому обществу «Народ Божий», или «Новый Израиль», так как в исследовательской литературе это либо замалчивалось, либо рассматривалось мимоходом.

В России влияние общества «Новый Израиль» прослеживается еще в XVIII в., но особого развития эта хилиастическая организация тогда не получила. В начале XIX в. идеи «Нового Израиля» активно проповедовал в российском обществе граф Тадеуш Лециц-Грабянка, выдававший себя за «посланника Провидения»¹³. Идеология этого общества имела антимасонский характер и представляла собой своеобразную смесь сведенборгианства, католицизма, оккультных наук, к которым были добавлены почитание Девы Марии как

четвертой ипостаси Божией и Афанасьевский символ веры, а отдельные члены изучали и практиковали алхимию, александрийскую теургию, герметизм, нумерологию и духовно-мистическую интерпретацию сновидений¹⁴. Об этом свидетельствует сохранившееся «Краткое известие о новооткрывшемся обществе», а также следственные материалы по делу Грабянки¹⁵.

Что касается участия в обществе Сперанского, то, несмотря на мнение большинства исследователей, например, российского историка масонства А. И. Серкова¹⁶ и англичанина Р. Коллиса¹⁷, которые не включают его в состав общества Грабянки, имеется ряд свидетельств разной степени достоверности, указывающих, что он все-таки интересовался этим обществом и даже общался с его руководителем. И поэтому тема связей Сперанского с обществом «Новый Израиль» требует дальнейшего изучения.

Наиболее раннее свидетельство о связи Сперанского с Грабянкой принадлежит Лабзину, который в письме Д. П. Руничу сообщал, что Сперанский «подъезжал и к Ленивцеву и к бедному старику гр. Грабянке» и «после над всеми стал смеяться»¹⁸.

Знакомство Сперанского с Александром Александровичем Ленивцевым, масоном-розенкрейцером, который в XVIII в. руководил теоретическим градусом в Петербурге и который, по словам одного из наиболее авторитетных и влиятельных масонов-розенкрейцеров в начале XIX в. Иосифа Алексеича Поздеева, был инициатором вступления в Общество Грабянки многих петербуржцев из числа своих друзей¹⁹, вероятнее всего, состоялось в 1806 г. Однако обстоятельства и подробности этого знакомства неизвестны.

В свою очередь Ленивцев, активно рекрутировавший новых членов в общество «Нового Израиля» из числа петербургских розенкрейцеров, мог рекомендовать Грабянке и Сперанского, и Лубяновского.

Есть и еще один документ, которому сложно доверять, но с учетом свидетельства Лабзина, входившего в общество «Новый Израиль», он заслуживает серьезного внимания. Речь идет о доносе Михаила Леонтьевича Магницкого Николаю I в 1831 г., в котором без подтверждающих доказательств автор писал о том, что Лубяновский и Сперанский посещали собрания общества «Новый Израиль».

В частности, он указывал: «Не помню точно в котором году, но, кажется, около 1807 года, явилось на горизонте петербургского иллюминатства новое светило: Грабянко (граф), поляк, член авиньонского общества пророков. В весьма короткое время сделал он великие успехи через m-me d'Atigny, жившую в доме Марии Антоновны Нарышкиной. Он познакомился с сей последней и в комнатах Озерова, гофмаршала государя цесаревича, в Мраморном дворце, открыл ложу, в которую ездили: Нарышкина, m-me d'Atigny, Озеров с женою, Сперанский, служивший директором Министерства внутренних дел, Лубяновский, бывший секретарем при графе Кочубее, и многие другие, которых имена можно видеть в бумагах Грабянки.

Как собрания сии открывались молитвою “Отче наш”, ограничивались изъяснением Евангелия, не довольствуя пытливости некоторых слушателей, простиравших виды свои далее, то два из них, мне известные, Сперанский и Лубяновский, дошли до особенных свиданий с Грабянкою, у него на дому; но в то самое время, как они наиболее с ним сблизились, полиция взяла его под стражу, и в захваченных у него бумагах найдены не только список всех членов, но и дневник, в который записывал он с подробностью все разговоры бывших у него посетителей»²⁰.

Так представлял дело Магницкий в своем доносе Николаю I. Прочитав его внимательно, мы можем заметить, что автор демонстрирует очевидную осведомленность об истории общества «Новый Израиль», о котором он мог знать либо из документов дела Грабянки 1807 г., либо от непосредственных участников событий, и поэтому определенной степени доверия они заслуживают.

В этом доносе есть одно важное для нас свидетельство, которое можно подтвердить и другими документами. В частности, нам известно из мемуаров Лубяновского, что он посещал собрания Общества Грабянки, но вступать в его члены не стал²¹. В «Деле Грабянки» есть список лиц, в котором наряду с другими указан Лубяновский²². Не исключено, что это был список лиц, планировавших вступить или вступивших в общество.

Что касается Сперанского, то о его участии в собраниях Общества Грабянки Лубяновский в своих воспоминаниях ничего не писал. О мотивах осторожности Лубяновского в описании событий достаточно далекого прошлого пока можно только догадываться.

Таким образом, в настоящее время мы располагаем запасом не до конца выверенных фактов, на основе которых невозможно категорически утверждать, что Сперанский входил в общество Грабянки, хотя вероятность бесед Сперанского с Грабянкой весьма велика. Но столь же вероятна описанная Лабзиным реакция на новоявленного пророка — «посмеялся».

Притом за этим «посмеялся» следует видеть осознанную критическую позицию Сперанского, которому культурно и психологически были ближе не мистико-эсхатологические фантазии и ложный мистицизм Грабянки, а более взвешенный, рационалистический взгляд на религию. Отсюда зафиксированное Лабзиным ироническое отношение Сперанского ко многим розенкрейцерам, легко увлекшимся незадачливым пророком и даже порвавшим связи с масонством.

По крайней мере знакомство Сперанского в 1809 г. с Родионом Александровичем Кошелевым — весьма интересной для нас фигурой масона и мистика, который многое сделал для религиозного обращения Александра I, не привело его в круг последователей Грабянки, который после разгрома общества «Новый Израиль» собирался в доме Плещеевой и в который входили Р. А. Кошелев, А. А. Ленивцев и обер-прокурор Св. синода А. Н. Голицын (с 1810 г.). Связь Сперанского с этим кругом заслуживает дальнейшего изучения.

Важно также и то, что в этот период Сперанский, в отличие от Голицына и его нового окружения, увлекавшегося немасонским религиозным пиетизмом и мистикой, обратил внимание на масонство как на средство воспитания у граждан благочестивых религиозных чувств²³.

С этим связан следующий этап в развитии религиозно-мистического мировоззрения Сперанского, который приходится на 1808–1812 гг. В это время он не только продолжил знакомство с мистико-эзотерическими учениями, но вместе с немецким философом, богословом и масоном И.-А. Фесслером решил сделать масонство государственным учреждением, а масонов — служащими этого учреждения. Таким образом Сперанский хотел вписать масонство в разработанную им общую государственную систему страны как идеологический инструмент духовного или нравственного воспитания нации. При этом в качестве государственной идеологии он предлагал идеи, характерные для масонской системы Фесслера, основанной только на первых трех Иоанновских степенях и христианизированном варианте масонской вселенской религии, в которой «согласны между собой все без исключения люди». Сперанский считал масонскую систему Фесслера чуждой фанатизма и «лживой mysticite» и противопоставлял ее шведскому масонству и розенкрейцерству, которые противны «порядку, установленному в обществе, т[ак] к[ак] они все признают вторую власть рядом и независимо от власти законной — status in statu»²⁴. По сути, это был проект масонской реформы, направленный на огосударствление масонства. Однако в сложившихся политических условиях Сперанскому не удалось его реализовать²⁵.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на мнение Р. Фаджионато, которая, исходя из круга общения Сперанского, указывает на розенкрейцеровские, а не мистико-пиетические корни его религиозной позиции²⁶. Само розенкрейцеровское мировоззрение она рассматривает как «синтез гуманистических идеалов западного Ренессанса-Просвещения и восточнохристианской традиции, синтез, который реализуется в конкретной повседневной жизни»²⁷. На наш взгляд, утверждение о розенкрейцеровских корнях религиозной позиции Сперанского верно лишь отчасти. Дело в том, что розенкрейцерство представляло собой мистико-эсхатологическое общество, связанное с активным, деятельным совершенствованием человека и общества на основе познания Бога, природы и личности. Кроме того, ритуалы и учение ордена Злато-розового креста имели очевидную ориентацию на алхимию. Розенкрейцеры считали, что глубочайшая масонская тайна заключается именно в алхимии и открывается лишь в высших розенкрейцеровских степенях.

Но рассматривая связь Сперанского с масонами-розенкрейцерами, надо учитывать, что русское розенкрейцерство изначально не было единым в идейном плане. Одних, например, И. В. Лопухина, Ф. П. Лубяновского, А. А. Левинцева больше привлекали пиетизм, мистика, теософия или так называемая духовная алхимия, а других, в первую очередь широко известного Н. И. Новикова, — практическая, экспериментальная алхимия²⁸.

Проведенный нами анализ формирования религиозных взглядов Сперанского в контексте сложной конфигурации личных и социальных взаимосвязей с адептами русского и европейского мистицизма и эзотеризма начала XIX в. показывает, что Сперанский, демонстрировавший в своих мистико-религиозных исканиях самостоятельную позицию, увлекался не практической розенкрейцерской алхимией, в которой он видел «фанатизм и “лживую mysticite”», а христианским пиетизмом, мистикой и теософией.

- ¹ См.: *Ельчанинов А. В.* Мистицизм М. М. Сперанского // Богословский вестник. 1906. Т. 1. № 1. С. 114 (2-я паг.).
- ² Письма Сперанского к Ф. И. Цейеру // Русский архив. 1870. № 1. Стб. 176.
- ³ См.: Переписка М. М. Сперанского с разными лицами // В память графа Михаила Михайловича Сперанского. СПб., 1872. С. 366–401, 407–431; Письма И. В. Лопухина к М. М. Сперанскому // Русский архив. 1870. № 3. Стб. 609–622.
- ⁴ *Ельчанинов А. В.* Мистицизм М. М. Сперанского. С. 113–114.
- ⁵ Воспоминания Ф. П. Лубяновского // Русский архив. 1872. № 3–4. Стб. 481.
- ⁶ Письма А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу // ОР РНБ. Ф. 656. Ед. хр. 24. Л. 224.
- ⁷ По крайней мере А. Ф. Лабзин указывал, что Сперанский «мог получить некоторые градусы <...> от Ф[едора] П[етровича], от Ив[ана] Вл[адимировича] и пр.» (Письма А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу // ОР РНБ. Ф. 656. Ед. хр. 24. Л. 224).
- ⁸ См.: Письма И. В. Лопухина к М. М. Сперанскому // Русский архив. 1870. № 3. Стб. 622.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: *Faggionato R.* Mikhail Speranski and Aleksandr Golitsyn: Rosicrucian reforms in Russia during the reign of Alexander I // Rivista storica italiana. 1999. No. 111 (2). P. 423–475.
- ¹¹ *Ельчанинов А. В.* Мистицизм М. М. Сперанского. С. 118.
- ¹² См.: Письма А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу. Л. 201 об. — 202; Воспоминания Ф. П. Лубяновского. Стб. 476–479; *Магницкий М. Л.* Два доноса в 1831 г. Всеподданейшие письма М. Магницкого императору Николаю об иллюминатах // Русская старина. 1899. № 2. С. 296–297.
- ¹³ Подробнее о Т. Лещице-Грабянке и обществе «Новый Израиль» в России см.: *Лонгинов М. Н.* Один из магов XVIII века // Русский вестник. 1860. Т. 28. № 8. Кн. 2. С. 579–603; *Пьтин А. Н.* Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 368–380; *Вернадский Г. В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб., 1999. С. 120–124; *Серков А. И.* История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 59–62; *Collis R., Bayer N.* Light from the North Tadeusz Grabianka the New Israel Society and Millenarian Sentiment Among the Russian nobility 1788–1807 // A Century Mad and Wise: Russia in the Age of the Enlightenment. Groningen: Russia Centre, 2015. P. 353–368.
- ¹⁴ *Harrison J. F. C.* The Second Coming. Popular Millenarianism 1780–1850. London, 1979. P. 70; *Snoek J. A. M.* Illuminés d'Avignon // Dictionary of Gnosis and Western Esotericism / Ed. W. J. Hanegraaff. Leiden: Brill, 2006. P. 598–600; *Collis R., Bayer N.* Light from the North Tadeusz Grabianka the New Israel Society and Millenarian Sentiment Among the Russian Nobility 1788–1807. P. 354.
- ¹⁵ См.: *Пьтин А. Н.* Русское масонство. С. 372–380. «Дело о графе Грабянке, секретаре Симонине и о слуге Леймане» находится в Российском государственном историческом архиве (далее — РГИА) (Ф. 1163).
- ¹⁶ *Серков А.* Российские масоны. 1721–2019. Биографический словарь. Век XIX. Т. IV. М., 2020. С. 253–255.

- ¹⁷ См.: *Collis R., Bayer N. Light from the North Tadeusz Grabianka the New Israel Society and Millenarian Sentiment Among the Russian Nobility, 1788–1807*. P. 353–368.
- ¹⁸ Письма А. Ф. Лабзина к Д. П. Руничу. Л. 201 об. — 202.
- ¹⁹ См.: «Благодетель» Пьера Безухова, Иосиф Алексеевич Поздеев и его переписка. Т. 1. М., 2022. С. 248.
- ²⁰ *Магницкий М. Л.* Два доноса в 1831 г. С. 296.
- ²¹ Воспоминания Ф. П. Лубяновского. Стб. 477.
- ²² См.: Дело о графе Грабянке, секретаре Симонине и о слугителе Леймане // РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Д. 16(б). Л. 740.
- ²³ Ср.: *Фаджионатто Р.* Александр Николаевич Голицын // Против течения: исторические портреты русских консерваторов. Воронеж, 2005. С. 225–227.
- ²⁴ *Серков А. И.* История русского масонства в XIX веке. С. 71.
- ²⁵ Подробнее о проекте масонской реформы Сперанского см.: *Серков А. И.* История русского масонства в XIX веке. С. 76–94; *Кучурин В. В.* Из истории политической борьбы в начале XIX века: нереализованный проект масонской реформы М. М. Сперанского // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3. С. 6–18.
- ²⁶ См.: *Faggionato R.* Mikhail Speranski and Aleksandr Golitsyn: Rosicrucian reforms in Russia during the reign of Alexander I // *Rivista storica italiana*. 1999. No. 111(2). P. 423–475.
- ²⁷ *Фаджионатто Р.* Александр Николаевич Голицын. С. 228.
- ²⁸ *Халтурин Ю. Л., Кучурин В. В., Родиченков Ю. Ф.* «Небесная наука»: европейская алхимия и российское розенкрейцтерство в XVII–XIX веках. СПб., 2015. С. 81.

References

- “Blagodetel” *P’yera Bezukhova, Iosif Alekseyevich Pozdeyev i yego perepiska*. [“Benefactor” of Pierre Bezukhov, Iosif Alekseyevich Pozdeev and his correspondence. In Russ.] Т. 1–2. Moscow, 2022.
- COLLIS R., BAYER N. *Light from the North Tadeusz Grabianka the New Israel Society and Millenarian Sentiment Among the Russian Nobility, 1788–1807* // *A Century Mad and Wise: Russia in the Age of the Enlightenment*. Groningen: Russia Centre, 2015. P. 353–368.
- ELCHANINOV A. V. *Mistitsizm M.M. Speranskogo*. [Mysticism of M.M. Speransky. In Russ.] // *Bogoslovskiy vestnik*. 1906. Т. 1. No. 1. P. 90–123 (2nd pag.).
- FAGGIONATO R. *Mikhail Speranski and Aleksandr Golitsyn: Rosicrucian reforms in Russia during the reign of Alexander I* // *Rivista storica italiana*. 1999. No. 111 (2). P. 423–475.
- FAGGIONATO R. *Aleksandr Nikolayevich Golitsyn* [In Russ.] // *Protiv techeniya: istoricheskiye portrety russkikh konservatorov*. Voronezh, 2005. S. 218–266.
- HARRISON J. F. C. *The Second Coming. Popular Millenarianism 1780–1850*. London, 1979.
- KUCHURIN V. V. *Iz istorii politicheskoy bor’by v nachale XIX veka: nerealizovannyy proyekt masonskoy reformy M.M. Speranskogo*. [From the history of the political struggle at the beginning of the 19th century: the unrealized project of the Masonic reform of M.M. Speransky. In Russ.] // *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. 2016. No. 3. P. 6–18.
- KHALTURIN YU. L., KUCHURIN V. V., RODICHENKOV YU. F. “*Nebesnaya nauka*”: *yevropeyskaya alkimiya i rossiyskoye rozenkreytserstvo v XVII–XIX vekakh*. [“Heavenly Science”: European alchemy and Russian Rosicrucianism in the 17th–19th centuries. In Russ.] St. Petersburg, 2015.
- LONGINOV M. N. *Odin iz magikov XVIII veka*. [One of the magicians of the 18th century. In Russ.] // *Russkiy vestnik*. 1860. Т. 28. No. 8. Kn. 2. P. 579–603.
- LOPUKHIN I. V. *Pis’ma I. V. Lopukhina k M.M. Speranskomu*. [Letters of I. V. Lopukhin to M. M. Speransky. In Russ.] // *Russkiy arkhiv*. 1870. No. 3. Stb. 609–622.
- [LUBYANOVSKY F. P.] *Vospominaniya F.P. Lubyanovskogo*. [Memoirs of F.P. Lubyanovsky. In Russ.] // *Russkiy arkhiv*. 1872. No. 3–4. Stb. 449–533.
- MAGNITSKIY M. L. *Dva donosa v 1831 g. Vsepoddaneyshiye pis’ma M. Magnitskogo imperatoru Nikolayu ob illyuminatakh*. [Two denunciations in 1831. M. Magnitsky’s all-submissive letters to Emperor Nicholas about the Illuminati. In Russ.] // *Russkaya starina*. 1899. No. 2. С. 289–314.

PYPIN A.N. *Russkoye masonstvo. XVIII i pervaya chetvert' XIX v.* [Russian Freemasonry. 18th and first quarter of the 19th centuries. In Russ.]. Petrograd, 1916.

SPERANSKY M.M. *Pis'ma Speranskogo k F.I. Tseyeru.* [Speransky's letters to F.I. Tseier. In Russ.] // Russkiy arkhiv. 1870. No. 1. Stb. 174–200.

SERKOV A.I. *Istoriya russkogo masonstva XIX veka.* [History of Russian Freemasonry of the 19th century. In Russ.]. St. Petersburg, 2000.

SERKOV A. *Rossiyskiye masony. 1721–2019. Biograficheskiy slovar'. Vek XIX.* [Russian Masons. 1721–2019. Biographical dictionary. Century 19th. In Russ.]. T. I–IV. Moscow, 2020.

SNOEK J. A.M. *Illuminés d'Avignon* // Dictionary of Gnosis and Western Esotericism / Ed. W.J. Hanegraaff. Leiden: Brill, 2006. P. 598–600.

Vpamyat' grafa Mikhaila Mikhaylovicha Speranskogo. [In memory of Count Mikhail Mikhailovich Speransky. In Russ.]. St. Petersburg, 1872.

VERNADSKIY G.V. *Russkoye masonstvo v tsarstvovaniye Yekateriny II.* [Russian freemasonry in the reign of Catherine II. In Russ.]. St. Petersburg, 1999.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. В. Кучурин. М. М. Сперанский и русский мистицизм: историко-биографические аспекты // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 156–164

Аннотация: В статье рассматриваются религиозные взгляды М.М. Сперанского в контексте сложной конфигурации личных и социальных взаимосвязей с адептами русского мистицизма начала XIX в. — А. Ф. Лабзинным, И. В. Лопухиным, Р. А. Кошелевым, А. Н. Голицыным и др., европейскими мистиками — Т. Лещиц-Грабянкой, И.-А. Фесслером, раскрывается роль личного выбора, инициативы и внешней среды на формирование его религиозно-мистического мировоззрения.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, масонство, русский мистицизм, розенкрейцерство.

FOR CITATION

V. V. Kuchurin. M. M. Speransky and Russian mysticism: historical and biographical aspects // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 156–164

Abstract: The article examines the religious views of M.M. Speransky in the context of a complex configuration of personal and social relationships with adherents of Russian mysticism of the early 19th century — A. F. Labzin, I. V. Lopukhin, R. A. Koshelev, A. N. Golitsyn, etc., European mystics — T. Leshchits-Grabyanka, I.-A. Fessler, reveals the role of personal choice, initiatives and the external environment on the formation of his religious and mystical worldview.

Key words: M. M. Speransky, Freemasonry, Russian mysticism, Rosicrucianism.

Автор: Кучурин, Владимир Владимирович — к. и. н, заместитель ректора по инновационной деятельности Ленинградского областного института развития образования.

Author: Kuchurin, Vladimir Vladimirovich — PhD, Deputy Rector for Innovation Leningrad Regional Institute of Education Development.

E-mail: vkpostal@gmail.com

И. В. Олимпиева

М. М. Сперанский и юридическое образование в Российской империи в первой трети XIX века

Михаил Михайлович Сперанский не планировал связывать свою жизнь ни с государственной службой, ни с юриспруденцией. В Александро-Невской семинарии он изучал красноречие, богословие, физику, французский язык, философию и чистую математику, отдавая предпочтение двум последним предметам¹. Вопросы права выходили за рамки программы обучения. Но именно ему, «сыну сельского священника, убогому семинаристу, учителю словесности»², суждено было заложить систему подготовки юридических кадров в Российской империи.

В «Руководстве к познанию законов» М. М. Сперанский отмечал, что изучение законов осуществляется двумя путями: «навыком или употреблением их при производстве дел и наукою». По мнению Михаила Михайловича, для лучшего познания законов необходимо сочетание первого и второго пути, причем наука должна предшествовать, а «навык и употребление следовать за нею»³. Принцип сочетания теории и практики нашел отражение во многих проектах выдающегося государственного деятеля.

Имя М. М. Сперанского неразрывно связано со Сводом законов и, по справедливому замечанию профессора Московского университета Ф. М. Дмитриева, он открыл «новую эпоху в законодательстве России»⁴. К работам по систематизации Российское государство приступило не вдруг. Сперанский был выбран для организации кодификационных работ не случайно. Еще в 1808 г. он

возглавил Комиссию составления законов. До этого десять комиссий на протяжении более ста лет пытались систематизировать отечественное законодательство. К желаемому результату их деятельность не привела и во многом потому, что не была подготовлена наукой. Кроме того, не было специалистов в области законодательных работ. Приглашенные иностранцы не знали ни русского языка, ни русской истории, ни законодательства⁵.

Взошедший на престол император Александр I стремился «дать своему государству новое органичное устройство»⁶, для которого необходимы и органичные законы, но «трудно представить себе что-нибудь безотраднее состояния русских законов в продолжение XVIII века и начале [XIX века]»⁷.

Для проведения реформ следовало подготовить соответствующую почву, прежде всего знающих специалистов. В 1809 г. М. М. Сперанским разработан так называемый «Указ об экзаменах», в соответствии с которым чиновник, желающий продвижения по службе, должен «представить свидетельство от одного из состоящих в империи университетов, что он обучался в оном с успехом наукам, гражданской службе свойственным, или, представ на испытание, заслужил на оном одобрение в своем звании»⁸.

Этот нормативный акт вызвал негативную реакцию среди чиновников, поскольку приобретенный опыт больше не имел значения для дальнейшей карьеры. Кроме того, на практике у служащих требовали наличия не специального образования, необходимого для решения служебных задач, а общего. По мнению Ф. М. Дмитриева, в данном случае Сперанский «показал такт государственного человека», поскольку специальный (административный) экзамен был невозможен в тогдашней России ввиду отсутствия науки права, отработанной судебной практики, юридической и политической литературы. Несмотря на всю противоречивость указа, начиная с 1809 г. более образованные чиновники постепенно начали оттеснять малограмотных «наследников московских приказов»⁹.

Деятельность комиссии, возглавляемой Сперанским вплоть до самой его ссылки, цели не достигла, поскольку, с точки зрения М. А. Корфа, Михаил Михайлович приступил к решению задачи с конца, «т. е. к сочинению нового уложения, не приготовив ни начала — собрания законов, ни середины — свода их»¹⁰. Кроме того, Сперанский, «очарованный» Кодексом Наполеона, пытался переложить французские законы на российскую почву¹¹.

Но мысль о благе России не оставляла государственного деятеля даже в ссылке. В письме к императору Александру I в 1813 г. он, помимо прочего, просит дать ему возможность «окончить какую-либо часть публичных законов... гражданскую, уголовную или судебную»¹². Завершить работу он смог, только когда вторично был привлечен к работе по кодификации российского законодательства в царствование Николая I. Тогда же им были учтены и исправлены многие недостатки в деятельности предыдущих комиссий.

Согласно его плану, предварительно следовало составить полное собрание законов начиная с Уложения 1649 г., извлечь из него свод действующих зако-

нов и только потом приступить к составлению уложения. При этом свод создавался не с целью изменить действующее законодательство, а исключительно как собрание в едином документе всех действующих законов, чтобы в дальнейшем облегчить путь к их усовершенствованию.

Реализация плана была возложена на Второе отделение Собственной его императорского величества канцелярии (СЕИВК). Уровень образования чиновников отделения был высок. В 1826 г. в нем числилось четыре профессора и еще два преподавателя высших учебных заведений. Кроме того, большинство чиновников имело опыт практической работы в области права¹³. Для служащих, не обладающих столь высокой квалификацией, рукой Сперанского были составлены «Трактаты по юриспруденции (теория права и гражданское право)...»¹⁴ ради лучшего понимания возложенных на них задач.

В процессе кодификационных работ Михаил Михайлович утвердился в мысли о необходимости подготовки специалистов-правоведов. В записке Николаю I «О студентах кандидатах правоведения»¹⁵ он отмечал, что две причины тормозят распространение юридического образования в империи: отсутствие учебной литературы и преподавателей. Первую проблему он предлагал решить довольно просто: подготовить две книги (одну для преподавателей, вторую для учащихся)¹⁶. Устранение второй причины требовало значительных усилий. По предложению М. М. Сперанского из Санкт-Петербургской и Московской академий были отобраны по три способных студента и определены в Санкт-Петербургский университет, где им следовало прослушать два курса: по римскому праву и по латинской словесности. Теоретические занятия в университете сопровождались практическим обучением во Втором отделении СЕИВК под руководством преподавателей, принимавших активное участие в работе по составлению Свода законов. Предполагалось, что такой подход к образованию студентов в будущем даст им возможность «давать уроки как публичного, так и частного права, по крайней мере, в двух первых университетах, Московском и Санкт-Петербургском»¹⁷. Сперанский лично составил программу обучения и тщательно наблюдал за ее реализацией, регулярно бывая во Втором отделении. Определяя цели обучения, он отмечал, что студенты «должны... положить основание юридическому училищу и ученому юридическому образованию в России»¹⁸. В его представлении законоведение должно стать «не только приказническим познанием, то есть затверживанием указов, форм и прочего, но познанием ученым, утвержденным на прочных основаниях, соединенных с познанием всех соприкосновенных наук»¹⁹.

После экзаменов в мае — июне 1829 г. студенты были отправлены в Берлинский университет для совершенствования юридических знаний. Осенью этого же года еще по три студента из Санкт-Петербургской и Московской духовных академий по примеру предшественников были помещены в университет²⁰. В октябре 1831 г. они также были направлены в Берлин²¹.

Сперанский изначально считал, что будущим преподавателям юридических наук необходимо получить звание докторов права. Поскольку в России это сделать было трудно по многим причинам, студентам следовало сдать соответствующий экзамен в Берлинском университете²². Впоследствии точка зрения Сперанского изменилась. По мнению А. А. Смирновой, «для него было важным создать прецедент для получения докторской степени по юридическим наукам именно в России»²³.

После окончания обучения в Берлинском университете и изучения методики преподавания юриспруденции в других германских университетах первая, а затем и вторая группы студентов возвратилась в Россию. Их определили во Второе отделение СЕИВК для перевода на русский язык Свода законов Остзейских губерний и примечаний, поступающих от местных комитетов. Сперанский, мотивируя свое решение, подчеркнул, что эта важная работа продвигалась очень медленно, поскольку в России не могли найти переводчиков, знающих не только язык, но и юриспруденцию²⁴. Одновременно студенты готовились к испытанию на степень доктора законоведения. Экзамен состоял из трех частей: устной, практической и защиты рассуждения. Вопросы для устной части были подготовлены Михаилом Михайловичем. В круг предметов входили:

- 1) общее систематическое обозрение законов;
- 2) о законах основных, определяющих права и обязанности (о законах основных, в том числе российских и римских; об учреждениях; о состояниях; управления; о законах, определяющих права гражданские в России и в Риме);
- 3) о законах, определяющих права как государственные, так и гражданские;
- 4) история римского законодательства;
- 5) история общего немецкого законодательства²⁵.

Тему рассуждения студент выбирал самостоятельно, предварительно согласовав ее с экзаменаторами.

Первым выпускником «школы М. М. Сперанского», защитившим диссертацию на тему «О философии законодательства у древних» и удостоенным звания доктора законоведения, стал Константин Алексеевич Неволин, в будущем известный ученый-правовед, один из создателей юридической науки, автор «Энциклопедии законоведения» и «Истории российских гражданских законов».

Следующий вопрос, стоящий на повестке дня, заключался в улучшении кадрового состава судебного ведомства.

К первой трети XIX в. в России сложился определенный порядок избрания судей: судьи низших судов избирались из дворян, преимущественно военных, а высших — из военных или гражданских чинов. По мнению Сперанского, не было необходимости менять устоявшийся порядок, достаточно было подготовить знающих делопроизводителей. «При добром делопроизводителе судья,

избранный доверием сословия, с здравым смыслом и чистой совестью, хотя и без технического знания, вообще может быть полезнее, нежели судья просто ученый. Но тот же избранный доверием судья при худом производителе будет прикрывать только собою его пристрастие, или невежество»²⁶. Однако подготовить необходимое количество квалифицированных чиновников было трудно. Университеты не могли удовлетворить потребности государства в юридически грамотных кадрах по двум причинам. Их выпуски были крайне малочисленны. Например, в период с 1823 по 1834 г. С.-Петербургский университет выпускал с философско-юридического факультета в среднем всего по 9 человек в год²⁷. Но и они могли распоряжаться своими знаниями по своему усмотрению и «не были обязаны следовать определенному назначению»²⁸.

Воспитанники Александровского (Царскосельского) лицея, предназначавшиеся «к важным частям службы государственной»²⁹, редко служили в судебном ведомстве³⁰.

Эти обстоятельства привели к мысли о создании специального юридического учебного заведения при Министерстве юстиции. В записке от 24 января 1835 г. «О специальных училищах» Михаил Михайлович, в частности, отмечал, что в Российской империи существуют такие училища, где не только учатся, но и воспитываются; и «учатся не только теории... но и практике и тем приготавливаются исключительно к особому роду службы»³¹. Специальные училища уже существовали при Министерстве внутренних дел, Министерстве финансов, Управлении путей сообщения, Министерстве просвещения. Министерство юстиции имело только школу землемеров.

Идею о создании специального училища — училища правоведения Сперанский высказал еще летом 1833 г. в ходе беседы со студентами правоведения. По его мнению, данное учебное заведение должно находиться на «ступени не низшей, если не высшей университетов»³². Он предлагал будущим профессорам разделить между собой части Свода законов и подготовить по ним лекции, необходимые для преподавания в учебном заведении. Михаил Михайлович считал, что изучать российское законодательство следует, используя сравнительный метод, отдавая предпочтение римскому, немецкому, французскому праву³³.

Замысел был реализован в 1835 г., однако выпускники «школы Сперанского» после присвоения степени доктора права (законоведения) получили назначение в четыре российских университета: Санкт-Петербургский, Московский, Харьковский, Святого Владимира в Киеве. Впоследствии четверо из них (К. А. Неволин, Я. И. Баршев, А. И. Кранихфельд и П. Д. Калмыков) готовили юридические кадры в Императорском училище правоведения, создание которого стало возможным при участии племянника императора принца Петра Георгиевича Ольденбургского, который знал проблему нехватки чиновничьего аппарата, поскольку служил сенатором в Первом департаменте Правительствующего сената³⁴. Принц, так же как и Сперанский, пришел к заключению

о необходимости улучшения личного состава судебных органов и реформирования всей судебной системы.

Разработанный при содействии Сперанского проект Устава и штатов Училища правоведения был рассмотрен в Департаменте законов Государственного Совета с участием приглашенных на заседание министров народного просвещения и юстиции и признан «неоспоримо полезным», 29 мая 1835 г. указанные документы были утверждены императором. В дальнейшем Сперанский работал над усовершенствованием основного документа учебного заведения, многие его замечания были учтены при подготовке устава 1838 г.³⁵

По мнению Сперанского, училище должно было стать особым образовательным учреждением, где бы обучение носило практическую направленность, воспитанники постигали его под руководством лиц, хорошо знакомых с судебной практикой³⁶. Программа университетов этим требованиям не отвечала. Не найдя подходящей образовательной программы, П. Г. Ольденбургский обратился к выпускнику Харьковского университета, доктору права П. И. Дегаю с просьбой о помощи в ее составлении. Выбор в пользу П. И. Дегая был не случаен. Павел Иванович в течение многих лет служил по судебной части и «приобрел обширные сведения в делопроизводстве, как низших, так и высших судебных мест». Кроме того, во время службы он собирал материал для составления «руководства для практического изучения российского законовещения»³⁷, и в 1831 г. издал книгу «Пособия и правила изучения российских законов, или Материалы к энциклопедии методологии и истории литературы российского права», в которой осветил задачи юриспруденции в целом и в России в частности. По мнению П. Г. Ольденбургского, такое руководство могло принести пользу не только воспитанникам училища, но и всем, изучающим юридические науки³⁸. Консультировал П. И. Дегая по просьбе принца Сперанский³⁹. В дальнейшем программа обучения дорабатывалась с учетом профессиональной направленности и с соблюдением связи между младшими и старшими курсами, чтобы в результате она представляла собой «правильное целое в постепенном развитии предмета»⁴⁰.

В соответствии с уставом Императорское училище правоведения состояло в 1-м разряде учебных заведений и в правах и преимуществах приравнивалось к Царскосельскому лицейу, но находилось в ведении не Министерства просвещения, а Министерства юстиции.

Поскольку Училище создавалось для «образования юношества на службу по части судебной» (§ 1), помимо общих предметов изучались дисциплины, необходимые воспитанникам для их дальнейшей служебной деятельности в судебном департаменте (§ 4).

Отсутствие некоторых теоретических дисциплин в курсе не снижало достоинства образования, даваемого в Училище правоведения и не превращало его в среднее учебное заведение. Тем не менее оно имело узкую специализацию: его выпускники поступали на службу в основном в судебный департамент. Сле-

довательно, Императорское училище правоведения — это высшее профессиональное учебное заведение, единственное в своем роде.

По мнению Сперанского, ежегодно из училища следовало выпускать не более 20–25 человек⁴¹. Такое количество специалистов должно было удовлетворить потребности судебной системы. Как показало время, он оказался прав. Устав 1838 г. предусматривал обязательный срок службы по ведомству министерства юстиции для казеннокоштных воспитанников 6 лет, для своекоштных — 4 года (§ 48).

К концу XIX в. личный состав судебного ведомства существенно изменился. Благодаря Судебной реформе 1864 г. служба стала привлекательной для выпускников не только училища, но и университетов. В результате отпала необходимость закрепления правоведов за Министерством юстиции. В 1896 г. обязательная служба осталась только для казеннокоштных воспитанников. Но и им было разрешено менять направления государственной службы согласно их наклонностям⁴².

Большинство воспитанников следовали своему предназначению и посвятили свою жизнь государственной службе (К. П. Победоносцев, В. А. Арцимович, Н. И. Стояновский, И. Л. Горемыкин, Д. А. Ровинский, В. К. Случевский). Многие правоведы улучшили личный состав не только Министерства юстиции, но и других ведомств. В частности, выпускники училища служили в Министерстве внутренних дел (Ф. К. Гирс, А. В. Яковлев, А. А. Иксуль фон Гильденбандт, Г. А. Тобизен, Н. А. Гревениц, И. Л. Горемыкин, А. Д. Оболенский и др.), в Министерстве иностранных дел (Б. П. Мансуров, Р. Р. Розен и др.), в Министерстве путей сообщения (И. Г. Дервиз, Г. А. Евреинов), в Министерстве финансов (Н. В. Граве).

Некоторые после введения в жизнь Судебных уставов получили возможность реализовать себя на адвокатском поприще (К. К. Арсеньев, В. Н. Герард, А. А. Герке, А. А. Кишенский, В. И. Танеев).

Сперанский-государственник видел свою задачу в том числе в развитии юридического образования, в подготовке значительного числа квалифицированных кадров для государственного аппарата. Но был у него и особый ученик — наследник престола. Николай I, имевший пробелы в образовании, пытался не допустить их у великого князя Александра Николаевича. Он поручил Михаилу Михайловичу подготовить цесаревича к присяге, предстоявшей при достижении совершеннолетия. К этой, безусловно, важной для государства задаче Сперанский приступил в 1834 г., когда состоялись первые беседы с наследником. Тогда они ограничились введением, которое в основном затрагивало вопросы теории права, истории отечественных законов, сущности основных законов Российской империи. Далее беседы продолжались в период с октября 1835 по апрель 1837 г. и включали в себя практически полный курс юридических наук.

После смерти графа записку о юридических беседах с наследником министра юстиции Д. Н. Блудов доложил императору, который принял решение ее

не печатать, а составить три копии: для наследника, Второго отделения СЕИВК и семьи М. М. Сперанского.

Однако в 1845 г. записка под названием «Руководство к познанию законов» (сочинение графа Сперанского) увидела в свет в Типографии Второго отделения СЕИВК. В предисловии указывалось, что в 1838 г. Михаил Михайлович хотел составить аналогичное руководство для всей российской молодежи, но не успел.

Также после смерти Сперанского на основе бумаг, хранящихся в Императорской Публичной библиотеке, с разрешения М. А. Корфа изданы «Записки Сперанского. Мысли графа М. М. Сперанского (по истории, юриспруденции, законодательству, о крепостных людях, о государственных установлениях, об учреждениях, относящихся до экономии государственной и правительственной, о губернских учреждениях)»⁴³.

В конце 1820-х — начале 1830-х гг. Сперанским при поддержке императора была подготовлена почва для развития юридического образования. Выпускники «школы Сперанского» были направлены в четыре российских университета для распространения юридической науки. Созданное по инициативе Сперанского Императорское училище правоведения стало первым положительным опытом подготовки значительного числа юридически грамотных чиновников.

¹ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. М.: Статут, 2014. С. 25, 41.

² Никитенко А. В. Воспоминание о М. М. Сперанском. Речь, произнесенная в годичном собрании Императорской академии наук. 29 декабря 1870 г. // ОР РНБ. Ф. 637 (Репинский К. Г.). Д. 872. Л. 1.

³ Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. Переделанный вариант. 1838 г. Копия // ОР РНБ. Ф. 637 (Репинский К. Г.). Д. 800. Л. 3–5.

⁴ Дмитриев Ф. М. Сперанский и его государственная деятельность. Статья. Вырезка из «Русского архива». 1868. № 10 // ОР РНБ. Ф. 637 (Репинский К. Г.). Д. 868. Л. 28.

⁵ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. С. 122; Дмитриев Ф. М. Сперанский и его государственная деятельность. Л. 29.

⁶ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. С. 120.

⁷ Дмитриев Ф. М. Сперанский и его государственная деятельность. Л. 28.

⁸ ПСЗ-І. Т. 30. № 23771. С. 1054–1057.

⁹ Дмитриев Ф. М. Сперанский и его государственная деятельность. Л. 30 об.

¹⁰ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. С. 128.

¹¹ Дмитриев Ф. М. Сперанский и его государственная деятельность. Л. 29 об.

¹² Сперанский М. М. Письмо Александру І. Январь 1813 г. Пермь // ОР РНБ. Ф. 637 (Репинский К. Г.). Д. 842. Л. 19.

¹³ Смирнова А. А. Второе Отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1826–1882 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 18–19.

¹⁴ Сперанский М. М. Трактаты по юриспруденции (теория права и гражданское право), написанные для чиновников 2-го отделения СЕИВ канцелярии в связи с составлением Полного собрания законов и Свода законов Российской империи // ОР РНБ. Ф. 731 (Сперанский М. М.). Д. 952. 36 л.

- ¹⁵ Дело о студентах — кандидатах правоведения. Ч. 1. Поступление студентов во 2-е отделение, предназначение оных, содержание их в С.-Петербурге, порядок преподавания им наук, экзамены, награждение учащихся, распоряжения к отправлению их в Берлин и назначение сумм на содержание их там // РГИА. Ф. 1261 (Второе отделение СЕИВК). Оп. 1. Д. 7а. 1828. Л. 1 — 41 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 1.
- ¹⁷ Там же. Л. 4 — 4 об.
- ¹⁸ *Смирнов С.* Один из питомцев Сперанского. Статья. Вырезка из «Русского вестника». Январь 1866 // ОР РНБ. Ф. 637 (Репинский К. Г.). Д. 861. Л. 3 об.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Дело о студентах — кандидатах правоведения. Ч. 1. Л. 68, 69.
- ²¹ Там же. Л. 134, 194.
- ²² О студентах — кандидатах правоведения. Ч. 2. Отделение 2. Отпуск сумм на путевые издержки и на содержание студентов в Берлине и переписка с германскими профессорами и самими студентами об учении их и о других предметах, также о возвращении в Россию первых 6 студентов // РГИА. Ф. 1261 (Второе отделение СЕИВК). Д. 7в. 1828. Л. 95–98.
- ²³ *Смирнова А. А.* Второе Отделение Собственной Е. И. В. канцелярии: 1826–1882. С. 231.
- ²⁴ О студентах кандидатах правоведения. Ч. 2. Отделение 2. Л. 120 — 120 об.
- ²⁵ *Сперанский М. М.* Очертание предметов и порядка испытания студентам законовещения, обучавшимся в Берлинском университете // ОР РНБ. Ф. 731 (Сперанский М. М.). Д. 1149. Л. 1–4.
- ²⁶ *Сперанский М. М.* О специальных училищах. Записка. Копия рукой Н. М. Старцова с пометой М. М. Сперанского о докладе императору 24 января 1835 г. // ОР РНБ. Ф. 637 (Репинский К. Г.). Д. 782. Л. 3.
- ²⁷ *Даниловский А.* 120 лет со дня основания императорского училища правоведения // Возрождение. Литературно-политические тетради. Тетрадь 49. Январь 1956 г. Париж. С. 20.
- ²⁸ Императорское училище правоведения. Записка графа М. М. Сперанского // Русская старина. 1885. № 12. С. III.
- ²⁹ ПСЗ-I. Т. 31. № 24325. С. 310.
- ³⁰ Императорское училище правоведения. Записка графа М. М. Сперанского. С. III.
- ³¹ Там же.
- ³² *Смирнов С.* Один из питомцев Сперанского. Л. 11.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Полный послужной список Его Императорского Высочества принца Петра Георгиевича Ольденбургского. 1880 г. // РГИА. Ф. 1106 (Ольденбургские, принцы). Оп. 1. Д. 18. Л. 3.
- ³⁵ *Сперанский М. М.* Записка об исправлении некоторых статей Устава Училища правоведения (1836 г.) // ОР РНБ. Ф. 731 (Сперанский М. М.). Д. 1152. 3 л.
- ³⁶ Императорское училище правоведения. Записка графа М. М. Сперанского. С. I.
- ³⁷ *Ольденбургский П. Г.* Письмо М. М. Сперанскому. 18 июня 1838 г. // ОР РНБ. Ф. 731 (Сперанский М. М.). Д. 2144. Л. 1 — 1 об.
- ³⁸ Там же. Л. 2.
- ³⁹ *Сперанский М. М.* Письмо П. Г. Ольденбургскому. 19 июня 1838 г. // ОР РНБ. Ф. 731 (Сперанский М. М.). Д. 1922. Л. 1.
- ⁴⁰ Приказы преподавателям 1839 и 1840 годов // ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 4155. Л. 9.
- ⁴¹ *Сперанский М. М.* О специальных училищах. Записка. Л. 4.
- ⁴² ПСЗ-III. Т. 16. Ч. 1. № 12966. С. 458.
- ⁴³ ОР РНБ. Ф. 673 (Репинский К. Г.). Д. 837. б/д. 92 л.

References

DANILOVSKIĬ A. *120 let so dnya osnovaniya Imperatorskogo Uchilishcha pravovedeniya*. [120th anniversary of the founding of the Imperial School of Law. In Russ.] // *Vozrozhdenie. Literaturno-politicheskie tetradī*. Tetrād' 49. Parizh, 1956. Yanvar'. P. 19–34.

Imperatorskoe uchilishche pravovedeniya. Zapiska grafa M. M. Speranskogo. [Imperial School of Law. Note of Count M. M. Speransky. In Russ.] // *Russkaya starina*. 1885. No. 12. P. III.

KORF M. A. *Zhizn' grafa Speranskogo*. [Life of Count Speransky. In Russ.]. Moscow, 2014.

SMIRNOVA A. A. *Vtoroe Otdelenie Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii, 1826–1882 gg.* [The second branch of His Imperial Majesty's own Chancellery, 1826–1882. In Russ.]: avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. St. Petersburg, 2009.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. В. Олимпиева. М. М. Сперанский и юридическое образование в Российской империи в первой трети XIX века // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 165–174

Аннотация: Систематизация российского законодательства в первой трети XIX в. дала импульс для развития юридической науки и юридического образования в Российской империи. М. М. Сперанский по праву является одним из создателей системы подготовки юридических кадров, основы которой были заложены в 1828 г., когда работы по кодификации российского законодательства вскрыли недостаток в юридически грамотных чиновниках, а также отсутствие научной основы проводимых во Втором отделении Собственной его императорского величества канцелярии (СЕИВК) работ. В статье освещается роль М. М. Сперанского в подготовке юристов-ученых во Втором отделении СЕИВК и Берлинском университете, юристов-практиков в Императорском училище правоведения, а также юридической подготовке наследника престола великого князя Александра Николаевича.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, Комиссия составления законов, юридическое образование, Берлинский университет, Санкт-Петербургский университет, государственная служба, подготовка кадров, судебное ведомство, Второе отделение Собственной его императорского величества канцелярии, Императорское училище правоведения.

FOR CITATION

I. V. Olympieva. M. M. Speransky and legal education in the Russian Empire in the first third of the 19th century // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 165–174

Abstract: The systematization of Russian legislation in the first third of the 19th century gave impetus to the development of legal science and legal education in the Russian Empire. M. M. Speransky is rightfully one of the creators of the system of training legal personnel, the foundations of which were laid in 1828, when the work on the codification of Russian legislation revealed the lack of legally competent officials, as well as the lack of scientific the basics of the work carried out in the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery (hereinafter – SEIVK). The article highlights the role of M. M. Speransky in the training of legal scientists in the Second Department of the SEIVK and the University of Berlin, legal practitioners at the Imperial School of Jurisprudence, as well as the legal training of the heir to the throne, Grand Duke Alexander Nikolaevich.

Key words: M. M. Speransky, Law Drafting Commission, legal education, University of Berlin, St. Petersburg University, civil service, personnel training, judicial department, Second Department of His Majesty's own Chancellery, Imperial School of Jurisprudence.

Автор: Олимпиева, Ирина Владимировна – к. и. н., доц. кафедры истории, гуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского университета «РЕАВИЗ».

Author: Olympieva, Irina Vladimirovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Humanities and Socio-Economic Disciplines of St. Petersburg University “REAVIZ”.

E-mail: wubornova@yandex.ru

П. К. Романов

«Мысль Вашу я понимаю совершенно...»: роль М. М. Сперанского в процессе подготовки денежной реформы 1839–1843 гг.*

Значение М. М. Сперанского в процессе подготовки денежной реформы 1839–1843 гг. очень существенно. Он оказывал содействие реформаторским тенденциям не только собственными записками, но и своим авторитетом. Близкое знакомство с миром денег началось для Сперанского в 1809–1810 гг. с коллективной работы по подготовке финансового плана. В состав авторского коллектива входили сановники, имеющие необходимую экономическую компетенцию, среди них, например, были М. А. Балугьянский, Н. С. Мордвинов, Б. Б. Кампенаузен, Ф. Г. Вирст, Д. А. Гурьев. Сперанский модерировал эти заседания, составлял свои записки и занимался редактурой чужих проектов. В историографии существует мнение, согласно которому первенствующее положение в той работе отводится Балугьянскому и Мордвинову. Как отмечал советский экономист В. М. Штейн, «Сперанский в начале своей деятельности был плохо знаком с финансами. Помимо Балугьянского, его учителем, несомненно, был Мордвинов, выступавший активно в качестве экономиста с начала XIX века и бывший соавтором финансового плана 1809 г.»¹. Вместе с тем тот же исследователь

* Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 23-28-00769 «Документальная память российской государственности: кейс Сперанского. Новые подходы к изучению рукописного наследия».

указывал: «Сперанский стал экономистом в процессе проведения им реформ. Без Балугьянского ему пришлось бы строить на пустом месте. Работы Балугьянского были законченными экономическими произведениями. Но все же для Сперанского они были лишь материалом, из которого он возводил новое здание»². Итогом такого возведения стал План финансов, реализация которого началась в 1810 г. Согласно данному Плану, основой российской денежной системы объявлялся серебряный рубль, а ассигнации провозглашались государственным долгом и подлежали постепенному изъятию из обращения. Результатом работы по подготовке и реализации экономических преобразований 1810 г. для самого Сперанского стало приобретение основополагающих знаний в данной сфере, которые он впоследствии, благодаря своим талантам, развил, сделавшись одним из наиболее авторитетных участников Финансовых комитетов 1830-х гг. Финансовые воззрения Сперанского были синтезом некоторых элементов количественной и металлической теорий денег. Дореволюционный экономист А. Н. Миклашевский, оценивая значение Сперанского в финансовой истории России, назвал его «ревностным партизаном количественной теории денег»³. Другой дореволюционный экономист П. А. Никольский характеризовал взгляды Сперанского следующим образом: «Мы уже знаем, что гр. Сперанский ясно сознавал правильность только такой системы, при которой в основу положена полноценная монета, а в дополнение к ней выпускались бы кредитные билеты, на монете основанные (банковские билеты в собственном смысле этого слова)»⁴. С определенными корректировками сформированные в 1810-е гг. взгляды Сперанский сохранял всю жизнь.

После отставки Сперанского дальнейшая реализация его Плана финансов по ряду причин была приостановлена. Принятый 9 апреля 1812 г. манифест установил в России ассигнационную денежную систему, которая просуществовала до 1839 г. С середины 1820-х гг. данная система все чаще не соответствовала текущим тенденциям денежного обращения, что указывало финансовому управлению на необходимость преобразований. Возвращенный еще в начале 1820-х гг. в столицу Сперанский был прекрасно осведомлен о текущих проблемах денежного устройства и вновь занялся финансовыми проектами.

Чрезвычайные военные расходы на рубеже 1820–1830-х гг. легли тяжким бременем на российский бюджет, и министр финансов Е. Ф. Канкрин прибегнул к выпуску билетов Государственного казначейства. Согласно манифесту 13 июля 1831 г., учреждались новые билеты номиналом 250 рублей, принимаемые во все подати и сборы, а также приносящие их обладателям 4,32 % годовых⁵. Сперанский еще до опубликования манифеста 27 мая 1831 г. выразил Канкрину свое мнение относительно его нововведения в записке «Мысли

о новых билетах Казначейства». Эта записка стала его первым официальным финансовым проектом 1830-х гг. Примечательно, что в записке 1831 г. Сперанский еще не касался дискуссионного вопроса о дефиците ассигнаций в обращении и даже отрицал его. В подчеркнуто вежливом тоне по отношению к Канкрину, рассуждая о влиянии новых выпусков билетов на понижение курса ассигнаций, Сперанский отмечал: «...нелепые толки о недостатке и потребности ассигнаций, толки людей, с сими понятиями не знакомых, для вас, без сомнения, всегда будут ничтожны»⁶. Через несколько лет он изменит свою точку зрения. Начиная с 1834 г. первый государственный секретарь в своих проектах регулярно будет отмечать нехватку ассигнаций для проведения официальных операций и потребностей общества. В записке же о казначейских билетах он указывал на возможность сузить круг обращения казначейских билетов пределами винного откупа или таможенного сбора и доказывал невыгодность идеи сделать их процентными, так как этот пункт «во-первых — крайне многосложен; во-вторых — дорог и, в-третьих — может повредить достоинству ассигнаций»⁷. Многосложность Сперанский доказывал необходимостью иметь региональным казначействам определенные суммы и инвентарь для ведения всех нужных учетов и операций, что предполагало дополнительные казенные траты. Еще более затратным делом Сперанский считал выплачиваемую сумму процентов, по его выражению, это «есть такая золотая колесница, в коей наши 595 миллионов ассигнаций никогда не путешествовали»⁸. Увеличение массива бумажных денежных знаков и процентная нагрузка, по мнению Сперанского, обязательно окажут негативный эффект, что выступило третьей и главной причиной неприятия им новации Канкринна, так как «билеты в ассигнационном их значении будут представлять не только 30 миллионов, но 31, 32 и даже до 34 миллионов»⁹. Однако в целом первый государственный секретарь не видел опасности повторения казначейскими билетами судьбы ассигнаций из-за срочности их погашения. Впоследствии в учебных беседах с цесаревичем Александром Николаевичем в 1835–1837 гг. Сперанский охарактеризует новые билеты как «текущий долг правительства»¹⁰. Тем не менее, признавая необходимость изыскать дополнительные средства в бюджет, Сперанский предлагал либо снизить проценты, либо выплачивать их в заявленном размере, но только в последний год. Любое из данных решений, по мнению Сперанского, снизило бы затраты казны по выпуску и обслуживанию билетов, но увеличило бы срок их хождения. В качестве альтернативы казначейским билетам предлагались билеты, основанные на серебре, при фонде обеспечения около 10 миллионов, «чтоб количество их не превышало наличности металла более, как втрое или даже вчетверо»¹¹. В течение 1830-х гг. качество предлагаемых билетов в проектах Сперанского будет несколько меняться. Тогда в 1831 г. он предлагал, по сути, кредитные билеты с фондом обеспечения в 1/3 или 1/4 часть с хождением их во внешних операциях и употребляемых во внутренних платежах при уплате податей, вносимых серебром. Беспрерывный размен предлагалось обеспечить

только в столицах и в Риге. Это, по мнению Сперанского, при меньших, чем предполагаемые министром финансов, затратах укрепит внешний кредит, способствует расширению круга обращения монет и упрочит репутацию фондрованных бумажных денег внутри империи. Употребляя к казначейским билетам терминологию Канкрин — «заплатки», Сперанский риторически заканчивает свою записку: «На что же ходить в заплатках, когда можно ходить в серебре?»¹² Введение билетов, обеспеченных серебром, было неотъемлемым элементом финансовых проектов Сперанского на протяжении 1830-х гг. Участвуя в заседаниях Финансовых комитетов, первый государственный секретарь регулярно выносил эту идею на обсуждение в самых высоких кругах, что также способствовало, вопреки воле Канкрин, продвижению реформаторских тенденций. Однако в 1831 г. его мнение еще не было учтено, и казначейские билеты были выпущены по плану министра финансов.

Следующий этап финансового творчества Сперанского можно условно начать с середины 1830-х гг. Тогда, 23 июня 1834 г., на следующий день после заседания Финансового комитета на Елагинском острове, где Николай I впервые предложил принимать более решительные меры, чем Канкрин, Сперанский подал на имя императора записку. В представленном проекте Сперанский предлагал ежегодно устанавливать курс ассигнаций по отношению к монете, принимать золотые и серебряные монеты во все подати и сборы по фиксированному курсу, а таможенные пошлины вносить только серебром. При этом наличные расчеты по словесным договоренностям и долговым обязательствам Сперанский предлагал оставить на усмотрение сторон. Снижением потребности в ассигнациях он предполагал прекратить их возвышение, а корреляцией с серебром устранить простонародные курсы. Также автор записки обратил внимание монарха на существовавшую практику сопротивления приему монет из драгоценных металлов казначействами. Канкрин в целях охраны ассигнационной системы особо такой практике не препятствовал. Сперанский призывал «сделать, чтоб прием допускаем был свободно, без притеснения казначеев»¹³. Не менее важной проблемой первый государственный секретарь видел обращение иностранной монеты. По его мнению, во внутреннем обращении циркуляция иностранной монеты существенно подрывала положение монеты российской и колебала курс ассигнаций, поэтому автор записки призывал начать немедленное изъятие зарубежных денег. Сперанский также предполагал постепенно подготовить почву для билетов на серебре, призывая по возможности заключать все сделки на серебряную монету. «Условие выразить словами: считать серебряный рубль во столько-то ассигнациями»¹⁴. Вскоре по инициативе Канкрин был издан именной указ, данный Сенату 8 октября 1834 г., предписывающий подобную практику, однако впоследствии он доказал неэффективность одних запретительных мер. При этом если Канкрин хотел на этом остановиться, то Сперанский видел в таком шаге лишь подготовительную меру. Николай I,

лично вникая в финансовые проблемы, на том этапе еще не выступал с инициативами и в резолюции, наложенной на записку 23 июня 1834 г., предписывал согласовать действия с Канкриным: «Мысль Вашу я понимаю совершенно и прошу о сем объяснить с министром финансов лично»¹⁵. В записке 1834 г. можно проследить отсутствие такого идеалистического подхода к проведению финансовых преобразований, как в 1810 г. Если тогда Сперанский без приготовлений объявил серебряный рубль основой денежного устройства, а преобладающие во внутреннем обращении ассигнации — государственным долгом с анонсированием их изъятия, то в 1830-е гг. он настаивал сначала на подготовительных мерах, когда по достижении первых результатов можно приступать к более серьезным преобразованиям. «1. Приостановить возвышение ассигнаций и 2. Установить их отношение к серебру. Первое должно строго предшествовать второму»¹⁶.

Дополнительным штрихом к приобретенной Сперанским крайней осторожности в финансовых преобразованиях служит обсуждение в Государственном совете записки К. Ф. Друцкого-Любецкого об увеличении доходов государства без дополнительного обременения населения. Тогда Сперанский выступил против предлагаемого Друцким-Любецким установления неизменяемого курса ассигнаций, продолжая придерживаться высказанного ранее мнения о ежегодно фиксируемом курсе, боясь сильных потрясений денежного обращения. Как отмечено в журнале Финансового комитета 28 сентября 1834 г., на котором продолжилось обсуждение проекта Друцкого-Любецкого, первый государственный секретарь при обсуждении в Совете «отозвался, разделяя мысль, что всякое внезапное возвышение достоинства ассигнаций было бы бедственно, находит, однако ж, что постепенное оных улучшение, на примере в продолжение ста лет, не могло бы причинить такового вреда»¹⁷. Друцкий-Любецкий категорически возражал против такого подхода и продолжал настаивать на паритетности разного рода монет и строгой фиксации их курсов с ассигнациями, отстаивая тезис: «...первое основание финансов, кредита, коммерции и промышленности есть единство и постоянность ценности денег»¹⁸.

Многообразие мнений и неторопливость финансового управления только способствовали эскалации дискуссий. В 1830-е гг. в высших правительственных кругах все чаще обсуждалась тема преобразования денежного обращения, и Сперанский принимал в дискуссиях активное участие. Это нашло отражение и в его отрывочных дневниковых записях, где тезисно друг за другом отмечены основные события описываемых дней. «1835. Генварь. 3. В 3[имнем. — П. Р.] дворце — проект о монетном обращении для прочтения — разговор о финансах вообще... Генварь. 10. <...> — разговоры о монетном обращении, положено, чтоб я сообщил его М. Ф. — о том, что коллегиальное управление в финансах не годится»¹⁹. Как видно, разговоры велись не только о переустройстве денежной системы, но и о более масштабных финансовых преобразованиях Российской империи.

В контексте продолжающихся дискуссий и поиска новых решений Сперанский продолжал разрабатывать финансовые проекты. В адрес Канкринна 15 марта 1835 г. была направлена очередная записка о монетном обращении, в которой Сперанский отмечал, что не видит катастрофы в текущем состоянии денежного обращения, так же как и годом ранее он высказывался в споре с Друцким-Любецким, но находит необходимым начать преобразования с целью дальнейшего установления серебряной основы финансовой системы. Такие меры стали бы решительным ответом наблюдавшимся изменениям в денежном обращении, которые в перспективе могут таить опасность. Сперанский, указывая на бытовавшие мнения о необходимости денежной реформы, высказывался в этой записке за умеренный план: «...обдумать на досуге и приготовить способы, кои можно бы было противополжить сей опасности»²⁰. Для этого он предлагал установить неизменный курс ассигнаций 360 коп., но только вместе с сопроводительными мерами: «1) принимать серебро во всех казенных платежах без изъятия, 2) принимать его, для удобства обращения, не только в натуре, но и в билетах Сохранного банка»²¹. В связи с этим следующие действия касались преимущественно монеты. Сперанский предлагал вместе с ассигнациями допустить прием серебра во все казенные подати. В данной мере он видел ликвидацию простонародных курсов и начало стабилизации денежного обращения: «...серебро потечет везде свободно; оно наполнит собою настоящую пустоту монетного обращения; курсы простонародные исчезнут»²². Первый государственный секретарь также обращал внимание на неэффективность уже принятых мер по частичному допуску серебряной монеты в подати: «...допущение частное, раздробительное здесь ничего не доказывает, это не есть опыт, это есть менее, нежели полумера»²³. К этому, как и в записке 1834 г., Сперанский добавил проблему препятствия приему серебра со стороны казначейств. При этом он подчеркивал, что допуск приема монет из благородных металлов в казенные платежи окажет положительный эффект только после учреждения особого сохранного отделения или Сохранного банка. Предполагалось при Коммерческом банке учредить сохранное отделение с выдачей билетов, размениваемых на серебро и принимаемых в уплату всех податей. Новые билеты предложено выдавать за вклады разного вида монет, в том числе и иностранных, более того, Сперанский допускал участие в операциях и слитков, используя таким образом все способы к популяризации и обеспечению новых билетов. В статье 7 прилагаемого к записке проекта создания Сохранного банка провозглашалось, что вклады «допускаются не только в серебряной и золотой монете, но и в монете иностранной по внутреннему ее достоинству, означенному в особом тарифе. Со временем же прием вкладов может быть распространен и на золото и серебро в слитках»²⁴. Обращение серебряных билетов Сохранного банка как бумаг кредитных, по мнению автора, укрепило бы государственный кредит, тогда как популярность ассигнаций Сперанский объяснял лишь их нехваткой для возрастающего населения и раз-

вивающейся промышленности, «следовательно есть пустота, есть недостаток в монетном обращении — а сей недостаток и сию пустоту никто конечно не называет признаком обогащения»²⁵. Сперанский не видел опасности превращения Сохранного банка в подобие банка Ассигнационного, который занимался только эмиссионной деятельностью. В задачи нового учреждения входило хранение фонда обеспечения билетов, а «из истории Ассигнационного нашего банка не видно, чтоб он когда-нибудь был депозитным; никогда никаких вкладов в нем не было и быть не могло»²⁶. Многие идеи данного проекта были взяты из предыдущих записок: серебряная основа денежной системы и билеты, равнозначно размениваемые на серебро. Сперанский, как и большинство участников финансовых дискуссий того времени, оставлял на усмотрение сторон только платежи по долговым обязательствам, все остальные операции должны были совершаться на тот денежный знак, на который изначально был заключен договор. Также к записке прилагалось написанное рукой Сперанского в адрес Канкрин письмо. Из текста письма прослеживается наличие регулярных сношений первого государственного секретаря с министром финансов, в процессе которых Сперанский учитывал замечания Канкрин и частично нивелировал свои взгляды. Однако в целом Сперанский демонстрировал неизменность с 1810-х гг. своих основных воззрений на устройство денежной системы, с оговоркой относительно удобства времени и сроков реализации прописанных положений и продолжал настаивать на более решительных шагах министра финансов. Сперанский отмечал, что замечания Канкрин для него очень важны, «ибо дали мне случай поверить себя с большею строгостью. Результат сей проверки изволите усмотреть из бумаги при сем прилагаемой. Мнение мое о сем предмете не изменилось; на случай нужды я мог бы доказать актами, что оно в 1811-м году было то же, что и ныне. Ныне оно получило только более силы: ибо все, что можно против него сказать лучшего и основательнейшего, сказано в ваших примечаниях. После всего остается один вопрос: время, когда могут быть предположения сии приведены в действие — вопрос сей решат обстоятельства»²⁷. В свою очередь Канкрин продолжал занимать охранительную позицию. В ответном письме 7 мая 1835 г. он по-прежнему отвергал кардинальные изменения денежного устройства. Министр финансов находил введение серебряной основы денежной системы делом далекого будущего и невозможной ликвидацию престоноародных курсов с помощью фиксации ценности ассигнаций, а сохранные билеты, по мнению Канкрин, будут неспособны обеспечить достаточную циркуляцию серебра при мелочных повседневных операциях из-за своих крупных номиналов²⁸.

Отвергнутый Канкринным проект Сперанского 1835 г. содержал схожие с последующими проектами самого министра финансов тезисы. В 1837 г. Канкрин с некоторыми отличиями представит проект Депозитной кассы при Коммерческом банке, предполагавший введение в обращение обеспеченных депозитных билетов, при этом с введением мелких номиналов.

Последняя масштабная записка о денежном обращении создавалась Сперанским в 1838–1839 гг. и была интересна «не только в смысле воззрений ее автора, но и по богатству собранного автором фактического материала»²⁹. Проект был закончен 22 января 1839 г. и на следующий день отправлен министру финансов. Данная записка публиковалась как в дореволюционных изданиях, так и современных. Стоит отметить, что этим проектом Сперанский подвел итог своей финансовой деятельности. В записке, помимо экскурса в историю российского денежного обращения, отстаивались прежние фундаментальные для первого государственного секретаря финансовые постулаты: провозглашение серебряной монеты основой денежной системы, фиксация курса ассигнаций и введение новых билетов, равноценно размениваемых на монеты из драгоценных металлов. Как и прежде, Сперанский предлагал поэтапную реализацию финансовых преобразований. Меры подготовительные включали комплекс мероприятий: введение сохранных билетов, принимаемых во все платежи, с обеспечением их вкладами золотых и серебряных монет и фиксация постоянного курса ассигнаций в размере податного курса 360 коп. Такие шаги, как указывал Сперанский, снизили бы потребность в ассигнациях, остановили их возвышение и увеличили спрос серебряной монеты. Первоначально формировать фонд обеспечения билетов Сперанский предлагал из поступающего в подати серебра и хранить его в Коммерческом банке. Кредитным установлениям предлагалось прекратить прием вкладов в монетах из благородных металлов под проценты. Расчеты по договорам, заключенным на ассигнации, Сперанский предлагал платить по возможности серебром, что снизило бы еще более потребность в ассигнациях и возвысило ценность монеты, «таким образом, курс 360 делается не податным только курсом, но курсом всеобщим»³⁰. Допуск серебра, как утверждал автор записки, необходимо сделать и для операций кредитных установлений, чтобы избавить от спекуляций на разнице в курсах капиталы заемщиков и вкладчиков, так как прибыль последних «означает тот убыток, который именно от того же самого возвышения несут заемщики»³¹. Итогом всех подготовительных мер должна была стать минимизация спроса на ассигнации. Именно в высоком спросе Сперанский видел главную причину возвышения бумажных рублей и катализатор развития системы простонародных курсов. Допуская неофициальное сохранение простонародных курсов, Сперанский отмечал: «...биржевой денежный курс, если он и будет существовать при курсе законном, не будет иметь значительной с ним разности»³².

Окончательная мера, как утверждал Сперанский, может быть реализуема, «когда уже все меры приуготовительные воспримут полное свое действие»³³. Она заключалась в обмене ассигнаций на кредитные билеты через сохранные кассы Коммерческого банка, где содержался бы фонд обеспечения. При этом Сперанский предлагал образовать такой фонд за счет внутренних и внешних займов, «но никак не касаться ко вкладам сохранный казны, кои должны быть, как депозиты, во всех случаях неприкосновенными»³⁴. Для стимуляции разме-

на первый государственный секретарь предлагал производить его по ежегодно назначаемым номерам ассигнаций, но с сохранением их платежеспособности до конца обменной кампании, «и одно только промедление всех сроков размена подвергает нумер ассигнации решительному уничтожению»³⁵. Начать реализацию положений записки Сперанский предлагал немедленно, с поэтапным введением означенных мер.

Данный проект стал одним из основополагающих в деле продвижения реформаторской тенденции и формирования концепции финансовых преобразований накануне начала денежной реформы. В журнале соединенных департаментов законов и экономии Государственного совета, заседавших 18, 29 марта, 5, 9, 12, 14, 26 апреля и 3, 5, 13, 15, 31 мая 1839 г., отмечено: «Мнения графа Сперанского и князя Друцкого-Любецкого в основных началах своих, столько сходствуют между собою и с проектами министра финансов, если следовать не одним лишь первообразным, но и присоединившимся к ним впоследствии предположениям его, — что отдельное по каждому из мнений сих заключение представлялось бы неудобным, и вместе совершенно излишним. По сему они обозреваются здесь не порознь, а в общей их совокупности»³⁶. Чиновник Министерства финансов и сподвижник С. Ю. Витте А. Н. Гурьев отмечал: «Записка графа Сперанского оказала несомненно громадное влияние на министра, и из найденных замечаний на нее графа Канкринна Государственный Совет впервые ознакомился с новым проектом министра, значительно отличавшимся уже от его первоначальных предложений»³⁷. Влияние Сперанского на Канкринна также обусловлено личностным фактором. Как выразился американский историк У. Пинтнер: «Канкрину было относительно легко принять предложения Сперанского, с которым у него были хорошие отношения, тогда как одобрение предложения Друцкого-Любецкого заставило бы высокомерного и упрямого министра признать, что его самый откровенный критик в конце концов был прав»³⁸. Ценность данной записки также заключается в наиболее корректном предложении определения лаж. Записка Сперанского 1839 г. — единственный проект, дошедший до обсуждения в высших государственных учреждениях, давший четкое понятие лажа, которое впоследствии стало его классической дефиницией: «...он означает те проценты, коими, при платеже за товар серебром, возвышают серебро против разменной его цены; а при платеже ассигнациями, он означает те проценты, кои уступаются из цены товара на ассигнации»³⁹. Также Сперанский различал понятия, которые большинство его современников и исследователей, создавая некоторую путаницу в определениях, соединяли в целое: лаж и ажио. В записке 1839 г. отмечено: «Ажио употребляется при размене одной монеты на другую»⁴⁰. По мнению Сперанского, ажио — это разница между ценностями денежных знаков. «Но между сим ажио и тем, что ныне называют лажем, большая есть разность, хотя последний по-видимому ни что иное, как простонародное выражение первого»⁴¹. Дореволюционный исследователь И. И. Кауфман так оценил вклад Сперанского в формирование

определения лаж: «С тою удивительною основательностью, с которой он глубоко и всесторонне способен был осиливать самые сложные и разнообразные вопросы, на которых останавливался его пытливый ум, он один сумел вникнуть в существо “простонародных лажей”, как никто из его современников»⁴². Современный экономист А. Н. Дубянский также подчеркнул столь ценную особенность: «Двойственное толкование категории лажа отличало М. М. Сперанского от других ученых, которые в большинстве своем не признавали транзакционной и монетарной природы этого явления»⁴³. В целом значимость Сперанского в обсуждении финансовой реформы зафиксировал М. А. Корф: «Не смотря на оставшуюся сильную слабость, он тотчас стал заниматься важным вопросом, обсуждавшимся в то время в соединенных департаментах законов и экономии Государственного совета, в которых ему, как старшему, следовало председательствовать. Это было дело об уничтожении простонародного лажа на монету, отложенное до его выздоровления, но в окончательном решении которого он уже не принимал участия»⁴⁴. Последние записки, над которыми работал уже недомогающий Сперанский, были посвящены финансам. Так охарактеризовал предсмертные месяцы Сперанского Корф: «Действительно, настоящего, полного выздоровления уже не было, а усиленные через меру работы по делу о лаже окончательно истощили силы больного»⁴⁵. 11 февраля 1839 г. Сперанский скончался, не дожив несколько месяцев до начала денежной реформы, которая установила в России серебряный монометаллизм, ревностным поборником которого был этот великий реформатор.

В заключение стоит отметить, что нельзя полностью согласиться с высказыванием американского историка М. Раева: «Сперанский также принимал заметное участие в долгих и затяжных дискуссиях, которые привели к денежной реформе 1839–1840 гг. Но его взгляды не преобладали над взглядами министра финансов графа Канкрин»⁴⁶. Также трудно подписаться под каждым словом из вывода современных исследователей: «В результате денежная реформа вошла в историю денежного обращения России как “реформа Канкрин”, осуществившего ее в 1839–1843 гг. Но ее по праву следует именовать “реформой Сперанского — Канкрин»⁴⁷. Действительно, финансовые проекты Сперанского 1830-х гг. по ряду причин не были реализованы, однако авторитет первого государственного секретаря и его мнения имели колоссальное влияние как на сторонников реформы во главе с императором, так и на ее противников, возглавляемых Канкриным. Наиболее корректно итог финансовой деятельности Сперанского подвел дореволюционный экономист и сенатор В. Т. Судейкин: «Таким образом, представляется несомненным, что Сперанскому принадлежит крупная заслуга в выяснении и направлении такого крупного вопроса, как восстановление металлического обращения»⁴⁸.

- ¹ Штейн В. М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков. Л., 1948. С. 53.
- ² Там же. С. 41.
- ³ Миклашевский А. Н. Деньги. Опыт изучения основных положений экономической теории классической школы в связи с историей денежного вопроса. М., 1895. С. 579.
- ⁴ Никольский П. А. Бумажные деньги в России. Казань, 1892. С. 269.
- ⁵ Манифест об учреждении на время билетов Государственного казначейства суммой на 30 миллионов рублей ассигнациями // ПСЗ РИ. Собр. 2. Отдел. 1. Т. VI. СПб., 1832. № 4704. С. 679–681.
- ⁶ Сперанский М. М. Мысли о новых билетах Казначейства // Русская старина. 1873. Т. 8. Кн. 10. С. 587.
- ⁷ Там же. С. 586.
- ⁸ Там же. С. 587.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Сперанский М. М. О законах. Беседы с Его императорским Высочеством Государем Великим князем наследником цесаревичем Александром Николаевичем М. М. Сперанского с 12 октября 1835 по 10 апреля 1837 года // Сборник Императорского Русского исторического общества (РИО). СПб., 1880. Т. 30. С. 416. См. также: *Сперанский М. М. Избранное / Вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. М., 2015. С. 283.*
- ¹¹ Сперанский М. М. Мысли о новых билетах Казначейства // Русская старина. 1873. Т. 8. Кн. 10. С. 588.
- ¹² Там же.
- ¹³ Сперанский М. М. Записка о недостатках в пользовании ассигнационными деньгами и о мерах их устранения // ОР РНБ. Ф. 484. Д. 132. Л. 6.
- ¹⁴ Там же. Л. 8.
- ¹⁵ Там же. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Л. 5.
- ¹⁷ Выписки из записок кн. К. Ф. Друцкого-Любецкого, кн. В. П. Кочубея, гр. Ф. П. Палена и др. документов об упадке курса ассигнаций и несовершенстве монетной системы // ОР РНБ. Ф. 484. Д. 55. Л. 14 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 15.
- ¹⁹ Сперанский М. М. Дневниковые записи. 22 ноября 1831 г. — январь 1835 г. // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 46. Л. 3 — 3 об.
- ²⁰ Сперанский М. М. Записка о монетном обращении // ОР РНБ. Ф. 484. Д. 134. Л. 4.
- ²¹ Там же. Л. 10.
- ²² Там же. Л. 8 об. — 9.
- ²³ Там же. Л. 8.
- ²⁴ Там же. Л. 17 — 17 об.
- ²⁵ Там же. Л. 12 об. — 13.
- ²⁶ Там же. Л. 14.
- ²⁷ Там же. Л. 1 — 1 об.
- ²⁸ Канкрин Е. Ф. Письмо к М. М. Сперанскому об учреждении Сохранного серебряного банка, о переводе счета на серебро // ОР РНБ. Ф. 484. Д. 83. 2 л.
- ²⁹ Мигулин П. П. Русский государственный кредит. Т. 1. Харьков, 1899. С. 142.
- ³⁰ Сперанский М. М. Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкринна. СПб., 1895. С. 30.
- ³¹ Там же. С. 31–32.
- ³² Там же. С. 34.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. С. 35.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Об учреждении при государственном Коммерческом банке Депозитной кассы по серебряным вкладам и об уничтожении лажа // РГИА. Ф. 1152. Оп. 2. 1837 г. Д. 136. Л. 221 об.

- ³⁷ Гурьев А. Н. Денежное обращение в России в XIX столетии. СПб., 1903. С. 107.
- ³⁸ Pintner W. M. Russian Economic Policy under Nicholas I. Ithaca; New York, 1967. P. 206.
- ³⁹ Сперанский М. М. Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкрин. С. 21.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Кауфман И. И. Из истории бумажных денег в России. СПб., 1909. С. 82.
- ⁴³ Дубянский А. Н. Простонародные лажы в денежном обращении России в начале XIX века // ЭКО. 2012. № 10. С. 181.
- ⁴⁴ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861. С. 358–359.
- ⁴⁵ Там же. С. 360.
- ⁴⁶ Raeff M. Michael Speransky. Statesman of Imperial Russia 1772–1839. Hague, 1969. P. 350.
- ⁴⁷ Новикова И. А., Рогачевская М. А. Проекты преобразования финансовой и денежной системы М. М. Сперанского // ЭКО. 2008. № 8. С. 188.
- ⁴⁸ Судейкин В. Т. Восстановление в России металлического обращения (1839–1843). М., 1891. С. 27.

References

DUBYANSKY A. N. *Prostonarodnye lazhi v denezhnom obrashchenii Rossii v nachale XIX veka*. [Common people's messes in the monetary circulation of Russia at the beginning of the 19th century. In Russ.] // ECO. 2012. No. 10. P. 181.

GURYEV A. N. *Denezhnoe obrashchenie v Rossii v XIX stoletii*. [Monetary circulation in Russia in the 19th century. In Russ.] St. Petersburg, 1903.

KAUFMAN I. I. *Iz istorii bumazhnyh deneg v Rossii*. [From the history of paper money in Russia. In Russ.] St. Petersburg, 1909.

KORF M. A. *Zhizn' grafa Speranskogo*. [The Life of Count Speransky. In Russ.]. Vol. 2. St. Petersburg, 1861.

MIGULIN P. P. *Russkij gosudarstvennyy kredit*. [Russian State Credit. In Russ.]. Vol. 1. Kharkiv, 1899.

MIKLASHEVSKY A. N. *Den'gi. Opyt izucheniya osnovnykh polozhenij ekonomicheskoy teorii klassicheskoy shkoly v svyazi s istoriej denezhnogo voprosa*. [Money. The experience of studying the main provisions of the economic theory of the classical school in connection with the history of the money question. In Russ.]. Moscow, 1895.

NIKOLSKY P. A. *Bumazhnye den'gi v Rossii*. [Paper money in Russia. In Russ.]. Kazan, 1892.

NOVIKOVA I. A., ROGACHEVSKAYA M. A. *Proekty preobrazovaniya finansovoy i denezhnoy sistemy M. M. Speranskogo*. [Projects of transformation of the financial and monetary system of M. M. Speransky. In Russ.] // ECO. 2008. No. 8. P. 170–188.

PINTNER W. M. *Russian Economic Policy under Nicholas I*. Ithaca; New York, 1967.

RAEFF M. *Michael Speransky. Statesman of Imperial Russia, 1772–1839*. Hague, 1969.

SHTEIN V. M. *Ocherki razvitiya russkoj obshchestvenno-ekonomicheskoy mysli XIX–XX vekov*. [Essays on the development of Russian socio-economic thought of the 19th–20th centuries. In Russ.]. Leningrad, 1948.

SPERANSKY M. M. *Zapiska o monetnom obrashchenii grafa Speranskogo s zamechaniyami grafa Kankrina*. [A note on the coin circulation of Count Speransky with the remarks of Count Kankrin. In Russ.]. St. Petersburg, 1895.

SPERANSKY M. M. *Mysli o novykh biletah Kaznachejstva*. [Thoughts on new Treasury tickets. In Russ.] // Russkaya starina. 1873. T. 8. B. 10. P. 585–588.

SPERANSKY M. M. *O zakonah. Besedy s Ego imperatorskim Vysochestvom Gosudarem Velikim knyazem naslednikom cesarevichem Aleksandrom Nikolaevichem M. M. Speranskogo s 12 oktyabrya 1835 po 10 aprelya 1837 goda*. [About the laws. Conversations with His Imperial Highness the Sovereign Grand Duke Heir Tsarevich Alexander Nikolaevich M. M. Speransky from October 12, 1835 to April 10, 1837. In Russ.] // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. St. Petersburg, 1880. T. 30. P. 323–491.

SPERANSKIJ M. M. *Izbrannoe* / Vstup. slovo, sost. P. V. Krasheninnikov [M. M. Speransky. Favorites / Intr., comp. P. V. Krasheninnikov. In Russ.]. Moscow, 2015. P. 272–284.

SUDEIKIN V. T. *Vosstanovlenie v Rossii metallichesкого obrashcheniya (1839–1843)*. [Restoration of metal circulation in Russia (1839–1843). In Russ.]. Moscow, 1891.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

П. К. Романов. «Мысль Вашу я понимаю совершенно...»: роль М. М. Сперанского в процессе подготовки денежной реформы 1839–1843 гг. // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 175–187

Аннотация: В статье рассматривается финансовая деятельность М. М. Сперанского в 1830-е гг. в контексте подготовки денежной реформы 1839–1843 гг. Рассматриваемые автором записки М. М. Сперанского данного периода, посвященные финансовой тематике, плохо изучены. Если записки 1831 г. о казначейских билетах и 1839 г. о монетном обращении были опубликованы еще в дореволюционный период, то проекты середины 1830-х гг. в историографии неизвестны. Также в статье делается акцент на личном авторитете М. М. Сперанского, способствовавшем продвижению и консолидации финансовых реформаторских идей, что позволяет установить его подлинный вклад в деле упорядочения денежного обращения России в 1839 г.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, монеты, ассигнации, денежная реформа, Е. Ф. Канкрин.

FOR CITATION

P. K. Romanov. “I understand your idea completely...”: the role of M. M. Speransky in the process of preparing the monetary reform of 1839–1843 // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 175–187

Abstract: The article examines the financial activity of M. M. Speransky in the 1830s in the context of the preparation of the monetary reform of 1839–1843. The notes of M. M. Speransky considered by the author of this period, devoted to financial topics, are poorly studied. If the notes of 1831 on treasury bills and 1839 on coin circulation were published in the pre-revolutionary period, then the projects of the mid-30s are unknown in historiography. The article also focuses on the personal authority of M. M. Speransky, who contributed to the promotion and consolidation of financial reform ideas, which allows us to establish his genuine contribution to the streamlining of the monetary circulation of Russia in 1839.

Key words: M. M. Speransky, coins, assignats, monetary reform, E. F. Kankrin.

Автор: Романов, Павел Константинович — аспирант Института истории СПбГУ.

Author: Romanov, Pavel Konstantinovich — postgraduate student of the Institute of History of St. Petersburg State University.

E-mail: pavel81292@gmail.com

М. М. Шевченко

С. С. Уваров и М. М. Сперанский

М. М. Сперанский (1772–1839) и С. С. Уваров (1786–1855) — одни из самых знаковых фигур в политической истории России XIX в. В учебниках они давно олицетворяют собой либеральную и консервативную составляющую русского исторического процесса. Притом в две различные эпохи, где каждый проявил себя характерно, но с неодинаковой динамикой. Сперанский пережил единственный в своем роде и более не повторявшийся карьерный взлет и головокружительное политическое падение. На вершине своего влияния на внутреннюю политику империи он находился, так сказать, на ее острие, был символом правительственного либерализма, сосредоточившего на себе главную ненависть консервативной оппозиции. Лишь частично вернув утраченные после опалы позиции, он сумел сохранить их и при наступлении нового, консервативного по характеру правления. Уваров никогда не переживал столь головокружительного подъема, держался всегда намного осторожнее в ожидании неизбежных политических конфликтов. Дважды в конце обоих царствований, и либерального Александра I, и консервативного Николая I, он терял свои политически наиболее весомые административные позиции, но в обоих случаях отнюдь не так драматично, как Сперанский.

В научной литературе Уваров и Сперанский, оба вместе или рядом друг с другом, чаще фигурируют, скорее, в работах историков, проявлявших больше интереса к консервативной составляющей отечественного исторического процесса. Так, например, биограф Уварова Ц. Виттекер, наблюдая в мировоззрении Сергея Семеновича «смесь либерализма, консерватизма, рационализма и тра-

диционализма» и относя его при этом «бесспорно» «к лагерю консерваторов», отмечает, что Уваров особенно высоко ценил Н. М. Карамзина и Сперанского. По ее мнению, именно влиянию их обоих он был обязан своему традиционно-русскому тяготению к «теории просвещенного абсолютизма». Сперанский же называл Уварова и Карамзина наиболее выдающимися русскими учеными¹. По мнению А. Мартина, Сперанского, как и Карамзина и Уварова, вместе с прочими членами литературного общества «Арзамас» «привлекало творчество в области политики и общественного устройства», в отличие от всей той части общества, которое, обращаясь к опыту прошлого, считало вредным «всякое политическое теоретизирование». Новый император Николай I из советников Александра I сохранил у себя на службе Уварова и Сперанского «как продолжателей традиций просвещенного абсолютизма во внутренней политике»². В обобщающем исследовании А. Ю. Минакова, посвященном становлению и развитию русского консерватизма в первой четверти XIX в., вклад Уварова отмечается как адаптация и усвоение карамзинского дискурса самодержавия. Сперанскому же в этом процессе принадлежала одна из главных провокативных ролей. Как наследник и, по сути, своеобразный бенефициар консерватизма александровской эпохи, Уваров в эпоху николаевскую несколько парадоксально предстал на ближайшую историческую перспективу фактически победителем своего великого старшего современника³.

Уваров и Сперанский издавна и хорошо знали друг друга. Первый биограф Сперанского барон М. А. Корф передает, что, служа в 1795–1796 гг. секретарем у князя А. Б. Куракина, Сперанский вместе с сыном князя давал уроки русского языка и его двоюродному брату — подростку Сергею Уварову...⁴ В 1810–1812 гг. они вместе состояли членами Главного правления училищ. В 1811 г. А. С. Шишков принял их обоих в качестве почетных членов в созданное им объединение консервативно по преимуществу настроенных столичных литераторов — «Беседу любителей русского слова». Уваров, сделавшись президентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук, через год с небольшим, в 1819 г., организовал избрание Сперанского в почетные члены Академии. Незадолго до этого назначенный сибирским генерал-губернатором Михаил Михайлович еще ощущал себя полуопальным⁵.

Известная на сегодня их личная переписка оставляет у читателя впечатление несомненного тяготения друг к другу двух выдающихся по своей образованности просвещеннейших людей тогдашней России. Сперанский, обращаясь к Уварову, бывал элегичен и философичен. Благодаря за избрание в академики, он, в частности, писал из Иркутска в 1819 г.: «Присоедините к сему и надежду некогда, сидя у пристани, беседовать с вами о здешних былях и небылицах, представлять вам сибирские картины, узорочности здешнего края и, как старики многоглаголивы (а я старею), сто раз вам повторить и вместе с вами выводить из всех опытов, из всех наблюдений одну и ту же истину, что везде, на всех концах свете, есть всеобщее движение от телесного к духовному,

от тьмы к свету, от заблуждений к истине... Между тем, покуда придет время сей беседы, утешайте меня вашими воспоминаниями. Письма ваши везде мне были драгоценны, а здесь еще более»⁶. «Я действительно ему благодарен», — писал он об Уварове третьему лицу в связи со своим избранием в академики⁷. Уваров посылал Сперанскому в Иркутск новые академические издания, уведомлял о работе Н. М. Карамзина над «Историей государства Российского». Кто, как не Сперанский, мог по достоинству оценить его опубликованный в 1810 г. «Проект Азиатской академии!» «Я смею ласкаться надеждою, — писал Уваров, — что некоторым образом содействую вам в великом предприятии вашем; основание и распространение *восточных языков* должно произвести и распространение здравых понятий об *Азии в ее отношениях к России*. Вот поприще огромное, еще не озаренное лучами разума, новое поле славы, неприкосновенный источник новой национальной политики, долженствующий спасти нас от дряхлости преждевременной и от европейской заразы»⁸.

То, насколько сложным было отношение Уварова к государственной деятельности главного либерального реформатора императора Александра I, отражено в малоизвестных рукописях Сергея Семеновича, процесс публикации которых сегодня продолжается. Это прежде всего «Этюд об императоре Александре»⁹ начала 1830-х гг., записки императору Николаю I второй половины 1820-х — начала 1830-х гг., переданные через графа А. Х. Бенкендорфа, центральное место среди которых занимает записка «О крепостном праве»¹⁰, записка «Об отношениях Государства с Церковью в России», написанная не раньше 1852 г. Авторские комментарии к этим документам содержит написанный в 1852 г. «Опыт автобиографии, посвященный моему сыну»¹¹.

К середине 1820-х гг. Уваров накопил глубокое разочарование в политике Александра I. На склоне лет он писал, что, увлекаемый в молодости либеральными политическими начинаниями любимого им императора, он стал соучастником его ошибок, связанных с либеральными политическими начинаниями. Вечером 14 декабря 1825 г. Уваров вместе с Карамзиным и Д. Н. Блудовым был у императора Николая I¹². Он должен был обеспечить максимально оперативную публикацию в «Санкт-Петербургских ведомостях» официального коммюнике о событиях подавления военного мятежа в столице. В последующие годы молодой император, обремененный делами внешней политики в обстановке следовавших одна за другой трех тяжелых войн, в дела политики внутренней входил медленно и осторожно, и чувствуя собственный недостаток подготовки и опыта, и испытывая благоговение к памяти и наследию ушедшего венценосного брата. Прежние члены либеральной «камарильи», по выражению Уварова, из того самого кружка «молодых друзей» императора Александра I, сохраняли почетное положение при дворе Николая I до самой своей кончины. Уваров активно включился в борьбу за консервативный разворот всей правительственной политики. Он сблизился с начальником тайной полиции генерал-адъютантом А. Х. Бенкендорфом, которому писал: «Будем надеяться, что высокая

мудрость Монарха просвещенного, справедливого и патриотичного облегчит его стране путь развития в форме, наиболее соответствующей ее природе. Будем надеяться, что люди, призванные ему помочь, поймут, наконец, положение государства, которое своей политической формой, своей организацией, своим положением опровергает все теории, и для которого неприменимо почти ничего из того, что делается или задумывается в Европе»¹³. Будущее России в свете наступившей теперь у Уварова переоценки опыта минувшего царствования требовало преодолеть прежние либерально-космополитические тенденции внутренней политики со стороны тех, кто «захотел сделать Россию *английскую*, Россию *французскую*, Россию *немецкую* и не видел, что в тот момент, когда Россия перестанет быть *русской*, она перестанет существовать вообще, по крайней мере, в настоящей политической форме»¹⁴. Подвергнув критике механистическое понимание политики и государства, характерное для минувшего царствования, Уваров в записке «О крепостном праве в России»¹⁵, по сути продолжая и развивая карамзинский дискурс о самодержавии, предложил императору Николаю I взглянуть на отечественное просвещение как на средство стратегической подготовки упразднения крестьянской крепостной зависимости. Этому должна была содействовать не конъюнктурная и поверхностная либеральная индоктринация привилегированного сословия, а постепенное и глубокое его перевоспитание с целью сделать их «Русскими по духу» и вместе с тем «Европейцами по образованию». Будучи убежден в том, что новый император помнит его неудачную борьбу с «мистической партией», завершившуюся отставкой в 1821 г. с поста попечителя столичного учебного округа, Уваров был уверен, что находился «в списке тех, на ком предполагалось основать новое управление Империей»¹⁶. Но к административным рычагам он в это время не стремился, сосредоточившись на проблеме поиска новой общеполитической перспективы для России как ученый. Он не проявлял большой активности в Комитете устройства учебных заведений под председательством министра народного просвещения А. С. Шишкова, взглядов которого на состояние цензуры явно не разделял, добившись в 1828 г. вместе с Д. В. Дашковым замены шишковского «чугунного» цензурного устава 1826 г. более компактным, мягким и практичным. Уходя дважды в длительный отпуск, он совершал продолжительные путешествия по России в познавательных целях. Для него наступило время осмысления противоречивой и трагической фигуры императора Александра I и его царствования.

У истоков драматических противоречий императора Александра Павловича как личности и государственного деятеля, полагал Уваров, лежала ошибка, совершенная Екатериной II. Она «доверила воспитание молодого Князя, к которому она питала столь живое расположение и на которого возлагала столь обширные надежды, человеку честному и благородному, но увлеченному пагубными идеями, жившими в высшей степени ограниченном буржуазном уме. Ум же великой Императрицы совершил ошибку; когда она пожелала ее

исправить, времени на то уже не было: швейцарский республиканец оставил в молодом человеке глубокий духовный след, в принципе, чистый и честный, но диаметрально противоположный естественной цели успеха его высокого призвания. Лучшим результатом этого ошибочного воспитания было внушение александрову уму неизменной умеренности принципов и глубокое уважение к достоинству человека, которое Император сохранил до могилы»¹⁷. Познакомившись с окружающей средой, противоположной духу усвоенных им от Ф.-С. Лагарпа республиканских общественно-политических идеалов, Александр заключил их в тайнике своего ума и сердца, научившись прибегать к двуединою, столь тягостному для него впоследствии. Испытав подозрительность и недоверие отца, а затем, оказавшись невольным нравственным соучастником его трагической гибели в результате дворцового переворота, он принял корону, принеся «невыразимую жертву повелевавшему долгу», чтобы спасти «страну и семью» от хаоса и гибели, подобно королю Луи Филиппу во время Июльской революции 1830 г. во Франции¹⁸.

На первом этапе правления Александра I его власть тогда разделили с ним три молодых человека — князь А. Е. Чарторыйский, Н. Н. Новосильцев и граф П. А. Строганов — «тайный кабинет», или «камарилья», объединенная единством либеральных взглядов, к которым примкнул князь В. П. Кочубей. К ним подтянулись их клиенты-протезы из числа молодых военных. «Эта неопытная и бездарная камарилья, увлеченная безумием идей и времени», ничего серьезного и практического, кроме «смутных проектов» и «неосмотрительных попыток», не совершила. При наступлении военных событий 1805–1807 гг. «камарилья» рассеялась, уступив место «министру более опытному и влиятельному, чем они»¹⁹. Это и был М. М. Сперанский.

Во всем уваровском «Этюде об императоре Александре» его портрет, пожалуй, наиболее выразителен: «Этот человек, родившийся в низших слоях общества и чья юность прошла в уединении монастыря, постепенно поднялся до первых государственных должностей. Пройдя, так сказать, через все подчиненные положения, он обнажил все тайные раны страны, проникся глубокой ненавистью ко всем существующим институтам. Прикрывая эту ненависть искусным смирением, безудержным честолюбием, превосходя в талантах и способностях всех своих соперников, Сперанский в течение нескольких лет оказывал безграничное влияние на ум императора: сначала он овладел его верой в прогрессивные идеи. Из либеральных, какими они были в теории, на практике он свел их к формулам, которые были в значительной степени революционными. Отсюда родилась серия инноваций, предпринятых без каких-либо усилий, и которые более или менее непосредственно затрагивали основы установленного порядка. Это уже не были откровенные мечты камарильи, это был, на первый взгляд, обширный план реформ, исход которых мог быть только опасным. Под скромным званием государственного секретаря Сперанский руководил всеми ветвями администрации»²⁰.

При этом Сперанский не смог вовремя определить, что его высокому личному положению «впечатлительный и подвижный в глубине своей характер императора» давал «лишь довольно слабую гарантию». Но он успел заметить важное изменение в его душевном складе. За годы Аустерлица и Тильзита Александр «испытал двойное разочарование, сначала из-за малоуспешности своей военной и политической роли, а затем из-за откровенной измены женщины, которая владела всеми его чувствами». Страдания ума и сердца пробудили в нем склонность «к сверхъестественным идеям», «мистическим верованиям». По словам Уварова, Сперанский увлекся при императоре Александре ролью генерала И. Р. фон Бишофсвердера, прославившегося умением играть на мистических наклонностях прусского короля Фридриха-Вильгельма II. «Поэтому, — писал Уваров, — он остановился на тайных обществах и, чтобы дать, как он выразился, пищу этому беспокойному уму, и разработал план вовлечь его в масонскую ассоциацию, главой которой он должен был стать»²¹. С этой целью он вывез из недр Германии авантюриста, розенкрейцера и масона И. А. Фесслера. Уварову были известны масонские собрания в «уединенном павильоне во внутреннем дворе особняка Комиссии составления законов на улице Литейной», где Сперанский принял в ложу «своего друга М. Л. Магницкого». Свое при этом присутствие Уваров отрицает: «...я твердо держался с детства принятого решения никогда не принадлежать ни к какому тайному обществу, но если я не видел спектакля, я видел труппу, механизмы, закулисы, я управлял нитями, которые приводили марионеток в движение...»²²

Загадка политического падения Сперанского, внезапной опалы с поразившей всех моментальной высылкой из Петербурга в Нижний Новгород была и осталась таковой же и для Уварова, по его собственному признанию. Он разделял популярное мнение, что во главе интриги стояли председатель Комитета по делам Финляндии генерал Г. М. Армфельдт и министр полиции генерал-адъютант А. Д. Балашов. Он знал, что сам император реабилитировал сосланного государственного секретаря от обвинений в тайных сношениях с французским правительством, посылая князя А. Н. Голицына для осмотра его бумаг. Уварову было известно самооправдательное послание Сперанского к императору из места ссылки, которое он считает удовлетворительным. «Что я знаю, — писал Сергей Семенович, — так это то, что по возвращении Сперанского его первая встреча с императором ограничилась простыми излияниями радости или вежливости и что, когда он хотел взять слово, чтобы оправдаться, Александр закрыл ему рот. “Я не смог вставить ни единого слова”, — сказал мне Сперанский, выходя с этой встречи; всякий раз, когда я пытался затронуть этот вопрос, меня останавливал император, который почти все время аудиенции говорил один. С тех пор, — продолжал Уваров, — между ними ни разу не было сказано ни слова по этому поводу, и вторая эпоха общественной жизни Сперанского не имела аналогий с первой; он не испытывал недостатка в общественном уважении и знаках внимания, но его роль как политика была безвозвратно окончена»²³.

Уже первый биограф Сперанского М. А. Корф узнал и написал об этой истории, разумеется, гораздо больше²⁴. Современный исследователь биографии Балашова историк А. Ю. Скрыдлов сомневается в правомерности признания роли генерала столь однозначной²⁵. Критическое исследование точных обстоятельств и причин отставки Сперанского продолжается до сегодняшнего дня²⁶. Но ощущения близости разгадки созданной Александром I тайны, по-видимому, как-то не наступает. А почему — на этот вопрос неожиданно для заинтересованного читателя и дает ответ в своем «Этюде...» Уваров: «Одна из черт характера Александра заключалась в том, что он постоянно переходил по отношению к одним и тем же людям от крайнего доброжелательства к крайнему отвращению, чаще всего не причиняя им вреда в их общественном положении, но и не давая им понять причину изменений»²⁷.

Склонность Александра I к мистицизму получила свое полное развитие во вторую половину его царствования. Пробудившееся религиозное чувство получило у него истолкование в духе масонско-гностического интерконфессионального христианства, веры в так называемую «внутреннюю» церковь. Он ввергся в иные страсти и предрассудки. Уваров был готов это извинить, объясняя невольным внутренним одиночеством в атмосфере эпицентра драматических исторических событий. Особенно опасно, по мнению Уварова, это сказалось на внутренней политике. Учреждение Министерства духовных дел и народного просвещения во главе с князем А. Н. Голицыным он находил особенно пагубным. Оно привело к разлитию протестантской стихии как самого опасного для тогдашнего русского человека искушения духом времени, повлекшего за собой анархию доктринерствующего рассудка. Уже оставив управление Министерством народного просвещения, в последние годы жизни в записке «Об отношениях Государства с Церковью» в России Уваров писал: «Таким образом Православная Церковь была уравнена с принятыми или терпимыми культами в России, сравнялась с государственными школами... дух самого возвышенного протестантизма, смешанный с самым нечистым мистицизмом, проник в Россию вместе с Библейским обществом: это произошло в самых причудливых формах вторжения методистской пропаганды в Российскую Церковь, и мы не забыли, что эта Церковь, удивленная и обезоруженная, была далека от того, чтобы найти во всех своих пастырях сплоченное и компактное ополчение, которое стремилось защищать свои права и сохранять свое достоинство. Это было время полной неразберихи, из которой мы вышли только через своего рода государственный переворот и резкое возвращение к старым принципам правления. Долгое время эта безрассудная попытка была источником серьезных трудностей и взаимных недоразумений...»²⁸

Таким образом, согласно С. С. Уварову, в первую половину царствования император Александр I вынудил своих подданных опасаться за судьбу русского самодержавия, а во вторую половину — крайне тревожиться за судьбу православия в России. М. М. Сперанский же сумел сделаться символом первой угро-

зы и подвигнуть императора в направлении, влекущем риск развития угрозы второй. Избежать самого возникновения этих угроз Александр I не смог потому, что его воспитание оказалось слишком космополитичным для того, чтобы издалека их ощутить. «Высокий характер, человечная и восприимчивая душа, острый ум, блестящая храбрость — у него было все это, но для того, чтобы столь великие качества послужили счастьем империи, ему не хватало только одного: *русской жилки*. Александр не понимал своей страны, он не знал ни ее предрасудков, ни ее страстей. Он так и не осознал высший закон, в соответствии с которым формировалась и развивалась Россия и который поднял ее на высоту нынешнего положения»²⁹. А самый демократичный по своему происхождению его выдающийся сподвижник Михаил Михайлович Сперанский поспособствовать этому не мог.

К такому заключению пришел в начале 1830-х гг. Сергей Семенович Уваров. Имея его в своем опыте, он возглавил ведомство народного просвещения, выдвинув лозунг «Православие, Самодержавие, Народность» в качестве девиза официального дискурса, адресованного русской учено-литературной общественности.

¹ Whittaker C. H. The origins of modern Russian education: An intellectual biography of count Sergei Uvarov. 1786–1855. De Kalb, 1984. P. 36, 49, 52, 53–54, 56.

² Мартин А. Романтики, реформаторы, реакционеры. Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I / Пер. с англ. СПб., 2021. С. 352–353, 379–380.

³ Минаков А. Ю. Русский политический консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. С. 214, 216, 330, 342, 346, 409, 450–454.

⁴ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб., 1861. С. 39.

⁵ Андреева Т. В. Возвращение: М. М. Сперанский в 1821–1824 гг. (по дневнику реформатора) // Петербургский исторический журнал. 2002. № 3. С. 201–202.

⁶ В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб., 1872. С. 211–212.

⁷ Там же. С. 252.

⁸ Там же. С. 234. Курсив С. С. Уварова.

⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 154 – 193 об.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 106. Л. 2 – 25 об.

¹¹ Там же. Ед. хр. 122. Л. 5 – 44 об.

¹² РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 23 об.

¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 25.

¹⁴ Там же. Л. 5. Курсив С. С. Уварова.

¹⁵ См.: Шевченко М. М. Записка С. С. Уварова о крепостном праве в России (1830/1831) // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 335–360.

¹⁶ См.: Шевченко М. М. Опыт автобиографии Сергея Уварова. 1852 // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 305.

¹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 157 об. – 158 об.

¹⁸ Там же. Л. 159 – 160 об.

¹⁹ Там же. Л. 166.

²⁰ Там же. Л. 166 об. – 167.

- ²¹ Там же. Л. 168.
²² Там же. Л. 168–169.
²³ Там же. Л. 169 об. — 170 об.
²⁴ Корф М. А. Деятели и участники падения Сперанского // Русская старина. 1902. № 3. С. 471–504.
²⁵ Скрыдлов А. Ю. На службе России: Александр Дмитриевич Балашов. 1770–1837. СПб., 2016. С. 97–108.
²⁶ Андреев А. Ю. Источники об отставке М. М. Сперанского в 1812 году: опыт систематического анализа // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. С. 185–200.
²⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 171.
²⁸ Там же. Ед. хр. 107. Л. 44 — 44 об., 44 об. — 45.
²⁹ Там же. Ед. хр. 39. Л. 192 — 192 об. Курсив С. С. Уварова.

References

- ANDREEV A. YU. *Istochniki ob otstavke M.M. Speranskogo v 1812 godu: opyt sistematicheskogo analiza*. [Sources on the resignation of M.M. Speransky in 1812: an experience of a systematic analysis. In Russ.] // Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal. 2022. No. 3. P. 185–200.
- ANDREEVA T. V. *Vozrascheniye: M.M. Speranskiy v 1821–1823 gg. (po dnevniku reformatora)*. [Return: M.M. Speransky in 1821–1824 (according to the diary of a reformer). In Russ.] // Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal. 2022. No. 3. P. 201–220.
- KORF M. A. *Deyateli i uchastniki v padenii Speranskogo*. [Figures and participants in the fall of Speransky. In Russ.] // Russkaya starina. 1902. No. 3. P. 479–508.
- KORF M. A. *Zhizn' grafa Speranskogo*. [The life of Count Speransky. In Russ.]; in 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg, 1861.
- MARTIN A. M. *Romantiki, reformatory, reaktionery: Russkaya konservativnaya mysl' i politika v tsarstvovaniye Alexandra I*. [Romantics, Reformers, Reactioneries: Russian Conservative Thought and Politics in the Rein of Alexandre I. In Russ.]. St. Petersburg, 2021.
- MINAKOV A. YU. *Russkiy politicheskiy konservatizm v pervoy chetverty XIX veka*. [Russian Political Conservatism in the first quarter of the 19th century. In Russ.] Voronezh, 2011.
- SKRYDLOV A. YU. *Na sluzhbe Rossii: Aleksandr Dmitriyevich Balashev. 1770–1837*. [In the service of Russia: Alexander Dmitriyevich Balashev. 1770–1837. In Russ.]. St. Petersburg, 2016.
- SHEVCHENKO M. M. *Opyt avtobiografii Sergeiya Uvarova. 1852*. [Autobiographical essay by Sergey Uvarov. 1852. In Russ.] // Tetradi po konservatizmu. 2018. No. 1. P. 267–334.
- SHEVCHENKO M. M. *Zapiska S.S. Uvarova o krepostnom prave v Rossii (1830/1831)*. [S.S. Uvarov's note on serfdom in Russia (1830/1831). In Russ.] // Tetradi po konservatizmu. 2018. No. 1. P. 335–360.
- V pamyat' grafa Mikhaila Mikhaylovicha Speranskogo. 1772–1872*. [In memory of Count Mikhail Mikhailovich Speransky. 1772–1872. In Russ.]. St. Petersburg, 1872.
- WHITTAKER C. H. *The origins of modern Russian education: An intellectual biography of count Sergei Uvarov. 1786–1855*. De Kalb, 1984.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. М. Шевченко. С. С. Уваров и М. М. Сперанский // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 188–197

Аннотация: В статье рассматривается оценка роли М. М. Сперанского в истории политики императора Александра I, данная С. С. Уваровым в начале 1830-х гг. в неопубликованной до сегодняшнего дня рукописи, на фоне политических пересечений и контрастов между этими двумя выдающимися русскими государственными деятелями первой половины XIX в.

Ключевые слова: С. С. Уваров, М. М. Сперанский, Александр I, Николай I, консерватизм, либерализм, национализм.

FOR CITATION

M. M. Shevchenko. S. S. Uvarov and M. M. Speransky // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 188–197

Abstract: The article examines the assessment of the role of M. M. Speransky of the history of the politics of Emperor Alexander I, given by S. S. Uvarov in the early 1830s in an unpublished manuscript to date, against the background of political intersections and contrasts between these two outstanding Russian statesmen of the first half of the 19th century.

Key words: S. S. Uvarov, M. M. Speransky, Alexander I, Nicholas I, conservatism, liberalism, nationalism.

Автор: Шевченко, Максим Михайлович — к. и. н., доцент кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Author: Shevchenko, Maxim Mikhailovich — PhD in History, Associate Professor, Department of Russian History of the 19th — beginning of the 20th Century, History Faculty, Lomonosov's Moscow State University.

E-mail: Shevch_mm@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5257-4765

Д. Н. Шилов

Издание документального наследия М. М. Сперанского: опыт и перспективы*

М. М. Сперанский — ключевая фигура в истории российской государственности первой половины XIX в. Обширнейшая отечественная историография, посвященная различным аспектам его деятельности, насчитывает уже около тысячи двухсот работ сотен авторов, в том числе только за последние полвека — две докторские диссертации и тринадцать кандидатских¹. Имя Сперанского увековечено в названиях улиц и учебных заведений, в его честь установлены памятники, открыты мемориальные доски. В год 250-летия со дня его рождения прошло несколько представительных научных конференций.

Публикация принадлежащих перу Сперанского документов, на первый взгляд, тоже идет вполне успешно. В XXI в. издано, по моим подсчетам, уже девять сборников проектов и записок великого реформатора. Один из них, выпущенный Государственной публичной исторической библиотекой в 2004 г., является републикацией издания 1905 г.², прочие же по содержанию самостоятельны³.

В указанных восьми сборниках помещено 134 текста. Однако это число составляют лишь 35 оригинальных документов, т. е. каждый опубликован в среднем по четыре раза. 14 из них почерпнуты публикаторами из академического издания трудов Сперанского, подготовленного под редакцией С. Н. Валка⁴. Прочие перепечатаны с текстов, опубликованных еще до 1917 г.

* Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного Российским научным фондом (проект № 23-28-00769).

Научные публикации работ Сперанского после 1961 г. носили единичный характер и осуществлялись в основном на страницах журналов — Д. И. Луковской совместно с С. С. Гречишкиным⁵ и В. И. Морозовым⁶, Е. В. Тимошиной⁷, Т. В. Андреевой⁸. Некоторая активизация публикационной активности произошла в юбилейном 2022 г.: К. П. Краковский на страницах двух журналов издал десять небольших заметок реформатора по юридическим вопросам⁹. Вышел также ряд статей, посвященных судьбе архива М. М. Сперанского и проблемам публикации документов из его состава¹⁰, а также истории формирования текста отдельных записок реформатора¹¹.

Таким образом, до настоящего дня опубликовано менее ста произведений М. М. Сперанского (не считая писем). Между тем сохранившееся их число значительно больше. Его биограф В. И. Морозов отмечал: «В архиве кодификатора сохранилось большое число недатированных рукописных (в подавляющем большинстве до сих пор неопубликованных) работ по теории, истории, философии права, по отраслевым правовым дисциплинам»¹². По оценке Е. В. Тимошиной, «опубликованные работы М. М. Сперанского составляют в лучшем случае десятую часть рукописного наследия мыслителя»¹³. К. П. Краковский, изучив состав основного архивного собрания документов Сперанского (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 731), пришел к выводу, что оно содержит около 400 только юридических произведений¹⁴.

При всей затруднительности, вследствие отсутствия трудов по систематическому археографическому и источниковедческому изучению рукописного наследия реформатора, точного подсчета соотношения его изданных и неопубликованных работ, бесспорен вывод С. В. Кодана о том, что «лишь незначительная часть творческого наследия М. М. Сперанского введена в научный оборот». Им же справедливо указано, что «назрела необходимость продолжения изданий неопубликованных трудов М. М. Сперанского, а в перспективе и собрания его сочинений»¹⁵. Однако о существовании в наши дни подобных намерений у какого-либо учреждения или научного коллектива ничего не известно.

Между тем детально разработанный план соответствующего научного проекта был предложен еще в начале XX в. В 1916 г. при Академии наук была учреждена Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М. М. Сперанского¹⁶. Инициаторами ее создания стали А. С. Лаппо-Данилевский и В. И. Семевский. За время существования Комиссии в ее работе принимали участие 27 специалистов — историков, правоведов, архивистов. Среди них были как авторитетные ученые и администраторы (члены-корреспонденты Академии наук И. А. Бычков и А. Н. Филиппов, профессор Петроградского университета С. В. Рождественский, начальники архивов Сената И. А. Блинов и Синода К. Я. Здравомыслов), так и молодые ученые, прежде всего ученики А. С. Лаппо-Данилевского и С. Ф. Платонова. Организатором работы и признанным научным лидером нового учреждения стал Лаппо-Данилевский.

За три года деятельности Комиссия разработала масштабный научный план по изданию материалов знаменитого реформатора. Его первым этапом должна была стать подготовка полного каталога документов Сперанского и материалов о нем в архивах страны. Для этого был составлен перечень из трех десятков подлежащих обследованию архивохранилищ, разработаны и отпечатаны бланки-формуляры для описания каждого документа и инструкция для переписчиков, архивные фонды распределены между членами Комиссии, которые начали их изучение. Как указывал впоследствии Валк, методика подготовки полного реестра рукописей Сперанского была схожа с той, что использовалась Лаппо-Данилевским и участниками его семинария для составления Каталога частных актов по истории русского быта и гражданского права. Одновременно с выявлением и описанием рукописей Комиссия занялась составлением полной библиографии опубликованных трудов Сперанского и литературы о нем. Результатом этой работы стала картотека из 2,5 тыс. карточек, сохранившаяся в фонде Комиссии в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Комиссия не только заявила о возможности и актуальности издания комментированного полного собрания сочинений М. М. Сперанского, а также введения в оборот корпуса источников о его деятельности. Она постулировала как основу будущего издания необходимость комплексного изучения всего документального наследия реформатора, выявления, сравнения между собой и учета при публикации всех фрагментов его рукописей, многие из которых сохранились в нескольких вариантах, в отрывках, с особыми дополнениями и т. д.

Однако Комиссия не успела опубликовать почти ничего из результатов своих трудов. В разгар Гражданской войны, после эмиграции и смерти ряда участников, прежде всего Лаппо-Данилевского, ее работа вынужденно прекратилась. Лишь в 1940–1950-е гг. его ученик С. Н. Валк сумел вернуться к изучению документов Сперанского и подготовить вышедший в 1961 г. сборник сочинений, относившихся к раннему периоду государственной деятельности реформатора. Валк первым дал и краткую характеристику деятельности Комиссии Лаппо-Данилевского. В предисловии к изданию историк высказал мнение, что в будущем издание документов Сперанского должно быть продолжено.

Однако продолжения, о котором писал Валк, до сих пор фактически нет. Публикации трудов Сперанского, вышедшие за прошедшие с 1961 г. шесть десятилетий, лишь в редких случаях представляют собой комментированные научные издания отдельных документов, взятых вне взаимосвязи с другими. В основном же переиздаются сочинения реформатора, опубликованные еще до 1917 г., — с купюрами, без должного археографического изучения и исторического комментария.

В 2018–2020 гг. коллективом исследователей под руководством И. П. Медведева (входили также Т. В. Андреева, И. Н. Вибе, Л. В. Выскочков, Б. П. Миловидов, А. Ю. Скрыдлов и Д. Н. Шилов) осуществлялся проект по подготовке к изданию ранее не публиковавшихся записок Сперанского, относящихся к николаевскому

периоду его государственной карьеры. По результатам проекта составлен сборник документов, который через некоторое время должен выйти в свет.

В то же время работа над проектом показала, что изучение и публикацию документального наследия М. М. Сперанского затруднительно вести в рамках отдельных краткосрочных научных проектов. Главное препятствие к тому — отсутствие достоверных представлений о полном корпусе рукописей Сперанского и их взаимосвязи между собой. Несмотря на то, что за сто лет, прошедших с момента создания в 1918 г. Единого государственного архивного фонда, указанные рукописи прошли обработку и описание в рамках общих процедур архивного учета, созданные архивистами описи не могут считаться отвечающими современным задачам научного изучения наследия Сперанского. В 1962 г. сотрудницей Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека) М. Я. Стецкевич был опубликован «Каталог фонда М. М. Сперанского» (т. е. фонда 731) — лучшее из имеющихся на сегодняшний день описаний документов знаменитого реформатора¹⁷. Во введении к «Каталогу» составитель отмечала: «Обработка фонда была затруднена и беспорядочным его состоянием, и обилием документов на иностранных... языках, и нелегким для прочтения почерком Сперанского. Значительную трудность представил процесс систематизации фонда... При разнообразном и пестром составе документов очень сложно было... определить место каждого данного документа (в логически обусловленном порядке) в ряду других документов»¹⁸. Как следствие, при углубленном изучении рукописей фонда и сличении их между собой в описи выявляются ошибки и неточности: части одного и того же произведения разделены по разным единицам хранения¹⁹, в рамках одной единицы находятся тексты нескольких, не связанных между собой трудов²⁰, тетради и листы перепутаны и т. д.

По сравнению с «Каталогом» Стецкевич описания документов Сперанского в других архивохранилищах страны в большей степени общи, дела в них нередко имеют неконкретные заголовки («Бумаги М. М. Сперанского» и т. п.).

Неточности описаний в значительной степени обусловлены тем фактом, что подавляющее большинство автографов Сперанского написано карандашом, черновым почерком, трудным для понимания даже опытного специалиста. Многие беловые записки Сперанского не подписаны, их атрибуция требует особой квалификации, знакомства с общим корпусом его черновигов. Не случайно до сих пор документы Сперанского публиковались в основном по писарским копиям, и лишь в издании Валка черновики составляют большинство — 8 из 14 опубликованных записок. При этом, как справедливо указал Б. П. Миловидов, в отношении принадлежащих перу Сперанского документов установление авторства имеет три аспекта: «авторство рукописи как материального артефакта, авторство текста как такового... и авторство изложенных в документах идей». Связано это с тем, что на раннем этапе своей карьеры будущий граф занимался составлением записок по государственным вопросам

для высокопоставленных лиц, а на позднем имел обыкновение, редактируя чужой текст, переписывать «его собственноручно заново, часто карандашом, внося затем правки», что «создает впечатление черновой рукописи»²¹.

Сказанное приводит к заключению, что успешное осуществление фундаментальной задачи по комплексному изучению и публикации документального наследия М. М. Сперанского, более столетия назад поставленной Комиссией Лаппо-Данилевского, невозможно без воплощения в жизнь ею же предложенного научно-организационного плана. Первым, обязательным этапом такого плана видится составление полного каталога рукописей Сперанского в архивохранилищах России. Для его подготовки естественным было бы использование разработанного Комиссией формуляра²², с дополнениями и изменениями в соответствии с современными традициями описания рукописей.

Составление каталога должно сопровождаться изучением материалов государственных учреждений, связанных с деятельностью Сперанского, учетом библиографических данных и, разумеется, анализом и изданием самих документов. Отдельной научной задачей в рамках проекта представляется создание «Летописи жизни и трудов М. М. Сперанского». На протяжении XX — начала XXI в. уже выпущены десятки подобных «летописей» и «хроник», посвященных в основном классикам русской литературы (А. С. Пушкин, Н. М. Карамзин, Ф. М. Достоевский и многие другие) и подготовленных, как правило, в связи с изданием полных собраний их сочинений. Основанная на полном корпусе выявленных биографических фактов, подобная хроника явилась бы незаменимым подспорьем для комментирования произведений М. М. Сперанского.

Очевидно, что для выполнения задачи по изданию документального наследия М. М. Сперанского (даже если вести речь о какой-либо одной существенной его части) потребуются значительные научные силы и продолжительное время. Представлялось бы, конечно, желательным создание для этой цели постоянно функционирующей организационной структуры, подобной Комиссии А. С. Лаппо-Данилевского. В то же время работа может вестись и формально независимыми друг от друга группами исследователей, объединенными общим поэтапным планом проекта и единой методикой его реализации.

¹ При этом полной библиографии литературы о М. М. Сперанском пока нет. Наиболее масштабную (но включающую при этом менее половины источников и публикаций о его жизни и деятельности) см.: Государственная власть дореволюционной России в биографиях ее представителей (XIX — начало XX в.): Указ. тр., лит. о жизни и деятельности. Ч. 1. М., 2006. С. 589–670.

² План государственного преобразования графа М. М. Сперанского. (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.): С прил. «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» (1803 г.), ст. «О государственных установлении»

- ях», «О крепостных людях» и «Пермского письма к императору Александру». М.: Изд. «Русской мысли», 1905.
- 3 *Сперанский М. М.* 1) Руководство к познанию законов. СПб., 2002; 2) Юридические произведения. М., 2008; 3) Избранное. М.: РОССПЭН, 2010; 4) Избранное. М.: Статут, 2013; 2-е расшир. изд.: 2015; 5) О коренных законах государства. М., 2015; 6) О законах. Избранные работы и письма. М., 2018; 7) Проекты реформ. М., 2018.
 - 4 *Сперанский М. М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961.
 - 5 *Луковская Д. И., Гречишкин С. С.* Четыре «беседы» М. М. Сперанского о законах // Правоведение. 1997. № 4. С. 63–65; *Сперанский М. М.* Четыре «беседы» с наследником престола // Там же. С. 66–82.
 - 6 *Луковская Д. И., Морозов В. И.* Неопубликованные юридические афоризмы М. М. Сперанского // Северо-Западная академия государственной службы. Ежегодник 1999: Сб. науч. ст. СПб., 1999. С. 265–274.
 - 7 *Тимошина Е. В.* Рукописное наследие М. М. Сперанского как источник исследования его правового мировоззрения // Правоведение. 2001. № 3. С. 220–224; *Сперанский М. М.* Основания российского права // Там же. С. 225–238.
 - 8 *Андреева Т. В.* Записка М. М. Сперанского о создании Комитета 6 декабря 1826 года // Петербургский исторический журнал. 2019. № 4. С. 253–272; *Сперанский М. М.* Об устройстве к[азенных] крестьян [1828 г.]. Записка, внесенная на рассмотрение Финансового комитета 22 января 1830 г. // Андреева Т. В. На дальних подступах к Великой реформе. Крестьянский вопрос в России в царствование Николая I. СПб., 2019. С. 605–631.
 - 9 *Краковский К. П.* 1) Неизвестные работы великого мечтателя: (К 250-летию со дня рождения графа М. М. Сперанского) // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. № 1. С. 99–108; 2) «Право появляется там, где есть добро и согласие...» (неопубликованные труды выдающегося правоведа М. М. Сперанского) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 67–77.
 - 10 *Раскин Д. И.* Судьба документального наследия М. М. Сперанского // Михаил Михайлович Сперанский в российской правовой и исторической науке: к 250-летию со дня рождения: Сб. науч. тр. СПб., 2021. С. 142–154; *Высочков Л. В.* Записки и проекты М. М. Сперанского в историографии отечественного источниковедения // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. С. 221–238; *Кодан С. В.* Творческое наследие М. М. Сперанского в издательских и исследовательских практиках (источниковедческий обзор) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. № 3. С. 461–470.
 - 11 *Миловидов Б. П.* 1) Записка М. М. Сперанского «О монетном обращении»: к истории текста // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. С. 239–252; 2) Проект манифеста о гражданах 1826 года и особенности рукописного наследия М. М. Сперанского // Карамзинские чтения. Вып. 4. СПб., 2022. С. 111–117.
 - 12 Цит. по: *Высочков Л. В.* Записки и проекты М. М. Сперанского... С. 230.
 - 13 *Тимошина Е. В.* Рукописное наследие М. М. Сперанского... С. 224.
 - 14 *Краковский К. П.* «Право появляется там, где есть добро и согласие...» С. 68.
 - 15 *Кодан С. В.* Творческое наследие М. М. Сперанского... С. 468.
 - 16 Наиболее содержательный очерк истории деятельности Комиссии см.: *Александров А. А.* Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М. М. Сперанского // Археографический ежегодник за 1993 год. М., 1995. С. 172–188.
 - 17 *Стецкевич М. Я.* Каталог фонда М. М. Сперанского (№ 731) / Гос. Публич. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1962.
 - 18 Там же. С. 16.
 - 19 См.: ОР РНБ. Ф. 731. № 219, 222 (части одного и того же чернового варианта «Записки о состоянии финансов в России и способах к исправлению финансовой системы»).
 - 20 См.: Там же. № 358 (л. 1 – 9 об. – черновой вариант заметок об организации судебной системы в России; л. 10 – 11 об. – черновая рукопись примечания А из записки «О государственных установлениях»).

²¹ Миловидов Б. П. Проект манифеста о гражданах 1826 года... С. 111–112.

²² Его текст см.: Александров А. А. Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М. М. Сперанского. С. 186. — Сохранилось также некоторое число заполненных формуляров (см., например: РГИА. Ф. 1686. Оп. 1. Д. 97. Л. 1 и след.).

References

ALEKSANDROV A. A. *Komissiya po izdaniyu sochinenij, bumag i pisem grafa M. M. Speranskogo*. [Commission for the publication of works, papers and letters of count M. M. Speransky. In Russ.] // *Arheograficheskiy ezhegodnik za 1993 god*. Moscow, 1995. P. 172–188.

ANDREEVA T. V. *Zapiska M. M. Speranskogo o sozdanii Komiteta 6 dekabrya 1826 goda*. [M. M. Speransky's note on the establishment of the Committee on December 6, 1826. In Russ.] // *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*. 2019. No. 4. P. 253–272.

Gosudarstvennaya vlast' dorevolucionnoj Rossii v biografijah ee predstavitelej (XIX — nachalo XX v.): Ukaz. tr., lit. o zhizni i deyatelnosti. [The state power of pre-revolutionary Russia in the biographies of its representatives (19th — early 20th century): Index of works, literature on life and activity. In Russ.]. Part 1. Moscow, 2006. P. 589–670.

KODAN S. V. *Tvorcheskoe nasledie M. M. Speranskogo v izdatel'skikh i issledovatel'skikh praktikah (istochnikovovedcheskiy obzor)*. [The creative heritage of M. M. Speransky in publishing and research practices (source review). In Russ.] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*. 2022. No. 3. P. 461–470.

KRAKOVSKIJ K. P. *Neizvestnye raboty velikogo mechtatelya: (K 250-letiyu so dnya rozhdeniya grafa M. M. Speranskogo)*. [Unknown works of the great dreamer: (To the 250th anniversary of the birth of count M. M. Speransky). In Russ.] // *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta*. 2022. No. 1. P. 99–108.

KRAKOVSKIJ K. P. “*Pravo pojavlyaetsya tam, gde est' dobro i soglasie...*” (*neopublikovannye trudy vydayushchegosya pravoveda M. M. Speranskogo*). [“Law appears where there is good and consent...” (unpublished works of the outstanding jurist M. M. Speransky). In Russ.] // *Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik*. 2022. No. 1. P. 67–77.

LUKOVSKAYA D. I., GRECHISHKIN S. S. *Chetyre “besedy” M. M. Speranskogo o zakonah*. [Four “conversations” by M. M. Speransky about the laws. In Russ.] // *Pravovedenie*. 1997. No. 4. P. 63–65.

LUKOVSKAYA D. I., MOROZOV V. I. *Neopublikovannye yuridicheskie aforizmy M. M. Speranskogo*. [Unpublished legal aphorisms of M. M. Speransky. In Russ.] // *Severo-Zapadnaya akademiya gosudarstvennoj sluzhby. Ezhegodnik 1999*: Sb. nauch. st. St. Petersburg, 1999. P. 265–274.

MILOVIDOV B. P. *Zapiska M. M. Speranskogo “O monetnom obrashchenii”*: k istorii teksta. [M. M. Speransky's note “On coin circulation”: on the history of the text. In Russ.] // *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*. 2022. No. 3. P. 239–252.

MILOVIDOV B. P. *Proekt manifesta o grazhdanah 1826 goda i osobennosti rukopisnogo naslediya M. M. Speranskogo*. [The project of the manifesto on citizens of 1826 and the features of the handwritten heritage of M. M. Speransky. In Russ.] // *Karamzinskie chteniya. Vyp. 4*. St. Petersburg, 2022. P. 111–117.

Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya grafa M. M. Speranskogo. (Vvedenie k Ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov 1809 g.): S pril. “Zapiski ob ustrojstve sudebnykh i pravitel'stvennykh uchrezhdenij v Rossii” (1803 g.), st. “O gosudarstvennykh ustanovleniyah”, “O krepostnykh lyudyah” i “Permskogo pis'ma k imperatoru Aleksandru” [The plan of the state transformation of count M. M. Speransky. (Introduction to the Code of state laws of 1809): With the appendix “Notes on the structure of judicial and government institutions in Russia” (1803), article “On state institutions”, “On serfs” and “Perm letter to emperor Alexander”. In Russ.]. Moscow: Izdanie “Russkoj mysli”, 1905.

RASKIN D. I. *Sud'ba dokumental'nogo naslediya M. M. Speranskogo*. [The fate of the documentary heritage of M. M. Speransky. In Russ.] // *Mihail Mihajlovich Speranskij v rossijskoj pravovoj i istoricheskoj nauke: k 250-letiyu so dnya rozhdeniya*: Sb. nauch. tr. St. Petersburg, 2021. P. 142–154.

SPERANSKIJ M. M. *Rukovodstvo k poznaniyu zakonov*. [A guide to the knowledge of the laws. In Russ.]. St. Petersburg, 2002.

SPERANSKIJ M. M. *Yuridicheskie proizvedeniya*. [Legal works. In Russ.]. Moscow, 2008.

- SPERANSKIJ M. M. *Izbrannoe*. [Selected works. In Russ.]. Moscow: ROSSPEN, 2010.
- SPERANSKIJ M. M. *Izbrannoe*. [Selected works. In Russ.]. Moscow: Statut, 2013.
- SPERANSKIJ M. M. *Izbrannoe*. [Selected works. In Russ.]. 2-e rasshir. izd. Moscow: Statut, 2015.
- SPERANSKIJ M. M. *O korennyh zakonah gosudarstva*. [About the fundamental laws of the state. In Russ.]. Moscow, 2015.
- SPERANSKIJ M. M. *O zakonah. Izbrannye raboty i pis'ma*. [About the laws. Selected works and letters. In Russ.]. Moscow, 2018.
- SPERANSKIJ M. M. *Proekty reform*. [Reform projects. In Russ.]. Moscow, 2018.
- SPERANSKIJ M. M. *Proekty i zapiski*. [Projects and notes. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1961.
- SPERANSKIJ M. M. *Chetyre "besedy" s naslednikom prestola*. [Four "conversations" with the heir to the throne. In Russ.] // *Pravovedenie*. 1997. No. 4. P. 66–82.
- SPERANSKIJ M. M. *Osnovaniya Rossijskogo prava*. [The foundations of Russian law. In Russ.] // *Pravovedenie*. 2001. No. 3. P. 225–238.
- SPERANSKIJ M. M. *Ob ustrojstve k[azennyh] krest'yan [1828 g.]*. *Zapiska, vnesennaya na rassmotrenie Finansovogo komiteta 22 yanvarya 1830 g.* [On the structure of state peasants [1828]. Note submitted to the Finance Committee on January 22, 1830. In Russ.] // Andreeva T. V. Na dal'nih podstupah k Velikoj reforme. Krest'yanskij vopros v Rossii v carstvovanie Nikolaya I. St. Petersburg, 2019. P. 605–631.
- STECKEVICH M. Y. *Katalog fonda M. M. Speranskogo (№ 731)* / Gos. Publich. b-ka im. M. E. Saltykova-Shchedrina. [Catalog of the M. M. Speransky foundation (no. 731) / M. E. Saltykov-Shchedrin State Public Library. In Russ.]. Leningrad, 1962.
- TIMOSHINA E. V. *Rukopisnoe nasledie M. M. Speranskogo kak istochnik issledovaniya ego pravovogo mirovozzreniya*. [The handwritten legacy of M. M. Speransky as a source of research of his legal worldview. In Russ.] // *Pravovedenie*. 2001. No. 3. P. 220–224.
- VYSKOCHKOV L. V. *Zapiski i proekty M. M. Speranskogo v istoriografii otechestvennogo istochnikovedeniya*. [M. M. Speransky's notes and projects in the historiography of Russian source studies. In Russ.] // *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*. 2022. No. 3. P. 221–238.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Д. Н. Шилов. Издание документального наследия М. М. Сперанского: опыт и перспективы // *Петербургский исторический журнал*. 2023. № 3. С. 198–206

Аннотация: В статье рассматривается развитие историографического опыта по изданию сочинений М. М. Сперанского — крупнейшего государственного деятеля первой половины XIX в. Отмечается, что при наличии устойчивого и разнообразного исследовательского интереса к биографии Сперанского и его идеям в различных сферах государственного, общественного и культурного строительства достижения отечественной науки в отношении публикации документов его творческого наследия остаются весьма скромными. Современные исследователи постоянно ставят вопрос о более активном издании трудов Сперанского и даже о выпуске собрания его сочинений. Однако какие-либо практические шаги по реализации этих намерений до сих пор не предпринимались. Между тем история отечественной науки начала XX в. представляет полезный опыт организации проекта по изучению и публикации материалов великого реформатора. В 1916 г. по инициативе А. С. Лаппо-Данилевского и В. И. Семевского при Академии наук была образована Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М. М. Сперанского. Представляется, что опыт ее деятельности может быть успешно использован и в современных условиях. За три года существования Комиссии был разработан масштабный план для достижения заявленной цели. Первым, обязательным его этапом было составление полного каталога рукописей Сперанского в архивохранилищах России. Эта задача актуальна и сегодня. Составление каталога должно сопровождаться изучением материалов государственных учреждений, связанных с деятельностью Сперанского, учетом библиографических данных, анализом и изданием самих документов. Полезной представляется также подготовка «Летописи жизни и трудов М. М. Сперанского». Опыт составления таких «летописей» давно и активно используется в отечественной науке для создания фактической основы при подготовке собраний сочинений (прежде всего классиков русской литературы).

Ключевые слова: Михаил Михайлович Сперанский, публикация исторических источников, собрания сочинений, каталоги, летопись жизни и творчества, А. С. Лаппо-Данилевский.

FOR CITATION

D. N. Shilov. Publication of the documentary heritage of M. M. Speransky: experience and prospects // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 198–206

Abstract: The article examines the development of historiographical experience in publishing the works of M. M. Speransky — the largest statesman of the first half of the 19th century. It is noted that in the presence of a stable and diverse research interest in the biography of Speransky and his ideas in various spheres of state, social and cultural construction, the achievements of domestic science in relation to the publication of documents of his creative heritage remain very modest. Modern researchers constantly raise the question of a more active publication of Speransky's works and even the release of his collected works. However, no practical steps have been taken to implement these intentions so far. Meanwhile, the history of Russian science at the beginning of the 20th century represents a useful experience in organizing a project to study and publish the materials of the great reformer. In 1916, on the initiative of A. S. Lappo-Danilevsky and V. I. Semevsky, a Commission was formed at the Academy of Sciences to publish the works, papers and letters of Count M. M. Speransky. It seems that the experience of its activities can be successfully used in modern conditions. During the three years of the Commission's existence, a large-scale plan was developed to achieve the stated goal. The first, obligatory stage of it was the compilation of a complete catalog of Speransky's manuscripts in the archives of Russia. This task is still relevant today. The compilation of the catalog should be accompanied by a study of the materials of state institutions related to Speransky's activities, taking into account bibliographic data, analysis and publication of the documents themselves. The preparation of the "Chronicle of the life and works of M. M. Speransky" is also useful. The experience of compiling such "chronicles" has long been actively used in Russian science to create a factual basis for the preparation of collected works (first of all, classics of Russian literature).

Key words: Mikhail Mikhailovich Speransky, publication of historical sources, collected works, catalogs, chronicle of life and work, A. S. Lappo-Danilevsky.

Автор: Шилов, Денис Николаевич — к. и. н., ведущий научный сотрудник Российской национальной библиотеки.

Author: Shilov, Denis Nikolaevich — Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Russian National Library.

E-mail: shildn@mail.ru

Е. В. Трепналова

Собрание арабских текстов на папирусе из коллекции Н. П. Лихачева в ИВР РАН*

подавляющее большинство арабских папирусов происходят из Египта¹. Массовое обнаружение этих документов пришлось на конец XIX — первую половину XX в. Несмотря на то что организованная исследовательская деятельность, направленная на поиск и изучение папирусов, началась с 1895 г., когда Б. Гренфелл, Д. Хогарт и А. Хант провели первые папирологические раскопки в районе ал-Файйума, формирование папирусных коллекций — в том числе и частных — началось чуть ли не с того момента, как эти документы были открыты². Например, коллекция папирусов, хранящаяся в Австрийской национальной библиотеке в Вене, была создана за счет покупок Т. Графа и Й. Карабачека в 1881–1896 гг. и передачи в дар собрания эрцгерцога Фердинанда Райнера, которое составляет ее ядро³. На данный момент венская коллекция папирусов является крупнейшей в мире.

В России также хранятся две коллекции арабских папирусов: одна из них — в Институте восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге, другая — в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве.

Папирусы из собрания ИВР РАН насчитывают свыше 100 единиц хранения. Некоторые фрагменты хранятся вместе под одним шифром и инвентарным номером, и по факту их может быть несколько больше. Например, под шифром А250 хранятся два фрагмента папируса, однако, вероятнее всего, частью одного

* В основу статьи положен доклад, представленный на II Чтениях памяти Н. П. Лихачева в Санкт-Петербургском институте истории РАН 14 апреля 2022 г.

документа они не являются. Помимо этого, около 20 документов остаются нешифрованными и неописанными⁴.

Большая часть папирусов, хранящихся в ИВР РАН, поступила из коллекции Н. П. Лихачева. Сейчас эти документы относятся к документальному фонду отдела рукописей Института, однако, возможно, некоторые фрагменты присутствуют и в папирусном фонде, где хранятся документы из коллекции Б. А. Тураева.

Стоит отметить, что к коллекции папирусов ИВР РАН относятся также и документы на бумаге. Подобная ситуация наблюдается не только в ИВР РАН. В московское собрание арабских папирусов также включены документы на бумаге и пергамене, которых насчитывается чуть больше половины. Такие выдающиеся специалисты в области изучения папирусов, как А. Громан и Н. Эбботт, не разделяли папирусы, бумагу и пергамен при публикации документов из коллекций, хранящихся в Европе, США и Египте. Так, А. Громан, работавший с документами из Национальной библиотеки Египта, оформил свои результаты в десяти томный труд, озаглавленный «Арабские папирусы в Национальной библиотеке Египта» (*Arabic Papyri in the Egyptian Library*)⁵. Каждый документ снабжен формальным описанием, где указывается материал, на котором он начертан. Указание отсутствует, если это папирус.

Причина подобного смешения папирусов с остальными писчими материалами кроется в следующем. Папирология как область науки предполагает изучение папирусов на всех языках, однако из-за преобладающего количества папирусов на древнеегипетском, греческом и латинском языке этот термин относится в основном к ним. Помимо непосредственно папирусов, к объекту изучения папирологии относятся тексты на бумаге, пергамене, тканях и других материалах, современных папирусам и найденных вместе с ними. Эти тексты предполагают аналогичную методику исследования, имеют общее происхождение и тематику⁶. Как новое направление арабская папирология появилась в конце 1870-х гг., после того как документы, обнаруженные в Египте в районе ал-Файйума, стали попадать в Европу. Судя по всему, арабские документы по аналогии с греческими и латинскими также не разделялись в зависимости от материала, на котором были написаны, и по сей день содержатся в собраниях и изучаются вместе.

Документы на папирусе и бумаге могут быть полезны при изучении разных исторических периодов. После завоевания арабами Египта в начале 640-х гг. производство папируса ненадолго возросло в силу бюрократических нужд. С конца VIII в., после введения в обиход бумаги, использование папируса постепенно сходило на нет и практически прекратилось к XI в.⁷ В этой связи документы на папирусе предоставляют ценные сведения об административном аппарате и экономических отношениях в первые века ислама. Данные о событиях более позднего времени содержатся в основном в документах на бумаге.

Папирусы и документы на бумаге из коллекции Института были куплены Н. П. Лихачевым в 1907 г. в Каире и принадлежат в основном к файйумским находкам 1877–1878 гг.⁸ Тем не менее, поскольку к 1907 г. папирусы находили уже не только в районе ал-Файйума, но и за его пределами, в собрании сохрятся документы и из других мест, например из Афродито (Ком Эшкоу / Ашкух). Один из обнаруженных там папирусов был представлен на выставке Государственного Эрмитажа «Звучат лишь письма...» в 2012 г.⁹

Собрание коптских текстов, приобретенное Н. П. Лихачевым в том же 1907 г. в Каире, было передано Государственному Эрмитажу. Однако документы на коптском языке, содержащие также и арабский текст, после 1959 г. были «переведены на хранение» в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, ныне ИВР РАН¹⁰.

Расшифровку и описание папирусов в ИВР РАН проводил В. И. Беляев, однако его работа не получила логического завершения в виде публикации документов или каталога. Нарботки В. И. Беляева, включающие в себя примерную датировку каждого папируса, краткий комментарий о его содержании и черновой вариант расшифровки без проставления диакритики, на данный момент хранятся в архиве Института¹¹. В документальном и папирусном фондах большая часть арабских папирусов и документов на бумаге охарактеризована либо только по формальным признакам, либо кратко прокомментирована в инвентарной книге, что сложно назвать полноценным описанием этого типа памятников.

П. В. Ернштедт опубликовал шесть документов, переданных из Эрмитажа в ИВР РАН, с коптским и арабским текстом. Расшифровка арабского текста на некоторых из них может предоставить больше информации о тексте на коптском языке. Например, документ на бумаге A257 содержит почти полностью сохранившийся арабский текст. Пометка, относящаяся к этому тексту, находится на стороне с коптским письмом, на основании чего П. В. Ернштедт предполагает, что арабский текст является более ранним, чем коптский. Ернштедт относит коптский текст к XI в. или позднее и отмечает, что расшифровка арабского текста и его датировка позволит установить точный период, по прошествии которого была написана коптская часть¹².

Безусловно, коллекции папирусов в ИВР РАН и ГМИИ им. А. С. Пушкина уступают в количественном и качественном отношении европейским коллекциям. И все же это не означает, что отечественные коллекции не содержат документов, заслуживающих внимания.

Одним из документов, представляющим значительный интерес, является папирус под шифром A241. Его фотография с кратким комментарием была опубликована В. И. Беляевым в качестве иллюстрации к каталогу выставки «Арабские папирусы» в 1934 г.¹³ Папирус A241 также был представлен на выставке рукописных сокровищ Института, проходившей в середине 1990-х гг. в ряде городов Западной Европы, в частности в Париже в музее Petit Palais¹⁴.

Основная цель этой статьи — представить папирус A241 (см. рис.) с расшифровкой, переводом и комментарием.

Распоряжение о сборе хараджа (поземельного налога)

Датировка: 150 г. хиджры (= 767 г.).

Документ состоит из двух фрагментов: первый — 1 строка; второй — 16 строк. Текст четкий. Начало строк отсутствует. Место обнаружения неизвестно. Хранится под стеклом в документальном фонде ИВР РАН. Передан из коллекции Н. П. Лихачева в 1938 г.¹⁵

Расшифровка:

1 ... من الخراج بشأى وانك ...

Основная часть документа на папирусе:

		2 [بسم الله الرحمن الرحيم]	
		3 [لفلان بن فلان من فلان بن فلان سلم عليك]	
		4 [سلم عليك وانى احمد اليك الله الذى لا اله الا هو]	
		5 [اما بعد اتم الله عليك افضل] عافيتة فى الدنيا والاخره	
		6 ... فقط ذكروا لى انباطا هم سكان	
		7 ... اسفل كتابى هذا وما على كل	
		8 ... [خر]اج سنه خمسين ومايه	
		9 ... ان تامر بعون رسولهم على	
		10 ... الينا معه ثمن يلكأ عليه	
		11 ... فانه لن ياتيا لك كتاب	
		12 ... وحرصنا فيه على مسرتك	
		13 ... السلم عليك ورحمة الله	
	عليه	عليه	14
	دينر	دينر	15
	يعقوب قومس α	قومس γ	16
	منوس قومس α	بسندھه γ	17

Перевод:

1 ...хараджа чем-нибудь, и ты...

>>>>>>

2 [Во имя Господа милостивого, милосердного]

3 [От такого-то, сына такого-то, такому-то, сыну такого-то]

4 [Приветствую тебя. И восхваляю тебе Господа], кроме которого нет божества/

5 [Да воплотит Господь в тебе наивысшее] благополучие в этой жизни и в иной/

6 ...и только; мне напомнили об их земледельцах, жителях/

7 ...внизу моего этого моего письма и все, что каждый должен выплатить/

8 ...[хар]адж 150 г. х./

9 ...чтобы ты повелел с помощью их посланника/

10 ...к нам, и с ним сумма, которая с него причитается¹⁶/

11 ...и не дойдет к тебе письмо/

12 ...и мы упорствовали в этом для твоей радости/	
13 ...да пребудет с тобой мир и милость Господа.	
14 С него причитается	С него причитается
15 динар	динар
16 1 наместник Йакуб	1/3 наместник...
17 1 наместник Мина	1/3 Бисанда

Комментарии: Для папирусов характерно отсутствие или скудное проставление диакритических знаков, и A241 является наглядным образцом того, что они не использованы совсем. Невозможно утверждать, что диакритику стали игнорировать в какой-то определенный период. Как отмечает Йусуф Рагиб, на двух документах, датируемых 643 г., диакритические знаки проставляются, но на других четырех, составленных в период с 660 до 665 г., их нет. То есть с самого начала проставление точек на письме было спорадическим. Диакритика использовалась местами во избежание двусмысленности, но в основном избегалась, чтобы не нанести оскорбление получателю письма или документа: он мог заподозрить, что его сочли недостаточно грамотным. Даже литературные и грамматические произведения на папирусе частично или полностью лишены диакритики, хотя, казалось бы, при чтении подобных текстов она критически важна для их правильного прочтения и понимания. Диакритические знаки встречаются чаще в документах X в. и позднее¹⁷. Здесь также наблюдаются другие типичные особенности письма на папирусах: выпадение *хамзы*, как в глаголе **يُكَلِّمُ** *yalka'u* и отсутствие долгого *алифа*, как в слове **دِينَار** *dīnār*.

1. Письма на папирусе стандартно начинаются с *басмалы*, за которой следует приветственная формула. Соответственно, расположение маленького фрагмента, помещенного выше основного текста, — неверное: он должен находиться справа, но без стыковки с левой частью. Также есть предположение, что этот фрагмент был помещен с остальной частью письма по ошибке из-за схожего контекста (в обоих фрагментах упоминается *харадж*) и является частью другого документа. В поддержку этой идеи говорит, например, разное написание букв **ن** *нун* и **ج** *джим*. Возможно, именно по этой причине В. И. Беляев представил в своей публикации только больший фрагмент A241.

2–5. Строки восстановлены по аналогии с другими папирусами¹⁸. Воссоздание приветственной формулы также демонстрирует, что мы располагаем только половиной письма.

6. Первое слово в строке **فقط** можно прочесть не только как **فقط** *faqaṭ*, но и как **قِفْط** *qifṭ*. В таком случае это будет являться арабским названием города Коптос, находящегося недалеко от Луксора. Перевод строки, соответственно, будет звучать как «[в] Коптосе мне сообщили об их земледельцах, жителях...».

Что касается термина **انْبِاط** *anbāṭ* «набатеи», то под ним обычно подразумеваются оседлые земледельцы, которые противопоставляются скотоводам и военным. В географическом словаре Йакута отмечается следующее¹⁹:

اما النبطي فكل من لم يكن راعيا او جنديا عند العرب من ساكني الارضين فهو نبطي

Что касается набатеев, то каждый, кто не является пастухом или военным у арабов из оседлого населения, является набатеем.

8. Папирус A241 — ранний. Согласно указанной дате — 150 г. хиджры (= 767 г.) — наместником Египта в этот период был Йазид б. Хатим б. Кабиса б. ал-Луххаб б. Аби Суфра²⁰.

11. Если предположить, что здесь использована частица *لن* lan, то глагол *يأتيا* ya'tiān можно считать формой 3-го л. м. р. ед. ч. сослагательного наклонения с легким *нуном* глагола *أتى* atā. Этот же глагол можно прочесть как *يأتنا* ya'tinā «не прибыло к нам», но тогда глагол *أتى* atā будет уже в форме 3-го л. м. р. ед. ч. условного наклонения, которое требует использования частицы *لم* lam. Последняя буква одинаково похожа и на *ميم* mīm, и на *نун* nūn, если сравнивать их с написанием, например, в словах *خمسين* ḥamsīn *والسلم* as-salām. К сожалению, первая часть этой строки отсутствует, поэтому точно восстановить контекст невозможно, хотя грамматически более вероятен вариант с условным наклонением.

16/17. Для административных текстов раннего периода естественно использование греческих цифр. Заимствованный из латинского термин *قومس* qūmis означает «наместник низшего ранга»²¹. Однако из контекста можно также допустить, что внизу письма указан список непосредственно земледельцев, которые должны были выплатить указанные суммы. Указанные в списке имена — коптские, и их оформление не по форме *فلان ابن فلان* fulān b. fulān кажется непривычным для арабского и вызывает сомнения. Тем не менее в документах на папирусе встречается фиксирование коптских имен по типу *فلان فلان* fulān fulān. Из этого следует, что Бисанда (копт. ΠΙΣΕΝΤΕ) — мужское коптское имя греческого происхождения. Аналогичное предположение можно сделать и относительно имени Комес (копт. КОМЕС)²².

Несмотря на то что мы располагаем лишь частью документа, из имеющегося отрывка можно определить тему и примерное содержание этого письма. В папирусе A241 встречаются такие термины, как *خراج* ḥarāğ, т. е. поземельный налог, заимствованный из латинского термин *قومس* qūmis, т. е. наместник низшего ранга, или же список имен. В конце письма также указаны суммы в динарах. На основании этого логично предположить, что этот документ — распоряжение о сборе хараджа.

Однако возникает вопрос о масштабе выплат в казну, упоминаемых в издаваемом фрагменте. С точки зрения частного лица они не кажутся незначительными: как установил О. Г. Большаков, колебание цен на пшеницу в Египте в VII–VIII вв. составляло 250–500 кг за одну номисму-динар²³. С другой стороны, следует учесть, что размер хараджа, отправленного со всего Египта в 162 г. хиджры / 779 г., составил 1 828 500 динаров²⁴, на фоне чего один динар выглядит совершенно ничтожной суммой на уровне статистической погрешности. Сколь бы ни были малы те податные единицы, над которыми были поставлены Йакуб и Мина, годовой поземельный налог с каждой из них никак не мог

составлять двухмиллионную часть хараджа всей провинции. Представляется, что речь шла о сборе недоимок по хараджу, как в случае с более ранними фрагментами документов на папирусе из Афродито, относящимися к пребыванию Курры б. Шарика на посту наместника Египта в 709–714 гг.²⁵

- ¹ Наиболее значимые папирусы за пределами Египта были обнаружены на территории Палестины и опубликованы А. Громаном (*Grohmann A. Arabic Papyri from Ħirbet el-Mird. Louvain, 1963. (Bibliothèque du Muséon, 52)*).
- ² *Cuvigny H. The Finds of the Papyri: The Archaeology of Papyrology // The Oxford Handbook of Papyrology / Ed. R. S. Bagnall. Oxford, 2009. P. 34.*
- ³ *Фихман И. Ф. Введение в документальную папирологию. М., 1987. С. 33.*
- ⁴ *Богданов К. М. Описание материалов Документального фонда Института восточных рукописей РАН // Письменные памятники Востока. 2009. № 2 (Вып. 11). С. 183.*
- ⁵ Из них опубликованы шесть томов (*Grohmann A. Papyri in the Egyptian Library. Vol. 1–6. Cairo, 1934–1962*), еще четыре готовятся к изданию на основе его архивных материалов.
- ⁶ *Фихман И. Ф. Введение в документальную папирологию. С. 18–19.*
- ⁷ *Deroche F. The writing surface: Papyrus and parchment // Islamic Codicology: An Introduction to the Study of Manuscripts in Arabic Script / Ed. M. I. Waley. London, 2005. P. 26.*
- ⁸ *Grohman A. Einführung und Chrestomathie zur Arabischen Papyruskunde. Praha, 1954. S. 61.*
- ⁹ *Полосин Вал. В. Официальное письмо наместника Египта, Куры ибн Шарика, начальнику города Ашкух // «Звучат лишь письмена...» К 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева: Каталог выставки / Под ред. А. О. Большакова и Е. В. Степановой. СПб., 2012. С. 444–445 (№ 339).*
- ¹⁰ *Ернштедт П. В. Коптские тексты Государственного Эрмитажа. М.–Л., 1959. С. 3.*
- ¹¹ Архив ИВР РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 97, 98.
- ¹² *Ернштедт П. В. Коптские тексты... С. 128.*
- ¹³ *Беляев В. И. Арабские папирусы // Вестник Академии наук СССР. 1934. № 11–12. Стб. 73–75.*
- ¹⁴ *De Bagdad à Ispahan. Manuscrits islamiques de la filiale de Saint-Petersbourg de l'Institut d'Études orientales, Académie des Sciences de Russie. Musée du Petit Palais, 14 octobre 1994 – 8 janvier 1995 / Sous la direction de Yu. A. Pétrosyan. Paris, 1994. P. 92–93 (no. 6).*
- ¹⁵ *Богданов К. М. Материалы из коллекции Н. П. Лихачева в собрании ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2012. № 1 (вып. 16). С. 207–208.*
- ¹⁶ *Ср. Biberstein Kazimirski A. de. Dictionnaire arabe-français. T. 2. Paris, 1860. P. 1020: كفا "payer à quelqu'un tout ce qu'il lui devait".*
- ¹⁷ *Rāgib Yu. L'écriture des papyrus arabes aux premiers siècles de l'Islam // Revue du Monde Musulman et de la Méditerranée. 1990. No. 58: Les premières écritures islamiques. P. 16.*
- ¹⁸ *Ср. Grohmann A. Arabic Papyri from Ħirbet el-Mird... S. 16 (no. 182-4).*
- ¹⁹ *Jacut's geographisches Wörterbuch: aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd. 3. Leipzig, 1868. S. 634.*
- ²⁰ *El Kindī. The Governors and Judges of Egypt or Kitāb el 'Umarā' (el Wulāh) wa Kitāb el Qudāh... / Ed. Rh. Guest. Leyden; London, 1912. (E. J. W. Gibb Memorial Series, XIX). P. 111.*
- ²¹ *Kazhdan A. P. Comes // The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed.-in-Chief A. P. Kazhdan. Oxford, 1991. P. 484–485.*
- ²² *Vanthieghem N. Un document arabe de la région thébaine Réédition de P. Liebreuz Quittung // Chronique d'Égypte. 2019. No. 94. P. 206–211; Hasitzka M. Namen in koptischen dokumentarischen Texten. S. 51, 80. URL: <https://docplayer.org/48834874-Namen-in-koptischen-dokumentarischen-texten.html> (дата обращения 31.07.2023).*

²³ *Большаков О. Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в. Социально-экономические отношения. Изд. 2-е, доп. М., 2001. С. 161, 170.

²⁴ Там же. С. 220. Табл. 8.

²⁵ *Большаков О. Г.* История Халифата. IV: Апогей и падение арабского Халифата. 695–750. М., 2010. С. 114.

References

BELYAEV V. I. *Arabskije papirusy*. [Arabic Papyri. In Russ.] // Vestnik Akademii nauk SSSR. [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR]. 1934. No. 11–12. Col. 71–76.

BIBERSTEIN KAZIMIRSKI A. DE. *Dictionnaire arabe-français*. T. 2. Paris, 1860.

BOGDANOV K. M. *Opisanije materialov Dokumental'nogo fonda Instituta vostochnyh rukopisej RAN*. [Description of the materials of the Documentary Fund of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS. In Russ.] // Pis'mennye pamjatniki Vostoka. [Written Monuments of the Orient]. 2009. No. 2 (Iss. 11). P. 179–188.

BOGDANOV K. M. *Materialy iz kolleksii N. P. Likhacheva v sobranii IVR RAN*. [Materials from N. P. Likhachev's Collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS]. // Pis'mennye pamjatniki Vostoka. [Written Monuments of the Orient]. 2012. No. 1 (iss. 16). P. 207–211.

BOL'SHAKOV O. G. *Istorija Khalifata. IV: Apogej i padenije arabskogo Khalifata. 695–750*. [History of the Caliphate. IV: Apogee and the Fall of the Arab Caliphate. AD 695 to 750. In Russ.]. Moscow, 2010.

BOL'SHAKOV O. G. *Srednevekovyj gorod Blizhnego Vostoka. VII — seredina XIII v. v. Sotsial'no-ekonomicheskie otnoshenija*. [Medieval city of the Near East. 7th — mid-13th century AD. Socio-economic relations. In Russ.]. 2nd enlarged edition. Moscow, 2001.

CUVIGNY H. *The Finds of the Papyri: The Archaeology of Papyrology* // The Oxford Handbook of Papyrology / Ed. R. S. Bagnall. Oxford, 2009. P. 30–58.

DEROCHE F. *The Writing Surface: Papyrus and Parchment* // Islamic Codicology: An Introduction to the Study of Manuscripts in Arabic Script / Ed. M. I. Waley. London, 2005. P. 25–47.

FIKHMAN I. F. *Vvedenie v dokumental'nuju papirologiju*. [Introduction into Documentary Papyrology. In Russ.]. Moscow, 1987.

GROHMANN A. *Arabic Papyri in the Egyptian Library*. Vol. 1–6. Cairo, 1934–1962.

GROHMANN A. *Arabic Papyri from Hirbet el-Mird*. Louvain, 1963. (Bibliothèque du Muséon, 52).

GROHMANN A. *Einführung und Chrestomathie zur Arabischen Papyruskunde*. Praha, 1954.

HASITZKA M. *Namen in koptischen dokumentarischen Texten*. URL: <https://docplayer.org/48834874-Namen-in-koptischen-dokumentarischen-texten.html> (date of access 31.07.2023).

Jacut's geographisches Wörterbuch: aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford / Hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd. 3. Leipzig, 1868.

JERNSTEDT P. V. *Koptskije teksty Gosudarstvennogo Ermitazha*. [Coptic Texts of the State Hermitage. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1959.

KAZHDAN A. P. *Comes* // The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. in-Chief A. P. Kazhdan. Oxford, 1991. P. 484–485.

EL KINDĪ. *The Governors and Judges of Egypt or Kitâb el 'Umarâ' (el Wulâh) wa Kitâb el Qudâh...* / Ed. Rh. Guest. Leyden; London, 1912. (E. J. W. Gibb Memorial Series, XIX).

PETROSYAN Yu. A. (dir.) *De Bagdad à Ispahan. Manuscrits islamiques de la filiale de Saint-Petersbourg de l'Institut d'Études orientales, Académie des Sciences de Russie. Musée du Petit Palais, 14 octobre 1994 — 8 janvier 1995*. Paris, 1994.

POLOSIN VAL. V. *Ofitsial'noje pis'mo namestnika Egipta, Qurry ibn Sharika, nachal'niku goroda Ashquh* [An official letter of Qurra ibn Sharik, the Governor of Egypt, to the Chief of the city of Ashquh. In Russ.] // "In Written Words Alone..." On the 150th Anniversary of the Birth of Academician Nikolay Petrovich Likhachev. Exhibition Catalogue / Ed. by A. O. Bolshakov, E. V. Stepanova. St. Petersburg, 2012. P. 444–445 (no. 339).

RAGIB Yu. *L'écriture des papyrus arabes aux premiers siècles de l'Islam* // Revue du Monde Musulman et de la Méditerranée. 1990. No. 58: Les premières écritures islamiques. P. 14–29.

VANTHIEGHEM N. *Un document arabe de la région thébaine Réédition de P. Liebrez Quittung* // *Chronique d'Égypte*. 2019. No. 94. P. 206–212.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Е. В. Трепналова. Собрание арабских текстов на папирусе из коллекции Н. П. Лихачева в ИВР РАН // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 207–215

Аннотация: Арабские папирусы в своей основной массе происходят из Египта и являются важным аутентичным источником для изучения ранней истории ислама. Они предоставляют данные, отсутствующие в нарративных источниках, необходимые для более подробного описания административного аппарата и экономических отношений в Египте того времени. После обнаружения огромного количества папирусов в конце 1870-х гг. началось формирование папирусных коллекций в странах Европы, в Америке и чуть позднее непосредственно в Египте. Россия не стала здесь исключением: коллекции папирусов хранятся в Москве в ГМИИ им. А. С. Пушкина и в Санкт-Петербурге в ИВР РАН. Несмотря на ценность документов и важность их изучения, а также наличие двух коллекций, арабская папирология в России должного развития не получила. В. И. Беляев работал с московским и петербургским собраниями, однако полноценного исследования, публикаций папирусов или каталога после себя не оставил. Папирус A241 был передан в Институт из коллекции Н. П. Лихачева, а его фотография была издана В. И. Беляевым в каталоге выставки «Арабские папирусы» в 1934 г. Это фрагмент раннего документа о сборе хараджа — 150 г. хиджры (767 г.) — в условно хорошей сохранности, поэтому текст и его смысл вполне понятны. Расшифровка, перевод и комментарий папируса A241 составляют основное содержание этой статьи.

Ключевые слова: папирология, арабские папирусы, история Ближнего Востока, коллекция Н. П. Лихачева.

FOR CITATION

E. V. Trepnalova. Arabic texts on papyrus from the Likhachev collection in the IOM RAS // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 207–215

Abstract: The majority of Arabic papyri come from Egypt and are an important authentic source for studying the early history of Islam. They provide data necessary for a more detailed description of the administrative apparatus and economic relations in Egypt at that time, which narrative sources commonly lack. After the discovery of a huge number of papyri in the late 1870s the formation of papyri collections began in Europe, America, and a little later directly in Egypt. Russia was not an exception here: collections of papyri are kept in Moscow in the Pushkin Museum and in St. Petersburg at the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS. Despite the value of these documents and considerable data they contain, as well as the presence of two collections, Arabic papyrology in Russia has not received proper development. Victor I. Belyaev worked with the Moscow and St. Petersburg collections, but did not manage to finish his study in the form of publications of papyri or a catalogue. Papyrus A241 was transferred to the Institute from the collection of N. P. Likhachev and its photograph was edited by V. I. Belyaev in the exhibition catalogue “Arabic Papyri” in 1934. A241 is a fragment of an early tax (*kharāj*) collection document — AH 150 or AD 767 — in a relatively good condition, so the text and its meaning is quite clear. Deciphering, translation and commentary of papyrus A241 form the main subject of this article.

Key words: papyrology, Arabic papyri, history of the Middle East, Likhachev collection.

Автор: Трепналова, Екатерина Валерьевна — аспирант Института восточных рукописей РАН.

Author: Trepnalova, Ekaterina Valeryevna — 3rd year postgraduate student at the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences.

E-mail: trepnalova.katya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6615-8204

А. Г. Гуменюк

Кириллическая арифметика в Книге сошного письма

Арифметики, основанные на индо-арабской нумерации, появились в России в начале XVII в. Потребовалось около 100 лет, чтобы новая система счисления стала общепринятой. До конца XVII в. московские приказы использовали традиционную кириллическую арифметику. Отдельные приемы древней русской арифметики были изучены в работах П. И. Савваитова, В. В. Бобынина, З. А. Огризко, И. Г. Спасского и др.¹ Однако в отечественной историографии нет работ, в которых древняя русская арифметика рассматривается как целостное явление. В данной статье анализируются арифметические разделы Книги сошного письма, полная редакция которой включает в себя руководство, позволяющее рассматривать кириллическую арифметику как законченную систему счисления.

Общепринятые в настоящее время индо-арабские цифры попали в Европу на рубеже I и II тысячелетий нашей эры. Позиционная индо-арабская система была прогрессивнее принятой в Европе латинской. В XIII в. преподававший в Парижском университете Иоанн Сакробоско написал краткое введение в индо-арабскую систему счисления под названием «Алгоризм» (Algorismus)². В следующие 400 лет этот учебник многократно переписывался и перепечатывался в Европе. Термин «алгоризм» стал нарицательным.

Первая русская арифметика с арабскими цифрами называлась «Книга глаголемая по гречески арифметика, а по немецки алгоризма, а по русски цифирная счетная мудрость». Она была составлена под влиянием «Алгоризма» Сакробоско. В тексте при описании четырех действий арифметики использовалась латинская терминология. «Счетная мудрость» не являлась прямым переводом,

раздел задач был составлен на русском материале с использованием русских мер и денежных единиц.

Принято считать, что «Счетная мудрость» появилась в России в конце XVI в.³ Известные в настоящее время списки «Счетной мудрости» датированы 1620-ми гг.⁴

Вторая половина XVI в. стала временем реформ. Проводились валовые описания земель Московского государства, появилась необходимость унификации налогообложения, была введена большая соха как единица измерения земельных угодий. Перед дьяками Московских приказов встали серьезные математические задачи.

В России традиционно применялась новогреческая (ионийская) система счисления, числа записывались буквами кириллического алфавита. В каждом разряде было девять цифр, нуля не было. Каждая цифра имела единственное значение, не зависевшее от ее позиции.

ā	б	г	д	е	ѕ	з	й	θ
т	к	л	м	н	з̄	о	п	ч
р	с	т̄	ѱ	ф	х	ψ	ω	л̄

Система древнерусских дробей конструировалась путем деления пополам двух исходных величин: четверти и трети. Дробный счет оперировал двумя «регистрами»:

- половина, четверть, полчетверти, пол-полчетверти, малая четверть ($\frac{1}{2}, \frac{1}{4}, \frac{1}{8}, \frac{1}{16}, \frac{1}{32}$);
- треть, полтрети, пол-полтрети, малая треть ($\frac{1}{3}, \frac{1}{6}, \frac{1}{12}, \frac{1}{24}$).

Дробное счисление было сформировано под воздействием денежной системы, в которой также было предусмотрено деление денежной суммы на 2 и на 3. В XVI — начале XVII в. в России из 1 гривенки серебра чеканили 3 рубля, что равнялось 100 алтынам или 600 денгам.

Недостатки кириллической арифметики видны на следующем примере. При непозиционной записи чисел разряды не учитывались, привычные сегодня вычисления на бумаге были неприменимы.

$$\begin{array}{r}
 + \frac{214}{101} \\
 \hline
 315
 \end{array}
 \quad
 \begin{array}{r}
 + \frac{сдї}{ра} \\
 \hline
 ?
 \end{array}$$

Появившаяся в России индо-арабская арифметика была непривычна для писцов. Замена цифри не являлась главной проблемой. Новая арифметика была иначе организована. Числа записывались по разрядам, появился ноль, которого в кириллической цифири не было, вводились обыкновенные дроби. Все это требовало коренной ломки математического мышления. Запись чисел второго десятка была сложна для писцов, они привыкли писать числа в соответствии с произношением. Написать арабское 16 вместо привычного $\bar{б}і$ не получалось, рука невольно выводила 61.

Одновременно с переводом индо-арабской арифметики в России началась работа по систематизации кириллической арифметики. Развитие традиционных вычислительных методик можно проследить по спискам Книги сошного письма. Первая полная редакция Книги сошного письма включает подробное руководство по кириллической арифметике, на примере которого мы рассмотрим вычислительные методики, бытовавшие в России⁵.

Для письменных вычислений в кириллической цифири использовался специальный прием — запись в решетку. Денежные расчеты, подсчет весовых и мерных единиц измерения и землемерные расчеты производились отдельно. Использовались четыре типа счета: счет денежный, «весчий», померный и сошный. Для четырех видов счета применялись различные решетки (рис. 1).

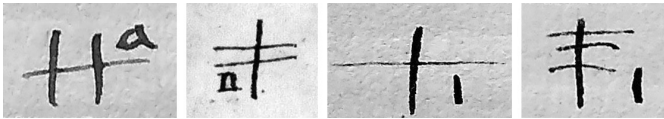

Рис. 1. Типы решеток для кириллических вычислений. Слева направо: решетка для денежного счета, решетка для «весчего» счета, решетки для померного и сошного счета (для «четвертных» и «третьих» дробей)

При денежных вычислениях в верхние клетки решетки записывались по отдельности десятки алтын, алтыны и денги, в нижние — сотни и десятки рублей, рубли и четверти рублей. Половины, четверти и мелкие доли денги записывались в дополнительные клетки, которые добавлялись рядом с клеткой денег. На рис. 2 представлен фрагмент рукописи с примерами записи денежных сумм в решетку.

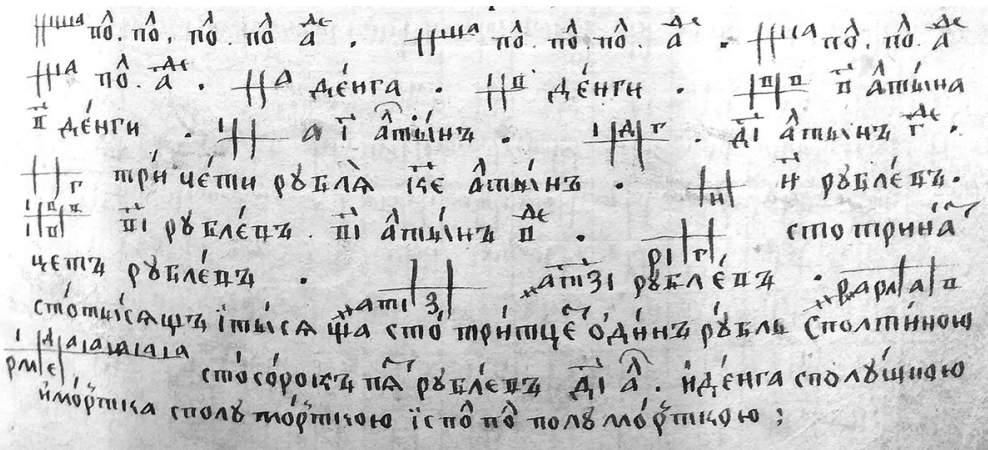

Рис. 2. Запись денежных сумм в решетку. «Пол-пол-пол-пол-1 денги, пол-пол-пол-1 денги, пол-пол-1 денги, пол-1 денги, денга, 2 денги, 2 алтына 2 денги, а 10 алтын, 14 алтын 3 денги, три чети рубля — 25 алтын, 8 рублей, 12 рублей 12 алтын 2 денги, сто тридцать рублей, 1317 рублей, сто тысящ и тысяща сто тридцать один рубль с полтиною, сто сорок пять рублей 14 алтын и денга с полушкою и мортка с полуморткою и с пол-пол-полуморткою⁶». Фрагмент рукописи. ОР РНБ. Ф. 550. Q.IX.13. Л. 136

При помощи записи в решетку решалась основная проблема кириллической цифири — число записывалось по разрядам, это позволяло упорядочить письменные вычисления. На рис. 3 представлена операция деления алтына на доли, записанная в решетках.

сѣ . а̄ . рѣѣлаѣ	тѣ
сѣ . 15а̄ . а̄ . а̄	тѣ
сѣ . а̄ . а̄ . а̄	тѣ
сѣ . а̄ . а̄ . а̄	тѣ
сѣ . а̄ . а̄ . а̄	тѣ
сѣ . а̄ . а̄ . а̄	тѣ
сѣ . а̄ . а̄ . а̄	тѣ
сѣ . а̄ . а̄ . а̄	тѣ
сѣ . а̄ . а̄ . а̄	тѣ
сѣ . а̄ . а̄ . а̄	тѣ

Рис. 3. Операция деления алтына на доли, записанная в решетках. «С 1 рубля — 1 алтын, с 22 алтынов 2-х денег — 4 денги, с 11 алтын 1 денги — 2 денги...» ОР РНБ. Ф. 550. Q.IX.13. Л. 223

Неграмотные слои населения использовали решетки, заменяя цифирь точками. На рис. 4 — пример умножения в решетках, вместо цифр писец использует точки.

сѣ . 01 . љѣ . тѣ	тѣ
сѣ . 1 . љѣ . тѣ	тѣ
сѣ . 2 . љѣ . тѣ	тѣ
сѣ . 3 . љѣ . тѣ	тѣ
сѣ . 4 . љѣ . тѣ	тѣ
сѣ . 5 . љѣ . тѣ	тѣ
сѣ . 60 . љѣ . тѣ	тѣ

Рис. 4. Умножение в решетках, цифры записаны точками. «А с четверти земли довелось взять против сего. С 1 чети — 2 денги и полденги, с 20 чети 8 алтын 2 денги, с 15 чети 6 алтын полторы денги, с 10 чети 4 алтына 1 денга, с 5 чети, с 4 чети, с 3 чети, с 2 чети, и всего 60 чети, денег 25 алтын». Фрагмент рукописи. ОР РГБ. Ф. 304/II. № 4. Л. 85 об.

На рис. 5 фрагмент рукописи с объяснением записи решеток «весчего» сче-та. Использовалась следующая схема записи.

пуд	четверть пуда
2 безмена	безмен
полфунта	четверть фунта

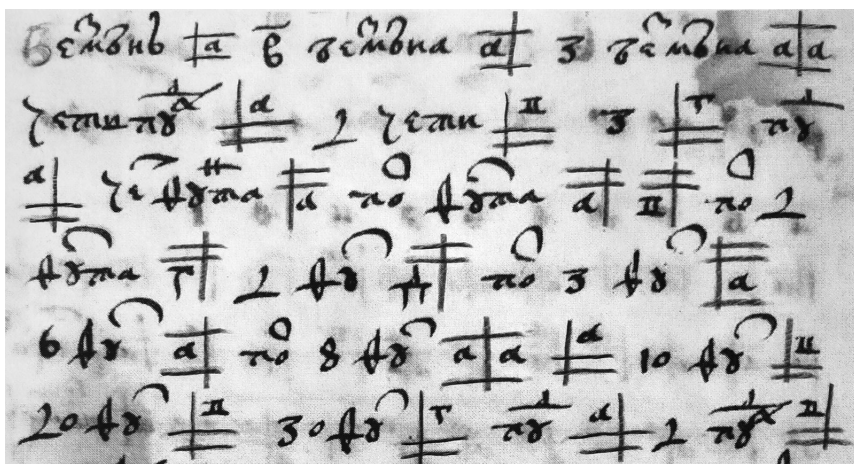

Рис. 5. Пример записи весовых единиц в решетках. «Безмен, 2 безмена, 3 безмена, 4 безмена, 2 чети, 3, пуд, 2 чети, 3, пуд, 4 фунта, полфунта, пол-2 фунта, 2 фунта, пол-3 фунта, 6 фунтов⁷, пол-8 фунтов, 10 фунтов, 20 фунтов, 30 фунтов, пуд, 2 пуда». Фрагмент рукописи. ОР РНБ. Ф. 775. Собрание Титова № 2414. Л. 11 об.

Рукопись на рис. 5 датируется второй половиной XVII в., писец использует архаичную систему измерений: пуд = 16 безменов = 80 полуфунтов. Учитывая, что половина фунта равнялась малой гривенке, можно предположить, что методика записи весовых единиц в решетку была сформирована в XVI в. или ранее.

Арифметические действия с единицами объема назывались померным сче-том. Описание решеток померного счета см. на рис. 6.

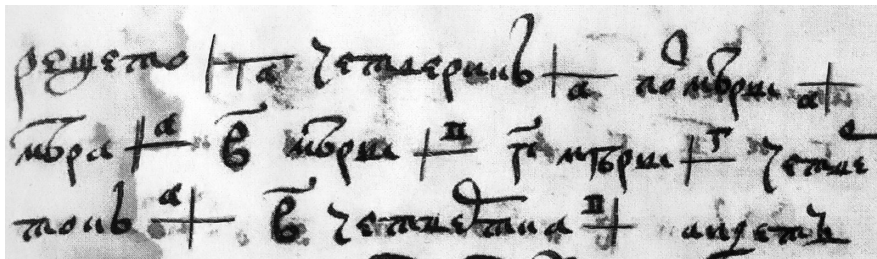

Рис. 6. Пример решеток померного счета. «Решето, четверик, полмеры, мера, 2 меры, 3 меры, четверток, 2 четвертка». Фрагмент рукописи. ОР РНБ. Ф. 775. Собрание Титова № 2414. Л. 11

Схема записи представлена ниже:

четверток	мера
полмеры	четверик

В приведенном тексте половина четверика названа «решетом», четверть — «четверток». Здесь, как и в предыдущем примере, применяются единицы измерения, характерные для XVI в.

Подсчет размеров пашни назывался сошным счетом. Исторически единицы измерения пашни произошли от мер объема. Четвертью пашни назывался участок, на который высевали четверть ржи, на осмину пашни сеяли осмину. Ниже представлена схема решетки сошного счета.

четверть	осмина
пол-осмины	четверик

Особый вид решеток использовался для записи третей и долей трети. В нижние клетки третней решетки слева записывались трети, справа — доли третей. На рис. 7 представлена запись, соответствующая половине трети.

Рис. 7. Решетка для записи «третних» дробей. Обозначение соответствует половине трети. Фрагмент рукописи. ОР РНБ. Ф. 550. Q.IX.13. Л. 241

$\frac{1}{4}$	$\frac{1}{8}$	$\frac{1}{16}$	$\frac{1}{32}$
$\frac{1}{8}$	$\frac{1}{16}$	$\frac{1}{32}$	$\frac{1}{64}$
$\frac{1}{16}$	$\frac{1}{32}$	$\frac{1}{64}$	$\frac{1}{128}$
$\frac{1}{32}$	$\frac{1}{64}$	$\frac{1}{128}$	$\frac{1}{256}$
$\frac{1}{64}$	$\frac{1}{128}$	$\frac{1}{256}$	$\frac{1}{512}$

Рис. 8. Пример вычислений в решетках. «А захошь хлеб положить деньгами и ты клади против сего». ОР РНБ. Ф. 550. Q.IX.13. Л. 241

На рис. 8 видно, что писец использует в решетках арабские цифры, не понимая преимуществ арабской позиционной записи. Таблица расшифровывается следующим образом:

четверть	16 ал.	две трети	10 ал. 4 д.
осмина	8 ал.	треть	5 ал. 2 д.
пол-осмины	4 ал.	полтрети	2 ал. 4 д.
четверик	2 ал.	пол-полтрети	1 ал. 2 д.
полчетверика	1 ал.	пол-пол-полтрети	4 д.

Наряду с письменным счетом в XVII в. совершенствовалась методика инструментального счета. В качестве счетного прибора использовались русские счеты. По свидетельству Николааса Витсена, счеты произошли от китайского счетного прибора суаньпаня, попавшего в Россию из Золотой Орды. И. Г. Спасский показал несостоятельность версии Витсена. Первые образцы русских счетов использовали ионийскую систему счисления, в то время как суаньпань и его древнегреческий аналог абак использовали аттическую систему счисления⁸.

Рис. 9. Купец со счётами. Гравюра из синодика начала XVIII в. Источник: Спасский И. Г. Московская математическая книга середины XVII в. и ее первый владелец // Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981. С. 62. Рис. 3

Наиболее раннее изображение русских счетов содержится в цифирной арифметике, датированной первой четвертью XVII в. (рис. 10). Прибор назван «дощаным счетом». Прототипом счетов были четки. В описании дощаного счета костяшки названы четками, они нанизывались на горизонтальные веревки. Медные проволоки появились в описаниях в конце XVII в.

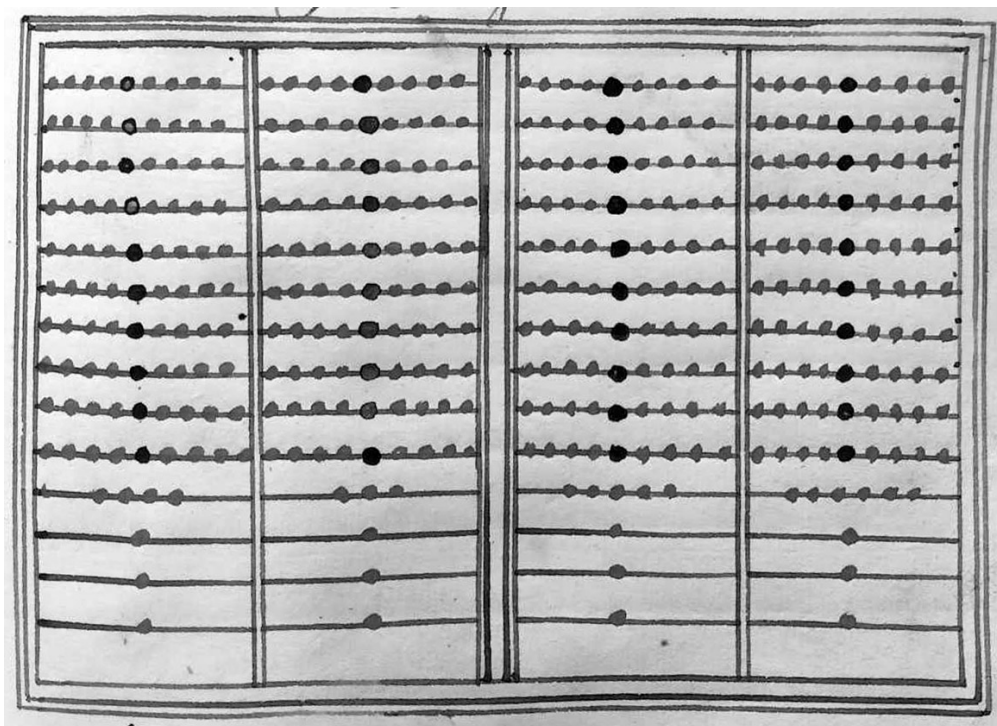

Рис. 10. «Дощаной счет». Рисунок из рукописи. ОР РНБ. Ф. 588.
Собрание М. П. Погодина. № 1664. Л. 134

В первых счетах было четыре счетных поля, денежный, весовой, померный и сошный счет производились отдельно. В каждом поле десять верхних веревочек имели девять четочек, по числу кириллических цифр в разряде. Приводим описание по списку, датированному 1621–1625 гг.: «Хочешь дощаной счет доспеть с четками, что им всякой торговой счет сочтет, и сошной, и померной, и весчей, и денежной и всякой счет по всяким статьям, и в долях. И ты доспей два ящика неглубоки, а в них по перечню древяному же. Да продеж и верви в обеих ящиках в 14 местах, нанижи четочек на десять веревочек сверху во всех ящиках по 9 четочек. А которая доска будет с левую руку, и ты на четвертой веревочке снизу вверх 4 четки, а в другом ящике на той же веревочке 3 четки, а на другой доске на той же веревочке 4 четки, а во втором ящике на той же веревочке 6 четочек. А досталь вниз во всех ящиках на всех веревочках по одной четки»⁹. В тексте нет описания вычислений на счетах, для автора использование счетов не является необычным.

Источники позволяют проследить изменения в конструкции счетов. В Книге сошного письма, относящейся ко второй половине XVII в., представлены счета, имеющие два счетных поля, одно для денежного счета, второе для сошного и купеческого счета. «Дщица счетная» для денежного счета имеет вверху шесть длинных веревок с десятью четками на каждой. Шесть нижних веревок разделены «перечнем» (рис. 11). Надписи на рисунке показывают, что счет идет снизу вверх. Нижние веревки предназначены для операций с четвертями и третями денги. Седьмая веревка имеет 6 четок, по числу денег в алтыне. Далее идут алтыны, десятки алтын, рубли, десятки, сотни и тысячи рублей.

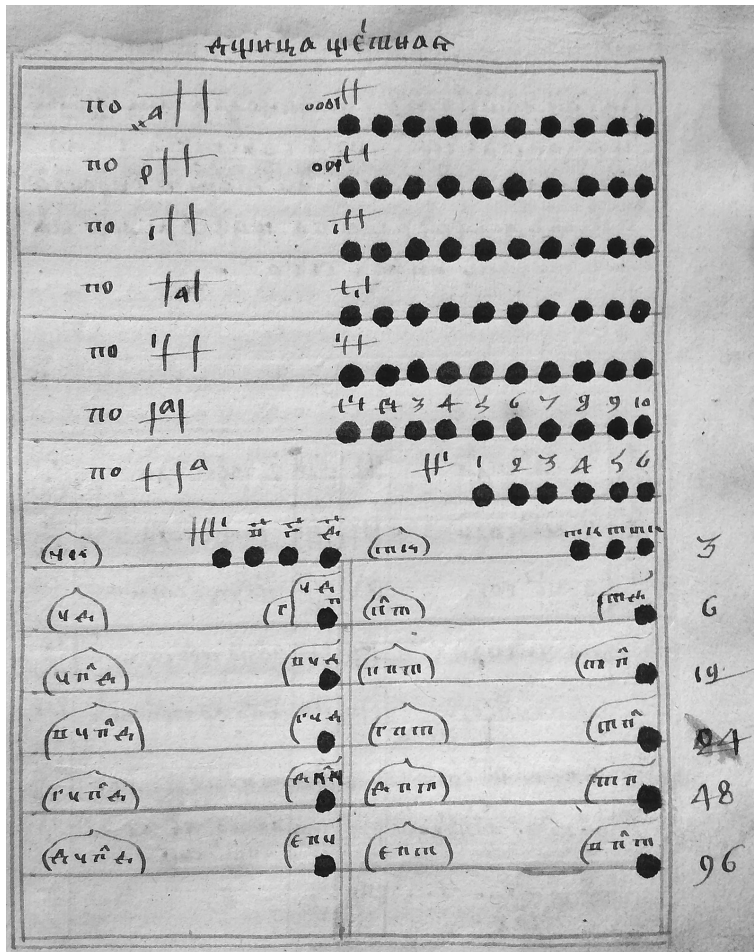

Рис. 11. «Дщица счетная» для денежного счета. Рисунок из рукописи. ОР РНБ. Ф. 550. Q.IX.13. Л. 225

Сохранилось описание вычисления денежных сумм на счетах: «Да как умножится в денгах 6 костей, итого 6 денег, и ты 5 костей выкинь вон, 6-ю подвинь во алтыны, итого 2 алтына¹⁰».

А будет умножится в алтынех 10 костей, итого стало 10 алтын, и ты 9 костей выкинь вон, а десятую одну кость подними в десятки алтынов.

А будет умножится в десятках алтынов 10 костей, итого стало 10 десятков алтынов, а в них 3 рубли. И ты ис тех из десяти костей 7 откинь, а три кости положи в рубли, итого 3 рубли.

А будет в десятках рублей умножится 10 костей, итого 10 рублей, и ты 9 костей выкинь вон, а десятую кость, а в ней 10 рублей, подвинь выше в десятки рублей»¹¹.

«Дщица» для сошного счета (рис. 12) отличалась тем, что в ней нет ряда с шестью четками. Она начиналась с дробей в 1/128 и 1/96 и заканчивалась четками по 1 000 000. На этом поле, кроме сошного счета, можно было проводить подсчеты единиц веса и объема.

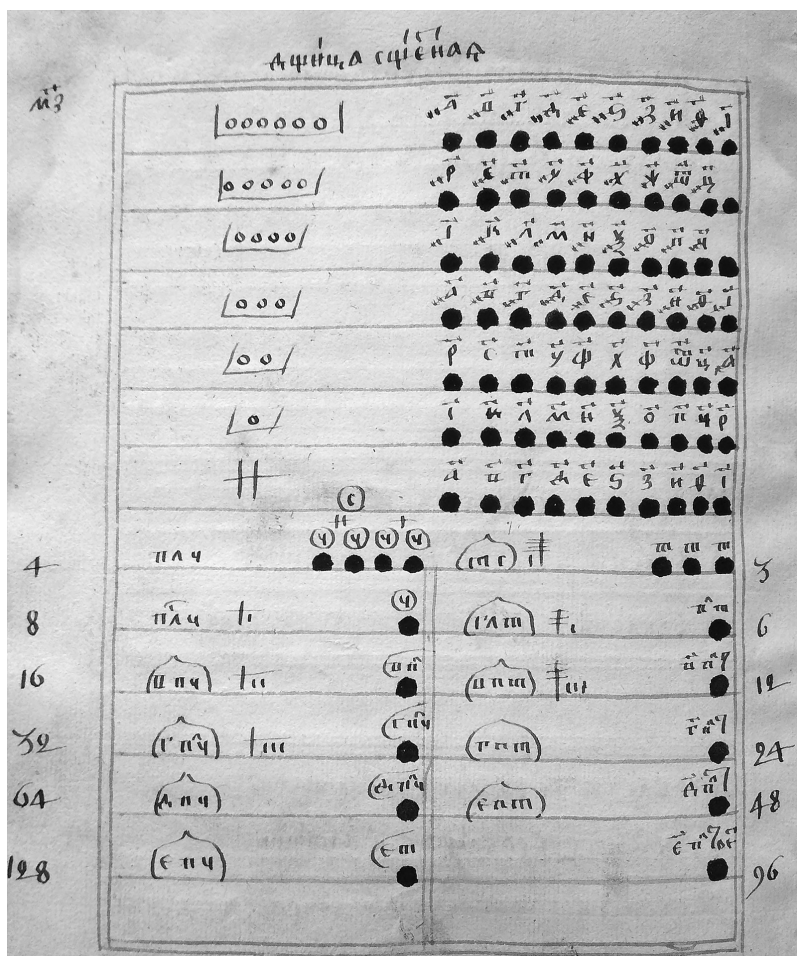

Рис. 12. «Дщица счетная» для сошного и купеческого счета.
Рисунок из рукописи. ОР РНБ. Ф. 550. Q.IX.13. Л. 224 об.

Проблемой кириллической арифметики были операции с дробями. На древнерусских счетах операции с четвертными и третними дробями производились отдельно. Для сложения разных типов дробей были сформулированы «статьи» (формулы), которыми должен был пользоваться писец. В Книге сошного письма отдельно представлены статьи для сошного и померного счета. В качестве примера приведем статьи сошного счета, в которых сумма долей составляет целую соху или выть:

«Статья 1. Три чети сохи, да полтрети сохи, да пол-полтрети сохи, того стало целая соха, а вытей в своде то же.

Статья 2. Три чети сохи, да полчети сохи, да пол-полтреть сохи, да пол-пол-полтреть сохи, того стало целая соха, а выть то же.

Статья 3. Две трети сохи, да четь сохи, да пол-полтреть сохи, того стало целая соха, а выть то же.

Статья 4. Две трети сохи, да полтрети сохи, да полчети сохи, да пол-пол-полтрети сохи, того стало целая соха, а выть то же.

Статья 5. Две чети сохи, да треть сохи, да полтрети сохи, того стало целая соха, выть то же.

Статья 6. Две чети сохи, да треть сохи, да полчети сохи, да пол-пол-полтрети сохи, того стало целая соха, а выть то же.

Статья 7. Треть сохи, да четь сохи, да полтрети сохи, да полчети сохи, да пол-полтрети сохи, да пол-пол-полтрети сохи, того стало целая соха, а выть то же»¹². В рукописи примеры сложения дробей сопровождаются изображением регистров счетной доски (рис. 13).

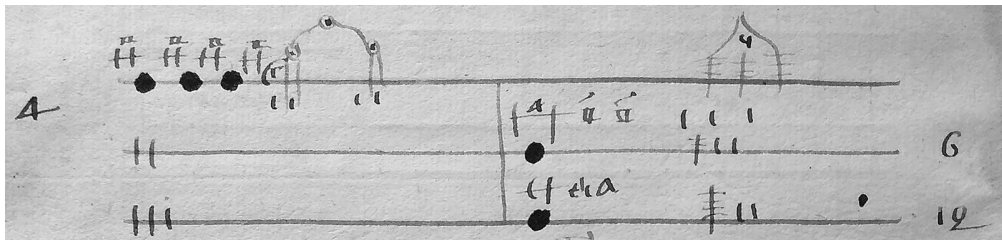

Рис. 13. «Три чети сохи да полтрети сохи да пол-полтрети сохи, того стало целая соха». Рисунок из рукописи. ОР РНБ. Ф. 550. Q.IX.13. Л. 226 об.

Второй прием сложения дробей назывался «денежная кладь». Единица измерения (соха, выть, четверть) приравнивалась к денежной сумме в алтынах. Использовался счет на 8, 16, 20 или 40 алтын. Для третних и четвертных дробей рассчитывался денежный эквивалент. Это позволяло писцу оперировать денежными суммами, итоговая цифра переводилась в натуральные единицы. Таблица «сошного развода» представлена на рис. 14. В рукописи таблица сопровождается комментарием: «Сошной развод при государственных местех, как водят государевы дьяки в розрядных избах на Москве. Сею статьею всех лутче считати»¹³.

	соха̂		пѡ сох̂н	
⊙ сох̂н				⊙ сох̂н
пѡ ⊙ сох̂н				пѡ ⊙ сох̂н
пѡ пѡ ⊙ сох̂н				пѡ пѡ ⊙ сох̂н
пѡ пѡ пѡ ⊙ сох̂н				пѡ пѡ пѡ ⊙ сох̂н
пѡ пѡ пѡ пѡ ⊙ сох̂н				пѡ пѡ пѡ пѡ ⊙ сох̂н

Рис. 14. Таблица «сошного развода» на 8 алтын. «Сею статьею всех лучше считати. Соха — 8 алтын, полсохи — 4 алтына, четь сохи — 2 алтына, полчети сохи — 1 алтын, пол-полчети сохи — 3 денги, пол-пол-полчети сохи — полторы денги, пол-пол-пол-полчети сохи — полденги и четь денги, треть сохи — 2 алтына 4 денги, полтрети сохи — 1 алтын 2 денги, пол-полтрети сохи — 4 денги, пол-пол-полтрети сохи — 2 денги, пол-пол-полтрети сохи — 1 денга». Фрагмент рукописи. ОР РНБ. Ф. 550. Q.IX.3. Л. 243

В качестве примера рассмотрим типовую задачу сошного счета. Требуется сложить следующие величины: полсохи, треть сохи, полчети сохи, пол-пол-полтрети сохи. Для решения задачи писец выписывал из таблицы денежные эквиваленты: 4 алтына, 2 алтына 4 денги, 1 алтын, 2 денги. Денежная сумма составит 8 алтын, что равняется 1 сохе.

С точки зрения современной арифметики методика решения выглядит следующим образом. Размеры участков земли были выражены в простых дробях с общим знаменателем 48 (8 алтын = 48 денег). Числителем дроби являлся размер участка земли, выраженный в денгах. Запись решения задачи в простых дробях представлена ниже:

$$\frac{24}{48} + \frac{16}{48} + \frac{6}{48} + \frac{2}{48} = \frac{48}{48} = 1$$

Традиционная система счисления, основанная на кириллической цифири, использовалась в России до конца XVII в. Методы кириллической арифметики позволяли решать все вычислительные задачи денежного, сошного и коммерческого счета. Для операций с дробями использовалась методика, основанная

на том, что система древнерусских дробей была сформирована под воздействием денежной системы. Методами кириллической арифметики могли пользоваться люди, не владеющие навыками письма. Кириллическая арифметика имела основные признаки развитой системы счета. Она включала систему устного счета, позиционные системы письменного и инструментального счета.

- ¹ *Епископ Евгений (Болховитинов)*. О старинной славяно-русской арифметике // Вестник Европы. Ч. 71. № 17. 1813. С. 47–54; *Савваитов П. И.* Русский денежный счет в XVI и XVII столетиях // Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского Археологического общества. 1865. Т. XI. С. 609–615; *Бобынин В. В.* Очерки истории развития физико-математических знаний в России. Т. 1. XVII столетие. М., 1886. Вып. 1. 1893. Вып. 2; *Огризко З. А.* К вопросу об условном изображении именованных чисел в XVII в. // Проблемы источниковедения. М., 1959. Кн. VII. С. 287–295; *Спаский И. Г.* Происхождение и история русских счетов // Историко-математические исследования. М., 1952. Вып. 5. С. 269–420; *Спаский И. Г.* Московская математическая книга середины XVII в. и ее первый владелец // Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981. С. 56–74.
- ² Учебник Сакробоско также известен как трактат «Об искусстве счета» (Tractatus de Arte Numerandi).
- ³ В каталоге собрания профессора Ф. Г. Баузе, составленном в 1812 г., упоминается рукопись арифметики, предположительно относящаяся к XVI в. Библиотека Ф. Г. Баузе погибла в московском пожаре 1812 г. (*Моисеева Г. Н.* «Собрание российских древностей» профессора Баузе // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 35. Л., 1980. С. 301–344.); А. И. Соболевский датировал ранний список арифметики XVI – началом XVII в. (*Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 150).
- ⁴ Государственный исторический музей. Собрание Барсова. № 2191 (1621 г.); Отдел рукописей Библиотеки Академии наук (далее – ОР БАН). Архангельское собрание. № 478 (1621–1625 гг.).
- ⁵ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 550 Q.IX.3. Л. 157–247; Q.IX.13. Л. 152–220; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 304/II. № 4. 135 л.
- ⁶ В ркп ошибка, правильно: *и с пол-полуморткою*.
- ⁷ В ркп ошибка, правильно: *5 фунтов*. См. *Огризко З. А.* К вопросу об условном изображении... С. 292.
- ⁸ *Витсен Н.* Северная и восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Амстердам, 2010. Т. 2. С. 919; *Спаский И. Г.* Происхождение и история русских счетов...
- ⁹ ОР БАН. Архангельское собрание «Д». № 478. Л. 74 – 74 об.
- ¹⁰ В ркп ошибка, правильно: *итого алтын*.
- ¹¹ ОР РНБ. Ф. 550. Q.IX.53. Л. 1.
- ¹² Там же. Q.IX.13. Л. 226 об. – 227 об.
- ¹³ Там же. Q.IX.3. Л. 243.

References

BOBYNIN V. V. *Ocherki istorii razvitiya fiziko-matematicheskikh znaniy v Rossii*. [Essays on the history of the development of physical and mathematical knowledge in Russia. In Russ.]. T. 1. XVII stoletie. Moscow, 1886. Vyp. 1. 1893. Vyp. 2.

EVGENIJ (BOLHOVITINOV), EP. *O starinnoj slavyano-russkoj arifmetike*. [About ancient Slavic-Russian arithmetic. In Russ.] // Vestnik Evropy. P. 71. No. 17. 1813. P. 47–54.

MOISEEVA G. N. “*Sobranie rossijskikh drevnostej*” professora Bauze. [“Collection of Russian Antiquities” by Professor Bause. In Russ.] // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. T. 35. Leningrad, 1980.

OGRIZKO Z. A. *K voprosu ob uslovnom izobrazhenii imenovannykh chisel v XVII v.* [To the question of the conditional representation of named numbers in the 17th century. In Russ.] // Problemy istochnikovedeniya. Moscow, 1959. B. VII. P. 287–295.

SAVVAITOV P. I. *Russkij denezhnyj schet v XVI i XVII stoletiyah*. [Russian money account in the 16th and 17th centuries. In Russ.] // Zapiski otdeleniya russkoj i slavyanskoj arheologii imperatorskogo Russkogo Arheologicheskogo obshchestva. 1865. T. XI. S. 609–615.

SOBOLEVSKIJ A. I. *Perevodnaya literatura Moskovskoj Rusi XIV–XVII vv.* [Translated Literature of Muscovite Rus’ in the 14th–17th Centuries. In Russ.]. St. Petersburg, 1903.

SPASSKIJ I. G. *Moskovskaya matematicheskaya kniga serediny XVII v. i eyo pervyj vladelec*. [Moscow mathematical book of the middle of the 17th century and its first owner. In Russ.] // Arheograficheskij ezhegodnik za 1979. Moscow, 1981. S. 56–74.

SPASSKIJ I. G. *Proiskhozhdenie i istoriya russkikh schetov*. [Origin and history of Russian accounts. In Russ.] // Istoriko-matematicheskie issledovaniya. Moscow, 1952. Vyp. 5. S. 269–420.

VITSEN N. *Severnaya i vostochnaya Tartariya, vklyuchayushchaya oblasti, raspolozhennyye v severnoj i vostochnoj chastyah Evropy i Azii*. [Northern and Eastern Tartaria, including areas located in the northern and eastern parts of Europe and Asia. In Russ.]. Amsterdam, 2010. T. 2.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. Г. Гуменюк. Кириллическая арифметика в Книге сошного письма // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 216–230

Аннотация: До конца XVII в. в России использовалась традиционная система счисления, основанная на кириллической цифири. В статье методы кириллической арифметики рассматриваются на основании списков Книги сошного письма (ОР РНБ. Ф. 550. Q.IX.3; Q.IX.13; ОР РГБ. Ф. 304/II. № 4). Автор показал, что кириллическая арифметика имела основные признаки развитой системы счета. Она включала систему устного счета, позиционные системы письменного и инструментального счета. Методы кириллической арифметики позволяли решать все вычислительные задачи XVII в.

Ключевые слова: Древняя русская арифметика, кириллическая арифметика, кириллическая цифирь, кириллическая арифметика, Книга сошного письма, XVII в.

FOR CITATION

A. G. Gumenyuk. Cyrillic arithmetic in the Book of *Soshny* Writing // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 216–230

Abstract: Until the end of the 17th century, a traditional system of calculations based on Cyrillic numerals was used in Russia. This article examines the methods of Cyrillic arithmetic based on copies of the Book of Soshny Writing (OR RNB. F. 550. Q.IX.3; Q.IX.13; OR RGB. F. 304/II. No. 4). The author shows that Cyrillic arithmetic had the main features of a developed counting system, including an oral counting system, positional systems of written and instrumental counting. Cyrillic arithmetic was able to solve all computational problems relevant to the 17th century.

Key words: Ancient Russian arithmetic, cyrillic numerals, cyrillic arithmetic, the Book of the Soshny Writing, 17th century.

Автор: **Гуменюк, Алексей Геннадьевич** — исследователь, Ярославское историко-родословное общество.

Author: **Gumenyuk, Alexey Gennadievich** — researcher, Yaroslavl Historical and Genealogical Society.

E-mail: al.gumenyuk@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3057-4120

В. Бередникова

Подготовка личного состава партизанских соединений в Ленинграде и Ленинградской области в 1941–1944 гг.

В историографии подготовка партизан в годы Великой Отечественной войны на территории СССР, в том числе на региональном уровне, в советское время не стала предметом внимания исследователей, несмотря на то что уже в конце 1970-х — начале 1980-х начинается активная публикация источников, отражающих процесс организации и общее состояние партизанского движения, а также его обучения¹. Работу в этом направлении, но уже с региональным уклоном продолжили сотрудники Института истории партии Ленинградского обкома КПСС и Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, опубликовав документы, посвященные партизанам, действовавшим на оккупированной территории Ленинградской области². В последующие годы публикации документов, а также воспоминаний партизанских руководителей и организаторов партизанского движения были продолжены³. Первые исследования по проблеме обучения партизанских соединений появляются только в начале 2000-х гг.⁴ Ленинградские исследователи обратились к данной проблеме ранее. Так, в работе Ю. П. Петрова кратко описываются подготовительные мероприятия по развертыванию партизанского движения и обучению кадров, осуществлявшиеся партией в первый месяц войны, однако исследователь либо не дает им никакой оценки, либо оценивает исключительно положительно, не отмечая существовавших проблем с материально-технической базой, отсутствием разработанных программ

подготовки, недостаточными мерами по отбору необходимых кадров⁵. Позднее исследователи также обращались к этой проблеме⁶.

Вопросы подготовки партизан активно прорабатывались уже в 1920–1930-х гг. с учетом опыта Гражданской войны и социально-экономического положения государства. Особую важность подготовки партизанских кадров для ведения борьбы с противником, превосходящим Красную армию в техническом отношении, отмечал М. В. Фрунзе: «Если государство уделит этому достаточно серьезное внимание, если подготовка этой “малой войны” будет производиться систематически и планомерно, то и этим путем можно создать для армий противника такую обстановку, в которой при всех своих технических преимуществах они окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником»⁷.

Как справедливо отмечает А. С. Князьков, в 1920–1940-х гг. улучшение экономической ситуации в Советском Союзе и изменение военных возможностей, вызванное укреплением и развитием армии, в значительной степени сказывались на взглядах на ведение борьбы в тылу противника⁸. Планы подготовки и создания партизанских подразделений писались с учетом идеологической составляющей: предполагалось, что на первом этапе будут сформированы подобные соединения на приграничной с потенциальным противником территории и одновременно развернута диверсионная деятельность на его территории, так как, по мнению идеологов партизанской войны, местное население широко поддержит Советский Союз. Второй этап развертывания партизанской войны, за реализацию которого отвечал ОГПУ, разрабатывался на случай продвижения войск противника на территорию СССР и предполагал ведение активных действий в его тылу по подрыву коммуникаций, железных дорог, продовольственных баз и т. д.

Изучением вопросов подготовки кадров и разработкой методических рекомендаций по ведению партизанской войны занималась в 1929–1932 гг. Научно-исследовательская комиссия по изучению партизанских войн и революционных восстаний при Коммунистической академии. В ее работе принимали участие военные, ученые, красные партизаны⁹.

К началу 1930-х гг. окончательно сложилось представление о характере ведения боевых действий и теоретическая база для подготовки будущих партизан. Подготовку осуществляло Разведывательное управление Генерального штаба РККА через специальные, созданные для этой цели отделы штабов военных округов, территориальные органы ОГПУ и Осоавиахим¹⁰. Командиров и комиссаров партизанских соединений отбирали из числа командиров РККА и пограничных войск и направляли на обучение сроком в 3–6 месяцев в партизанские школы и на курсы¹¹, которыми руководили разведотделы штабов военных округов. Добровольцев, не проходивших срочную службу, отправляли на курсы продолжительностью 1–1,5 года, поскольку первую часть обучения

(освоение военных навыков) они проходили на курсах Осоавиахима. Бывшие военнослужащие РККА проходили краткую подготовку также на курсах Осоавиахима, но обучались другим специальностям — вождению автомашин, получали знания по радиотехнике и т. д. Успешно окончившие курсы отбирались для дальнейшего обучения в спецшколах, где осваивали необходимые для ведения партизанской борьбы дисциплины. Реальный боевой опыт многие из них получили во время конфликта на Дальнем Востоке и Гражданской войны в Испании. Однако сложившаяся к концу 1930-х гг. военная доктрина советского государства предполагала разгром противника на его территории и исключала необходимость ведения партизанских и диверсионных действий в его тылу, что и привело к свертыванию программы подготовки. Великая Отечественная война вынудила советское руководство вспомнить о разрабатывавшихся ранее планах ведения борьбы в тылу противника.

Организация партизанского сопротивления в годы Великой Отечественной войны на территории Ленинградской области началась в первые месяцы битвы за Ленинград. 1 июля 1941 г. на заседании комиссии по вопросам обороны Ленинграда руководством города обсуждался план организации партизанских отрядов, диверсионных и подпольных партийных ячеек на территории, занятой противником, определявший порядок комплектования, подбора руководящего и личного состава отрядов и групп, обеспечения создаваемых формирований продовольствием, оружием и боеприпасами¹². 25 июля 1941 г. совместным постановлением бюро ленинградских обкома и горкома ВКП(б) было принято решение «О формировании партизанских отрядов», согласно которому сроком до 29 июля в Ленинграде должно было быть сформировано 230 партизанских отрядов, в области — 70, общей численностью 12 тыс. человек¹³. Однако этот план выполнить не удалось: к августу 1941 г. был сформирован 191 партизанский отряд общей численностью 9 тыс. человек.

Оккупация районов Ленинградской области остро поставила вопрос о создании партизанских формирований и организации их подготовки. На начальном этапе подготовка партизанских подразделений была форсированной. В краткие сроки партизан обучали основам обращения с оружием и боеприпасами, а также тактики, прямо в центрах формирования отрядов. Отряды, формировавшиеся в тылу, зачастую обретали первый опыт ведения боевых действий непосредственно во время соприкосновения с врагом. В июле 1941 г. был образован первый крупный центр подготовки партизан — Учебный пункт, организованный в районе железнодорожной станции Кавголово, который вскоре возглавил капитан А. Н. Сухов. В довоенное время на учебном пункте в Кавголово регулярно проводились военные сборы начальствующего состава запаса¹⁴. Пункт обладал минимальной необходимой материально-технической базой для проведения обучения поступающих кадров. В мае 1941 г. на поверочный сбор было вызвано 32 командира запаса, большая часть которых владела финским языком. 16 человек из них были оставлены на прохождение 3-месячных

сборов, но после начавшихся боевых действий и перепрофилирования учебного пункта и проведенной переподготовки возглавили партизанские отряды¹⁵. Кроме командиров запаса, на обучение были зачислены и другие бойцы, из которых позднее были сформированы полноценные боевые соединения.

В июле — августе 1941 г. партизаны проходили 10-дневную подготовку. Учебный пункт единовременно мог принять всего 300–350 человек, что не удовлетворяло полностью потребности в подготовке формируемых соединений. К началу августа 1941 г. количество партизан уже составляло от 1750 до 2000 человек¹⁶, к октябрю — 6447 человек (из них только 2558 состояли в отрядах, сформированных на оккупированной территории)¹⁷, к декабрю — 7255 человек. Занятия на Учебном пункте проводились переменным средним командным составом — лейтенантами и старшими лейтенантами, которые отправлялись на фронт, не завершая обучение набранных групп.

Постоянная смена кадров не сказывалась на устоявшемся распорядке: учебное расписание для каждой группы составлялось еженедельно на каждый день обучения и разделялось на тематические блоки. Бойцы каждого взвода в обязательном порядке изучали материальную часть оружия и боеприпасов — знакомились с устройством винтовок, пистолетов-пулеметов, револьверов и гранат, проходили занятия по тактике, подрывному делу, топографии, а также занимались изучением устава. Обучение завершалось проведением тактических учений в обстановке, максимально приближенной к реальным условиям боя, в том числе в ночных условиях¹⁸. Запланированные занятия проводились в любых условиях, однако отменялись из-за того, что «велась стрельба из Суоми», несмотря на отдаленность линии фронта¹⁹.

В августе 1941 г. при подготовке партизан стали использовать методические материалы и пособия: курс огневой подготовки (КОП-38), наставление по стрелковому делу (НСД-38), пособие «Тактика партизанских действий». Была разработана расширенная программа обучения. Кроме основных навыков, необходимых для ведения боя, будущих партизан обучали новым навыкам: ведению огня из стрелкового оружия в ночных условиях, тактике нападения на колонны противника, охране объектов воздушных десантов, захвату и охране посадочных площадок, действиям бойца в составе подразделения, маскировке. Были введены также занятия по рукопашному бою²⁰.

Ощущалась необходимость в подготовке и командно-политического состава. 30 июля 1941 г. была утверждена программа подготовки начальствующего состава партизанских отрядов, рассчитанная на 80 часов и состоящая из 10 блоков. Наибольшее внимание уделялось тактике действий партизанских отрядов (24 часа), стрелковой подготовке (20 часов) и подрывному делу (12 часов). Первые шаги по организации обучения командного состава были сделаны в конце июля — начале августа: 3 августа 1941 г. заведующий военным отделом ЛОК ВКП(б) М. Ф. Алексеев прислал начальнику учебного пункта письмо о направлении для прохождения военной подготовки 38 ко-

мандиров и политруков партизанских отрядов. Для командиров и политруков была разработана новая сокращенная учебная программа, рассчитанная на 36 часов, в которую входили обучение основам тактики, топографии, организации разведки, стрельбы из оружия, тактике противника. На заключительном этапе осуществлялась подготовка командиров к выполнению конкретного боевого задания и изучению ими будущего района ведения боевых действий, особенностей местности, поведения и настроения населения. Командный состав также получал навыки по управлению подразделением и организации звена²¹.

Разработка программ обучения активно велась на протяжении конца 1941–1942 г. Летом — осенью 1941 г. эту задачу выполнял Учебно-методический центр по Всевобучу²². 1 ноября 1941 г. обсуждалась разработка поурочных рабочих планов по темам занятий 68-часовой программы. Предполагалось, что в программу будут включены саперная подготовка, общая тактика, строевая, лыжная и военно-физическая подготовка. Учебно-методический центр занимался не только разработкой программ, но и обеспечивал проведение теоретической (лекционной) части занятий для обучающихся партизан²³. Приглашенные военные специалисты рассказывали бойцам о вооружении и тактике мелких подразделений армии противника, тактике ведения уличных боев, действиях вражеских танков и борьбе с ними. Стоит отметить, что программа, разработанная Учебно-методическим центром, не была принята, поскольку его специалисты так и не разработали в нужные сроки ряд важнейших разделов, а кроме того, они в это время получили задание от Ленинградского штаба партизанского движения на разработку новой программы подготовки, которая учитывала бы местные условия и особенности²⁴.

В первой половине 1942 г. была разработана программа подготовки переменного состава для шести категорий учащихся: вербовщиков и резидентов, групп, готовящихся к диверсионным действиям по разрушению железных дорог и мостов, групп, которые должны были заниматься разрушением промышленных объектов (обучение продолжалось 25–35 дней (250–350 часов)), осведомителей и связников (обучение продолжалось 15–20 учебных дней (150–200 часов)) и радистов, не имевших предварительной подготовки (обучение продолжалось 60–70 дней (480–560 учебных часов))²⁵.

В 1941 г. на обучение зачислялись как рядовые бойцы, проходившие общую подготовку, так и бойцы, проходившие специальное обучение для освоения радиосвязи²⁶. В среднем на обучение зачислялось от 10 до 20 (впоследствии больше) бойцов. Все зачисленные на обучение ставились на довольствие и распределялись по отдельным отрядам для прохождения боевого слаживания подразделения. К 1942 г. значительно выросло количество групп, по которым распределяли партизан. Были созданы группы радистов, резерва, партийная группа (подготовка подполья), группа по изучению противотанкового оружия, подрывников, отдельно существовала женская группа²⁷.

Учебный пункт в Кавголово был не только центром обучения партизан, но и своеобразной базой формирования групп и отрядов для выполнения конкретных боевых задач. В 1941–1942 гг., до начала осуществления регулярных крупных партизанских операций и формирования партизанских бригад, большая часть партизанских подразделений придерживалась рейдовой тактики. Малые подразделения — группы и отряды успешнее справлялись с поставленными задачами за счет большей маневренности (особенно при ведении действий в лесисто-болотистой местности), меньших материально-технических затрат и низкой вероятности обнаружения противником. Именно такие подразделения и формировались в Учебном пункте ЛШПД. Партизанские командиры укомплектовывали подразделения и организовывали учебу. Бывшие партизаны и фронтовики в обязательном порядке включались в состав группы новобранцев для дополнительной подготовки и передачи опыта. К 1943 г. учебный центр не только выполнял свои функции по подготовке партизан и формированию партизанских подразделений, но и был полноценной партизанской базой — при центре было организовано подсобное хозяйство, столовая, медицинский пункт, ремонтные и пошивочные мастерские, прачечная. В центре партизаны не только учились, но и занимались ведением подсобного хозяйства. Хотя для этой цели был создан специальный отряд (25 человек), личный состав школы в обязательном порядке использовался для выполнения хозяйственных работ²⁸. Особенно строго сотрудники центра следили за соблюдением дисциплины. Взыскания учащимся назначались по разным причинам: кража овощей, получение лишних обедов вместо своих товарищей, пропуск занятий, дача ложной информации командованию. Как правило, все ограничивалось проведением нескольких суток на гауптвахте.

Учебный центр столкнулся с той же проблемой, с которой сталкивались командиры партизанских отрядов, отправлявшихся за линию фронта, — большой текучкой кадров. В записке, отправленной в Ленинградский штаб партизанского движения (ЛШПД) в адрес начальника и комиссара центра 17 августа 1942 г., указывалось: «...за последнее время увеличился процент увольнения из вверенной вам школы в Ленинград без уважительных на то причин, а в отдельных случаях — их изобретением. Выяснить, [в чем причины]». Причины увольнения бойцов были абсолютно разными. Проходившие обучение военнослужащие Красной армии просили вернуть их в регулярные части РККА. Сохранились свидетельства и об увольнении по медицинским причинам: бойцов «отписывали» из отрядов из-за припадков эпилепсии, плохого физического состояния, хронических заболеваний²⁹.

В августе 1942 г. начальником ЛШПД М. Н. Никитиным и начальником 4-го отдела ЛШПД Матеевым был поднят вопрос о создании двух филиалов Школы подготовки партизанских кадров при оперативных группах Северо-Западного и Волховского фронтов, рассчитанных на единовременное обучение 100 человек каждый. Подобная необходимость была вызвана тем, что партизан-

ские резервы, поступающие на эти фронты, крайне трудно было переправлять в существующую школу для прохождения обучения³⁰. Летом 1942 г. на Валдае под руководством Н. И. Афанасьева были созданы краткосрочные курсы подготовки партизан³¹. К осени 1942 г. и на Волховском фронте сложилась система тыловых баз и партизанской учебы. Предполагалось, что обучение там смогут проходить около 100 чел. Она включила в себя тыловые базы в поселке Хвойная и селе Александровское Маловишерского района: первая подчинялась непосредственно отделу материально-технического обеспечения ЛШПД, вторая — опергруппе ЛШПД при Военном совете Волховского фронта. 16 августа 1942 г. началась организация Хвойнинской партизанской базы, а 21 сентября 1942 г. в поселке был образован филиал школы по подготовке партизанских кадров (учебный центр) под руководством майора Б. А. Красавина, который одновременно являлся сборным пунктом и базой отдыха партизан. Здесь партизаны изучали оружие, боеприпасы, топографию. В 1942–1943 гг. в поселке Хвойная было построено более 30 объектов для размещения учебного центра, в том числе землянки, жилые дома и бараки, здания столовой, складов, помещение бани, жилой дом начальника ЛШПД М. Н. Никитина и другие объекты. Начальник отдела кадров ЛШПД П. Г. Матвеев вспоминал: «...в лесу был построен учебно-тренировочный стенд. На подготовленной насыпи воссоздан участок железной дороги. На нем и отрабатывались необходимые навыки. Занятия чередовались с походами партизан, во время которых преодолевались водные преграды, минировались и разминировались мосты»³².

В особо тяжелом положении оказались те партизанские отряды, которые формировались не в Ленинграде, а на оккупированных территориях. ЛШПД не имел возможности проводить обучение в специальных школах из-за отсутствия способов переброски партизан. Оказавшись в подобном положении, партизанские подразделения были вынуждены самостоятельно организовывать учебу. Важным элементом самообразования партизан, лишенных возможности проходить обучение в школах, являлась периодическая печать, перед которой ставилась задача передачи боевого опыта и учебы партизан. На страницах партизанских газет была развернута широкая кампания по пропаганде овладения любым оружием: «Мы поставили своей задачей — обучить каждого бойца метко стрелять, умело бросать гранаты...»³³ В боевых листках регулярно встречаются заметки партизан, посвященные различным проблемам военной подготовки. На личном примере, с долей иронии и юмора, бойцы писали о существующих проблемах и призывали к их решению путем взаимовыручки: «В первом отделении есть хорошие стрелки по мишеням, они бьют без промаха. <...> Но есть и такие партизаны, пули которых летят не в мишени, а в поля. Так, например, партизан Николаев стреляет плохо. <...> Товарищу Николаеву нужно лучше изучить примеры стрельбы и не отставать от своих товарищей»³⁴.

Руководящим партизанским движением органам и Ленинградскому штабу партизанского движения за годы работы удалось создать достаточно широкую

сеть учебных пунктов. В своем докладе «Об итогах партизанского движения в Ленинградской области» 19 апреля 1944 г. начальник Штаба М. Н. Никитин отмечал: «Мы имели значительную сеть учебных пунктов: в Кавголово, Жихарево (перемещался Вишера — Хвойная — Александровское), Валдае, Марево и др. На наших учебных пунктах мы подготавливали командиров и комиссаров партизанских отрядов и диверсионных групп. Особенно крепко мы готовили инструкторов подрывного дела и опытных разведчиков»³⁵.

Вопрос подготовки кадров являлся ключевым на протяжении всего периода существования партизанского движения с июля 1941 по январь 1944 г. Весной 1944 г. школы были расформированы, необходимость в них отпала значительно раньше. Уже в 1943 г., после прорыва блокады Ленинграда, партизанские бригады стали действовать совместно с частями Красной армии. В общей сложности на пунктах было подготовлено, а затем заброшено в тыл противника 4658 человек, при том что общая численность партизан значительно росла: если в январе 1942 г. в партизанских отрядах числилось 1994 чел., то к 1 января 1943 г. — до 2993 чел., к августу — 4203, к ноябрю — 14 358 чел.³⁶ Численность партизан, действовавших на территории Ленинградской области в 1941–1944 гг., на февраль 1944 г. составляет 39 905 чел.³⁷, т. е. подготовку прошло всего 11,6%.

Обучение в партизанских школах не давало нужного эффекта — ощущалась нехватка подготовленных подрывников, радистов, разведчиков. Важную роль сыграли кадры, прибывшие из регулярных частей Красной армии — прикомандированные к партизанским соединениям командиры, бойцы, попавшие в окружение. Благодаря их действиям стала возможна подготовка на местах, а не в центрах обучения, что в значительной степени облегчало решение этой проблемы для ЛШПД. Тем не менее партизанскому руководству удалось достичь результатов в подготовке узких специалистов — радистов, обучение которых было наиболее важным в 1941–1942 гг. Обученным радистам постепенно удалось решить важнейшую проблему, с которой руководство не могло справиться на протяжении долгого времени, — обеспечить связь большинства партизанских подразделений с Ленинградским штабом партизанского движения, что в значительной степени положительно повлияло на результаты ведения партизанской борьбы.

Изучение вопроса подготовки и обучения партизан, действовавших на территории Ленинградской области, позволяет по-новому взглянуть на причины побед и поражений партизанских соединений, а также дать более адекватную оценку их вкладу в освобождение оккупированных территорий.

¹ См., например: Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945): Сборник документов и материалов: [в 3 вып.]. Вып. 1: Зарождение и развитие партизанского движения в первый период Отечественной войны (июнь

- 1941 — ноябрь 1942 г.). М., 1969; Вып. 2: Всенародная борьба в тылу врага в период коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 — 1943 год). М., 1969; Вып. 3. Наивысший подъем партизанского движения в год решающих побед Красной армии (1941–1945). М., 1982.
- ² В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области, 1941 г.: Сборник документов. Л., 1979; В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области, 1942 г.: Сборник документов. Л., 1981; В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области, 1943 г.: Сборник документов. Л., 1983; В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области, 1944 г.: Сборник документов. Л., 1985.
 - ³ См., например: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 20 (9). Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1998; Новгородские партизаны. Партизанское движение на Новгородской земле в 1941–1944 гг.: Сборник документов и воспоминаний. Великий Новгород, 2001; Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. М., 2015; *Асмолов А. Н.* Фронт в тылу вермахта. М., 1983; *Пономаренко П. К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941–1944. М., 1986; *Старинов И. Г.* 1) Записки диверсанта. М., 1997; 2) Мины замедленного действия: размышления партизана-диверсанта. М., 1999; и др.
 - ⁴ *Попов А. Ю.* НКВД и партизанское движение. М., 2003.
 - ⁵ *Петров Ю. П.* Партизанское движение в Ленинградской области (1941–1944). Л., 1973. С. 53, 57.
 - ⁶ См., например: *Завражная Е. С.* Партизанское сопротивление оккупантам на территории Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007; *Шабельник Н. В.* Подготовка партизанских кадров в Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны // РСМ. 2020. № 3 (108). С. 204–215.
 - ⁷ *Фрунзе М. В.* Избранные произведения. М., 1951. С. 156.
 - ⁸ *Князьков А. С.* Подготовка к партизанским действиям в СССР в 1920–1930 гг. // Военно-исторический журнал. 2016. № 4. С. 33–37.
 - ⁹ «Малые войны» современности: формы и способы ведения. М., 1995. С. 136–138.
 - ¹⁰ *Старинов И. Г.* Мины замедленного действия.
 - ¹¹ В программу подготовки входила первичная общевоинская подготовка, техническая подготовка, спецподготовка и отработка навыков по созданию ядра потенциального партизанского соединения.
 - ¹² Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг.: Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний / Отв. сост. К. А. Болдовский. Ч. I. Июнь 1941 — март 1942 г. СПб., 2019. С. 27–28.
 - ¹³ Там же. С. 166.
 - ¹⁴ По некоторым данным, в 1941 г. здесь располагался тренировочный лагерь Института им. П. Ф. Лесгафта. Е. С. Завражная пишет о том, что там располагался спортивный лагерь НКВД.
 - ¹⁵ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 116л. Оп. 10. Д. 4. Л. 3–4, 8–14.
 - ¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.
 - ¹⁷ Там же. Д. 17. Л. 20.
 - ¹⁸ Там же. Оп. 10. Д. 3. Л. 3–8.
 - ¹⁹ Там же. Л. 1–2.
 - ²⁰ Там же. Л. 9–12.
 - ²¹ Тактическая единица, состоящая из 3–4 человек.
 - ²² ЦГАИПД СПб. Ф. 116л. Оп. 10. Д. 3. Л. 27.
 - ²³ Там же. Л. 28–29.
 - ²⁴ Там же. Д. 20. Л. 44.
 - ²⁵ Там же. Д. 26. Л. 1.

- ²⁶ Там же. Д. 20. Л. 31.
²⁷ Там же. Л. 40.
²⁸ Там же. Л. 10, 14–15, 44б.
²⁹ Там же. Д. 20. Л. 14.
³⁰ Там же. Оп. 8. Д. 46. Л. 29.
³¹ Афанасьев Н. И. Фронт без тыла. Записки партизанского командира. Л., 1983. С. 65–66.
³² Партизаны. Новые подробности о боевых действиях народных мстителей на ленинградской земле в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. СПб., 1995. С. 119.
³³ Народный мститель. 1942. № 6. 25 июня.
³⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 116л. Оп. 1. Д. 1722. Л. 1.
³⁵ В тылу врага. 1944 г. С. 285–286.
³⁶ Там же. С. 286.
³⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 27. Л. 83.

References

- AFANAS`EV N. I. *Front bez tyła. Zapiski partizanskogo komandira*. [Front without rear. Notes of a partisan commander. In Russ.]. Leningrad, 1983.
- ASMOLOV A. N. *Front v tylu vermakhta*. [Front in the rear of the Wehrmacht. In Russ.]. Moscow, 1983.
- Blokada v reshenijah rukovodjashhix partijnyh organov Leningrada. 1941–1944 gg.: Sb. dokumentov. Postanovlenija bjuro leningradskih gorkoma i obkoma VKP(b), stenogrammy zasedanij / Otv. sost. K. A. Boldovskij. Chast' I. Ijun' 1941 g. — mart 1942 g.* [The Blockade of Leningrad in the decisions of governing party authorities. 1941–1944. Collection of documents. Resolutions of Leningrad city and regional committee bureau, transcripts of the meetings. Part 1, June 1941 — March 1942. In Russ.]. St. Petersburg, 2019.
- FRUNZE M. V. *Izbrannye proizvedeniya*. [Selected works. In Russ.]. Moscow, 1951.
- KNYAZ`KOV A. S. *Podgotovka k partizanskim dejstviyam v SSSR v 1920–1930 gg.* [Preparation for partisan actions in the USSR in 1920–1930. In Russ.] // *Voenno-istoricheskij zhurnal*. 2016. No. 4. P. 33–37.
- Novgorodskie partizany: partizanskoe dvizhenie na Novgorodskoj zemle v 1941–1944 gg.: sbornik dokumentov i vospominanij*. [Novgorod partisans: partisan movement on the Novgorod land in 1941–1944. Collection of documents and memorials. In Russ.]. Velikij Novgorod, 2001.
- Partizanskoe dvizhenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuz (1941–1945): Sbornik dokumentov i materialov [v 3 vyp.]*. Vyp. 1: *Zarozhdenie i razvitie partizanskogo dvizheniya v pervyj period Otechestvennoj vojny (iyun' 1941 — noyabr' 1942 g.)*. [Partisan movement during the Great Patriotic War of the Soviet Union (1941–1945): Collection of documents and materials [in 3 issues]. Iss. 1. The origin and development of the partisan movement in the first period of the Patriotic War (June 1941 — November 1942). In Russ.]. Moscow, 1969.
- Partizanskoe dvizhenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuz (1941–1945): Sbornik dokumentov i materialov [v 3 vyp.]*. Vyp. 2: *Vsenarodnaya bor'ba v tylu vruga v period korennoogo pereloma v khode Velikoj Otechestvennoj vojny (noyabr' 1942–1943 god)*. [Partisan movement during the Great Patriotic War of the Soviet Union (1941–1945): collection of documents and materials [in 3 issues]. Iss. 2. National struggle behind enemy lines during the period of a radical change in the course of the Great Patriotic War (November 1942–1943). In Russ.]. Moscow, 1969.
- Partizanskoe dvizhenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuz (1941–1945): sbornik dokumentov i materialov [v 3 vyp.]*. Vyp. 3: *Naivysshij pod'em partizanskogo dvizheniya v god reshayushhix pobed Krasnoj armii (1941–1945)*. [Partisan movement during the Great Patriotic War of the Soviet Union (1941–1945): collection of documents and materials [in 3 issues]. Iss. 3. The highest rise of the partisan movement in the year of the decisive victories of the Red Army (1941–1945). In Russ.]. Moscow, 1982.
- Partizany. Noveye podrobnosti o boevykh dejstviyakh narodnykh mstitelej na leningradskoj zemle v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945*. [Partisans. New details about the military operations of the people's avengers on Leningrad soil during the Great Patriotic War of 1941–1945. In Russ.]. St. Petersburg, 1995.

PETROV YU. P. *Partizanskoe dvizhenie v Leningradskoj oblasti (1941–1944)*. [Partisan movement in the Leningrad region (1941–1944). In Russ.]. Leningrad, 1973.

PONOMARENKO P. K. *Vsenarodnaya bor'ba v tylu nemeczko-fashistskikh zakhvatchikov. 1941–1944*. [National struggle in the rear of the Nazi invaders. 1941–1944. In Russ.]. Moscow, 1986.

POPOV A. YU. *NKVD i partizanskoe dvizhenie*. [NKVD and partisan movement. In Russ.]. Moscow, 2003.

Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. T. 20 (9). Partizanskoe dvizhenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. [Russian Archive: the Great Patriotic War. Partisan movement in the years of the Great Patriotic War 1941–1945. In Russ.]. Moscow, 1998.

SHABELNIK N. V. *Podgotovka partizanskikh kadrov v Leningradskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Training of partisan personnel in the Leningrad region during the Great Patriotic War. In Russ.] // RSM. 2020. No. 3 (108). P. 204–215.

STARINOV I. G. *Miny zamedlennogo dejstviya: razmyshleniya partizana-diversanta*. [Delayed action mines: reflections of a partisan saboteur. In Russ.]. Moscow, 1999.

STARINOV I. G. *Zapiski diversanta*. [Notes of a saboteur. In Russ.]. Moscow, 1997.

V tylu vraga. Bor'ba partizan i podpol'shnikov na okkupirovannoj territorii Leningradskoj oblasti, 1941 g.: Sb. dokumentov. [Behind enemy lines. The struggle of partisan and underground movement in the occupied territory of the Leningrad region. 1941: Collection of documents. In Russ.]. Leningrad, 1979.

V tylu vraga. Bor'ba partizan i podpol'shnikov na okkupirovannoj territorii Leningradskoj oblasti, 1942 g.: Sb. dokumentov. [Behind enemy lines. The struggle of partisan and underground movement in the occupied territory of the Leningrad region. 1942: Collection of documents. In Russ.]. Leningrad, 1981.

V tylu vraga. Bor'ba partizan i podpol'shnikov na okkupirovannoj territorii Leningradskoj oblasti, 1943 g.: Sb. dokumentov. [Behind enemy lines. The struggle of partisan and underground movement in the occupied territory of the Leningrad region. 1943: Collection of documents. In Russ.]. Leningrad, 1983.

V tylu vraga. Bor'ba partizan i podpol'shnikov na okkupirovannoj territorii Leningradskoj oblasti, 1944 g.: Sb. dokumentov. [Behind enemy lines. The struggle of partisan and underground movement in the occupied territory of the Leningrad region. 1944: Collection of documents. In Russ.]. Leningrad, 1985.

ZAVRAZHAYAYA E. S. *Partizanskoe soprotivlenie okkupantam na territorii Leningradskoj oblasti v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny' 1941–1944 gg.* [Partisan resistance to invaders on the territory of the Leningrad region during the Great Patriotic War of 1941–1944. In Russ.]. St. Petersburg, 2007.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. Бердникова. Подготовка личного состава партизанских соединений в Ленинграде и Ленинградской области в 1941–1944 гг. // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 231–242

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы подготовки партизанских кадров в Ленинграде и Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. В предвоенные годы в СССР была развернута широкая программа обучения бойцов для ведения борьбы в тылу противника, полностью уничтоженная в конце 1930-х гг. Изменение военной доктрины советского государства и отказ от обучения квалифицированных партизанских кадров привели к тому, что летом 1941 г. ленинградским партийным руководителям пришлось начинать работу в этом направлении с самого начала. Постепенно выстраивалась система кадровой подготовки, разрабатывались учебные программы, создавалась целая система партизанских школ. Несмотря на это, вопрос обучения партизан продолжал оставаться проблемой, что во многом обуславливалось нахождением Ленинградского штаба партизанского движения в осажденном городе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оборона Ленинграда, партизанское движение, подготовка кадров, партизанские школы, оккупация, Ленинградская область, сопротивление, Ленинградский штаб партизанского движения.

FOR CITATION

V. Berednikova. Training of personnel of partisan units in Leningrad and Leningrad region in 1941–1944 // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 231–242

Abstract: The article deals with the issues of training partisan personnel in Leningrad and the Leningrad region during the Great Patriotic War. In the prewar years, an extensive training program for combatants to fight behind enemy lines was launched in the USSR, which was completely destroyed in the late 1930s. The change in the military doctrine of the Soviet state and the refusal to train qualified partisan personnel led to the fact that in the summer of 1941 the Leningrad party leaders had to start work in this direction from the very beginning. A system of personnel training was gradually built up, curricula were developed, and a whole system of partisan schools was created. Despite this, the issue of partisan training continued to be a problem, which was largely due to the presence of the Leningrad headquarters of the partisan movement in the besieged city.

Key words: the Great Patriotic War, defense of Leningrad, partisan movement, personnel training, partisan schools, occupation, Leningrad region, resistance, Leningrad headquarters of the partisan movement.

Автор: **Бередникова, Виктория** — младший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.

Author: **Berednikova, Victoria** — Junior Researcher, the St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, PhD student at St. Petersburg State University

E-mail: berednikova3@bk.ru.

Н. Н. Смирнов

О новом отражении и осмыслении партийной истории

(Рецензия на публикацию: Петербургский комитет РКП(б) в 1919 году: Протоколы и материалы заседаний / Сост.: Т. А. Абросимова, Б. Б. Дубенцов, А. Рабинович, К. А. Тарасов, В. Ю. Черняев. СПб.: Нестор-История, 2023. 504 с.)

Новая публикация источников, большая часть которых впервые вводится в научный оборот, знакомит читателя с деятельностью ПК РКП(б) и его Бюро в переломном для Гражданской войны в России 1919 г. В это время партийное руководство города решало острейшие проблемы отражения военной угрозы со стороны Северо-Западной армии, мобилизации коммунистов в помощь другим фронтам, преодоления экономических, финансовых и социальных трудностей.

Издание, подготовленное авторским коллективом известных петербургских историков при участии выдающегося знатока российской истории, американского исследователя А. Е. Рабиновича, логично дополняет и продолжает серию документальных публикаций, посвященных деятельности Петербургского комитета РСДРП/РКП(б) с момента его создания до 1919 г. включительно.

Три предыдущих издания получили высокую оценку специалистов и активно используются в исследовательской и преподавательской работе¹. Благодаря выходу этих книг малодоступные в прошлом документы стали известны отечественным и зарубежным историкам.

В новом издании составители столкнулись с рядом трудностей, связанных с сохранностью документов. Оказалось, что фонды ЦГА ИПД, РГАСПИ и ЦГА СПб не имеют полного комплекта источников. Выявить ряд недостающих документов удалось по опубликованным газетным отчетам. Всего, отмечают составители, «в настоящий сборник наряду с десятью газетными отчетами и пятью выписками из протоколов включены 44 протокола заседаний ПК РКП(б) и 55 протоколов заседаний Бюро ПК РКП(б). Таким образом, основу сборника составляют подлинники записей протоколов заседаний ПК РКП(б) за период с середины марта и до конца 1919 г.»².

Завершающая абзац оговорка не случайна. Составители отмечают, что часть выявленных документов относится к периоду января — первой половины марта 1919 г. В это время состоялось 13 заседаний ПК РКП(б), по шести из которых имеются газетные отчеты, и еще по трем — опубликованные в периодической печати Постановления. Подлинники материалов еще двух заседаний ПК РКП(б) были выявлены в архиве³.

Что касается Бюро ПК РКП(б), то, отмечают составители, об одном из его заседаний известно по публикации в газете, протокол еще одного заседания обнаружен в архиве⁴.

Отсутствие полного комплекта материалов ПК РКП(б) и его Бюро во многом связано не только с трудностями переживаемого момента, но и с определенными недостатками в налаживании организационно-технической работы.

Обе отмеченные проблемы нашли замечательное отображение в написанном А. Рабиновичем введении к рецензируемой публикации. «<...> вызовы, стоявшие перед партией в начале года, заключались в продолжающейся бюрократизации государственных и партийных органов, а также коррупции, пьянстве и других злоупотреблениях властью со стороны советских служащих, поспешно завербованных членов партии низшего уровня и даже сил правопорядка», — отмечает исследователь⁵.

А. Рабинович напоминает и о том, что в 1919 г. «на петроградских заводах вспыхнули с новой силой политические и социальные волнения. Это брожение явилось следствием массового голода, увольнений с производства из-за нехватки топлива, угрозы военной оккупации и все возрастающей нехватки надежных членов партии, которые могли бы справиться со множеством острейших проблем»⁶.

Проблемы организационно-технического порядка, замечают составители, нередко приводили к появлению нескольких вариантов ряда протоколов ПК РКП(б), отличающихся друг от друга по оформлению и допущенным опечаткам, свидетельствующим, что «печатание одного и того же документа производилось не единожды»⁷. В двух и более вариантах сохранились протоколы 15 заседаний ПК РКП(б) и 22 заседаний Бюро ПК РКП(б)⁸.

Можно предположить, что подобная ситуация порождалась отсутствием квалифицированных технических кадров. Привлечение же к организационно-

технической работе в составе Секретариата лишь надежных и проверенных партийцев, как правило, к должному эффекту не приводило. Результат: «Протоколы оформлялись с некоторыми отступлениями» от определенной структуры или формуляра документа. Неодинаково писались даты заседаний, ошибки допускались в нумерации протоколов, не всегда указывался и «Порядок дня» проводимых заседаний⁹.

В археографическом предисловии особо отмечают принципиальные установки составителей: «максимально точное воспроизведение источника, оформление публикуемых документов в соответствии с действующими “Правилами издания исторических документов в СССР, издание 2-е, дополненное” (М., 1990)»¹⁰. Знакомство с публикацией подтверждает основательность подобного подхода.

Действительно, содержание издания свидетельствует, что публикуемые протоколы сохранили первоначальный порядок оформления, систематизированы хронологически и пронумерованы. Даже снабженные редакционным заголовком, документы воспроизводят оригинальные даты и заголовки так, как они обозначены в оригиналах.

Оправдано, на наш взгляд, автоматическое, без дополнительных оговорок, исправление содержащихся в документах ошибок в орфографии и пунктуации. Вместе с тем составители тщательно сохраняют систему ценностей партийной среды 1919 г., включая употребление строчных и прописных букв, названия учреждений и организаций, общепринятые в то время сокращения. Тем самым продолжена традиция публикаций предыдущих протоколов ПК РСДРП/РКП(б) и его Бюро.

Отметим также полноту приводимых в комментариях к сборнику документов и материалов, характеризующих работу районных комитетов РКП(б), проводимых на местах собраний организаторов и заседаний активных работников. В издании нашли отражение и взаимодействие ПК РКП(б) с Петроградским Советом рабочих и красноармейских депутатов, центральными партийными и советскими органами, общественными организациями. Они позволяют полнее представить масштабы работы ПК РКП(б) в области партийного строительства, решении проблем общегородского и государственного масштаба. В комментариях широко представлены анализирующие работу городского партийного органа и его Бюро материалы периодической печати: газет «Петроградская правда», «Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов», «Красной газеты» и ряда других.

Важную роль в настоящем издании, помимо научных комментариев, играют три приложения, первое из которых включает в себя сводные данные о составе ПК РКП(б) в 1919 г., избранных на петроградских городских конференциях¹¹. Здесь, наряду с широко известными именами, к примеру Егоровой Е. Н., Зиновьева Г. Е., Молотова В. М., Залуцкого П. А., Луначарского А. В. и ряда других, приводятся и менее известные: Володин В. Г., Кежуц М. М., Леонов Ф. А. и др.

Второе приложение содержит развернутую публикацию текста совместного заседания Исполкома Петроградского Совета и Петербургского комитета РКП(б) 13–14 сентября 1919 г.¹² Основным пунктом Повестки дня значился вопрос о Наркомпросе «в самом широком масштабе». Предполагалось также заслушать доклады о театре и кинематографе.

Важность проблемы отметил в своем выступлении нарком просвещения А. В. Луначарский: «Когда на Наркомпрос нападают, отношение такое же, как к Наркомпроду, к Комиссариату путей, как все нападения обывательщины по отношению к Советской власти, ибо нет счастливого комиссариата. <...> Почему взялись именно за Наркомпрос, почему взрыв длительного негодования разразился в Петрограде голодном, босом, именно по поводу Наркомпроса, хотя, казалось бы, легче наладить другое дело, где можно взять агентуру из рабочих и дать фельдфебеля и заставить работать. В просвещении невежественный человек хотя бы был и великолепным коммунистом, ничего не может сделать. Кто не умеет, тот не умеет»¹³.

Публикуемый документ раскрывает полное драматизма обсуждение насущной проблемы. Разность подходов в решении однотипных проблем в центре и на местах, роль личности в решении поставленных переживаемой эпохой задач, место партийной и советской работы в организации и проведении просвещенческой работы — эти и другие проблемы нашли свое освещение в ходе многочасовой дискуссии, с ходом которой теперь может познакомиться заинтересованный исследователь.

Третье приложение знакомит читателя с Инструкцией коллективам петербургской организации РКП(б)¹⁴. Детально описаны процесс создания партийного коллектива, формирования его состава. Определяются задачи, которые партийные коллективы должны ставить перед собой, и пути решения этих задач. Характеризуются органы партийного коллектива и их компетенции. Определяется высший орган партийного коллектива — Общее собрание и избираемый им исполнительный орган партийного коллектива — Бюро. Публикуемый документ демонстрирует, на каких основах формировалась однопартийная система Советского государства, каким образом дискредитировались принципы демократического централизма.

Характеризуя помещенный в издание перечень заседаний ПК РКП(б) и Бюро РКП(б) за 1919 г., отметим, что составители разместили здесь не только даты проводимых заседаний, но и указали выносимые для обсуждения вопросы повестки дня¹⁵. Знакомство с перечнем значительно облегчает работу по изучению конкретных исследовательских проблем.

Важное место в публикации занимает хроника событий 1919 г.¹⁶, отражающая происходящее не только в жизни города, но также страны и мира. К примеру, 1–2 июня 1919 г. в Петрограде прошла продовольственная перепись. 1 июня было опубликовано постановление ВЦИК «Об объединении Советских Социалистических республик России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии для

борьбы с мировым империализмом». В этот же день в зданиях Чесменского дворца и церкви открыт первый в Петрограде лагерь принудительных работ. 2 июня красные войска заняли Сарапул¹⁷.

Несомненный интерес читателей издания вызовут биографические справки членов Петербургского комитета РКП(б) в 1919 г. Составители проделали значительную поисковую работу, цель которой — представить наиболее полную и достоверную информацию о каждом из включенных в перечень партийном деятеле¹⁸. Наибольший интерес вызывают справки о членах ПК РКП(б), чьи имена не являются широко известными. Приведем лишь два примера.

Коняшин Иван Григорьевич (1889, Рязанская губ. — 1919, Донская обл.), из безземельных крестьян, батрак. С 1905 г. в Петербурге, дворник, чернорабочий чугунолитейного и механического завода Зигель, за участие в забастовке выслан на родину. В 1917 в Петрограде рабочий трамвайного парка Московской заставы, примыкал к левым эсерам, затем рабочий завода «Скорород», его депутат в Петроградском совете, к октябрю большевик, член ВРК Московско-Заставского района, затем член Московского районного совета и районного комитета РКП(б). Осенью 1918 участник агитационной поездки на Восточный фронт. В 1919 начальник сводного отряда профсоюзов, посланного за продовольствием на Дон, вместе с женой расстрелян белыми¹⁹.

Сильберберг Лазарь Львович (1885–1920). Текстильщик. Член РСДРП с 1903, партийный псевдоним Львов, в 1906 осужден на 2 года и 8 месяцев каторжных работ, затем выслан в Сибирь, бежал в 1913 в Данию, где работал на фабриках. С 1917 в Петрограде, большевик, с июня временный кондуктор на Николаевской железной дороге, депутат Петроградского совета, член Окружного правления союза железнодорожников (Северо-Западного правления Всероссийского производственного союза рабочих и служащих железнодорожного транспорта).

В 1919 с 5 марта заведовал организационно-инструкторским отделом Окружного Северо-Западного правления железнодорожного союза, с 12 июля комиссар Петропавловской крепости, с 31 июля до ноября член ПК РКП(б), с 2 сентября глава Комиссии по обследованию железных дорог Петроградского округа путей сообщения, с 16 сентября комиссар 70-й Отдельной стрелковой бригады, в октябре направлен на Южный фронт. В начале 1920 погиб на Южном фронте²⁰.

Вероятно, данный именной указатель следовало разместить сразу же после таблицы со сводными данными о составах ПК РКП(б) в 1919 г., поскольку оба документа взаимосвязаны.

Уместен в данном издании и размещенный в приложениях список аббревиатур и сокращений²¹. Порой не сразу догадаешься, о какой организации, скрывающейся в Протоколах ПК РКП(б) под аббревиатурой ПЕПО либо Чрезкомрем, идет речь.

Завершает публикацию именной указатель, насчитывающий сотни имен и являющийся неременной принадлежностью серьезной научной публикации²².

Можно высказать лишь одно сожаление: составителям не во всех случаях удалось полностью атрибутировать упоминаемых в указателе персонажей. Однако, помня о характере освещаемой в публикации эпохи, следует признать, что отсутствие имен и отчеств в отдельных случаях — вещь закономерная.

Относительно самих протоколов заметим, что проделанная составителями работа заслуживает самой высокой оценки. Каждый опубликованный протокол снабжен обширными комментариями, позволяющими глубже понять суть обсуждаемых вопросов.

К примеру, на заседании ПК РКП(б) 6 января 1919 г. был заслушан доклад В.М. Молотова о положении дел в фабрично-заводской промышленности Петрограда в связи с топливным кризисом. Содержание протокола уместилось в 26 строк²³. Разъясняющие суть обсуждаемого вопроса комментарии — почти 60 строк.

В указанном протоколе отмечалось, что «ряд пунктов порядка дня были перенесены на собрание организаторов, которое состоится в пятницу, 10 января». В частности, на этом собрании планировалось обсудить вопросы, связанные с продовольственной мобилизацией и ревизией госпиталей²⁴.

Как отмечается в развернутом комментарии, собрание действительно состоялось 10 января и на нем присутствовали «все районные представители кроме II Городского, Лесновского и Нарвского районов». Помимо запланированных, на собрании были рассмотрены вопросы о крестьянском университете, созыве третьей конференции красноармейских и матросских партийных коллективов, о ревизии военных складов в связи с выявленными неоднократными хищениями в них. Среди прочих здесь же был обсужден вопрос об организации учащихся от 15 до 18 лет и принята рекомендация «все районные коллективы учащихся в обязательном порядке» связать с фракцией коммунистов при союзе рабочей молодежи²⁵.

Несомненный интерес исследователей вызовет протокол заседания ПК РКП(б) от 9 июля 1919 г. Его текст занимает почти четыре страницы публикации²⁶. Одиннадцать пунктов повестки дня замечательно характеризуют многогранность работы, проводимой городской партийной организацией, включая сотрудничество с Петроградским Советом рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, профессиональными организациями города, губернскими партийными организациями. Принятые на заседании решения касались проблем, связанных с перерегистрацией членов партии, организации агитационно-пропагандистской работы, налаживании порядка в делопроизводстве и отчетности в Петербургской организации РКП(б), а также ряда других.

Опубликованные комментарии позволяют существенно расширить представления об обсуждаемых вопросах, вносят необходимые правки и дополнения²⁷.

Приведенных примеров вполне достаточно для общей высокой оценки проделанной составителями работы. Каждый из опубликованных протоколов и приложенных к ним комментариев позволяют закрыть лакуны, существовавшие на протяжении нескольких десятилетий.

И вновь обратимся к введению, написанному А.Е. Рабиновичем. Он обоснованно отмечает: «Место ПК в партийной иерархии и его политическое поведение в течение этого времени были обусловлены тем фактом, что Петроград стал “вторым городом” России на периферии основного военного фронта <...> власти Петрограда должны были каким-то образом балансировать между, с одной стороны, сохранением и развитием революции в своем городе, который они продолжали рассматривать как настоящий штаб мировой социалистической революции, и, с другой стороны, потребностями защиты и обороны, которые Москва считала необходимыми для выживания и расширения большевизма по всей стране»²⁸. Рецензируемая публикация исчерпывающе раскрывает решение описанных выше проблем.

Несомненно, исследовательская работа должна быть продолжена. Выразим робкую надежду, что в скором времени читатель сможет познакомиться с Протоколами ПК РКП(б) и его Бюро за 1920 г. Драматизм событий, пережитых городом, его жителями, партийными руководителями и рядовыми членами партии, нуждается и в освещении, и в объяснении.

¹ См.: Петербургский комитет РСДРП(б). Протоколы и материалы заседаний, июль 1902 – 1917. Л., 1986; Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний / Ред. колл. Т. А. Абросимова, Т. П. Бондаревская, А. Рабинович. СПб., 2003; Петербургский комитет РКП(б) в 1918 году: Протоколы и материалы / Сост.: Т. А. Абросимова, В. Ю. Черняев, А. Рабинович. СПб., 2013.

² См.: Петербургский комитет РКП(б) в 1919 году: Протоколы и материалы заседаний. СПб.: Нестор-История, 2023. С. 22–23.

³ Там же. С. 22.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же. С. 8.

⁷ Там же. С. 23.

⁸ Там же. С. 24.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 25.

¹¹ См.: Приложение 1 // Там же. С. 367.

¹² См.: Приложение 2 // Там же. С. 368–404.

¹³ Там же. С. 370–371.

¹⁴ См.: Приложение 3 // Там же. С. 405–407.

¹⁵ Там же. С. 408–432.

¹⁶ Там же. С. 433–452.

¹⁷ Там же. С. 442–443.

¹⁸ Там же. С. 453–486.

¹⁹ Там же. С. 473.

²⁰ Там же. С. 482.

²¹ Там же. С. 487–488.

²² Там же. С. 489–497.

- ²³ См.: Там же. С. 28–29.
²⁴ Там же. С. 29.
²⁵ Там же.
²⁶ Там же. С. 181–184.
²⁷ Там же. С. 184–185.
²⁸ Там же. С. 20.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Н. Н. Смирнов. О новом отражении и осмыслении партийной истории (Рецензия на публикацию: Петербургский комитет РКП(б) в 1919 году: Протоколы и материалы заседаний / Сост.: Т. А. Абросимова, Б. Б. Дубенцов, А. Рабинович, К. А. Тарасов, В. Ю. Черняев. СПб.: Нестор-История, 2023. 504 с.) // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 243–250

Аннотация: Рецензия посвящена критическому анализу новой публикации документов и материалов, связанных с деятельностью ПК РКП(б) и его Бюро в 1919 г., осуществленной петербургским издательством «Нестор-История» (2023).

Ключевые слова: Петербургский комитет РКП(б), политическая деятельность, партийные руководители, Советы, профсоюзы, общественные организации, горожане.

FOR CITATION

N. N. Smirnov. On a new reflection and comprehension of party history (Review of the publication: Petersburg Committee of the RCP(b) in 1919: Minutes and materials of meetings / T. A. Abrosimova, B. B. Dubentsov, A. Rabinovich, K. A. Tarasov, V. Yu. Chernyaev (comps.). St. Petersburg: Nestor-Historia, 2023. 504 p.) // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 243–250

Abstract: The review is devoted to a critical analysis of the new publication of documents and materials related to the activities of the PC RCP(b) and its Bureau in 1919, carried out by the St. Petersburg publishing house “Nestor-Historia” (2023).

Key words: St. Petersburg Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks), political activity, party leaders, Soviets, trade unions, public organizations, citizens.

Автор: **Смирнов, Николай Николаевич** — д. и. н., профессор, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

Author: **Smirnov, Nikolay Nikolayevich** — Doctor of History, Professor, Leading Researcher at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

E-mail: niksmirn@live.ru

Требования к публикации статей и материалов

- Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 0,75 а. л. (30 тыс. знаков с пробелами). Объем публикуемых документов (с комментариями) и рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном и распечатанном виде (шрифт текста Times New Roman, 14-м кеглем, сноски — 10-м кеглем).
- Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или нахождения в докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона. Кроме того, обязательно указание индекса УДК и желательно персонального кода в ORCID.
- Текст должен быть снабжен аннотацией на русском и английском языках (не менее 200–300 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной классификации), который приводится над фамилией автора слева, а также переводом заглавия статьи на английский язык.
- Сноски к тексту — концевые, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов. В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) список использованной литературы с полным переводом ссылки на английский язык, данным в квадратных скобках.
- Иллюстрации принимаются только черно-белые, в форматах tif и jpg, с разрешением не менее 300 dpi.
- Ответственность за точность цитат, приводимых фактов, имен собственных, географических названий лежит на авторах материалов, как и за то, что в них отсутствует упоминание сведений, не подлежащих открытой публикации.
- Статьи, поступившие в редакцию, регистрируются. Решение о публикации/отказе в публикации/направлении рукописи на доработку принимается ответственным редактором и сообщается автору в срок до 60 дней.
- Все поступившие в редакцию материалы подлежат предварительной оценке редакционной коллегией или ответственным редактором на предмет соответствия установленным формальным требованиям, а также на предмет отсутствия в рукописи неправомерного заимствования текста, иллюстраций, таблиц и пр.
- Все материалы, не отклоненные в результате предварительной проверки, подлежат обязательному независимому научному рецензированию, без указания фамилии автора. Научное рецензирование может осуществляться любыми специалистами, в том числе и членами редакционной коллегии.
- До публикации материалов рецензенты и члены редакционной коллегии не вправе использовать рецензируемые материалы или ссылаться на них.
- Авторы должны подписать с редакцией журнала лицензионный договор на право использования научного произведения в «Петербургском историческом журнале».

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НЕСТОР-ИСТОРИЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ БЕЗ НАЦЕНКИ В ОФИСАХ ИЗДАТЕЛЬСТВА

- Санкт-Петербург
Петрозаводская ул., д. 7, оф. 8 Телефон +7 (965) 757 23 13
(150 м от станции метро «Чкаловская») E-mail: nestorbook.ru@yandex.ru

**КУПИТЬ
БУМАЖНЫЙ
ИЛИ
ЭЛЕКТРОННЫЙ
ВАРИАНТ
НАШИХ КНИГ
МОЖНО
НА САЙТЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
NESTORBOOK.RU**

- На нашем сайте Вы можете оплатить книги и приобрести их с доставкой удобным для Вас способом. Подробнее на нашем сайте www.nestorbook.ru
- В другие города мы доставляем книги «Почтой России», «Боксберри» или курьером
- Электронные книги (в формате pdf) можно оплатить на сайте и получить по электронной почте
- По всем вопросам, связанным с заказами через сайт, обращайтесь по телефону +7 (965) 757 23 13 или пишите на e-mail: nestorbook.ru@yandex.ru

**КАК МОЖНО
ПРИОБРЕСТИ
КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«НЕСТОР-
ИСТОРИЯ»
В КНИЖНЫХ
МАГАЗИНАХ**

- Заказать на сайте магазина с доставкой на дом;
- Заказать на сайте магазина и забрать из пункта самовывоза;
- Не хотите ждать доставку? Забронируйте книгу в любом удобном для вас магазине: рядом с домом, работой или учебой. Ваш резерв будет ждать вас!
- Не нашли книгу в любимом магазине? Оставьте заявку, и мы доставим туда книги!

**ЗАКАЗАТЬ
И ПРИОБРЕСТИ
КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«НЕСТОР-
ИСТОРИЯ»
ВЫ МОЖЕТЕ
НА САЙТАХ
КНИЖНЫХ
МАГАЗИНОВ**

МЫ СОТРУДНИЧАЕМ С ВЕДУЩИМИ КНИЖНЫМИ МАГАЗИНАМИ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

• Интернет-магазин Wildberries	• «Читай-город»	• «Книжная лавка историка»
• Интернет-магазин «Лабиринт»	• «Библио-Глобус»	• «У Кентавра» (РГГУ)
• Интернет-магазин «Озон»	• «Буквоед»	• «Циолковский»
• Интернет-магазин «Москва»	• Московский Дом книги	• «Фаланстер»
• Интернет-магазин Esterum	• «Подписные издания на Литейном»	• «Дом университетской книги»
	• «Книжная лавка писателей»	• «Листва»
	• Дом книги в СПб	

По вопросам оптовых поставок: тел. +7 960 2433282, pr@nestorbook.ru